

Синописис

Жанр: сериал, мелодрама, семейный.

Что-то с самого начала не заладилось сегодня на репетиции для одного из музыкантов большого филармонического оркестра - Василькова Валерия Борисовича, который играет на оркестровых тарелках. То он запаздывает со вступлением, то пропускает его, то, засмотревшись на «первую скрипку» забывает обо всем на свете. Он осторожно полемизирует с дирижером, интеллигентно возражает своим коллегам, которые устали от его высоко парящих мыслях об искусстве. И вот в пылу отчаяния, он раскрывает перед всеми свою сокровенную мечту — написать музыку.

Василькова поднимают на смех, и ему ничего другого не остается, как стать композитором. Дирижер ни сколько не возражает и предлагает начинающему композитору взять отпуск и в сопровождении супруги и детей отправиться к теплему морю. Но после двух разводов у музыканта остались лишь бывшие жены и настоящие дети: Николь - дочь от первого брака и Мишель — сын от второго.

Пытаясь, по-хорошему договориться со своими «бывшими», и упрямить доверить ему родных детей, Васильков наталкивается на непонимание и противодействие с их стороны. Но, веря в справедливость на земле, начинающий композитор все еще лоялен и терпелив, к тому же он начинает писать, и все чаще встречается с Аллой - «первой скрипкой». Он делится с ней своими планами и даже что-то показывает из написанного, но прима оркестра строга и деловита, поэтому камня на камне не оставляет от его трудов.

К тому же Алла делится со всеми, что Васильков без ума от нее и волочится за ней, как влюбленный мальчишка.

К начинающему композитору приходит его старый друг, Павел, барабанщик, который и рассказывает ему обо всех новостях в музыкальном коллективе. Он без зазрения совести повествует, как ему удалось осадить взорвавшуюся девчонку и даже довести ее до слез, когда ему удалось озвучить лишь малую часть выигранных конкурсов и наград Васильковым.

Только сейчас многим открылась тайна за семью печатями, что за образом человека с оркестровыми тарелками скрывается — скрипичный виртуоз — маэстро, который после страшной аварии просто чудом остался в живых, но навсегда утратил способность играть как раньше.

Все было и все прошло.

Но вот на пороге квартиры Василькова снова появляется Алла, и просит его о нескольких уроках по мастерству. Но начинающий композитор ранее передал ей на время отпуска свою скрипку, но находит на антресолях другую, старую и со всем без струн.

Вот на ней Валерий Борисович и пытается научить играть Аллу, чтобы быть не первой, как все, а лучшей, чтобы, в конце концов, стать самой лучшей.

Что-то необъяснимое витает между «тарелочником» и «скрипачкой», но недоговоренность и недопонимание на какое-то время разлучают их.

Как-то играя, в квартете на закрытой вечеринке для «толстосум», Васильков неожиданно видит «первую скрипку» в сопровождении незнакомого мужчины. Его рука предательски дрожит и Алла, наделенная исключительным слухом, слышит фальшь и устремляет свой взгляд на музыкальную богадельню. Их взгляды встречаются, и Алла долго рассказывает своему спутнику о недобросовестной игре человека, который может, и был когда-то в прошлом - виртуозом, но теперь лишь порочит великое звание музыканта.

Кажется, что наступил конец всему, когда нечего уже терять, может, поэтому Валерий Борисович снова берет в свои руки скрипку и смычок, и играет свою сонату, все еще веря и надеясь на чудо, которое случается с нами - всего один раз в жизни.

Но время отпуска неминуемо подходит к своему экватору, а две недели уговоров так ни к чему и не привели. Тогда Васильков пытается обманым путем заполучить своих детей. Одной семье он говорит, что летит с сыном в Алжир, другой во Францию с неперменным

условием еще заехать в княжество Монако, а сам, взяв детей в охапку, отправляется в Крым.

Но дети, мало того, что враждуют друг с другом, так они еще ставят под сомнение генетическую связь с отцом.

Смогут ли, десять дней соединить воедино то, что изначально было неразрывным?!

И не предпочтет ли, Алла кого ни будь другого, забыв навсегда начинающего композитора и его музыку?

И вы, отцы, не раздражайте своих детей...
(Письмо Павла Эфесянам 6:4)

Басовый отец и скрипичные дети

1 часть - Учитель сольфеджио

1

-Так, стоп. Стоп – в пятый раз закричал наш всегда такой спокойный дирижер. Это когда-нибудь прекратиться.

-Что это? – спросил я.

-Это форменное безобразие. Почему мы все время запаздываем со вступлением?

-Простите, но я задумался.

-Композитор писал ноты именно для вас, где точно указал, когда вы должны ударить вашими оркестровыми тарелками во всю свою мощь, и в партитуре ничего не сказано о ваших раздумьях.

-Ну, наверно уважаемый автор писал не ноты, а все-таки музыку – зачем-то сказал я и тем самым вызвал новый всплеск раздражения со стороны дирижерской палочки.

-Вы что хотите устроить со мной музыкальный диспут?

-Нет. Я просто уточнил.

-Хорошо – пошел на мировую дирижер. В следующий раз будьте внимательней и следите за моей рукой. Когда я укажу на вас, вот тогда и вступайте, но ни секундой раньше и ни секундой позже. Понятно?

-Вполне. Я все-таки музыкант и не плохой – как провинившийся мальчишка бубнил я еле слышно.

-Надеюсь, хотя я стал уже и сомневаться.

Можно было и на этот раз что-то возразить дирижеру, но он как будто испугался, продолжения нашей музыкальной полемики, и высоко поднял свои две руки вверх. Я почувствовал себя победителем и приготовился к своему вступлению.

Вот заиграли духовые, затем струнные инструменты, потом первая скрипка нашего оркестра, которой дирижер позволял делать все, и даже больше, и я, заглядевшись на нее, сыграл свою партию несколько раньше.

В этот момент человек с палочкой в руках, наверно пожалел, что всю жизнь обречен, работать с таким легким и воздушным инструментом. Как было бы хорошо, чтобы тайные желания исполнялись в мгновение ока, и палочка стала бы сейчас первобытной дубиной в руках дирижера или кирпичом, который можно было бы с легкостью метнуть в меня, чтобы убить. Но наш, - главный, был человеком высоко интеллигентным, к тому же еще и с консерваторским образованием по классу – дирижерское искусство.

-Может нам поменяться местами сегодня? – предложил мне дирижер.

-Зачем? – не понимая истинных намерений своего руководителя, задал я ему по-детски наивный вопрос.

-Мне кажется, что мы сегодня друг друга не видим и не слышим.

-А, что это изменит? Расстояние между нами останется прежним. Мне и в этой музыкальной яме хорошо.

-Вы что предлагаете мне покинуть репетицию? – возмутился дирижер.

-Нет, ну, что вы. Лучше давайте попробуем еще раз. Я просто уверен, что сейчас все произойдет так, как этого хотите вы.

-И не только я, заметьте, но и композитор – негодовал дирижер. Он кстати, на премьере тоже будет присутствовать. Он помнит свое произведение наизусть и не оценит вашего авторского прочтения произведения.

-Н и музыкальный автор может порой ошибаться – снова говорил я не в ту степь, чтобы на этот раз быть растоптанным табуном своих коллег, которые уже в открытую, выражали мне свое неудовольствие.

-Какое неуважение! – хором загалдели духовые инструменты. Что вы себе позволяете? Вы самый ничтожный инструмент в нашем оркестре, а ведете себя как многоуважаемая первая скрипка.

-Да, по какому праву – подали свой серебряный голос струнные инструменты. Сколько можно терпеть ваши вечные пререкания. Будь наша воля, мы давно исключали бы вас из нашего круга избранных. Что вы умеете? Кому нужен ваш громкий и всегда не к месту медный звук. Мы и без вас можем обойтись.

Я, почему-то ждал несколько слов в свою защиту от первой скрипки, но она с гордым презрением посмотрела мне в глаза, затем повела своими плечиками по сторонам, и сказала: «Хи». Она не удосужилась, даже слова сказать в мой адрес, как будто меня и в живых, то, никогда не было. А, ведь я давно был в нее влюблен, и она об этом, кажется, догадывалась, потому что мне никогда не удавалось скрывать свои чувства.

Голоса моих коллег становились с каждой минутой все тверже, что вскоре должно было вылиться к прямому противостоянию, с нанесением мне легких, а может и тяжелых увечий. Но для музыканта из всех чувств, главным оставался его слух, и для того чтобы сохранить его, я поднял свои медные тарелки высоко - как щит и приложил их к своим большим ушам. Но мой защитный рефлекс был не правильно понят моими друзьями по музыкальному цеху и они перешли к прямой агрессии. Только несколько ударов палочкой по дирижерскому пульта привели музыкантов в рабочее состояние и снова в нашем коллективе воцарились порядок и гармония.

-Валерий Борисович – обратился ко мне дирижер. Вы только смотрите на мою палочку, и как только она укажет на вас, тут же, не раздумывая, вступайте.

-Я все так и сделаю – клятвенно заверил я своего художественного руководителя.

-Хочу вам верить, но пока не могу.

Снова божественная музыка раздалась в стенах нашей филармонии, и я замер.

Я так заслушался, что уже не обращал никакого внимания ни на палочку, ни на дирижера, который тыкал этим копьём в мою сторону, чтобы пронзить меня насквозь, потому что истинное искусство в моем понимании, было бессмертно.

-Что на этот раз помешало вам вовремя вступить со своей партией в общий музыкальный строй? – допытывал меня дирижер, все еще сохраняя человеческий облик.

-Вы знаете, я сначала заслушался, а потом решил не мешать настоящей музыке своим медными литаврами. Пожалуй, что без меня вы действительно можете обойтись.

-Будь моя воля, я бы с радостью согласился с вашим умозаключением, но автор возложил, на вас эту тяжелую обязанность, и, пожалуйста, следуйте его воле неукоснительно – твердил дирижер.

-А, как же творческий поиск и нежелание творить халтуру? - бросил я последний аргумент в защиту истинного не продажного искусства.

-Вы же только что боготворили эту симфонию, а теперь говорите обратное.

-Эта музыка звучит волшебно, но только без моей ужасной партии. Я понял это только сейчас.

-Вот когда лично, вы, станете композитором, то сможете с легкостью писать, и удалять любые музыкальные партии. И никто не посмеет помешать вам в этом творческом процессе – с пеной у рта говорил дирижер.

-Кто станет композитором? – словно очнувшись от сна, спросила первая скрипка. - Он? Не смешите меня. Не может человек, который всю свою жизнь бьет в тарелки написать музыку. Ведь музыку могут слышать только избранные богом, и уж конечно, не те, которые вечно стоят за спиной.

-А, я где-то слышал, что однажды последние станут первыми – робко возразил я нашей приме.

-Это сказки венского леса – заявила виолончель. Вам Валерий Борисович надо быть скромнее.

-Да, вы правы – сказала флейта. Чудес на земле не бывает. Даже я, которая своим звучанием сводит людей с ума, и не мечтаю написать что-нибудь значительное.

-Но я же выразил только личное мнение – виновато сказал я. Простите, я никого не хотел обидеть. Но погодите, почему вы, в самом деле, решили, что я не могу написать музыку?

-Ну, хотя бы потому, что вы уже седьмой раз срываете репетицию – снова перешел на крик наш главный. Я уже просто устал делать вам замечания. Соберитесь!

Впервые в жизни мне вдруг захотелось написать музыку, но не для себя, а для моих коллег, которые почему-то решили, что я бездарен. Я решил доказать им, что они глубоко ошибаются, может поэтому мне снова не удалось ничем хорошим порадовать свой музыкальный коллектив, когда я в очередной раз пропустил свое вступление.

Сейчас уже все были против меня, и даже барабан, мой верный друг и соратник стучал своими палочками мне по голове.

-Ну, что это сегодня право с тобой? – отстукивал он мне.

-Я просто решил написать музыку – открыл всему миру я свой секрет.

Но мои слова не произвели никакого положительного действия на музыкантов кроме смеха и издевательств, а дирижер даже сломал свою палочку, мысленно представляя, что это мой спинной хребет.

- На сегодня репетиция закончена. Все свободны – со скрежетом в зубах сказал наш руководитель и беспощадно взглянул на меня.

Я же свободно вздохнул, предвкушая скорое наступление выходных дней.

-Задержитесь – кто-то обратился ко мне, и я не сразу узнал голос человека, которому я все это время мешал, как всегда с блеском проводить не только репетиции, но и концерты.

-Может вы, уважаемый Валерий Борисович сегодня себя плохо чувствуете? – деликатно начал намекать на мою профессиональную непригодность дирижер. Мне кажется, что вы просто устали и вам необходимо развеяться.

-Вы предлагаете, написать мне заявление об уходе и как всегда по собственному желанию?

-Не горячитесь. Мы знаем, друг друга не так давно, но в вашем профессиональном уровне я ни сколько не сомневаюсь. Но поймите и меня, я не могу одному вам уделять все свое внимание

-А, как же наш концерт? – с болью в сердце спросил я.

-Концерт состоится через месяц. Так что у нас еще есть время. А, вы возьмите отпуск и отправляйтесь к морю.

-А репетиции?

-Репетиции пройдут без вас. Я уверен, что, хорошо отдохнув, вам не составит особого труда сыграть свою партию. Поэтому возьмите жену, детей и отправляйтесь поближе к морю.

-Но у меня нет жены – сказал я с надеждой в голосе, чтобы не прерывать музыкальные экзекуции.

-А, дети есть? – переспросил дирижер, который был просто не в курсе моего семейного положения.

-Есть – облегченно сказал я и добавил, - и даже двое.

-Вот и отлично. Хотя бы ради них вы должны обратить внимание на свое здоровье.

-Вы действительно так думаете?

-Я в этом просто уверен. Тем более что любому творческому начинанию необходимо время, чтобы воплотиться в законченное произведение. Вы взвалили на себя тяжелый труд!

-Простите, но я вас не совсем понял. О каком труде вы говорите, и какое произведение я должен закончить?

-Но вы же решили написать музыку – открыл мне мои глаза дирижер. Поэтому возьмите творческий отпуск.

-Но семейный отпуск и творческий предполагают два взаимоисключающих понятия – твердо заявил я. Невозможно в отпуске отдыхать и работать одновременно. Это нонсенс.

-А вы попробуйте. Я просто уверен, что у вас все получится. Только не надо для начала ставить высокую планку. Сконцентрируйтесь целиком и полностью на отдыхе, а творческий процесс должен плавно его дополнять.

-Даже не знаю, как и быть – начал артачиться я. Ведь я совершенно не готов: ни к семейному отпуску, тем более к творческому времяпрепровождению.

-К сожалению, в семейном отдыхе я вам ничем помочь не могу, а вот к творческому отпуску готов внести свою лепту – сказал дирижер и ввел меня в состояние паралича.

-Вы что поедите со мной, в качестве моего научного руководителя? – спросил я.

-Я бы с удовольствием, но неотложные дела заставляют меня отказаться от столь заманчивого предложения. Но я готов передать вам несколько нотных тетрадей и мою дирижерскую палочку специально для вас.

-Но вы же сами сломали ее на репетиции – возмутился я очередному факту вандализма, который происходил на моих глазах изо дня в день, вот уже два последних месяца.

-Именно для такого экстренного случая, у меня всегда есть в запасе еще одна. Так что вам придется, исполнить свое обещание, и вернуться в коллектив с высоко поднятой головой.

-А если у меня ничего не получится? – вдруг я с тревогой в сердце осознал, то щемящее чувство неуверенности в своем таланте, которое присуще каждому гениальному композитору.

-Погодите отчаиваться – заявил мне дирижер, и его интонация впервые с начала нашего диалога стала мне близка и понятна. На ваше меткое замечание, что когда-то и последние станут первыми, я хотел бы добавить и свое, тоже когда-то вскользь, услышанное мной. Эта фраза звучит примерно так: «Не страшись смерти своей, а бойся не прожитой жизни, потому что кончина твоя неизбежна, а существование скоротечно» Чтобы писать музыку надо ее писать, простите за тавтологию. Но другого способа просто нет.

-А вы сами пробовали? – спросил я.

-Да – печально ответил дирижер. Но у меня, к сожалению, ничего не получилось, поэтому я рядовой дирижер.

-Вы...

-Сколько вам лет, уважаемый Валерий Борисович? – перебив меня, спросил дирижер.

-Тридцать девять – застенчиво ответил я.

-Надо же я бы вам и тридцати не дал. Поэтому предлагаю перейти на ты, тем более что я младше вас по возрасту.

-О кей – сказал я. Давай перейдем.

Как только пали пути условностей, мы почувствовали себя легче, и разговор пошел откровеннее.

-Саша, а почему у тебя не получилось? Ведь ты же отличный дирижер. Ты настоящий талант. Умница, каких поискать. Ты обладаешь поразительной памятью, какая вызывает

зависть и уважение. Вот только за сегодняшнюю репетицию ты лишь дважды взглянул в партитуру.

-Ты что считал?

-Ага – честно признался я.

-Я вот другой счет вел, и, к сожалению менее утешительный для меня.

-7:2 в мою пользу – решил опередить я своего музыкального руководителя.

-Если точнее то 8:2

-Я же говорю, что у тебя феноменальная память – подтвердил я и сейчас свое визуальное наблюдение.

-Вот эта память и не дала мне стать композитором – вдруг с грустью сказал Александр.

-Не понял – изумился я. Ты толком растолкуй, как память может помешать человеку в творчестве. Она должна только помогать, и навредить уж никак не может.

-Отчасти ты прав. Память – вещь хорошая и незаменимая в человеческой жизни. Она нужна всем и всегда. Но слишком хорошая память может навредить в таком сокровенном процессе, как созидание. Для любой профессии она помощь, поддержка, порука, но только ни в этой. Вот здесь она скорее мешает, чем несет помощь. Творец – это всегда свободная единица, если хочешь, мысль в вечном полете, которая должна оттолкнуться от прежнего багажа знаний, чтобы создать свое, ни на что ни похожее, ни сравнимое. Это как новое измерение, которое окружает всех, но видишь его только ты. Дорога в этот мир строга, индивидуальна и непредсказуема. Дорого бы я отдал, чтобы только попасть на нее, а чтобы пройти до конца... ничего бы не пожалел.

-Неужели творить это так прекрасно – съязвил я.

-Это лучшее, что есть в человеке, только не каждому это дано открыть в себе.

-Но может тебе следует еще раз попробовать? Может получится?

-Я сотню раз пробовал, но все бесполезно. Когда я начинаю писать, то у меня происходит наложение своей мысли и уже той, вызубренной, сидящей в подсознании. Я начинаю их сверять, переделывать, синтезировать. Вот на этом этапе и заканчивается мой творческий процесс. Я не ищу свое, а послушно следую уже за написанным, классическим произведением. Я начинаю ему невольно подражать, и скатываться в банальный плагиат. Но я наверно смог бы и написать одно произведение, но не больше.

-Почему одно? – спросил я.

-Ты заметил одну деталь, что, как правило, плохой композитор всегда узнаваем.

-Так это же замечательно, когда зрители только по слуху узнают своего любимого автора. Это как именное тавро, как фирменный знак, как отличительная метка.

-К сожалению – это не отличительная, а черная метка, которая гласит о том, что автор повторяется. Это проклятие для творческого человека. Одни и те же музыкальные пассажи, кочуют из одного музыкального произведения в другое, и именно они, делают композитора легко узнаваемым, а значит прогнозируемым, и не интересным. Ведь ты никогда не купишь еще один автомобиль, той же марки, цвета, комплектации. Потому что иметь две похожие тачки, это скорее больше скажет об убожестве фантазии владельца, чем о его платежеспособности.

-Я бы взял и вторую машину с тем же техническими характеристиками, при условии, что первую и последующую мне покупаешь ты – решил я развеять печальные мысли нашего дирижера.

-Валера, но я же серьезно с тобой говорю.

-И я тоже. Ну, хорошо, если не хочешь купить мне вторую машину, то хотя бы подари первую.

-Ты что так ничего и не понял? – с обидой сказал Саша.

-Увы, к сожалению, не все. Но, суммируя все тобой вышесказанное, я с тревогой в сердце осознал, что композитор должен в каждом своем произведении открывать свой талант по-новому. Он должен быть многогранен. Он обязан всегда удивлять и оставаться, не

понятым до конца. Но из всех тобой перечисленных качеств, которыми должен обладать композитор, у меня в наличие есть только одно.

-Какое одно? – изумился дирижер и сделал акцент на последнем слове.

-Моя плохая память. Я редко и стихотворение в школе мог вы зубрить. Наверно я и стал музыкантом, чтобы совершенно на законных основаниях мог заглядывать в партитуру, не страшась получить за это подзатыльник.

-Я еще никогда не слышал, чтобы наличие пюпитра и раскрытой партитуры, влияли бы на выбор профессии.

-Значит, я один такой уникальный в нашей музыкальной среде.

-Теперь осталось дело за малым, доказать свое право стать композитором.

-А, ты что во мне сомневаешься? – с голосом непонятого гения, спросил я к Александру.

-Теперь уже нет. Я уверен в тебе.

-Так что, мне на твое имя писать заявление на отпуск или?.. – спросил я с почтением своего музыкального руководителя, который благословил меня на водные процедуры вкупе с творческим блужданием в поисках эфемерного вдохновения.

-Валяй на мое – по дружески ответил мне Саша и быстро передал свою лепту для творческого отпуска.

Я быстренько навалил несколько строк, что в связи с тяжелым состоянием здоровья, прошу отпустить меня в отпуск, так как не видел моря, вот уже, как пять лет. А, для начинающего композитора всегда жизненно необходима неразрывная связь с природой, и лучше с южным морским климатом. Я взял несколько нотных тетрадей как ласты, чтобы бороздить морские просторы, а дирижерскую палочку как трубку для ныряния.

Я уже вышел из филармонии, как неожиданно был, кем-то окликнут двусмысленной репликой, в которой мне показалось, было больше провокации, чем уважения к человеку с таким неординарным талантом.

-Эй, композитор! – разговаривал неизвестный не понятно с кем за моей спиной.

Я еще долго раздумывал, не обернуться ли мне, но не поддался на этот первый творческий соблазн, а именно испытанию чужой славой. Но первый экзамен я, кажется, сдал на отлично и дальше пошел по своим неотложным делам.

-Эй, как тебя... медный звон. Я к тебе обращаюсь или к этой мраморной колонне – негодовал женский голос. Ты меня слышишь?

Только теперь я понял, что все эти слова относятся именно ко мне, и между мраморной колонной и композиторской палочкой, я решил выбрать предмет хрупкий и легкий.

Я с легкостью обернулся на 180 градусов вокруг своей оси и увидел нашу первую скрипку.

-Это вы мне? – возмущенно начал я делать круглые глаза, и настоятельно требовать чечеткой лакированных туфель ко мне элементарного уважения со стороны подрастающего поколения.

-Да, именно тебе.

-На каком собственно основании вы позволяете так со мной разговаривать. Мы с вами на брудершафт, кажется, еще не пили.

-Так вот давай, и выпьем по чашечке кофе – сказала сама мне первая скрипка и от столь заманчивого предложения у меня подкосились ноги.

-Странно, что вы меня узнали – не чувствуя своих нижних конечностей, я довольно твердым голосом отчитывал эту взорвавшуюся девчонку. Ведь, я именно тот человек, который стоит всегда за спиной – вспомнил я свою музыкальную характеристику, которую получил от этой талантливой особы на репетиции.

-По твоей милости я здесь уже полчаса стою, а тебе жалко напоить меня чашечкой кофе! – не обратив никакого внимания на мои слова, пропустив их мимо своих ушей, стояла на своей глухонемой позиции красивая девушка.

-А я тут при чем? Ваш друг, по-видимому, забыл о вас и поэтому вы решили все стрелки перевести на меня.

-Мой друг здесь не при чем. Он подъедет только через час, как мы с ним и договаривались. Никто же не мог предполагать, что ты сорвешь сегодняшнюю репетицию, и весь мой распорядок полетит к чертям.

-Этот довод не может оставить меня равнодушным, и поэтому, чтобы не огорчать еще одну прекрасную даму, и не без того отягощать новым грехом свою душу, я так и быть, приглашу вас в кафе.

-Почему не в ресторан? – начала качать права молодая женщина.

-Ну, во-первых, посещать кафе все-таки приятней, чем сидеть на репетиции и пикировать на скрипке, а во-вторых, я еще не получил отпускные деньги, чтобы вот так запросто сорить деньгами.

-Так значит, я не играю, а пикирую на скрипке. И это мне говоришь ты, который двух нот не может отличить друг от друга. Да я тебя сейчас... - по-видимому, что-то не хорошее со мной собиралась сделать первая скрипка, и мне пришлось ее предупредить о возможных необратимых последствиях, которые могли наступить после ее угроз.

-Еще одно слово, и вам никогда больше не представится такой случай, как выпить чашечку кофе с молодым и одаренным композитором – с предостережением сказал я.

-Если бы я не была сейчас такой сонной, и не нуждалась в кофе, как бодрящем эликсире, чтобы сбросить с себя послеобеденное оцепенение, то я бы многое тебе сказала. Но я сдержусь, как бы трудно мне не было.

-Вот это деловое предложение, поэтому прошу следовать за мной в один бар неподалеку – сказал я.

Я галантно предложил свою руку, но не сердце и мы медленно зашагали, чтобы потеряться в одном из тихих переулков старого города. Вскоре мы спустились в один уютный, винный подвальчик, где можно, было с легкостью перенести летнюю жару. Меня тут же назвали по имени, но я сначала усадил свою спутницу за столик и только затем подошел к бармену. Мы перекинулись несколькими фразами, я сделал заказ и уже сидел напротив первой скрипки, которая разглядывала меня, как запыленный экспонат в краеведческом музее.

-Так значит, тебя зовут Валера – услышав мое имя, ранее от бармена повторила женщина.

-Совершенно верно, Алла – сделал я встречный комплимент, посчитав, что все-таки приятней, когда к тебе обращаются по имени, чем просто - «эй»

-Ты знаешь мое имя? – удивленно спросила первая скрипка.

-Я все о тебе знаю – начал я корчить из себя весь отдел кадров нашей филармонии

-И что же именно тебе известно обо мне? – как будто сама напрашивалась на комплимент молоденькая женщина, которая пристально смотрела на меня, а я прятал свой взгляд в складках ее летнего платья.

-Боюсь, что мое резюме не будет для тебя лицеприятным – поставил я сразу все точки над и, чтобы избежать всяческих недоразумений еще в самом начале нашего откровенного диалога.

-Ну, рассказывай, что же ты замолчал. Не стесняйся.

-Может не стоит. Давай после сытного обеда, который я уже заказал. На пустой желудок – это будет тяжелее перенести.

-Наоборот, когда я голодна, то, во мне просыпается что-то дикое и не подвластное. Мои чувства обостряются, и я не упущу ни одного слова, сказанного в мой адрес. Ведь это будет, по-видимому, обличительная речь.

-Для первой скрипки ты очень рассудительна – сделал я второй реверанс в сторону дамы, легким кивком головы. Судя, по тому, что ты все время опаздываешь на репетиции, я могу судить, что ты никого не уважаешь в оркестре, разумеется, кроме дирижера. Ну,

первой скрипке просто положено смотреть на всех сверху вниз, чтобы ощущать свою значимость и неповторимость. В нашем оркестре, как впрочем, и во всех остальных торжествует закон природы, который гласит, что выживает сильнейший. Прости, в нашем случае, конечно же, самый талантливый.

-Ну, это простая зависть всех неудачников – разочарованно сказала Алла. Я то думала, что ты мне расскажешь, что было со мной, а главное что ждет меня впереди, а тут...

-А, что ты, вот так просто делишь мир на две категории: тем, кому повезло и кому просто не посчастливилось – еле сдерживаясь, реагировал я на дуалистическое восприятие первой скрипки.

-Жизнь – это не лотерея – сбросив с себя великодушную надменность, Алла собрала нервным движением головы свои золотые кудри, которые в движении, сейчас переливались червонным блеском. Для того чтобы чего-то добиться в ней, необходимо вкалывать с утра до вечера. Вот я занималась ежедневно по шесть-восемь часов, чтобы стать первой скрипкой, а что сделал ты? Можешь даже не отвечать на мой вопрос, потому что бить в литавры и достичь твоего совершенства можно и через несколько часов, человеку даже без абсолютного слуха.

-Ты действительно считаешь, что надо быть первой во всем? – удивленно вскинул я брови и лишь сейчас взглянул на самое дно карих глаз Аллы.

-Да – прямо и открыто заявила мне первая скрипка. Только так можно заявить о себе в полный голос.

-А, я грешным делом думал, что человек должен быть просто лучшим, чтобы стать, в конце концов, лучше.

-Но это одно тоже – получил я незамедлительный ответ.

-Не совсем. Для того чтобы стать лучшим не надо никого унижать, потому что это чувство врожденное, которое равнодушно к преходящей славе. А, вот облик человека на пьедестале, который стремится любой ценой быть первым, всегда занимал мое воображение. Он всегда готов на все, чтобы стать ближе к цели. На все.

Такие люди движимы звериным инстинктом, все уничтожить на своем пути, что так или иначе может оспорить их первенство. Хотя их в отличие от зверей, ведет к победе ни голод. Они побеждают ради того, чтобы побеждать, теряя с годами сам смысл своего вечного состязания. Внутреннее тщеславие разъедает их как ржа, и они рассыпаются, в конце концов, обычной трухой.

-Какой незавидный конец ты мне тут Валера нарисовал – театрально заломила руки Алла, и даже начала вытирать не существующую слезу с левого глаза. Я даже готова разрыдаться.

-Вот рыдать не надо. Рано еще. Тем более что мы с тобой увлеклись пустыми рассуждениями, когда стынет еда. Я позволил себе сделать заказ на свой вкус, так что, не взыщи строго, о, женщина, которая хочет быть первой во всем.

-Разве это так плохо? Тебе просто не понять меня.

-Ну, куда уж мне.

-Неужели тебе никогда не хотелось достигнуть совершенства? – бросила мне перчатку в лицо первая скрипка

-Не многие люди на земле могут похвастаться этим состоянием души – поднял я белую женскую перчатку с кафельного пола и спокойно, передал ее до пары своей хозяйке. Но, есть одна штука, в которой я тоже могу гордиться, потому что преуспел в ней как никто другой.

-В чем же?

-Я люблю много и вкусно поесть. Тут я непревзойденный ценитель и гурман, и вряд ли кто-то сможет мне составить здоровую конкуренцию.

-Это я уже заметила, - не споря, согласилась Алла. Ведь твой заказ может осилить только сверхчеловек.

-Разве один шницель и гора жареной картошки, так много. Настоящему мужчине – это еда только на один зуб.

-А, бутылка вина тогда только на один глоток – продолжила Алла мой логический смысловой ряд

-Совершенно верно. Сухое белое вино в такую жару спасет нас от жажды и восполнит недостающую жидкость в теле.

-Истина как всегда в вине - произнесла по латыни первая скрипка, и я согласился, но не с Аллой, а с древним изречением.

Красивая женщина ела как-то неохотно, страшно удивлялась моему аппетиту, который никак не соответствовал моей комплекции, и, в конце концов, предложила мне оказать ей услугу, которую, я охотно и исполнил. Я по-простому, без удушающих, как нагрудная салфетка этикетов сгреб, с тарелки Аллы всю картошку в свою, и остался доволен, новой пирамидой Хеопса.

-Зачем тебе столько нотных тетрадей? – спросила первая скрипка, впервые обратив внимание на внушительную стопку расчерченной бумаги на нотный стан.

-Ну, я же не спрашиваю тебя, почему ты вечно носишь с собой футляр для скрипки. Я отлично понимаю, что он тебе необходим как балласт, чтобы с сильным порывом ветрам тебя не унесло в голубую даль. Это как гиря, которая удерживает тебя, как земное притяжение.

-Очень смешно. Я просто падаю от смеха. У тебя всегда такой черный юмор.

-Да – честно признался я. Особенно когда люди сидящие за столом, только одним видом портят мне аппетит. Вот тогда я прибегаю к английскому юмору, а уж страшнее его ничего быть не может.

-Но я действительно не в состоянии все это съесть – впервые показала свою слабость первая скрипка.

-Ну, а выпить ты можешь?- предложил я новую перспективу для женщины, которая, по-видимому, была от нее без ума.

-Могу. Но сначала ответь мне на вопрос. Ты что действительно решил что-то написать?

-Я решил написать... – сделал я неожиданную паузу и впервые задумался над обязательной формой любого композиторского изложения своей музыкальной темы. Я решил написать... просто музыку.

-И, конечно же, сразу симфонию – с ехидной ухмылкой произнесла Алла, и я, как настоящий мужчина, который умеет хорошо и вкусно поесть, ни в чем не смог отказать женщине, чтобы поддержать ее заблуждение на предельно возвышенной высоте.

-К сожалению, для написания симфонии я пока не готов... - мне так и не удалось до конца выразить свою мысль, а Алла уже все поняла.

-Ну, я так и знала, что все великое тебе не по плечу – перебив меня, играла свое соло первая скрипка. Все мужчины такие, сначала наобещают, а затем забывают о своих клятвах.

-Для написания симфонии я пока не готов, но лишь по причине дефицита нотных тетрадей. Это единственный сдерживающий фактор, который не дает полностью раскрыться моему таланту – как мог, успокаивал я женщину. Все остальное, как говорится - дело техники.

-Ну, это не проблема, я могу подарить тебе еще несколько тетрадей – жеманно инсценировала свою помощь настоящему искусству первая скрипка. Я внесу их в общее дело.

-Замечательно – выдохнул я из своих легких голубой дым. Другой бы, знаменитый композитор побрезговал бы столь ничтожным гонораром, который ему предлагают в виде нотных тетрадей и простых карандашей, но так как я начинающий сочинитель, то готов брать оплату за свой труд, даже натурой.

-А женской натурой? – засмеявшись, спросила Алла.

-Что и такая существует? – уточнил я вслух, валюту оплаты за свой тяжелый, творческий труд.

-Неужели ты не знаешь того, что известно всем и вся с незапамятных времен?

-Ах, ты про это! – и до меня, духовного творца дошла эта низменная мысль, что мой бессмертный труд можно обменять на несовершенное тело среднестатистической женщины. Я что-то слышал о таком виде оплаты, но еще ни разу не пользовался таким простым и в тоже время, таким обременительным денежным эквивалентом.

Но тут же все, взвесив, и, осмотрев тебя с головы до ног, я готов перейти к натуральным отношениям.

-Хватит, паясничать, потому что я просто пошутила – вдруг неожиданно зло сказала первая скрипка. Собственно говоря, как и ты, что решил написать музыку.

-Но я действительно решил написать рапсодию, элегию, а может сонату.

Одно название уже ласкает слух – размышлялся я.

-Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало – поставила уже тяжелый крест на всей моей творческой карьере Алла.

-Неужели ты вот так сходу решила, что я не способен написать ничего стоящее.

Ведь облик человека, бывает порой так обманчив. Это с внешней стороны я такой не красивый, но такой даровитый внутри – приступил я к аутотренингу, что не бывает плохих композиторов, а бывают только неблагодарные ценители его таланта.

-Чтобы написать сонату надо иметь музыкальное образование – заявила мне красивая женщина.

-А, я думал надо иметь музыкальную душу. Кстати, наш дирижер благословил меня на этот труд и даже подарил свою палочку.

-Ну, если она волшебная, то тогда все может и случиться. Хотя я давно не верю в сказки.

-Вот это очень плохо – схватился я за холодный материализм женщины, чтобы перетянуть на свою духовную сторону, но тут зазвонил мобильный телефон, и в мире сразу все стало на свои места.

Я уже перестал существовать для первой скрипки, потому что в скором времени должен, был появиться ее близкий друг, чтобы написать на нашей истории грустный эпилог.

Два человека случайно встретились, чтобы она ушла к другому, а я остался со своей сердечной болью один на один. Вот так звучала моя грустная сказка.

Я уже проклинал всех и все вокруг, но больше всего досталось мне, ведь не сорви я сегодняшнюю репетицию, не было бы ничего и этой щемящей печали в груди.

-Ну, что композитор – заявила мне, перед самым уходом первая скрипка. Как обещала, я принесу в понедельник для тебя несколько нотных тетрадей. Так что готовься исполнить свое обещание.

-К сожалению это невозможно, потому что с завтрашнего дня я в отпуске – снисходительно сказал я.

-Ну, ты же можешь прийти на репетицию - настаивала Алла. Зайди на несколько минут, и получи мой подарок.

-Тут я бессилён. На целый месяц вход в филармонию мне, как говорится, заказан. Я не хотел бы еще раз только своим видом сорвать репетицию нашего оркестра. Но я благодарю тебя за ту посильную помощь, которую ты решила, мне предоставить – как истинный английский джентльмен склонил я свою голову перед настоящей леди.

-Ну, и задачка - не долго думая над ней, Алла уже через несколько секунд блестяще ее решила. Так как я привыкла все доводить до конца, то сделаю для тебя, так и быть одно одолжение. Я приглашаю тебя завтра ко мне в гости.

-Меня? – переспросил я, так как посчитал, что со мной начали снова происходить слуховые галлюцинации. Я не ослышался?

-Нет – с улыбкой ответила Алла. Если сам дирижер дарит тебе свою палочку, то надо повнимательней, к тебе присмотреться. Чем черт не шутит.

-Ни чем, а с кем. В этот раз для своих шуток, дьявол выбрал меня. Вот будет потеха – только представил я картину нашего веселого образа жизни, что чуть не обхохотался.

-Почему ты не записываешь мой телефон и адрес? – терроризировала меня первая скрипка своим пиччикато. Где твоя записная книжка или мобильный телефон?

-А, у меня просто нет: ни такого, ни другого – честно признался я в своей стойкой неприязни к техническому прогрессу.

-Ты хочешь сказать, что можно жить в современном мире без телефона? – ужаснулась первая скрипка.

-Без стационарного телефона точно нельзя, а вот без мобильного очень даже можно – затушил я уже сигарету. Посмотри на меня, и ты не увидишь ни одной морщинки на моем лице, ни одного судорожного действия, которое сопровождает только зуммер мобильного телефона. Я уже не говорю, о том состоянии паралича, в который впоследствии впадает человек. Это же и днем и ночью ты находишь в руках этого околосемного монстра, который довлеет над тобой и выжимает все соки. В любой точки мира ты находишься в его досягаемости, а значит, обречен, получать его инструкции и повеления. Но со мной у него ничего не вышло, потому что я обрубил его щупальца с самого начала. Правда, он обещал мне некоторые преференции в виде бесплатного трехмесячного обслуживания и дешевого тарифа в последствии, но я никогда не верил ему, и рад, что не ошибся в своем прогнозе.

-Может ты дикарь? - попыталась докопаться до моей родословной Алла.

-Пожалуй. Ты знаешь, я никогда не стыдился, и не скрывал своих кровных связей. Родственников надо принимать такими как они есть, не то они сначала перестанут с тобой здороваться, а затем в припадке неразделенной любви, съедят тебя, как и положено дикарям.

-У тебя наверно хорошая память, которая хранит сотни телефонов и адресов? – снова предположила женщина самое невероятное, хотя еще совсем недавно утверждала, что не верит в сказку.

-Телефонов в моей голове не так и много, но вызубрены они на века, а вот адреса я предпочитаю запоминать, полагаясь только на глаза. Я открыл новый вид памяти – визуальная память. Я всегда могу точно сказать: где я был, а где мне еще предстоит побывать. Так что смело выливай на меня свой поток информации, потому что ни одна ее капля не просочится в старческий песок.

Алла продиктовала мне свои координаты, и я несколько раз промурлыкал эти сведения про себя, пытаюсь переложить эти цифры и слова в музыкальную мелодию. Впервые я начал творить, сам не понимая, что я делаю. Этот процесс меня так заворожил, что я даже не помню, как попрощался с Аллой, как оплатил по счету, и на каком виде транспорта мне удалось добраться домой. Я все напевал эту первую мелодию, а вернее сказать, насвистывал, потому что меня ждал семейный отдых и работа, к которой я уже так удачно приступил.

Так вот откуда приходит вдохновение – разговаривал я сам собой. Это всего лишь нужная комбинация цифр и слов. Как оказывается все просто, и я уже сам могу преподавать эту науку для начинающих композиторов. Я сегодня буквально в течение нескольких часов прошел школу творческого становления, на осознание которой, некоторые тратят целую жизнь. Может я один такой вундеркинд. Но, к сожалению, из детского возраста я давно вышел, только поэтому мне пришлось переименовать себя, в вундеркомпозитора.

Я взял нотную тетрадь, сел за свой композиторский стол, который почему-то стоял на кухне, и приступил к написанию своей лучшей сонаты. Мне предстояла, на мой взгляд, плевая задача переложить все мной уже насвистанное, а значит выстраданное на музыкальный стан. Нотных линий на бумаге как прежде было пять, и количество нот не претерпело ни каких изменений.

Сейчас я напишу, я такое напишу, что весь мир содрогнется и опустится на колени перед гением самого настоящего композитора – говорил я себе, захлебываясь от гордости за себя.

Моя правая рука уже схватила остро наточенный карандаш, вознесла его над нотной страницей и грозила уже проткнуть ее сверху вниз под углом в девяносто градусов. Но, тут я вспомнил библейский сюжет об Исааке, который по велению Бога, должен был принести в жертву своего сына. Несчастный отец уже вознес нож к небу, как услышал слова ангела бога: « Не протягивай руку на мальчика и ничего ему не делай. Теперь я знаю, что ты боишься бога, ведь ты не пожалел для меня сына, своего единственного». Моя рука все еще висела в воздухе, но спасительного голоса ангела я так и не услышал. Ах, если бы он прозвучал только, то я отложил бы свою творческую карьеру на неопределенное время, а честнее сказать, то навсегда, потому что уже устал от этой тяжелой работы; все время что-то придумывать. Но так как моя рука затекла, то со всей своей мощью я обрушился на нотный лист, и написал, как, собственно говоря, и обещал, такое, ну, просто такое, огромное, что может сделать только настоящий композитор. Я долго, мучительно точно, со скрипом в сердце, с блеском в глазах и дрожащей рукой, написал... скрипичный ключ.

Даже целую строчку из этих ключей, потому что ни один не подошел к замку, который бы открыл мне дверь, за которой ждала бы меня дорога странствий и приключений в сказочную страну, где я еще ни разу не был. Мне так вдруг захотелось ступить босыми ногами на ее пыльную и раскаленную дорогу и отправиться в путь в поисках самого себя, что я ощутил уже ожоги на своих ступнях, мои губы высохли от жажды, и морщины как струпья покрыли композиторское лицо.

Но зачем идти той дорогой, если она несет только страдания? – задавал без конца я себе один и тот же вопрос. Кому это все нужно, чтобы обречь себя на вечное одиночество? В чем смысл этого поиска?

Я стоял у истоков, у начала начал, нового для меня, бесконечного и загадочного мира. Я стучался в этот мир поначалу интеллигентно, легким постукиванием своих пальцев по деревянным вратам, затем все сильнее, пока не забарабанил в них своими кулаками, чтобы разбудить стражников, которые просто забыли оставить их для меня открытыми. Ведь это я иду, а никто другой. Это меня небеса выбрали из миллионов людей для этой миссии. Только мне, возможно, открыть то, что я не запираю. Я услышу то, что я не говорил. Я увижу то, чего не никогда и никто не видел. Я подумаю о том, о чем никогда не мыслил. Я сделаю то, что никогда еще никто не делал. Я умру, чтобы стать бессмертным.

Вскоре я лязгал во врата своими кованными ногами, да, так, что на какое-то время, даже не слышал себя от этого грохота. Я умолял, просил, требовал, заклинал дать мне возможность хоть одним глазом взглянуть за тот порог, за которым ждала меня неизвестность.

Я нес свою повинную голову как ручательство своих слов, но никто не слышал меня, даже тогда, когда я стал биться головой об этот барьер человеческой мысли, через который мне надо было, перешагнуть, перелететь, чтобы раствориться в неизвестности и стать ее частью.

О, боги, неужели вам так сложно осуществить мое самое заветное желание.

Я не хочу стать на один уровень с вами. Но мне надо знать, просто увидеть этот бескрайний горизонт и умереть, но навсегда запечатлеть его голубую даль в своих стеклянных и застывших глазах.

Я по-прежнему упражнялся в каллиграфическом написании скрипичного ключа, не оставив надежды, найти в этой бесчисленной, и увесистой связке ключей тот один, который подойдет к ненавистному замку.

С чистым сердцем, с главного входа, как настоящий композитор я хотел сначала войти в эти врата, но меня не впустили, поэтому я стал подбирать отмычки, чтобы тайно под

чужим именем пробраться через этот форпост, который был глух к человеческим страданиям. Уже давно часы ударили полночь, а я все писал, вычеркивал, вытравлял и снова сочинял, пытаюсь понять суть всего выгравированного мной на бумажном пергаменте.

Под самое утро, я решил показать свой труд этим вратам, которые стали для меня чем-то живым, как во время приливов и отливов оживают прибрежные скалы, которые то восстают из воды, то погружаются в них. И человеку, впервые увидевшему такую картину, явственно показалось бы, что скалы – это вольные существа, которые сами вправе решать свою судьбу.

Но ненавидные врата решали мою участь и бесстрастно лицезрели на мое человеческое падение. Я уже несколько раз запихивал свои бессмертные письма в это деревянное лицо. Я хлестал его нотными листами тщетно выдавить из него: хоть слов, хоть звук, хоть одну человеческую эмоцию.

Но даже тень этих врат, не шелохнувшись на земле, ни на микрон не сошел спусковой механизм висящего моста, чтобы открыть мне дорогу в новое измерение.

Мой первый приступ оказался бессильным, и я откатился от этих стен, проклиная свою самонадеянность и бесхарактерность. Другой бы, на моем месте, взял бы эти врата в осаду, в стальное кольцо, сжимая его раз за разом, все туже, все сильнее, чтобы никого не выпустить живым из него. Он бы похоронил себя у этих неприступных стен, или был бы сброшен с каменной кручи на дно смрадного рва.

Но я, будучи не столь кровожадным и беспощадным решил, перенести свое новое наступление на этот бастион на более поздний срок, чтобы оправиться от первого разочарования.

Я спал за столом, обхватив его двумя руками, как будто просил заступиться за меня, и вымолить, у каменных стен на коленях право прохода через его бессердечные рубежи. Нотные страницы лежали вокруг меня, как няньки, которые пеленали мое тело, не в силах понять, чем вызвана моя неприязнь к ним. Ведь они целую ночь просидели со мной, так ни разу и, не шелохнувшись, беспрекословно выполняя мою композиторскую волю.

Но вот, кажется, задремали и они, пытаюсь выключить свет на кухне, который горел всю ночь и в этот утренний час.

Одинокая лампа в 220 Вольт казалась, пылала ярче светила, которое только показалось на востоке.

Послеобеденное пробуждение всегда тяжело переносится организмом, потому что спать надо преимущественно ночью, а днем работать, и желательно с долгими перерывами на обед и на отдых.

Вот так первые творческие бдения закончились для меня головной болью и отвратным настроением, которое можно было себе только представить. Моя спина затекла, что я даже не смог ее поначалу разогнуть. Я ходил сгорбленным телесно и совершенно опустошенным изнутри. Я как будто утратил свой стержень и теперь переваливался по квартире как бесформенная масса. Я хотел откусить свой язык, который по причине своего скудоумия и бесхребетности ляпнул вчера на репетиции: «Я решил написать музыку». Да, мало ли, что человек говорит, нельзя же серьезно относиться к тому, что глаголет тщеславная человеческая мышца, не сознавая смысла своих слов.

Язык по своим размерам так мал, но вред от него так велик, что действительно нет, да нет, и возникает желание, сделать себе обрезание, чтобы одной ложью на земле стало меньше. Самый счастливый день недели не радовал меня, а скорее огорчал своей скоротечностью. Уже было три часа дня, а я был разбит как греческая амфора, которую творческий процесс смахнул со своего пьедестала на мраморный пол.

Я начал потихоньку склеивать черепки в общую форму, которую помнил еще по фотографии десятилетней давности, но к искомому результату так и не пришел.

Все-таки как быстро проходит время. Не успеешь оглянуться, а его уже и нет, словно никогда и не было. Что останется после нас?

Да, в принципе и ничего, только печальное недоразумение в форме греческого, закупоренного сосуда, в котором будет находиться твой никому не нужный прах.

Еще немного и я написал бы себе скорбную эпитафию на могиле, но тут в моей голове что-то проявилось, и свет бессмертия озарил меня.

-После нас останутся наши дети. Ну, конечно же, дети. Кому же еще мы можем доверить все то, что нам не удалось, осуществить в своей жизни. Но, если у меня двое детей, значит, я дважды бессмертен – что-то внутри ликовало во мне, и озаряло своим не приходящим светом.

Я тут же перевел мои рассуждения в музыкальную сферу и подвел итог, что две симфонии, оказывается, мной уже были написаны, и давно. Я сразу же, записал их в свой послужной список, как лучшие произведения, чья значимость для человечества с каждым годом будет расти в геометрической прогрессии.

-Ай, да я – сказал я себе и приступил к утреннему туалету.

Затем я нанес крем для бритья на свое лицо и приступил к ежедневной и изнуряющей процедуре, опасной для жизни.

Ну, и что из того, что я пользуюсь безопасными лезвиями, ведь руки мои не прошли сегодня курс по технике безопасности, а уста не прочли молитву.

-Ай, да композитор – снова похвалил я себя, краем глаза взглянув на левую часть лица, которая была гладко выбрита, до самых бровей, включительно. Хорошо, что я еще глаз успел свой закрыть, когда орудовал станком, как булатным клинком направо и налево. Лишь несколько ресниц попали под этот современный меч и пали в неравной схватке. Но эти непредвиденные потери меня ни сколько не пугали. Ведь творческий человек должен смотреть на жизнь всегда с широко распахнутыми глазами, и в этой инструкции ничего не сказано о количестве ресниц на веке. Такая же счастливая участь ожидала и правую часть лица, и я уже мысленно поблагодарил Всевышнего, за нежелание проливать мою кровь на жертвенный алтарь... как произошло то, что и должно было произойти. Я сам, находясь, в ясном уме и твердой памяти нанес себе увечье, своими же собственными руками.

-Ну, ты и композитор – ругался я как извозчик. Это же надо так себя обезобразить.

Ты за секунду сделал то, что природа пыталась сделать с тобой еще с самого рождения, но пощадила в минуту своей слабости.

Для общего эффекта получения хорошего настроения, я прижег свои раны одеколоном и крик одинокого мужчину, потряс до основания наш многоквартирный дом.

Кто-то подумал, что произошло очередное землетрясение, где его некогда и быть не могло, потому что горы в нашей местности просто не произрастали.

- Никакие земные тектонические плиты не сталкивались, а просто Валера в очередной раз побрился – решило большинство нашего дома, и была права как всегда.

-Ну, что с музыканта возьмешь. Он же, как дитя малое – хором говорили мужики.

-А, может ему вместо бритья делать эпиляцию? – предложила сердобольная половина человечества, которая не могла без сочувствия смотреть, как уродуется тело мужчины без женского рукоприкладства.

Я хотел что-то прокричать в вытяжку, которая служила громкоговорителем в нашем доме, что-то о моем композиторском будущем, но решил не пугать своих соседей раньше времени.

Пусть поживут хоть пару недель спокойно – подумал я. Ведь скоро начнутся репетиции, и не исключено что часть из них придется перевести в родные стены.

В том, что именно мои произведения будут звучать в моей квартире, лично у меня в этом не было никаких сомнений. Ну, ни Глинки же, ни Рахманинова, а только мои.

У Рахманинова свой зал есть, а Глинку часто приглашают за границу, в турне за свободно конвертируемую валюту.

Все-таки свое произведение было мне, почему-то ближе. Наверно, потому что мое было еще не известно для широкой публики. Я и сам едва ли мог похвастаться его знанием, но что-то подсказывало мне, о его гениальности. Конечно, мне как автору не позволительно судить о своей работе, но и всем музыкальным критикам мира, я не позволил бы притронуться к нему, прежде чем я не почувствую, его многотонную тяжесть в своих мозолистых руках.

И так, мой семейный отпуск был уже на носу, оставалось лишь взять детей в охапку и полететь к теплому морю. Как просто решается этот вопрос в теории, и как бывает порой мечта далека от действительности.

Бытует мнение, что дети - это цветы жизни, которые растут только на могилах своих любимых родителей. Что ж с таким мнением можно было и поспорить, но я не стал бы этого делать, потому что мне предстояла тяжелая, не квалифицированная работа по перемещению грузных тел в пространстве. Часто надгробные плиты на тех же могилах счастливых, но уже почивших родителей выполнены из подручных материалов, которые ни по своей стоимости, ни по тяжести не представляют ни материальной, ни художественной ценности.

Но мне предстояло свернуть два огромных валуна, которые стояли на моем пути к морскому побережью. Мне надо было договориться со своими бывшими женами, а именно испросить у них письменное разрешение, подписанное нотариусом для семейного отдыха в кругу своих, родных детей.

Семейный отдых мне нужен был позарез, потому что дети уже давно избегали со мной встреч, но самым решающим фактором, который и решил судьбу моего отпуска, было их стойкое нежелание общаться друг с другом. Вот это и было для меня главным, раздражающим фактором, который и отравлял все мое существование в текущем году. Родные брат и сестра, которые в силу моего взрывного характера были рождены разнотрубно, отрицали любое кровное родство между собой, считая мое участие в их рождении, скорее случайным, чем осмысленным. Это были два лагеря, которые противостояли друг другу, под предводительством матерей, которые наставляли и наускивали свое чадо.

Можно было бы признать и такую форму сосуществования, если я был бы королем, или на худой конец, наследным принцем, после внезапной смерти которого, без завещания, без отпущения грехов освободилась бы дорога к престолу и к другим материальным благам. Тогда еще можно было бы оправдать эту нелюбовь друг к другу, чтобы, в конце концов, развязать междоусобную войну и победить.

Но вместо короны на голове, у меня были медные тарелки в руках, а все наследство составляло недописанное произведение, которое только вчера я попытался перенести на нотный лист бумаги.

Мне необходимо было за короткий период времени снова соединить то, что изначально было неразрывным. На первый взгляд эта задача была просто невыполнимой. Но если присмотреться еще более детально, то ответ напрашивался сам за себя.

Моя мечта была несбыточной.

Я начал звонить своим детям, чтобы оповестить их о своем решении провести отпуск в тесном, семейном кругу, и тем самым их осчастливить.

Я плюс сын плюс дочь, сложились в моей голове все знаменатели в сумму незабываемого, полного приключений и положительных эмоций отдыха.

-Это будет лучшее время в моей жизни – твердил я как заклинание, и почти верил себе.

Я набрал два номера телефона, но, к сожалению, ничего похожего на восторженные крики, в честь такого замечательного, трогательного, и еще очень даже ничего отца, не услышал.

Мои оппоненты были удивлены такой заботой о своих родных детях, потому что посчитали, что я навечно отошел от своих отцовских обязанностей.

Но я как мог, попытался, все-таки объяснить, что мое долгое отсутствие, было вызвано, человеческим нежеланием не мешать семейному счастью своих бывших жен и их настоящих мужей.

Как вы поняли из телефонного разговора, что голос детей в решении этого вопроса был номинальным, потому что матери без особого восторга приняли мое предложение.

В их интонации я слышал нотки скептицизма, переходящие в женское сопрано, которые поддерживались баритоном их мужей.

Моя задача тут же усложнилась, потому что я не предполагал, что и они окажут мне сопротивление.

Мой родительский день посещения своих детей был определен раз и навсегда, а именно воскресеньем, с 12 до 18 часов. Чтобы не нарушать эту сложившуюся традицию, я отложил свой возглас негодования ровно на одни сутки. Я совершенно нормально, можно сказать даже плавно, швырнул трубку, и, сохраняя вид хорошего настроения, пошел варить себе кофе. Но этот напиток был вместо того, чтобы быть горьким как ему, и положено, был сладким на вкус, и белым по цвету. Я очень удивился этому феномену, пока не нашел этому простое объяснение.

Просто после такого разговора с бывшими, все предметы на молекулярном уровне меняли свои природные характеристики. Даже яд свертывался и выпадал в осадок, понимая, что он не может конкурировать с этим словесным Армагеддоном.

Но, если отцу было не позволительно увидеть детей в субботу, то мне как мужчине оставалось принять приглашение со стороны женщины и посетить первую скрипку в своем футляре.

Мне кажется, что я сильно понадеялся на свою память, потому что слова и цифры «пи эс» координат, которые мне удалось перевести в музыкальную мелодию, никак не хотели восставать из моего сознания, чтобы найти дорогу к Алле.

Из одного адреса, который я получил вчера от одной талантливой особы, у меня получилось три возможных варианта, нахождения одной плачущей женщины у окна, которая ждет своего мужчину – композитора. Мои разночтения колебались в пределах нескольких домов, находящихся на одной улице, по четной стороне. Я ни сколько не сомневался в своей предприимчивости, потому что номер телефона был мной напрочь

забыт. Моя память, не оставляла меня на минуту, позволив лишь однажды запомнить те несколько телефонов, которые я затвердил как «Отче наш», после двадцати лет напряженных занятий.

- Ну, с такой памятью тебе писать и писать надо: нем и ночью – сказал я сам себе и захватил с собой мои ночные бдения с собой.

Я решил поразить сразу и наповал своим талантом красивую женщину, которая сомневалась в моей исключительности.

Уже было около шести часов вечера, когда я вышел из дома, в поисках своего первого и благодарного слушателя.

Я метался между трех огней, то есть тех домов, которые и должны были стать отправной точкой в моих поисках прекрасного. Но наткнулся на простое непонимание жильцов квартир, которые не хотели добровольно освободить на несколько часов, одну жилую площадь для свидания с настоящим искусством.

-Все-таки, какие черствые слушатели – возмущался я. Я к ним по-хорошему, а они ко мне как всегда.

Букет не распустившихся цветов в моих руках, явно говорил о моих чувствах, и тонко намекал, что я готов ждать сколько угодно, ну, как минимум, пока не расцветет ваша любовь ко мне, как не раскрывшейся бутон.

Только дарить цветов мне было не кому, и я решил их попросту выбросить. Но тут же передумал и решил поднести их прекрасной паре, которая быстро приближалась мне навстречу.

Двое молодых людей ссорились между собой, потому что мужская особь в очередной раз закатила скандал, не в силах унять свою звериную ревность. Я решил поддержать женщину и с почтением, с поцелуем ручки преподнес ей букет.

Слезы на лице девушки высохли и тут же показались на глазах мужчины.

-Это мне? – робко спросила девушка, затюканная одним и теми же сценами ревности.

-Вам – ответил я. И, даже не сомневайтесь.

-Но откуда вы меня знаете? – сопел женский носик.

-Я видел вас во сне, и верил в нашу встречу – так зло и отчаянно врал я, потому что отчетливо видел косметические русла женских слез, виной которых был как всегда мужчина.

-Какую еще встречу! – начал качать права молодой человек.

-В ту встречу, которая изменит мою жизнь раз и навсегда – разговаривал я с девушкой, не обращая никакого внимания на парня.

-Вы верите в любовь с первого взгляда? – спросила меня девушка, нервно покусывая свою нижнюю губу.

-И с первого... и со второго, и даже с третьего раза – ответил я. Как вас зовут?

-Вероника – робко ответила девушка.

-А, меня зовут Николай – снова вклинился в наш разговор парень. Кстати, у меня второй разряд по боксу.

-Я очень рад за вас и за ваше спортивное общество – нежно ответил я. Желаю вам достичь больших рекордов в недалеком будущем.

-А, как вас зовут? – обнимая цветы, твердила молодая богиня.

-Меня, Валерий Борисович. Так вроде еще с утра меня звали.

Я уже хотел, попрощаться с молодой парой как услышал от Вероники: «А, как мы с вами еще увидимся?».

-Как в сказке, однажды и навсегда – понесло меня как Ганса Христиана Андерсона в сказочную страну, где исполняются все желания.

-Тогда до свидания – сказала мне Вероника.

-До свидания – с грустью сказал я и продолжил свой путь в неизвестности.

Я совсем не обратил внимания на заключительную реплику со стороны Николая, который пожелал и мне и себе, одной, но, по-видимому, незабываемой встречи на боксерском ринге.

Но мой незабываемый диалог, который происходил с девушкой, так повлиял на мою память, что она на какой-то момент заслушалась, и по-женски расслабилась. Мелодия адреса послышалась мне так явственно, что я перешел на нечетную сторону домов, на той же улице и уже звонил в дверь, нисколько не сомневаясь в своей визуальной памяти, потому что здесь меня еще никто ни видел, но уже и ни ждал.

-Добрый вечер, Алла - сказал я.

-А, это ты, Валера. Погоди одну минуточку, и я вынесу тебе нотные тетради.

Женщина исчезла в комнате, а я остался ждать на пороге. Но в мои планы не входило получить воспаление легких, на таком сквозняке. Я прошел в коридор, снял обувь и прошел в комнату.

-Я никуда не тороплюсь – громко, во всеуслышание произнесли мои прокуренные легкие. От такого неожиданного поворота событий женщина поначалу опешила, но быстро собралась и предложила мне даже английский чай.

-А, можно индийское кофе? – сделал я ответное предложение.

-Да, конечно. Правда, индийского у меня кажется, нет

-Страна происхождения кофе не так важна на самом деле. Главное, что оно было приготовленным от всего сердца. Не так ли?

-По такому рецепту я кофе еще не варила – стала перечислять Алла все знакомые ей способы порчи этого изысканного вкуса, пытаюсь надругаться над ним в особо извращенной форме при помощи сахара и даже молока.

Я сам удивлялся себе, той развязности и толикой цинизма, с которой я разговаривал с первой скрипкой. Ну, а что она собственно ждала от меня? Что я ей сопливый мальчик или простой музыкант с медными тарелками в руках? Нет. Больше такого обращения к себе я не потерплю. Я же композитор, и не просто композитор, а с дирижерской палочкой.

-А я тебя сегодня уже и не ждала – надев на себя жемчужную улыбку, проиграла первые ноты своей гостеприимной партии первая скрипка.

-Это я заметил по двум вещам. Во-первых, макулатура, то есть нотные тетради не были сложены, как и положено, в коридоре, для молниеносной передачи в руки добровольных собирателей таких раритетов как я; а во-вторых, ты встречаешь меня не в вечернем платье, а в домашнем халате, который так тебе идет. Правда, на мой взгляд, он слегка маловат, чтобы охватить все твои прелести.

-Я сейчас переоденусь – с готовностью откликнулась на мое пожелание Алла.

-А, какой смысл, ведь то, что я хотел, мне уже посчастливилось увидеть.

-И что же ты увидел? – допытывалась прима нашего оркестра.

-Женщину, конечно же – сказал я.

-А, что ты раньше ее не видел?

-Раньше ты была красивым аксессуаром для своей дорогой скрипки, а теперь твоя стоимость стала просто неосуществимой для натурального обмена.

-Моя стоимость всегда была на высоком уровне и для многих она просто не по карману.

-Это ты на меня намекаешь, не правда ли?

-Я тебе не намекаю, а прямо тебе заявляю об этом.

-Неужели ты не видишь, какие изменения произошли во мне – решил я открыть глаза женщине. Ведь я - это уже не я. Присмотрись ко мне, и ты увидишь совсем другого человека.

-Ничего кроме двух порезов на лице, я не вижу. Ты что уже стал добровольным донором?

-Увы, нет. Я по-прежнему занимаюсь членовредительством, а именно, кровопусканием моей композиторской крови. Я орошаю этой влагой все вокруг, и вскоре меня ждут долгожданные, музыкальные всходы.

-Но в пустыне ничего не может расти, потому что она бесплодна – с иезуитской улыбкой говорила со мной Алла.

-Это взгляд дилетанта, потому что пустыня – это живой организм, который живет, не так может быть ярко, так сочно, так разнообразно, но однажды весной она зацветет всеми цветами радуги, чтобы затмить своей красотой весь мир – живописно расписывал я, свое внутреннее изобилие флоры и фауны.

-И долго ждать наступления это цветения в пустыне? - спросила любопытная женщина.

-А, кто ее знает. Может сегодня, завтра, или через сто лет.

-Я так поняла, что в нашем случае, ты признал себя побежденным, и композиторская стезя тебе оказалось не по плечу. Тогда зачем ты пришел за нотными тетрадями?

-Ну, я же не мог обмануть воображение женщины, которая с надеждой ожидает мужчину.

-Тебе Валера, только в медные тарелки бить, потому что ни на что другое ты не способен. После этих слов я как мог, сцепил свои зубы, чтобы не ответить, как, всегда не подумав, а медленно начал вести счет от одного до десяти. Но мой отсчет женщина поняла с женским умом, не осознавая, что была сейчас на волосок от смерти.

Но творческая мысль сверкнула передо мной, и я ослепленный подумал о написании оперы, по мотивам трагического либретто, как один музыкант убивает другого музыканта, чтобы дать рождение гениальному музыкальному произведению.

Я хотел, чтобы премьера прошла под открытым небом, где-то в пустыне Гоби или Сахары.

Оплата за проход на оперную постановку я бы назначил чисто номинальной, а именно одно ведро воды за одно посадочное место или одна чашка черного кофе.

Ожившая женщина решила больше не искушать судьбу и с почтением преподнесла горячему мужчине обжигающий кофе на блюде. Этот покорный жест смягчил мою жестокую композиторскую душу, и я почти простил Аллу, хотя этого делать было никак нельзя. Ведь женщина, которой только отпустили грехи, норовит тут же совершить новые и к тому же многократно их приумножить.

Женщина – это сундук Пандоры, а вот Алла – это футляр для скрипки, который занимает хоть и немного места, но по вместимости не имел себе равных.

-Человек, который многократно срывает репетиции, только из-за своей невнимательности, не может ничего написать – наставлял меня женский голос.

-Я просто задумался только и всего. Мне пришла в голову одна мысль, и я решил ее осуществить.

-Как все просто – с улыбкой рассуждала эта покрашенная ханжа. Глупая мысль пришла в пустую голову и тут же ее и покинула.

-Почему же покинула, она до сих пор в моей голове – попросил я не спешить Аллу с далеко идущими выводами.

-Надо же. Она в твоей голове свила, наверное, гнездо. Нет, этой мысли, вить ничего не надо было, потому что твоя голова уже и есть скворечник.

-Это что ты картину «Скворцы прилетели» описываешь, или еще может какую? А, у тебя неплохо получается, потому что я уже слышал в твоём рассказе пение птиц и пробуждение весенней природы от зимнего сна.

-Ты лучше пей кофе и заколоти свой скворечник раз и навсегда.

-Я ничего заколачивать не буду, потому что решил посвятить творчеству всю оставшуюся жизнь – впервые серьезно сказал я.

Тут же женщина прыснула от смеха, и я перешел в контратаку, потому что не мог больше терпеть этого издевательства над собой. Я передал ей свой черновик сонаты для ознакомления, которой еще не было названия.

Алла поначалу даже упиралась и просила больше так с ней не шутить, потому что еще чуть-чуть, и она просто лопнет от смеха.

Я согласился с этим мудрым замечанием, но добавил еще несколько слов от себя: «Если ты не прекратишь сейчас смеяться, то результат наступит еще раньше, чем ты думаешь, потому что я разорву тебя на тысячу маленьких и смешливых женщин».

Но Алла не слышала, голоса своего разума и мне пришлось призвать на помощь женское любопытство. После того как оно посетила первую скрипку, смех прошел, но улыбка на лице осталась, которая с каждой минутой начала твердеть как гипсовая маска на лице гениального покойника. Это магическое воздействие я перевел на свой композиторский адрес, который мог так легко управлять человеческими эмоциями по своему усмотрению. Тишина повисла в комнате, как перед началом настоящего камерного концерта. Но снова женщина рассмеялась, и ее физическое, а главное умственное состояние, повергли меня в ужас.

-Уж не помешалась ли она от глубины моего таланта? – подумалось мне.

Мне нравилась та сила воздействия на среднестатистического слушателя, но почему-то было жалко, конкретного, который к слову и не заслуживал моего хорошего обращения.

-Ты все-таки потрудись мне ответить, чем вызван твой смех? – тяжело спросил я.

- Подожди еще одно мгновение, потому что мне нужно собраться - все еще борясь со смехом, лепетала Алла.

-Слушай, а где твоя скрипка? – решил я проверить нервы настоящего скрипача, для которого не было ничего дороже и ближе, чем этот распиленный лобзиком дубовый кусок доски.

Смех тут же пропал с лица великосветской дамы, которая на балу потеряла свое жемчужное ожерелье. Но я не хотел долго огорчать Аллу, которая кинулась в поисках своего музыкального инструмента по комнатам, поэтому я вытащил его из-под стола, потому что еще в самом начале нашего разговора, пинком ноги сопроводил его в это темное царство. Конечно же, я поступил не совсем этично, но лишь одно присутствие скрипки, на меня действовало парализующе, потому что я ощущал ее превосходство над собой, и с этим чувством мне никак не удавалось справиться.

Было еще одно щемящее воспоминание, связанное со скрипкой, но я задушил его в себе, так как это была грустная история, моей прошлой, загубленной жизни.

Лишь после того, как Алла увидела в моих руках свой футляр, она выхватила его, и открыла.

-Слава богу, скрипка на месте – с облегчением вздохнула женщина. Где ты ее нашел?

-Во-первых, находят кошелек с деньгами, а не скрипку, и, во-вторых, я задвинул ее под стол, для сохранности.

-Кто тебе разрешил до нее дотрагиваться руками?

-А, я не руками, а только одной ногой ее положил под стол – честно признался я.

-Ты знаешь, сколько этой скрипки лет, и сколько она стоит. Ее же казалось рука самого Паганини.

-Так я же не оставил на ней никаких отпечатков, так как понимаю, с каким шедевром имею дело. Хотя своему коллеге по работе я бы доверил и не такое. После отпуска я дам даже тебе свой инструмент подержать в руках. Вот какой я добрый человек.

-Мне нужны твои тарелки, потому что у меня в доме их и так предостаточно.

-Что! – возмутился я. Сравнить столовые тарелки с медными – это просто конец света.

-Ладно, я прощаю тебя на первый раз. Но только из сострадания, так как у тебя полностью отсутствует чувство к прекрасному, как и талант к сочинительству.

-Неужели тебя не потрясла музыка, которую я написал? – спросил я.

-Почему же потрясла, и до самых оснований, пока я не поняла, что где-то это мне уже посчастливилось слышать.

-Ты хочешь сказать, что уже кто-то исполнял мою музыку, без моего авторского разрешения. А, как же авторское право? Я подам на них в суд.

-Как бы на тебя не подали в суд, потому что ты полностью повторил заключительную часть нашего концерта, которую мы разучиваем вот уже второй месяц.

-Не может быть – воскликнул я. Это какая-то ошибка. Я тебе не верю.

-Ну, если ты мне не веришь, то убедись в этом сам.

-Но как? – уже закричал я, не понимая, как средней руки композитор мог, повторить меня, самого, что ни на есть гениального.

-Сверь свои каракули с партитурой композитора – сказала Алла, и протянула мне знакомую нотную папку, которая мне уже снилась по ночам.

Я начал штудировать известного автора, и пока не нашел ни одного разночтения.

-Каков подлец! – вслух сказал я. Как точно он меня повторил, даже не пытаясь ни на ноту отойти моего произведения, потому что знает, что каждая точка в нем, на весь золота.

-Валера опомнись – сказала Алла. Это не он, а ты скопировал его.

-Исключено – намертво встал я на защиту своей сонаты. Мне придется прервать свой так и не начавшийся отпуск, и разобраться с этим горе, композитором. Ну, только попадись мне в руки, уж я то тебе спуска не дам. Ты у меня еще запляшешь как «Золотой петушок» в симфонии Стравинского, как «Спартак» у Хачатуряна, как «Золушка» у Чайковского. Женщина приводила мне десятки аргументов, и клялась привести живых свидетелей, которые могли бы подтвердить ее слова, но я не хотел брать грех на душу, чтобы одним разом вычеркнуть всех хриstopродавцев из книги живых, которая и была моей нотной тетрадью.

-Ну, хорошо – согласилась со мной Алла. Ответь мне на один вопрос, когда ты начал свою композиторскую карьеру? Ты хоть это помнишь?

-Я помню все и никому не прощу издевательства надо мной – ответил я, на второй вопрос, минуя первый.

-Когда ты приступил к написанию своей сонаты? – повторила Алла свой вопрос

-Вчера и начал – сказал я с пафосом и непревзойденной гордыней. Вот только начал и такой успех.

-Тогда посмотри на число, которое обозначает даже не год написания музыкального произведения, а время его издания – указывала мне первая скрипка на крохотный шрифт в конце партитуры.

-Это обычная ошибка, которая встречается сплошь и рядом. Да, у нас в России только девять часовых поясов, так что твой аргумент просто не проходит. Он полностью разбит моим логическим мышлением. Вот так глупая женщина. Ха. Ха. Ха.

-Тогда посмотри сюда, умный мужчина, что это значит?

-Это тираж – с превосходством сказал я. Что тебе еще объяснить?! У меня же, энциклопедические знания, так что ты можешь черпать их не стыдясь, потому что они бездонны.

-Ты для себя наскреби, хоть ложку. Тут указан тираж в 10 тысяч экземпляров.

-Ну, и?

-Что и!

-Ну, и что это значит? – свирепо спросил я.

-А, то, что ни один тираж нельзя напечатать за одну ночь.

-Ты что забыла, в каком мире мы живем - попытался уже я кое-что объяснить для Аллы. В нем правят деньги, а при их достаточном количестве все другие проблемы снимаются.

-Ну, если распечатать и возможно такой тираж за одну ночь, то распространить его за одно утро уж никак нельзя – твердо стояла на своем упрямая женщина.

-Это, смотря как поставить дело – просто бесила меня своей бестолковостью юная скрипка. Вот если с душой, с прямой заинтересованностью каждого распространителя, то и это не составит никакого труда.

-Ну, осталась только одна возможность доказать тебе, что ты не прав.

-И что эта за возможность, можно поинтересоваться? - с улыбкой спросил я.

-Я специально для тебя сыграю это музыкальное произведение.

-Ты уже наизусть выучила мое произведение? – с выдохом произнес я. Умница. Покажи мне то, что я с таким трудом писал для людей. Я как композитор растроган до глубины души твоим отношением ко мне, и к моему бессмертному произведению.

-Ты просто неисправимый фантазер – тяжело для себя констатировала женщина, и мне ее было по-человечески жаль в тот момент.

Алла достала свою скрипку, встала в скрипичную позу и заиграла мою сонату.

Ах, как она играла, ну, прямо точно так, как я и написал. У меня сложилось такое впечатление, что именно для нее я все это и сочинил. Мне было хорошо на душе и торжественно, и мне не было жаль моей бессонной ночи, потому что все мои страдания окупались сторицей. Я вдыхал уже запах славы и современники наградили меня по праву самым ценным музыкальным титулом – «Маэстро».

Это слово было навечно начертано в моем сердце, и никто и ничто не могло смыть этой гравировки с него. Но тут раздались посторонние шумы, как будто кто-то решил специально расстроить мой концерт и вывести меня из себя.

Алла, по-видимому, нарочно повела своим смычком по медным струнам скрипки и это жужжание, похожее, когда, чем-то острым проводят по стеклу, сбросило меня с музыкального Олимпа на самое дно композиторского хит-парада.

-Что это было такое? – спросил я Аллу. В моем произведении нет такого звучания.

-Ну, конечно же, нет, потому что это тоже не твое.

-А, чье? – не унимался я.

-Все того же композитора. Он дописал заключительную часть не до половины как ты, а до самой последней ноты.

Я сверил снова свои записи с композиторским текстом и был в некотором недоумении.

-Ну, хоть сейчас убедился? – приставала ко мне с расспросами первая скрипка.

-Я убедился только в том, что музыкальный шпионаж оказывается самый высокотехнологичный. Ты только подумай, этот композитор при помощи своих средств уже смог прочесть мои мысли. Ну, и гнида.

-Ты что действительно сумасшедший или прикидываешься?

-Есть только один довод, который не сможет оставить меня равнодушным. Вот если бы этот композитор умер вчера, а лучше позавчера, то я бы со скрипом в сердце признал твою правоту, а так, извини.

-А, как называется твоя соната? – вдруг неожиданно нежно спросила меня первая скрипка.

-Я еще не придумал – как на духу я признался и совершил непростительную для любого автора ошибку.

-Ну, вот, что и требовалось доказать. Настоящий композитор уже давно назвал свое произведение, которое и стоит под заголовком – с пафосом сказала Алла.

Вот это был действительно убойный довод, который сокрушил меня, и моя голова встала на свое место.

-Уж лучше бы она лежала на эшафоте – подумал я. Нет, еще лучше в корзине, в которую собирают все части тела, казненного после четвертования, чем видеть на себе этот презренный взгляд первой скрипки, и очаровательную улыбку. Я все никак не мог сбросить с себя мертвое оцепенение, которое еще усилилось, когда я вспомнил о нашем разговоре с дирижером.

Неужели моя плохая память в одночасье стала образцовой, чтобы за одну ночь вспомнить чуть ли не весь концерт композитора, чтобы утром его безжалостно присвоить. Но, я же, на репетициях, на концертах смотрю, не отрываясь от партитуры, а тут совершил невозможное, и это просто не укладывалось в моей голове.

Я как настоящий шпион фотографически точно по памяти повторил все музыкальные пассажи и ни разу не ошибся.

Неужели дирижерское проклятие коснулось и моего творчества, а ведь Саша предупреждал меня, а я так опрометчиво, так глупо не внял голосу разума.

Но пора было показать и силу, потому что женщина перешла уже все границы дозволенного, и начала издеваться над самым сокровенным, что есть у мужчины, и которое выгодно отличало Адама от Евы.

Гордость и только гордость - это тот мужской рубеж, за который я не мог переступить.

Я больше не мог спокойно смотреть на эти кривляния, потому что чувствовал себя львом в клетке, на которого смотрела маленькая мартышка и корчила мне рожи. Как царь зверей и всех женщин одновременно я прорычал в ответ этой некультурной особи: „То, что ты умеешь играть на скрипке, у меня это несколько не удивило, а вот танцевать латиноамериканские танцы тебя сподобил бог или нет?

-А стриптиз тебе не исполнить – ответила мартышка, но, на всякий случай отошла на почтительное расстояние от клетки с раненым животным.

Ну, разве знала она что-то о муках творчества. Лишь одна вещь на свете волновала ее, какое выбрать из кривых зеркал, чтобы выглядеть поэффектнее. Мне хотелось сказать ей, что лучше, чем в моих глазах, ты не будешь выглядеть никогда и нигде.

Но я почему-то промолчал, так как не хотел тревожить это создание, своим никому не нужным откровением.

-Не надо так расстраиваться Валера – уже успокаивала меня Алла. Отрицательный вариант в творчестве – это тоже результат и лучше его пережить в родных стенах, чем на концерте при стечении многотысячной публики.

-Спасибо тебе, что ты предоставила именно свою квартиру для моего первого провала. Я этого никогда не забуду.

-Почему первого? Ты что еще раз готов попробовать себя в качестве композитора? – спросила Алла.

-Да – как никогда еще в своей жизни я твердо сказал это слово. До самого смертного часа. Мои слова, по-видимому, напугали бедную женщину, и она решила помочь мне в моем творческом процессе. Я догадывался, что ее помощь будет заключаться скорее в противодействии, но мне было уже все равно, потому что и сорок тысяч женщин не могли свернуть меня с этого пути.

-Хорошо, хочешь, я позанимаюсь с тобой? Я могу прийти к тебе завтра.

-Ты что уже даешь уроки на дому? – спросил я.

-Только для тебя.

-И как ты себе это представляешь. Я буду сочинять под твоим надзором, а ты мне будешь интеллигентно намекать, что это уже кто-то написал.

Я почему-то загрустил, и такая тоска навалилась на меня, ну хоть с балкона прыгай, хоть вены режь острым смычком, хоть целуй женщину против ее желания.

-Ну, не надо отчаиваться. Все в этой жизни поправимо, кроме смерти, а ты пока живой и, слава богу, здоровый.

-Вот, если бы мне сейчас предложили гениальную оперу, в обмен на мою бессмысленную жизнь, то я бы не минуты не колебался – в порыве отчаянья признался я.

-Ты серьезно? – спросила сердобольная женщина.

-У меня всегда все серьезно. Я вообще не люблю шуток и их не понимаю. Одни их рассказывают, а другие скалятся, вот как ты.

-Я просто хотела тебя поддержать.

-Ты лучше держи скрипку в левой руке ровней, а правую, не запрокидывай вверх, как будто хочешь и звезды сбросить с небесного пьедестала, чтобы остаться, одной не превзойденной, первой скрипкой.

-Ах, вот ты такой. Я то действительно подумала, что тебе необходима моя помощь.

-Ну, вот уже и ты отреклась от меня, и теперь мне осталось свести последние счета с жизнью – печально сказал я.

-Но ты же сам благородно отказался от нее – возразила мне первая скрипка.

-Я просто не подумал об уроках сольфеджио. Я до сих пор, когда слышу это слово, меня, трясет, и мое сердце отстукивает траурный марш. В этом ты можешь мне оказать посильную услугу?

-С удовольствием – ответила первая скрипка.

-Ну, на этом и закончим, по крайней мере, на сегодня наше выступление. Я встал с кресла, на котором все это время важно восседал и направился к дверям.

-Но мне нужен твой адрес? – спросила Алла.

-Для этого ты можешь обратиться в наш союз композиторов, и тебе его там с радостью предоставят – на полном серьезе болтал я.

-А, если мне его там не дадут, что я буду делать?

-Тогда тебе придется проехать туда и хорошенько поругаться. Хотя и в этом случае тебя ждет фиаско. Но, если ты представишься моим импресарио, и покажешь документ на годовой ангажемент по всем лучшим залам Европы? Да это, пожалуй, выход, который поможет тебе найти дорогу ко мне.

-Ну, это уже слишком – сказала женщина, и я понял, что я кажется, переиграл. Алла уже хотела вытолкнуть меня в дверь, но я мужественно сопротивлялся, как это и положено мужчинам.

-Неужели у тебя нет моей визитной карточки? – спросил я.

-Нет и никогда, не было.

Я тут же полез во внутренний карман пиджака, но не обнаружил там ничего, что можно было выдать за этот клочок картонной бумаги.

-Надо же все раздал – отчитался я перед женщиной, которая вся кипела от злости.

-Как можно раздать, то чего у тебя никогда не было – сделала Алла неправильный вывод, и тем самым расстроила меня.

-А, я утверждаю, что моя визитка у тебя есть, потому что сам ее видел.

-Ну, и где ты ее видел? – с вызовом спросила первая скрипка.

-В справочной книге. Страница 1245 фамилия на букву «в», второй столбик, третье перечисление от вершины.

Я даже гордо показал, что меня уже некоторые люди знают, а кое-какие издания уже и печатают, жаль, что не музыкальные. Но это дело поправимое, потому что я и сегодняшнюю ночь решил отдать на разграбление творчеству.

-Тогда я тебе желаю бессонной ночи – уже попрощалась со мной Алла.

-А я тебе как раз спокойной. Сладких тебе сновидений.

-Эй, господин Васильков, а, во сколько мне прийти? – без конца донимала меня вопросами первая скрипка.

-А, что в визитной карточке не указано время посещения?

-Нет.

-Что точно нет? – спросил я. Ты внимательно смотрела?!

-Кажется, нет – неуверенно сказала Алла. Я сейчас еще раз посмотрю. Она начала искать заветную страницу и руки у нее дрожали.

-Ты не волнуйся так – приободрил я Аллу. Я же еще тут, а не на гастролях.

-Ну, нет же. Хочешь сам посмотри – протянула мне в руки адресную книгу соблазнительная женщина.

-Хм – с возмущением начал я ругаться. Безобразие. За что я только деньги им плачу! Может мне и на них в суд подать?

-Все шутите, Валерий Борисович – кажется, только теперь распознала Алла мое природное качество, доводить ее родных сестер до слез.

-Ни в коем случае. Так как с 12 до 18 часов я отбываю отцовскую повинность, то музыкальный дембель может произойти только после увольнения на берег.

-Значит, ты по-матросил и бросил своих жен и детей

-Мне показалось, что сейчас твоя скрипка играет фальшиво. Я прошу не употреблять в классическом произведении такие жаргонизмы. Это же не рок – опера, это камерная музыка.

Только лежа в кровати, я понял, почему врата так и не открылись передо мной. Они слышали фальшь, а вернее сказать плагиат, и поэтому остались равнодушны к моим стенаниям. Нельзя начинать свое творчество с подражания к другому автору. С этим высказыванием я был почти согласен, но возникал другой вопрос: «А, с чего начинать тогда свое творчество?».

Ну, может быть с этой мелодии, которая пришла ко мне как-то вдруг.

Я тут же подскочил с кровати и в легкой нижней пижаме побежал к своему композиторскому столу.

-Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала – лала, тарамба – быстро записывал я ноты, чтобы их не забыть. Ля-ля - ля, ля-ля-ля, трала-ла-ла, карамба. Трула-ла-ла, тру-ла-ла, ночная лампа. Пора-пора, пора – бам-бам-бам и тут долго, очень долго, с печалью я дописал в конце, и тут всем вам наступит - амба.

Только в четыре часа я лег в постель, как еще не признанный гений, но на рассвете это глухой мир проснется, и начнет досаждать меня всю оставшуюся жизнь.

Толпы поклонников, журналисты, критики, завистливые композиторы, дирижеры, и еще эта противная, гадкая первая скрипка. Но я буду со всеми снисходительно горд, чтобы никто не услышал мою внутреннюю музыку, которую я столько лет держал в себе, потому что считал этот мир не достойным такого музыкального шедевра.

Без четверти девять я уже был на ногах и бежал вприпрыжку, на босую ногу, по холодному полу к окну. Я даже открыл его, чтобы поклонники увидели меня всего, чтобы они поняли, что гений тоже состоит из крови и тщедушной плоти, но как он все-таки далек от всех вас. Конечно, надо было хоть расчесаться, но у меня не было времени, потому что толпа уже неистовствовала и грозилась разнести воскресный день в черти что. Мне надо будет поднять руку, чтобы как дирижерской палочкой привести всех к тишине перед волшебной музыкой маэстро – подумал я.

Я повторил по памяти свои ноты и уже запел: Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала – лала, тарамба. Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала-ла-ла, карамба. Трула-ла-ла, тру-ла-ла, ночная лампа. Пора-пора, пора – бам-бам-бам и тут долго, очень долго, с печалью, со слезами, от всего сердца, и тут всем вам теперь наступит – амба-а-а-а-а.

Но внизу во дворе никого не было, не считая двух бабушек, которые сидели на скамейке и лускали семечки. Дети играли в песочнице, а домашние собаки в нее гадили. Я так расстроился за себя и за детей, что возненавидел своих неблагодарных поклонников, как, наверное, несчастные дети не любили собаководов, которые выходили на прогулку через час после своих питомцев, и как всегда без намордника и без поводка.

Я еще долго маячил в окне, подставив свое тело для принятия солнечных ванн, но затем решил совершить водную процедуру, постояв под холодным душем ровно 62 секунды, не больше, потому что сердобольные соседи уже не могли выносить моих душераздирающих криков.

-Что это было? – спросил новый сосед, который переехал в наш дом совсем недавно.

-Это Валера принимает душ – сказал все тот же мужской хор.

-Он что под кислотным дождем моется? – вопрошал жилец.

-Нет, под обычным, хлорным.

-А, почему же он так кричит? – все задавал вопросы этот недалекий жилец с четвертого этажа.

-Он просто мыться не любит, только и всего – загалдели мужики и сдали меня с потрохами.

-А я им еще и пивоставлял, давеча, три года назад – пронеслись как ветер мои меценатские мысли в моей мокрой голове.

-Не правда – заступились за меня женщины. Он просто занимается пением.

Одно только жаль, что почему-то всегда без нас. Ведь мы тоже хотим научиться так прекрасно, так громко, так звонко держать высокую ноту и никогда ее не ронять.

Как хорошо, что женщины меня всегда так точно, без фальши понимали, но так редко кормили деликатесами. Но душ помог мне восстать из водной грязи, и мои мысли очистились от всего наносного.

-Чтобы стать знаменитым композитором, тебе надо растиражировать свое произведение, ну, хотя бы в сто тысяч экземпляров – вслух рассуждал я. Нет, это число все-таки для начала будет слишком большим. Надо умерить свои аппетиты и остановиться на цифре 99999 штук.

Я был уже готов искать типографию, которая бы исполнила этот заказ с почтением и выплатой всех причитающих мне авторских дивидендов. Но времени уже не было, так как мой отцовский инстинкт проснулся во мне, чтобы начать свой отсчет в полдень и замереть в восемнадцать ноль ноль. Но раньше положенного срока, а именно без пяти двенадцать, я заступил на отцовскую вахту, после трехмесячного отсутствия, в виду болезни мозгового характера, а чтобы быть точнее, амнезии, которая перешла в неизлечимую форму под названием кома, то есть ком у горла.

Я позвонил в квартиру, где проживал мой сын, без отца, но с отчимом, который очень хотел стать настоящим папой для юноши тринадцати лет.

-Привет – сказал я продолжателю своей славной фамилии, когда сын открыл мне дверь.

-А, это ты – услышал я в ответ.

-А, то кто же. Ведь когда наступает воскресенье, то всегда приходит он. И заметь, не раз в году как это делает Санта-Клаус, а 52 раза.

-И кто же это? – переспросил мальчик, который посещал физико-математическую школу.

-Это я, твой воскресный папа. Ну, как... здорово. Кстати количество моих посещений прямо пропорционально твоему желанию меня видеть.

-Ну, тогда надо говорить об обратной функции.

-Так прошу не употреблять слова, значение которых я не понимаю, и понимать не собираюсь. Пусть математика навечно останется для меня, не покоренной вершиной, потому что если это случится, то она просто разрушится до основания. А мне так не хочется, чтобы твой отчим остался без такого славного титула как профессор физико-математических наук.

-Оставь его в покое – огрызнулся Михаил.

-Да, я даже пальцем не дотронулся до него. Я же сказал, что математику чу и даже молюсь на нее, как на далекого и загадочного бога.

-Зачем ты пришел?

К такому приветствию в виде незатейливого вопроса я давно привык, но каждый раз он ранил меня все тяжелее. И мне давно хотелось сказать, ну, вперед малыш поднажми и добей своего отца, но я только улыбнулся и дальше, непринужденно повел наш семейный разговор.

-Я пришел, во-первых, чтобы тебя увидеть, во-вторых, помочь тебе с домашними занятиями, и, в-третьих, сообщить тебе сногшибательную новость, что акулы уже льют крокодилы слезы в поисках наших нежных и упитанных тел.

-Ну, во-первых, ты меня уже увидел, во-вторых, заниматься со мной не стоит, потому каникулы наступили еще два месяца назад.

-А, в-третьих, он никуда не поедет с тобой, потому что мы скоро все поедем к морю – сказал отчим, который стоял в проходе детской комнаты и давно подслушивал наш разговор.

-И что вы меня с собой тоже возьмете? – решил я напроситься на халяву на семейный отдых

-Ты, к счастью в число нашей семьи неходишь – отрезал профессор.

-Может все-таки, к сожалению – пытался я еще с миром уладить назревающий конфликт.

-Это исключено – сказал отчим и удалился в объятия своей жены.

-Что это сегодня с ним – пытался я забыть этот математический профиль, который пытался мне объяснить, что с ним я никогда не сдам вступительный экзамен на математический факультет государственного университета. Может, у него язва разыгралась от моего вида, так я же не хотел этого. Ну, вечно как приду, так у него колики то в голове, то в желудке.

-У него закрыли научный проект и прекратили финансирование – с тревогой говорил мой сын о проблемах близкого для него человека.

-Кто посмел это сделать? – встал я на защиту отечественной науки.

-Наверное, твои музыканты – он же популярно мне и все объяснил.

-Так ты что по-прежнему делишь людей на отцов и на отчимов? – спросил я.

-Да, но уже несколько по-другому: на отцов, которые прикидываются отчимами, и на отчимов, ставшими отцами – отчитывал меня Михаил.

-Я вижу, что эту теорему, ты уже блестяще доказал, но пока не ответил на мой третий вопрос.

-На какой?

-Что мы будем делать с голодными акулами, ведь этих рыбок надо кормить, не то произойдет экологическая катастрофа.

-Ну, я в принципе не возражаю, но мама...

-Что мама? – переспросил я.

-Ну, я не знаю, отпустит ли она меня с тобой.

-Я ей сейчас все объясню, и даже смогу продемонстрировать в вашей ванне, что еще не утратил плавательных навыков. Так что обо мне не надо беспокоиться.

-Я не о тебе беспокоюсь, а о сыне – появилось третье лицо, которое поразила меня своим цинизмом.

-Здравствуй – сказал я.

-Привет – достались мне крохи от человеческого приветствия.

-Ты что возражаешь, чтобы сын взял отца на поруки, и отвез его к самому синему морю.

-Тебе же, Петр все популярно объяснил, что через несколько недель, мы тоже хотели бы отдохнуть.

-Вот и отдыхайте вдвоем, а мне оставьте сына.

-На какое море ты его хочешь отвезти? – спросила Лина.

-На какое скажешь, на такое и отвезу, но хотелось, чтобы твой выбор остановился на теплом море, и даже на горячем, но только не на холодном. Я просто не переношу студеные обливания.

-Но Петр...

-Мне что действительно надо попросить у него разрешения, чтобы провести с сыном отпуск? – задал я уже свой вопрос.

-Это было бы лучшим решением.

-Жаль, что я не спросил его волеизъявления чуть раньше, когда решался вопрос о зачатии, с последующим рождением в муках, когда отошли воды от моего отцовского лона.

-Обсуди с ним еще маршрут движения, и страну происхождения туристических путевок.

-А, цену вопроса затрагивать в наших переговорах, или оставить его как всегда не решенным? – спросил я так ради научного интереса.

-Не знаю.

-Зато я знаю, каких сил мне стоит не сорваться сейчас и не доказать теорему, что мир или сошел с ума, или мой разум помутился от такой несправедливости.

Но тут я услышал одно слово, которое и привело меня снова в доброе расположение духа и плоти.

-Папа, прошу тебя только без скандала.

-О чем ты говоришь сын, неужели я не понимаю, и не ценю семейную атмосферу превыше всего. Ладно, где Петро, что бы мы побалакали с ним на нашей родной мове?

-В кабинете.

-Это значительно уменьшает мои шансы на успех, потому что я не люблю стучаться в закрытые стены, которые запираются изнутри.

Я тут же покинул сына и его мать и начал колотить в закрытую дверь. По-видимому, за ними, кто-то занимался научной работой, потому что не слышал меня или не хотел слышать. Но мои два кулака сломили волю прикладной науки быстрее, чем я ожидал.

-Здоровеньки буллы, уважаемый Петро Богданович – снова я поприветствовал приверженца точных наук.

-Прекрати паясничать. Что тебе надо?

-Я хочу, чтобы запорожские казаки срочно отправили письмо турецкому хану – весело попросил я сделать мне одно маленькое одолжение.

-Я тебя не понимаю.

-А еще, идить твою профессор. Это же просто как дважды два. Запорожский казак – это ты. Письмо – это доверенность, а турецкий султан – это Анталия.

-К сожалению, но это невозможно – получил я грубый и безальтернативный отказ.

-Ну, хорошо тогда сам выбери море, потому что я тебе доверяю – начал я потихоньку обрабатывать отчима.

-Но...

-Без всяких попрошу но. Ответь мне, пожалуйста, сколько морей вообще существует на планете?

Петр Богданович задумался, но к точному математическому решению так и не пришел.

-Вот видишь, не знаешь.

-А ты знаешь?

-Примерно.

-Это не ответ для мужчины сорока лет.

-Мне пока только 39, так что в запасе еще один годик остался. Но могу тебе ответить более глубоко на мой вопрос, потому что изучил его досконально. Если наша планета – это всего лишь одна четвертая суши, то, следовательно, весь остаток в три четверти составляет вода. А, тут уже можно махнуть рукой, океаны, моря, реки, озера, какая разница, когда все это вода, с различным содержанием соли. Ну, что убедил?

-Нет.

-Ну, хватит свое плохое настроение, говоря, по-морскому выплескивать на всех окружающих. Что случилось? – попросил я уже более подробно рассказать об истинном положении вещей на математическом небосклоне.

-Ничего хорошего.

-Это я и так вижу, что ты зол на весь мир. Ты ближе к делу.

И тут профессор неохотно, слово за словом, распыляясь с каждой минутой начал мне рассказывать, что ректор, и какая-то научная комиссия зарубила его проект, и все пошло прахом. Но во всем этом деле, больше отличился ректор, который имеет персональный зуб на Петра Богдановича.

-Вот если бы с тобой что-то случилось в музыкальной среде, то я мог бы тебе дать совет, а так...

-Что ты вообще можешь! - рявкнул на меня профессор, и я понял, что надо делать ноги, пока бы я не вырвал кому-то руки.

Я вежливо попрощался и сказал, что зайду на днях, пока чаша весов окончательно не упадет в мою сторону. Только на пороге этого дома сын спросил меня: «Папа, а по какому предмету, ты решил мне помочь?

-По пению, сын – ответил я. Пока только по пению.

При посещении другой, дружественной мне семьи, произошло тоже самое, или почти тоже самое.

-Здравствуйте – сказал я и даже добавил. Мир вашему дому.

-Дочь это к тебе, твой одноразовый отец – встретили меня, как и положено хлебом и солью, как и предписывал русский этикет.

-Я был бы не столь категоричен, все-таки это происходило не раз и даже не два, а целых пять лет – стыдливо разговаривал я с первой женой.

-Ну, хорошо, дочь встречай своего генетического отца.

-Вот это уже с размахом. Твоими словами женщина, говорит сама вечность, то есть мое бессмертие и отчасти твое.

-Это все? – спросила мама моей дочери.

-Нет. Потому что я тебя еще не поблагодарил за то, что ты не оспариваешь факт моего отцовства ни в суде, ни в средствах массовой информации.

-У меня просто нет времени на это, а то бы я давно потребовала алименты за все эти годы.

-Все-таки как хорошо начинался у нас с тобой разговор и так бесславно, так прозаически он закончился. Зачем тебе столько денег сразу? – с интересом спросил я.

-Я могу взять и частями. Я не гордая.

-Ты не гордая женщина, а расточительная. Ты что готова платить за каждый транш деньгами, которые должны идти на все возрастающие потребности молодого, растущего

организма? Тут каждая копейка на счету, а ты готова оплачивать посредникам проценты за банковскую операцию с обналичиванием денег

-Ты что стал уже биржевым спекулянтом?

-Почему ты так решила?

-Но от музыканта услышать слово транш – это совсем необычно – призналась Люба.

-Ну, спекулянтом я еще не стал, а вот композитором, пожалуй, что да. Поздравь меня.

Я уже поцеловал девушку 15 лет и попросил о снисхождении, отложить нашу встречу на несколько минут.

-Что ты задумал? – сразу же насторожилась мать моей дочери.

-Пойду сразу бухнусь к ногам твоего супруга, чтобы попросить разрешения на отпуск со своей родной дочерью.

-Это совершенно лишнее, потому что твоя дочь сама решает с кем и когда проводить отпуск.

Я мысленно поблагодарил небеса, что по прежнему имею дело с тяжелым случаем матриархального подчинения мужчины, и был этому несказанно рад.

-Тогда я готов общаться прямо сейчас, с тобой дочь бога солнца и простой женщины.

Ты уже догадываешься, о чем пойдет речь? – спросил я.

-Да, мама меня уже проинформировала. Я в принципе, не возражаю, но это так неожиданно.

-Можно мне попросить у вас стакан воды, потому что я просто умираю от жажды. Такая жара.

-Ну, разумеется.

Вскоре я осушил эту чашу и попросил из всего обилия морей на земле выбрать только одно.

-Пусть это буде красное море – появилась, словно ниоткуда простая женщина, и начала плохо влиять на выбор дочери.

-Да, хоть на зеленое море – не теряя хладнокровия, отвечал я. Только объясните мне, чем черное море не пришлось вам по вкусу.

-Черное море – это полный отстой – вразумляла меня дочь. Тем более, что мне необходима языковая практика, а языку можно научиться только в стране, где никто не говорит по-русски.

-Сейчас по-русски говорят уже и пингвины, так что твой аргумент не со всем адекватен. Мне сейчас необходимо получить от тебя предварительное согласие, а море будет, и даже такое, которого еще в твоей жизни не было.

Я пока решил не раскрывать всех своих козырей, потому что знал, что в дальнейшей игре, они мне еще, ой, как понадобятся.

-Тогда может, прогуляемся? – спросил я дочь.

-В такую жару нет, спасибо. Давай в следующий раз.

-Ну, как хочешь. Но учти, что на море я не дам тебе ни одного часа просидеть в номере. Так что наслаждайся пока тенью в городе, потому что туда, куда мы полетим, ее нет и в помине.

-Это что будет экватор?

-Почему экватор? – переспросил я и понял, что такой маршрут тоже не входил в мои планы.

-Ну, только там солнце стоит высоко, почти отвесно, поэтому и не дает тени.

-Этот вариант не исключен, но рассматривается больше как вспомогательный, потому что количество прививок на одно мягкое место, которые ставят при помощи отвесного шприца, подлежит не простому озвучиванию, а двухстраничному исполнению.

-Зачем ты запугиваешь ребенка? – встала на защиту детства его родная мать.

-Я просто не хочу, чтобы ты меня убила, если дочь заболит от малярии или еще какой-то другой заразы.

-А, тогда ты правильно мыслишь, рационально – ответила мне бывшая жена.

-Я мыслю всегда стратегически безопасно и тактически дальновидно.

-Ну, с такой речью ты скоро и политиком станешь.

-Как стану, то сразу дам о себе знать, каким ни будь манифестом. Ну, что-то вроде, о защите флоры и фауны, озонового слоя земли, или освобождения мужчин от женского ига. Не плохо, да. Но на этом я должен откланяться, чтобы появиться вскоре на вашем горизонте. Время своего нового появления я заранее оповещу при помощи звонка в дверь, так что не пугайтесь, а главное не прячьтесь от меня, потому что это будет бесполезно и не культурно с вашей стороны.

-Только приходи без манифеста – предложила простая женщина богу-солнцу, и он тут же исчез в голубой неизвестности, чтобы не гневить земное существо.

Кажется, что первый блин, который у всех домохозяек, приобретал форму сгоревшего кома, он же в моих же руках был спасен и даже съеден, не считая чувства изжоги, который вызвал у меня. Но в принципе все было на мази, которое служило для меня вместо повидла. И так, предстояло еще выпить кофе и считать, что день не прожит даром. Этот завтрак был единственным моим пропитанием, то пяти часов вечера, не считая, конечно же, стакана воды, который был преподнесен мне, моей родной дочерью.

Я медленно прошелся по магазинам, отдавая предпочтение универсамам, потому что, вид еды вызывал у меня ностальгию и меланхолию. Но, трезво оценив обстановку, я отклонил все заманчивые предложения, и пошел домой доедать свои неприкосновенные запасы, которые хранились на случай ядерного взрыва и холодной радиоактивной зимы.

Кстати, взрыв был, который обрушился на меня со стороны нашей первой скрипки, которая уже полчаса загорала под моей дверью, чтобы взлететь на воздух в тот момент, когда я счастливый появился из шахты лифта.

-Ну, и сколько тебя можно ждать? – спросил взрыв несчастную жертву, которую только что расщепил на атомы.

-А, вот про учительницу сольфеджио я совсем забыл. Первый раз со мной такое происходит. Ну, если учитель ждет своего ученика, значит последний, подает большие надежды.

Я открыл дверь, пропустил вперед женщину, который и сейчас хотела быть первой, хотя никто ей в этом и не препятствовал, потому что этикету нельзя только научиться, ему надо следовать неукоснительно.

Осмотр достопримечательностей моей квартиры занял не больше времени, чем требовал все тот же этикет, и я вздохнул свободно. Алла вела себя в высшей мере интеллигентно, как и надлежит не очень любопытной учительнице.

Так как гонорар за работу был уже определен, то она просто не смела, еще раз пересмотреть оплату за каждый час своего служения искусству. Только одна деталь из великолепия сказочного дворца вызвала у нее живой интерес.

-Зачем тебе скрипка? – спросила она.

-Ах, эта, так друзья подарили, по случаю – сделал я вид начинающего коллекционера, к которому такой раритет попался совершенно случайно.

-У тебя, что есть друзья меценаты?

-Но ты же знаешь что все меценаты, они с придурью. Ну, вот решили подарить этот струнный инструмент и все, хоть кол на их голове чеши. Я им тысячу раз говорил, уж лучше, что ни будь, полезное принесли в дом, а не эту рухлядь. И кому она нужна?

-Мне нужна – заявила потерявшая всякий стыд женщина. Это же настоящее произведение искусства, ей цены нет.

-Правда – удивился я. Ты зря сказала о цене на скрипку, так я хотел ее тебе подарить, а теперь оставляю на черный день.

-Скрипка должна играть, а не пылиться до ссудного дня. Ну, что тебе говорить, разве ты поймешь. Тебе же только бить в тарелки и наслаждаться своим медным звоном.

Как тебя вообще угораздило пойти на такой инструмент?

-Ну, кто-то же должен и будить зрителей, а не только вводить их в музыкальный экстаз.

-Просто у тебя никогда не было таланта, и ты вынужден был смириться с этим. Ты пустой как барабан.

-Я прошу не обижать ударные инструменты, потому что мой друг тоже принадлежит к ним.

-Ты сейчас о Паше говоришь? – спросила Алла.

-О каком Паше? – с интересом уточнил я.

-Ну, тот, который играет на барабанах в нашем оркестре. Он еще всегда рядом с тобой сидит.

-Это не Паша, а Павел, а для тебя он Павел Андреевич ни больше, ни меньше.

-Скажите, пожалуйста, какие мы гордые. Это чувство посещает все ударные инструменты, или только два?

-Все. Кстати, и не только ударные. Первая скрипка, бывает первой, только на нашем фоне, который и придает ей такое очарование и талант.

-Так значит я очаровательная и талантливая, да? – наострила уши Алла.

-Ты просто очаровательна своей непосредственностью, которую многие принимают за талант, при средней игре скрипача.

-Ну, не тебе об этом судить. Ты читал, что обо мне газеты печатали. Я новая восходящая звезда.

-Задача любого музыканта не подняться на небосвод, а на нем остаться.

-Ты так говоришь, как будто побывал на этом музыкальном Олимпе.

-Эту мудрость я прочитал, в тех же газетах, которые возносили тебя до небес.

-Кстати, ты знаешь, от твоих слов у меня разыгрался жуткий аппетит, И я охотно бы, что ни будь, съела.

-Чай, кофе, минеральная вода – предложила я на выбор широкий ассортимент напитков.

-Мне что-то бы более съедобное.

-А ты вообще, откуда пришла ко мне? – начал я допытывать это голодное создание.

-Из дому – честно призналась Алла.

-Выходить из дома на пустой желудок – это просто не интеллигентно. Ты не подумала, что могут подумать гостеприимные хозяева о таком госте.

-И что же?

-А, то, что вечернее меню, для этого гостя важнее, чем разговор по душам.

-В следующий раз, чтобы прийти к тебе я хорошенько дома подкреплюсь, но не сейчас.

-Постой – сказал я. Какой следующий, когда я от этого визита отойти не могу. Ты это право заканчивай ходить по гостям под видом учителя по сольфеджио. Тебе это просто не идет.

-Так что же делать? – как девчонка чуть не плача спросила Алла.

-Но так как ты попросила не конкретное съедобное, а что-то неопределенное, то это дает мне право на кухонный маневр. Ты дичь и фрукты будишь? – вдруг решил я огорошить женщину ресторанным ассортиментом.

-Ты еще спрашиваешь. Давай неси и не испытывай мои нервы.

-Только дичь и фрукты не свежие – предупредил я.

-Ничего. Я всягда.

-Но они совсем не свежие, но в то же время прекрасно сохранились.

-Замечательно. Хочешь, я тебе в этом даже помогу.

-Это совершенно лишнее, потому что у меня две руки, а поднос один.

Я не хотел заранее расстраивать женщину, а дал ей несколько секунд помечтать, потому что как вы понимаете, ни дичи, ни фруктов у меня не было. Через тридцать секунд я с пафосом внес на большом подносе свою картину, которая так и называлась – «Дичь и фруктово-овощное пюре».

-Это что еда, по-твоему? – начала возмущаться голодная женщина.

-Ты права, что это не еда, а царское пиршество. Посмотри на этого жареного фазана, на целое блюдо нафаршированных перепелов, на копченый окорок, на целые гирлянды колбас, которые висят как гроздья винограда. Ты знаешь, когда я смотрю на все это, то на фрукты уже просто не обращаю внимания, и даже про еду не могу больше не говорить и не думать.

-Ну, твоя реакция мне совершенно понятна, потому что от такой картины может наступить голодный шок, ведь еду надо есть, а не лицезреть ее на картине 18 века неизвестного автора.

-То, что эта картина 18 столетия ты совершенно права, но автор очень известен, но еще не внесен в базу данных художников.

-Так значит, эту картину ты написал? – осторожно спросила женщина, которой мне пришлось открыть еще один свой скрытый талант.

-Увы, я – честно признался я.

-Почему, увы?

-Потому что не одна картина, не заменит тебе полноценного ужина. Слушай, а ты жареную картошку с солеными огурцами ешь? – спросил я, чуть ли не в полном отчаянии, потому что не накормить гостя, это несмыслимый позор для моего кулинарного снобизма.

-Я все ем, тем более жареную картошку.

-Ну, все что тебе не предложишь, ты все ешь, и даже не знаешь, чтобы такое загадать, чтобы лишить тебя права выбора.

-Я умею даже чистить картошку.

-Ну, с такими руками и маникюром как у тебя, ты можешь чистить картошку даже без ножа. Но я решил спасти твои руки от такого святотатства, потому что американские клубни уже давно продаются в замороженных пакетах, и даже нарезаны соломкой. Я сейчас брошу в нее в конфитюр, и через десять минут, милости прошу к столу.

-Пока ты будешь возиться с ужином, мне можно посмотреть твои картины?

-Да, сколько угодно. Вот тебе стремянка и лезь на антресоль, только не сломай себе шею, потому что картошку я буду жарить для двоих. Так что несчастный случай стоит у меня по плану только после вечернего преломления хлеба и соли.

-Надо же какая забота – как-то странно удивилась Алла, моей человеческой заботе от несчастных случаев на даму.

Я ничего не ответил на последнее замечание женщины, потому что уже весь находился в подсолнечном чаду, теряя сознание от боли и злости. Масленные брызги находили меня в любой точке кухни и даже в зале. Я пытался скрыться от них при помощи материальных предметов, но они проникали и через них, жгли, пытали мое тело, оставляя на нем красные точки. Тут одна мысль осенила меня, и я начал складывать их в ноты, и у меня выходила не плохая мелодия, пока не показался огненный скрипичный ключ, который вспыхнул у меня перед глазами.

-Так творить надо только через страдания – подумал я. Лишь так можно что-то стоящее создать. Жаль, что я так редко жарю картошку дома, но придется этим заниматься чуть ли не ежедневно или найти другое средство, которое будет приносить мне страдания.

А, что его искать, когда оно копошится в антресолях, и того глядишь, упадет – смотрел с опаской я на женского скалолаза.

Но время падения тунгусского метеорита в моем коридоре, выглядело уже не столь несбыточным явлением, потому что уже кто-то летел сверху вниз, а мне пришлось бежать и ловить это космическое тело, которое обрушилось на меня и придавило... на смерть.

Я так сильно ударился головой о паркет, что понял, что внутреннее мозговое сотрясение не происходит без внешнего выделения серой, масляной массы.

-Это был геройский поступок – сказала женщина и перешагнула через меня, чтобы уже возле окна, при вечернем освещении рассмотреть художественное полотно.

-Эй, Рембрандт давай вставай, чего разлегся!

-Я тут мозги в общую кучу собираю, а этот процесс довольно болезненный и часто совсем не предсказуемый

-Ну, сколько тебя можно ждать. Кто это женщина на картине? – спросила первая скрипка.

-Это не женщина, а натурщица – уже давал стоя, я художественные характеристики нетленного полотна.

-Мне понравилась – сказала Алла.

-Кто? – переспросил я. Натурщица?

-Картина, идиот.

-Вообще-то у картины другое название – решил я приобщить простого зрителя, к настоящему искусству.

-И как оно звучит?

-«Натурщица глазами похотливого художника» - ответил я.

-Какое романтическое название - услышал я в ответ.

-Да я долго его подбирал, даже больше чем писал картину.

-А, ты смог бы и меня так нарисовать? – спросила Алла.

-Нет – совершенно искренне признался я. Для такого шедевра мало одной кисти художника, здесь нужна еще природная красота женщины, а с этим как всегда большие проблемы.

-Я вижу, что после падения ты не совсем поправился, поэтому задаю его тебе еще раз.

-Ты мне, сколько его не задавай, ответ будет все тот же.

-Ты уверен?

-Как в том, что ты никак не подходишь на роль прекрасной, своими природными прелестями Данаи.

-Может, еще можно договориться по-хорошему? - в последний раз повторила женщина свою просьбу, чтобы быть увековеченной на века.

-В смысле не поздно, ты имеешь в виду. Но я не могу прыгнуть выше своей головы, это просто не возможно.

-А тебе прыгать и не придется, а только падать.

-Со стремянки?

-Теперь только с лестницы, сначала вниз с головой, а затем вперед ногами.

-Какое-то сомнительное удовольствие ты мне предлагаешь, а главное в период самого прекрасного месяца в году, когда сбываются все надежды.

-Вот ты и пролежишь целый отпуск в травматологическом отделении, а я буду тебя регулярно посещать.

-Чтобы наносить мне новые раны – читал я вслух заветные мысли женщины.

-Угадал. Твои переломы будут носить не временный характер, как у всех больных, а постоянный.

-Ну, тогда мне придется доползти до открытого окна и прыгнуть, чтобы хоть как-то омрачить тебе ежедневные посещения больного.

-Жаль, что с первого этажа тебе не придется так легко от меня отделаться.

-А, откуда ты знаешь, что меня поместят именно на первый этаж? – спросил я.

-Этого, к сожалению, я не могу знать со стопроцентной уверенностью, но могу клятвенно утверждать, где навсегда закончатся все твои мучения.

-На кладбище что ли?

-Не надо так быстро торопиться в загробный мир, ведь тебе еще предстоит посетить еще один кабинет, даже не кабинет, а целый зал.

-Актный зал?

-Опять не угадал, потому что это будет морг.

-Что я там забыл!

-Наверное, себя, когда осмелился мне перечить. Только там до тебя дойдет, что ты совершил свою самую трагическую ошибку в прошлой жизни.

-Если ты первая скрипка, то думаешь, что тебе все можно. Я согласен обсудить проект нашей картины, только после ужина, потому что слишком слаб, противостоять женскому натиску. Но учти, что я ничего дорисовывать не буду. Только все как есть, до последнего волоска на твоей груди.

-У меня на груди волосы не растут. Ты меня с кем-то спутал.

-Ты права, потому что все заказы смешались у меня в голове. Все мужчины просят добавить волосы на картине, а женщины наоборот, пристают, чтобы их побрили перед сеансом, так что кругом идет голова. Так тебя надо рисовать точно без волос или ты еще подумаешь? – спросил я.

-И думать ничего, без волос.

-Ну, без волос, так без волос. Я вообще могу без единого волоска нарисовать тебя. Ты будешь выглядеть у меня как манекен, которого лишили даже парика.

-Только попробуй, а не то я куплю клейкую ленту, перевяжу тебя всего, а затем нечаянно потяну, и ты тогда точно останешься без единого волоска на теле.

-Я боюсь, что останусь и без кожи, при твоём эпеляционном художестве.

-Вот видишь, как хорошо, что ты меня сразу понял. Это такое счастье, что мне пришлось применить только силу слова, которое нашло отзвук в твоём мужском сердце.

-Я бы ответил тебе как художник своей натурщице, которая все время крутится на одном месте и не может найти нужную позу. Но я не буду так жесток, а вместо этого говорю:

«Прошу к столу, потому что он просто ломится от яств и ждет твоих зубных отпечатков».

Я по-братски разделил картошку, как рассчитывают количество миллиграммов спиртного на общий вес тяжело пьющего, и остался доволен своим визуальным преимуществом.

Но картофель по-прежнему не занимал женские умы, а вот соленые огурчики исчезали как грибные поляны после нашествия любителей природы, которые решили обеспечить себя этими дарами леса на долгие годы вперед.

-Как же я мог забыть? – вдруг хлопнул я себя по голове. У меня же осталась еще одна бутылка пива.

-Отлично - ударила в ладоши Алла. Я обожаю пиво.

-А, вот я не могу разделить с тобой радостные чувства, потому что эта бутылка моя и только моя.

-Нет, она уже теперь наша – произнесла первая скрипка, и я понял, что несколько волос на груди ценительницы пива я все-таки дорисую, а если они не имеют место быть в связи с природными особенностями женщины, то я их бесстыже припишу.

Но делать было нечего, как делиться пивом с Аллой, которая уже глотала мою алкогольную слюну и смотрела на меня, моими же пьяными глазками.

Тогда мне пришло в голову, а не взболтнуть ли бутылочку, да так, чтобы пена сорвала железную пробку, и я вынужден был бы пить ее захлеб, из горлышка. Но бутылка мне попала, какая-то нестандартная, потому что пробка отлетела, а пена текла вместе с золотой жидкостью в бокал Аллы. Я ждал, когда же она скажет, хватит, мне достаточно пива, но так и не дождался заветных слов.

-Я понимаю, что после соленых огурчиков тебе все время хочется пить, но для этих целей подойдет и минеральная вода, и не надо так не рационально переводить пиво впустую – нервно сказал я.

-Так я, по-твоему, пустое место.

-Это ты раньше была пустым местом, теперь стала большим и мокрым местом. Ты же сама и выпила бутылку.

-Разве?! – удивилась Алла.

-Точно тебе говорю, потому что я и двух глотков не сделал, а вот твои я все считал и пришел к неутешительному умозаключению.

-Ну, и поделись своими выводами.

-Если раньше говорили о женском алкоголизме, как о научном открытии, то его я впервые наблюдал воочию, как мной подтвержденный факт.

-Скажи еще и выстраданный факт.

-И скажу, потому что где это видано, чтобы учительница по сольфеджио вылакала целую бутылку пиво на глазах своего ученика, которого, кстати, тоже мучила жажда. Ты думаешь приступить к своим прямым обязанностям или нет?

-Ах, да еще урок сольфеджио.

-Что значит, да! А за что я тебя думаешь, пою, кормлю, повышаю твой художественный уровень. У меня больше нет средств, чтобы взять в свой штат еще одного музыкального гения.

-Я все вспомнила. Прямо сейчас и приступим.

-Ну, ничего себе. Ведь тогда возникает вопрос: А, с какой целью ты пришла к мужчине на ночь, глядя?

-Чтобы преподать ему урок сольфеджио. Ну, приступим – сказала Алла и допила мое пиво.

-Вот только не надо начинать сольфеджио с пустой бутылкой пива.

-А, что у тебя еще есть? – спросила первая скрипка.

-Есть, но не про вашу честь. Из подземных подвалов, из самой бездны, из самого холодного места на земле я вытащу еще одну, но только для себя.

Я думал, что смысл моих слов не поймет никто, потому что нахождение этого сосуда было мной закодировано для всех и даже для меня. У меня не было полной уверенности, что в минуту температурного малодушия я не выпил ее, находясь в бессознательном состоянии, когда дневное светило нанесло мне свой предательский, солнечный удар. Но даже женщина раскрыла эту загадку, которую я бросил в лицо желающим все знать потомкам, для долгого поиска в моем умственном лабиринте. Но Алла без труда открыла морозильную камеру холодильника и с криком, сжимая мою бутылку в руках, как отретпетированное факельное шествие последовала в комнату.

Я тут же побежал за ней, чтобы она не дай бог, не уронила или что еще хуже, не выпила без меня последнюю надежду человечества. Но алкогольные пары, видно так расшатали психику женщины, что она, почувствовав себя жонглером, начала подбрасывать этот так легко бьющийся сосуд чуть ли не к потолку комнаты, заставляя замирать мое сердце пока оно не остановилось.

-Але гоп – сказала Алла, подбросив бутылку снова к потолку, сделав при этом одно вращение вокруг своей оси.

-Остановись – выдохнул с облегчением я, когда трюк удачно состоялся при одном зрительском инфаркте.

-Але гоп – снова совершила святотатство обезумевшая женщина, и придало своему вращению вторую скорость.

-Спасибо – посиневшими губами выговорил я. Я просто потрясен твоим талантом – тут же самопроизвольно начали хлопать в ладоши мои руки, показывая всем своим видом, что продолжения больше не надо, потому что это добром не кончится. Ну, зачем к разбитому горлышку бутылки приставлять белую шейку женщины. Ну, не надо меня доводить до полного обезвоживания организма. Очень прошу.

-И вот последний трюк. Але гоп – услышал я голос жонглера и закрыл глаза.

Кстати, хорошо, что я закрыл глаза, потому что последние секунды пребывания моей бутылки на земле пробили, а вернее сказать разбились, но мне этого не суждено было увидеть. Моя бутылка так и осталась в моей памяти живой и полной, а женщина растяпой и училкой, которая разбила все мои надежды на получение музыкального образования в стенах родного дома. Я уже хотел сказать свое веское слово, но тут жильцы решили не стесняться в вольном использовании массы жаргонных слов при недостаточном уровне

образования, то есть использования их для прямого массажа моего остановившегося сердца.

-Что опять произошло с Валерой? – допытывался новый жилец, в голову которого уже пришла сумасшедшая идея обменять свою трехкомнатную квартиру в центре мегаполиса, на равноценную на Камчатке.

-Ничего страшного – сказали женщины. Просто пиво разбилось.

-Ничего страшного! – заревел хор мужчин, который был просто возмущен этим святотатством. Уж лучше бы разлетелся набор косметики, или сгорели все фабрики по производству зелья, который делают из красивой женщины, в женщину ужасную.

-Так это мы ужасные? – возмутились ярые сторонники помады и туши для глаз.

-А, то кто же? – не сдавались мужчины, и я мысленно их поддержал.

-Ну, погоди, только приди, попадись в мои руки и тебя постигнет та же участь, что и бутылку – я даже не стал озвучивать, кому такие угрозы предназначались, и кто был их кровным отцом или вернее сказать, кровососущей матерью.

-Эх, Валера – услышал я голос жильца, который хотел уже со мной поближе познакомиться. Что ты сделал? Как ты мог разбить бутылку пива.

-Это не я. Я бы никогда, да ни за что, вдребезги. Ну, что же я таких простых вещей не понимаю – отчитывался я. И зачем я только спас эту женщину, которая так красиво, так правильно и ровно падала на паркет? То глядишь, и бутылка была бы сейчас целехонька. Это все она - училка по сольфеджио.

-Что это было? – спросила Алла, которая не могла понять, как можно слышать голос, и не видеть его чревоушителя.

-Это мои соседи устраивают поминки по бутылке – решил я все ей рассказать.

-Ну, а как вы так живите? – не могла она понять как при частной собственности на жилые метры, мы оставили в общей, не в разделенном достоянии, сведения о личной жизни каждого.

-Как живем? Как живем? Да, в общем-то, весело. Тайн друг от друга не имеем, значит, и обиду в сердце не храним. Мужики завтра я выступаю по случаю отпуска по семейным обстоятельствам, но с творческим уклоном – закричал я в слуховую и воздушную прорезь одновременно.

-Вот спасибо, Валера. Ты настоящий мужик, а не баба.

Но Алла закивала по сторонам головой, что-то пытаясь мне объяснить.

-Ну, что, говори громче, я не слышу? – отвлекся я на женское бормотание.

-У нас же на завтра намечен еще один урок по сольфеджио – тихо говорила Алла, чтобы ее не дай бог, никто не услышал.

-Урок подождать может, а мужики после сегодняшней ночи без моего пива просто не доживут до утра, поэтому им нужна цель, чтобы они ясно сознавали, что все муки их временны, а похмельный синдром навсегда – рассказывал я первой скрипке про жизненную мудрость.

-Ну, а как же натурщица? – шептала Алла.

-Что ей будет, пять лет пылилась на антресолях, переживет еще один день.

-Но ты же сказал, что будешь меня рисовать?

-Я тебя нарисую так, и быть... потом, а ты пока набирай красоту, впитывай ее через закрытые поры, но мужики для меня важнее. Они мне утешение и поддержка до конца моих дней.

-Так ученик займите место за партой и больше не отвлекайтесь на посторонние голоса – как уже не учитель, а самый настоящий завуч сказала Алла, и я весь похолодел.

-Ты что сбрендил! Какой ученик, какая парта? – попытался я привести в чувство первую скрипку нашего коллектива.

Но Алла меня словно не слышала, мало того она начала бить меня указкой, и все больше по рукам.

-Где это видано, чтобы указкой служили мои старые удочки и еще прошу отказаться от средневековых форм обучения, которые тебе, прогрессивно мыслящему учителю просто не подходят.

-Ученик вы приготовили домашнее задание? – спросила меня Алла.

-Вот те на. Ты оказывается, уже домашнее задание задавала, а я ни сном, ни духом.

Может я пока приберусь в комнате, а ты к этому времени и протрезвеешь – предложил я достойный выход из положения, при котором все останутся, живы и на свободе.

-Прошу со мной не пререкаться, и не прятать руки в карманы, потому что я их там найду.

-Ну, если ты не будешь, лупить их. Это же не медные струны скрипки, это человеческие руки, которые бьют не только в медные тарелки, но... и ого-ого.

-Прошу не путать урок сольфеджио с конным выездом.

-Да, ты оказывается, вообще не умеешь пить – сказал я и тут же получил указкой по рукам. Не знаю как другие, а вот эти руки больше никогда не нальют тебе ни капли спиртного, это я тебе обещаю.

-Ученик, вы знаете, сколько линий содержит нотный стан? – вошла в музыкальную роль Алла, и надо было что-то срочно делать.

-Ну, конечно знаю, десять – ответил я.

-А, в какой музыкальной школе вы учились? – допытывала меня красивая женщина. - Никакую школу я не заканчивал, а только училище.

-Ну, это сразу заметно, потому что вы ученик, никаких знаний там получить не могли, если бы даже и хотели.

-Это было Гнесинское училище: ни больше, и ни меньше. Так что прошу моих преподавателей не обижать, потому что они сделали все что смогли, но, к сожалению, у них со мной ничего не вышло.

-А, что они сделали с тобой, и что не вышло?

-Они бились надо мной много лет, но свой талант, так и не смогли мне передать. Но это не их вина, а только моя. Так что прежде чем приступать к урокам сольфеджио, я советовал бы вам хорошо подумать.

-Думать на уроке полагается ученику, а учитель в это время пьет...

-Что делает учитель? – переспросил я, находясь в умственном экстазе от первого урока по сольфеджио.

-Пьет горячий кофе и без сахара.

-Ну, слава богу, что не употребляет пиво! А, почему учитель пьет на глазах своих учеников кофе, и не предложит и им по чашечке?

-Потому что между учителем и учеником должна быть дистанция, которая с каждым уроком будет не сокращаться, а увеличиваться. Чтобы он всегда знал, какая пропасть разделяет их.

-Ну, тогда придется тебе самой приготовить кофе, потому что с такой теоретической базой у меня на практике ничего не выйдет.

-Почему? – уже трезвея, более осмысленным взглядом на меня смотрела Алла.

-Я боюсь, что просто переложу кое-кому кофе в чашку и он, или вернее сказать она, просто не сомкнет глаза несколько ночей, а ведь у тебя завтра кажется, репетиция.

-А, ты не бойся, потому что репетицию без меня все равно не начнут.

-Хорошо, я сделаю тебе кофе, но только ради музыкального коллектива, а не из чувства обожания к первой скрипке, которая играет в концерте главную партию.

Я приготовил кофе больше из чувства сохранения моих рук, которые уже были исполосованы учителем по сольфеджио, как шкура у африканской зебры. Но, если у животного черные полосы выделялись на светлом фоне, то на моих белых и нежных руках рубцевались красные отметины. К тому же процесс приготовления пищи тоже внес свои особенности в музыкальный орнамент на мое тело, и я мог с легкостью читать эту

татуированную партитуру, написанную жестокой, необузданной силой природы, которая тоже была, по-видимому, учителем по сольфеджио.

Алла сделала несколько глотков кофе и сознание ее начало понемногу проясняться, пока крашенные глаза не взглянули на время, которое давно указывало, что учитель нарушает сложившийся распорядок ученика, засыпать не раньше двенадцати.

Женщина попросила вызвать такси, что я с радостью и сделал. Я проводил первую скрипку до машины и хотел нежно закрыть ее дверцу, как футляр, в котором хранится дорогая скрипка, но, вспомнив о разбитой бутылке, хлопнул ею так, что таксист захотел разобраться со мной, как только исполнит свой заказ.

Но я не стал дожидаться его возвращения, а зашел в квартиру, разделся и лег спать.

Всю свою жизнь мы вставали с ним с постели можно сказать, одновременно. Ну, может быть с какой-то разницей, чтобы не стоять перед туалетом и не стучать в одну и ту же дверь, потому что нельзя занимать его так долго, ведь время текло для нас одинаково. И чтобы не толкаться перед умывальником, чтобы не маячить в зеркале, то я часто уступал свое первенству, этому второму, которое было скорее первым, потому что солнце поднималось всегда на несколько минут раньше, чем я.

Надо было радоваться первому дню своего отпуска, а я почему-то хотел снова пойти на нашу музыкальную репетицию, чтобы снова ее испортить. Но я был лишен такой возможности в силу двух обстоятельств: во-первых, я дал нашему дирижеру честное слово, что не переступлю в течение месяца порог нашей филармонии, и, во-вторых, это слово было документально запротоколировано заявлением, с нижайшей просьбой предоставить мне отпуск по семейным обстоятельствам.

До начала репетиции оставалось еще полчаса, как я позвонил на телефон моего старинного друга Паши, - Павла Андреевича Мельникова.

-Здорово старина – сказал я.

-Ну, нашелся наконец-то. Я тебе два дня звоню, и твой телефон постоянно занят.

-Ты же знаешь, что я отключаю его по выходным дням.

-Это я знаю, но все равно почему-то звоню - по-детски признался он.

-Слушай у меня к тебе просьба личного характера. Давай встретимся сегодня и все обсудим.

-Ну, так заходи ко мне домой.

-Нет. Уж лучше в городе, посидим где-то и я тебе все расскажу.

-Без проблем – ответил мне старый друг. Назови мне только время и место.

Я уже забил ему стрелку, где-то на пол пути от филармонии и его домом, чтобы и так не создавать ему лишних проблем. Паша никогда не любил и просто не мог перекладывать свои проблемы на плечи других, но охотно тянул лямку за всех остальных, которые часто пользовались его человеческой добротой.

Я и был, этой малой частью всех, которые беспощадно его эксплуатировали, но еще не утратил чувства стыда, поэтому и обращался к нему лишь в экстренных случаях.

Как только я положил трубку, я стал ходить по своей квартире, как маятник, туда, сюда и так не меньше ста раз, обдумывая свой план. В любом разумном сознании моя программа была бы названа утопией или авантюрой, но только не в моем, потому что отчима мне надо было срочно трудоустроить в своем же собственном проекте, хотя бы на несколько недель.

Я неожиданно остановился возле своего композиторского стола и начал творить. Но уже не как прежде на нотном листе, а на простом, белом, глянцевом. Я сидел за этой работой не меньше трех часов, пока у меня не получилось, что-то наподобие депутатского запроса в канцелярию президента страны.

Содержание письма сводилось к следующему, почему, когда весь прогрессивный и научный мир разрабатывает прикладную науку, то некто гражданин Никифоров, который временно занимает должность ректора самовольно, без депутатского кворума закрывает научную тему выдающегося математика современности, - Петра Богдановича Шипитько.

Я предоставил недельный срок на рассмотрение моего запроса, но вежливо указал, что если разрыв в науке между нами и всем остальным миром будет, и дальше становиться все больше, то за это, не кто иной, как господин Никифоров ответит своей головой, ну и местом, которая она ранее занимала, включительно. Этот довод не должен был оставить равнодушным человека, который так ценил свое положение, поэтому я остался довольным своим рукописным творчеством.

Да, я сейчас как прославленный скрипичный мастер из простой древесины создал скрипку, которая должна была играть, чтобы будоражить умы не всего человечества

сразу, а каждого в отдельности. Ну, если скрипка уже была, то оставалось только вложить ее в футляр и донести до приемной ректора государственного университета. Вот тут то мне и нужен был Паша, потому что без него моя скрипка, то есть депутатский запрос не имел никакого шанса воздействовать на человека, который видел в своей жизни столько бумаг, с такими печатями, что взять его на испуг было просто не возможно, тем более мне, музыканту.

Я уже оделся, чтобы пройтись по городу, и даже закрыл дверь, как услышал органый голос мужиков нашего дома: «Валера только не забудь, что ты нам обещал».

-Что обещал? – переспросил я

-Ну, ты даешь. Мы такую ночь пережили, а ты уже забыл.

-Да, будет вам пиво, будет, но только отечественное – убеждал я мужчин нашего дома.

-А нам другое и не надо, потому что градус мы сами умеем повышать.

-Только не надо смешивать пиво и водку, ой, не надо – говорил я о разумном, здоровом употреблении спиртного.

-Мы и без тебя разберемся. Ты главное пиво принеси, а лучше дай денег.

-Договорились – согласился я со всем, чтобы не вступать в многочасовую полемику.

Я болтался по городу несколько часов, пока не пришла долгожданная минута, и я не услышал знакомое приветствие от человека, с которым мы дружили еще с музыкального училища.

-Привет Валера – сказал Пашка, который произносил мое имя на французский манер, то есть ставил ударение на него не на второй слог, как все, а на третий.

-Здравствуй – ответил я, и протянул ему руку для приветствия, но мой приятель попросту сграбастал меня в свои объятия и долго не выпускал.

-Ну, зачем ты затащил меня в этот дорогой ресторан? – расчувствовался он. Ведь мы могли бы совершенно спокойно поужинать в бистро.

-Чтобы отравиться? – переспросил я его.

-Нет. Чтобы поговорить.

-Собой я еще готов пожертвовать в любой забегаловке, и даже не брезгую этим, но не тобой. Да, и почему я своего единственного друга не могу пригласить в ресторан, тем более что он еще не знает, чем может закончиться для него такая незабываемая встреча.

-Ну, вот здесь ты не прав, потому что знаю тебя сто лет и один день. Каждый раз наша встреча сопровождается одним и тем же, пока ты не накормишь меня до отвала, ты же не отцепишься.

-Вот поэтому не испытывай меня и приступай к первой части нашего разговора – твердо сказал я.

-На какие шиши ты гуляешь? – спросил он.

-Так подвернулась одна гламурная халтура, вот я и привожу ее в народное достояние.

-Ты что снова кому-то играл?

-Не играл, а так... разучивал ноты – правдиво признался я.

-Ну, зачем тебе все это?

-Приятные воспоминания за хорошие деньги.

-Может еще не поздно тебе все снова начать...

-Паша, но ты же не дилетант, кому можно сыграть закрытыми глазами, ты отличный музыкант и все отлично понимаешь. Я не хочу быть тем, кого за бывшие заслуги просто жалеют.

-Ну, как знаешь, но мне кажется, что это не справедливо.

-К кому не справедливо?

-В первую очередь к искусству, а во-вторых, к тебе.

-Может это и не справедливо, но честно, и хватит говорить о прошлом, потому что я с сегодняшнего дня в отпуске - весело сказал я, чтобы наконец-то закончить траурный диалог.

-Поздравляю с отпуском. Ты, почему отпускные не берешь?

-Ты знаешь, когда кончится мой отпуск, как прекрасное воспоминание, и тоска начнет грызть меня, вот тогда я и возьму эти деньги, а, пока мне достаточно и самого отпуска. Ну, зачем мне два счастья сразу, я же этого просто не переживу.

-Ну, ты рассуждаешь как философ. Но может ты и прав, потому что выходить на работу, не имея ни гроша за душой, скверно – согласился со мной Паша.

-Мы всегда друг друга отлично понимали, и кажется, еще ни разу поругались.

-Был один момент, после аварии... помнишь.

-Ты опять за старое – строго сказал я. Ты лучше помоги мне в одном настоящем деле.

-Все что ты скажешь.

-Для того чтобы ты сразу понял, что мне требуется от тебя, прочти это письмо. Павел Андреевич вытащил очки, водрузил их на нос, затем взял в левую руку бумагу, а правой начал, стучать по столу, как, и положено профессиональному барабанщику. Но его пальцы отстукивали один и тот же марш, а вот музыкальной дробы я от него так и не услышал.

-Прости, но ничего больше, что ты заступаешься за отечественную прикладную науку, я не понял. Да, и с каких пор Петр, так вошел в твое сердце, что ты готов пустить подписные листы, чтобы помочь ему?

-Я вспылал к нему давно и страстно, но показать свое уважение к нему решил только сейчас. Ну, ты же знаешь эту умницу, которая кроме математики ничего не видит. Ему столько раз предлагали кафедру за границей, а он сидит дома и грезит о родной математической школе.

-Ну, что ж изволь я готов подписаться к твоей петиции, и даже еще несколько человек могу подогнать.

-Вот всех не надо, а вот подпись одного твоего родственника мне нужна просто позарез.

-И кого же? – с интересом спросил Паша.

-Ты мне рассказывал, что кто-то из твоих работает в фельдъегерской службе.

-Да, это мой свояк.

-Так вот мне надо, чтобы это письмо передал лично в руки ректора, человек, который состоит на государственной службе.

-Но что это тебе даст? – пожав плечами, спросил барабанщик.

-Это даст необходимый эффект, который по моим предположениям приведет ректора в состояние аффекта, и послужит еще для родной науки. Ну, ты только представь, что человек в форме, которая напоминает архаическое прошлое, не дожидается в приемной, а под серебряный звон шпор входит к ректору по именному приказу Его Величества. Затем он достает запечатанное письмо, которое скреплено сургучом, и бережно передает в нервно трясущиеся руки ректора. После этого он долго и пристально смотрит на него, просит расписаться в получении заказного письма и говорит, что за ответом он вернется ровно через три дня, минута в минуту. Еще было бы не плохо, чтобы фельдъегерь дал ясно понять получателю, что отправитель не любит расстраиваться, когда его запрос не правильно исполняют к действию.

-Ты что думаешь, что это может помочь Петру?

-Это должно помочь мне, чтобы провести отпуск со своими детьми – сказал я.

-Ну, так бы и сказал, что это нужно тебе, а не только прикладной науке. Я думаю, что уже завтра твое письмо найдет своего адресата.

-Вот это было бы просто здорово.

-Постой, а ты что двух детей сразу хочешь взять на море? – спросил Паша.

-А что это число является критическим, после которого происходит необратимая реакция с не подконтрольным высвобождением энергии с последующим взрывом.

-Нет. Ну, ты же сам говорил, что они не общаются. Да, и как ты уговоришь их матерей?

-Вот тут я никого уговаривать не буду, а поставлю их уже перед фактом, за минуту перед вылетом.

-За минуту будет, пожалуй, рановато. Вот за секунду, это уже тот отсчет, который им уже никогда не остановить.

-Умница, ты Паша. Ты прав как всегда, но к твоей секунде я прибавил еще кое-что, что не позволит ни один самолет свернуть с взлетной полосы.

-Ой, смотри, только не ошибись в своих расчетах. Лучше еще что-то заготовь, на всякий случай.

-Не дрейфь, прорвем через все зоны ПВО и вознесемся к самым облакам, а там нас уже не достать.

-Ну, дай бог.

-Только поставь меня в известность, когда письмо попадет в руки ректора – напоследок попросил я о последней услуге Пашу.

-Само собой.

Я уже попрощался с другом и шел домой, чтобы сразу же попасть в руки мужиков, которые поджидали меня у подъезда.

-Ну, где ты пропадал Борисович? Уже и солнце скрылось за горизонт, а тебя все нет, и нет. Мы уж подумали, не случилось ли, что с тобой. Ведь так обидно бывает, только решил мужик, сделать что-то хорошее, а тут несчастный случай.

-На этот случай я приготовил даже завещание, где точно указал, кого пригласить за стол и сколько кому наливать.

-Все-таки башковитый ты - человек, хоть и музыкант. Да, бросай ты свой дело и айда с нами слесарить. Ты знаешь, сколько за один день можно смагарычить? Вот по глазам вижу, что не знаешь, ну, не расстраивайся, потому что понедельник и в отпуске самый трудный день в неделе.

Я передал деньги самому трезвому в этой компании, который не падал только потому, что он все время держался за меня. Но через минуту я удалился в свои апартаменты, зная наперед, что пивная чаша не дойдет до меня сегодня, так как просто не найдет обратного пути домой из водочного ларька. Сколько раз мужики обещали мне, что возьмут меня с собой, но так еще ни разу своего клятвенных заверений не исполнили. Но я не был за это на них в обиде, потому что помнил еще со студенческих лет, что лишнее горло в такой компании, хуже топора в спине. Я еще не успел переодеться, как в мою дверь позвонили, и я воспарял духом, потому что мужики, если дают обещания, то иногда все-таки их и выполняют. Я вдохнул воздух поглубже, чтобы не сразу окунуться в кислородную атмосферу мужского праздника с сероводородным привкусом. Мне надо было, сначала привыкнуть к этому аромату, чтобы мозговые клетки смогли перестроиться на молекулярном уровне до завтрашнего утра.

Я открыл дверь и выдохнул весь воздух за одно мгновение в лицо учителя по сольфеджио. Я от страха даже хотел захлопнуть дверь, но женский каблук встал в моем произведении как басовый ключ.

-Чур, меня, чур – попытался я отмахнуться от страшного наваждения. Я сегодня никого не ждал, и особенно своего учителя.

-Учитель всегда приходит неожиданно, чтобы проэкзаменовать своего ученика, и узнать действительную глубину его знаний - уже прорвалась Алла в коридор, и оказывать ей дальнейшее сопротивление было делом бесполезным.

-Только я сразу хочу предупредить, что у меня в доме ни крошки хлеба, ни капли пива.

-Это меня полностью устраивает, значит, мы сразу сможем приступить к уроку.

-Может все-таки завтра? – предложил я. В такое время суток уроки проходят только в вечерних школах, а я устал как собака.

-Как может устать человек от работы, которую сегодня не выполнял, не пойму?

-Ты еще так молода, что дай тебе бог, как можно дольше не чувствовать этого чувства.

-А, сколько тебе лет? – спросила Алла.

-Тридцать восемь – ответил я и сделал себя на один год моложе.

-И в таком возрасте уже говорят о старости? Ну, и ну.

-Это не я говорю, это старость за меня говорит – отчитывался я.

-Ну, учиться никогда не поздно. Даже в твоём.

-У тебя есть хоть капля уважения к старости? – возмутился я. Я тебе уже полчаса толкую, что у меня нет ни сил, ни желания заниматься сегодня. Твое сольфеджио мне так же необходимо как рок звезде, которое после мирового турне решила позаниматься на ночь, глядя теоретической наукой.

-Вот видишь, если рок звезда признала, что ее знания не достаточны и, не стыдясь, села за парту, то и тебе не надо быть таким музыкально убогим.

После этих слов Аллы, я как будто увидел себя со стороны.

Как долго выбираюсь из кулис, выхожу на сцену, где, ослепленный фарфоровым светом, я еще долго не могу понять, как в моих руках оказались скрипка и смычок. Но вот первое приветствие смолкло, мои руки взлетели ввысь, и я закрыл глаза.

Вот смычок тронул одну струну, затем другую и я уже заиграл, полностью окунувшись в свой музыкальный мир, чтобы через секунду услышать, как фальшиво взвизгнули тормоза машины, как с хрустом лопнули кости после лобового столкновения, и как вся моя плоть свернулась в нечеловеческую боль и страдания.

Я помню, как врачи устроили консилиум и долго рассматривали меня как счастливый феномен, который остался в живых просто чудом и должен был благодарить бога за свое сердце, которое забилося после клинической смерти, только после прямого массажа.

Мой слух остался прежним, и память почти оправилась от сотрясения, но руки больше никогда не могли уже сделать то, что с такой виртуозностью исполняли еще совсем недавно. Все было и все прошло. Только иногда ночью, в самую крошечную тишину я позволял себя взять скрипку в руки и заиграть как раньше, когда я был лучшим.

-Не трогай скрипку - сказал я Алле, которая бряцала струнами.

-Странно, что она настроена. Ты же говорил, что она лежит у тебя несколько лет без дела.

-Все так и есть. Кажется, скрипку один раз в жизни настраивают, как медные тарелки. Раз и готово.

-Ну, до чего же темный народ эти ударные инструменты. С таким невежеством я сталкиваюсь впервые.

-Я еще и не такое способен, но шутки в сторону, потому что мне надо тебе показать свое новое музыкально произведение.

-Какой плодовитый автор – с восхищением сказала первая скрипка. Что ни ночь, как новое произведение...

-Ты знаешь, я сам порой удивляюсь, и откуда все берется? Может, открылось для меня безграничное небо и я один слышу его зов.

-Ну, ты много рассуждаешь, лучше покажи мне его.

Я прошел на кухню, захватил с собой одну нотную тетрадь и явился перед очами своего учителя по сольфеджио. Они действительно были какими-то особенными. Темно-карие глаза, обычное дело на земле. Три четверти населения земли имеют такой цвет глаз, но за этими стояло еще и солнце. Оно как будто пробивалось через эти янтарные витражи. Но солнце никогда не стоит на месте, поэтому каждый миг в ее глазах был так не похож, так не повторим, так преходящ. Это как звездочет никогда не устанет смотреть в звездное небо, потому что оно для него живое, и каждая звезда имела свое имя.

Такие глаза должны, были быть только у персидской княжны, такие же красивые, гордые, и утопающие под черной лебединой стаей ресниц.

Какое чудо природы – женские глаза – подумал я.

-Ты хоть сам понимаешь, что написал? – спросила Алла, и я взял все свои слова по поводу красоты и ума женщины обратно. Правда об уме женщины я еще пока не

упоминал, но значит, его и нет, показался мне этот вывод вполне приемлемым, который усилился во мне, когда первая скрипка начала что-то исправлять.

-Как ты обращаешься с авторским произведением, и на каком собственно говоря основании? – не находил я себе место. Это было так задумано, и я совсем не помышлял, что кто-то посмеет исправлять гениальное произведение. Да, как у тебя рука поднялась, так кромсать мое живое авторское тело. Все ноты верни на исходные позиции, пока я не рассердился.

-Ну, вот что ты написал: Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала – лала, тарамба. Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала-ла-ла, карамба. Трула-ла-ла, тру-ла-ла, ночная лампа. Пора-пора, пора – бам-бам-бам и тут долго, очень долго, с печалью, со слезами, от всего сердца, и тут всем вам теперь наступит - амба-а-а-а-а.

-По-моему очень все хорошо. Лучше и придумать нельзя.

-А, если так: Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала – лала, тарамба. Ля-ля-ля, ля-ля-ля, трала-ла-ла, карамба. Трула-ла-ла, тру-ла-ла, ночная лампа. Пора-пора, пора – бам-бам-бам и тут долго, очень долго, с печалью, со слезами, от всего сердца, и тут всем вам теперь наступит - панда-а-а-а-а.

-Ты что грамматические ошибки исправляешь, так я не просил. Ты мою «амбу» переделала в «панду». Если ты хочешь стать моим соавтором, то у тебя ничего не выйдет, и даже не пытайся напроситься.

-Но с моим текстом все-таки более душевно – облизывая свои губы, говорила со мной Алла.

-Да – согласился я и добавил, - а главное про природу.

Алла взяла мою скрипку в руки, как будто я ей это разрешил, и решила исполнить мою композицию. Я слушал и плакал, пока эта женщина снова не испортила мне настроение своими подозрениями.

-Тебе не показалась эта мелодия знакомой? – спросила меня Алла.

-Ну, конечно же, показалась. Ведь я ее написал.

-Это же римейк на песню Фрэнка Синатра – «Мой путь».

-Это мой путь, а не Фрэнка. Да, кто такой твой Фрэнк Синатра и кто его знает? – не унимался я.

-Его знают все – противоречила мне первая скрипка.

-А, я не знаю, и поэтому не мог написать никакой римейк. Это все чушь и попрошу больше своими подозрениями меня не нервировать.

-Но это же плагиат! – убеждала меня Алла.

-Ты хочешь сказать, что я украл песню у этого человека, который жил где-то там за океаном. Но ведь я даже его адреса не знаю. Ты можешь посмотреть в мою телефонную книжку и убедиться, что никаких сведений ни на букву «с», ни на букву «эф» там просто нет.

-У тебя и записной книжки нет.

-Тем более. Вот ты уже и сама в этом убедилась. Кстати, в паспорте тоже нет ни визы, ни печатей о прохождении пограничной и таможенной службы США.

-Ты не украл его песню, а присвоил.

-Но разве нельзя придумать одно и то же произведение дважды. Он придумал свою песню в конце второго тысячелетия, а я в начале третьего.

-Так не бывает Валера – отрицала все мои доводы Алла.

-Ну, а если очень захотеть и даже постараться? – предложил я договориться и даже вписать Аллу в список авторов римейка.

-Нет. Как ни тяжело мне это тебе говорить, но ты должен забыть свои авторские амбиции, а с композиторским творчеством распрощаться навсегда.

-Это мы еще посмотрим. Я лучше повешусь на одной из этих музыкальных линий, но напишу свою музыку, потому что без веры в себя нельзя жить, тем более что-то написать.

-Ну, зачем тебе это все? Ты тридцать лет бьешь в свои медные тарелки, ну и бей дальше, на здоровье. Просто скажи себе, что это не твое, и ты сразу обо всем забудешь.

-И про мечту? – с ненавистью спросил я.

-Что про мечту? – не поняла меня Алла.

-Ты что предлагаешь забыть мне про мечту. Никогда. Я лучше отрекись от себя, чем не позволить мне попытаться сделать что-то свое. Я все-таки оторвусь от земли, и воспарю в небо.

-В какое небо, Валера? Ты сошел с ума.

-В мое небо. Я только теперь понял, что у каждого есть свое небо, и я буду его искать, ни смотря, ни на что.

-Ну, и ищи, а мне пора домой – сказала Алла и прошла в коридор. Она уже обулась в свои туфельки на высоком каблучке, как я решил вдруг отблагодарить свою учительницу за познавательные, открывшие мне такой широкий кругозор уроки по сольфеджио.

-Постой одной минутку – произнес я и вскоре вернулся со скрипкой в руках. Я нес ее как дитя, которое уснуло в моих руках и так сладко спало вот уже столько лет. Но я пока не мог передать его в вечное владение кому-нибудь еще, потому что был по родительски самолюбив и самонадеян. Я не мог признаться себе, что в чьих-то руках ему будет лучше.

-Зачем ты отдаешь мне свою скрипку? – спросила Алла, и уже начала выпцарапывать из моих рук лаковый футляр.

-Ты права, что скрипка должна играть, чтобы не превратиться в обычное дерево. Так вот на время моего отпуска я передаю ее тебе для ответственного хранения. Из дома прошу ее не выносить, и я могу посещать ее в любое время дня и ночи.

-Только в дневное время – начала настаивать женщина.

-Тогда верни мою скрипку? – заартачился я. Я передал тебе самое дорогое, что у меня есть, а ты еще и огрызаешься.

-Хорошо – согласилась Алла. Ты можешь ее посещать не только днем, но и по вечерам.

-А что будет с ней ночью, ты думаешь, меня не волнует! – с испугом говорил я.

-Ну, что с ней может произойти ночью, когда все нормальные люди спят.

-Ну, смотри, теперь ты лично за нее отвечаешь. Но с твоими обязанностями я тебя уже познакомил, осталось только два слова сказать и о правах. Ты вправе играть на ней, но так чтобы стать лучшей...

-...И самой лучше. Ну, вот ты нагрузил меня обязанностями, а не правами.

-Ну, если ты не хочешь, то насильно мил не будешь? – посмотрел я на женщину, которая уже спрятала скрипку за своей спиной.

-Я пошутила. Да, чтобы стать лучшей, мне ничего и делать не надо. Просто не опаздывать на репетиции. Я права?

-Не знаю. У каждого свое небо

-Но учти чем выше небо, тем больнее падать – методично наставлял меня учитель по сольфеджио.

-А, ты знаешь, чем отличается сильный человек, от слабого? – спросил я.

-Талантом, чем же еще.

-Нет. Просто у сильного человека всегда на один полет больше, чем падений. Он стал выше страха, а это уже и есть необъятное небо.

-Мне кажется, что ты стал уже заговариваться и это меня как твоего коллегу очень беспокоит.

-Ну, мое отсутствие мало кто и заметит, потому что я давно для многих не зрим.

-Ты так думаешь?

-Но я понял еще одну истину, что в первую очередь я не вижу себя, поэтому не зрим для других.

-Я, пожалуй, уже действительно пойду, потому что я так часто вижу тебя в последнее время, что скоро просто сойду с ума.

-Когда мы снова увидимся? – спросил я.

-Ты позвони мне, и мы тогда решим.

-А, краски брать, мольберт, полотно, или пока только сделаем наброски?

-Но ты же сказал, что мне надо набраться красоты, чтобы соответствовать кисти художника.

-Когда? – широкими глазами спросил я.

-Ну, когда говорил со своими мужиками – напонила мне вчерашний вечер Алла.

-Это я нарочно, чтобы они не приставали ко мне со своими заказами. Ты знаешь, давай я тебя проведу, хотя бы до общественного транспорта, а то не дай бог, они увидят у тебя мою скрипку, и еще отнимут.

-Ну, если ты так переживаешь за скрипку, то изволь.

-Я больше переживаю за первую скрипку, потому что мужикам все равно, какой инструмент принести для меня.

-А, для тебя? – начала строить свой лаковый футляр Алла, который должен был превратиться в дубовый саркофаг для мужчины.

-А, по мне так, чем скрипок больше в доме, тем лучше. Я бы даже коллекцию собрал, но не имею к этому, к сожалению, свободных финансовых средств.

Мы уже давно стояли на автобусной остановке, и пропустили даже два маршрута, потому что один автобус, на мой взгляд, был слишком переполнен и мог просто раздавить скрипку, а второй был так пустынен, что я уже боялся за другую. Но вот показался третий, и даже остановился рядом с нами, но женщину уже нельзя было переубедить, что ходовые части этой машины, оставляют желать много лучшего, а внешний вид шофера так не музыкален. Но вот двери закрылись, прищемив мои руки, потому что шофер слышал каждое мое слово, сказанное против него, и мне пришлось несколько минут бежать рядом с автобусом, поддерживая равнозначную скорость.

Но только один пассажир в автобусе оказался сердобольным и грозил водителю разнести его голову моим музыкальным инструментом. Он даже вышел из автобуса, не желая дальше ехать в этой консервной банке.

-Ты зачем вышла из автобуса? – спросил я Аллу.

-А ты зачем бежал за ним? – парировала первая скрипка.

-Просто у меня такая привычка – ответил я.

-И у меня такая привычка, как только куплю билет, то сразу выхожу из автобуса. Я решила еще раз убедиться на тот ли маршрут села?

-Надо же какие у нас с тобой похожие привычки. Ну, ладно, если бы ты что ни будь, съела у меня, то это как-то можно было объяснить обычным расстройством, но ведь я тебе даже воды не предложил, потому что не могу забыть несчастную бутылку с пивом.

-Какой ты оказывается, злопамятный!

-Я просто справедливый. А хочешь я куплю тебе морожено?

-Хочу – ответила Алла и снова меня расстроила, потому что не было ни одного кулинарного блюда, которое могло бы напугать эту мужественную женщину. Она могла съесть все и всегда, и, кажется в огромных количествах.

-Тебе, какое морожено купить с шоколадом или пломбиром? – нарочно запутал я женщину, чтобы она выбрала сливочное, которое подешевле.

-Я буду пломбир с шоколадом.

-Тогда два – сказал я продавщице мороженого, которая в отличие от меня обрадовалась на такой дорогой заказ.

Я как всегда ел мороженное жадно, откусывая от него большие куски, а женщина продлевала свое удовольствие и лизала его, как будто жалела.

Ну, что это за такой мучительный способ переваривания пищи – думал я. Вот я уже съел, морожено и иду себе налегке, при этом ревностно и жадно заглядывая в рот Аллы. Мне, почему-то захотелось сейчас, стать вот таким же мороженым, которое бы растекалось в ее руках: белым и сладким сиропом.

Но Алла как будто ела, морожено, то не ела его, потому что оно все никак не кончалось, а даже увеличивалась в размерах, и это меня беспокоило.

Я даже закурил, чтобы унять свой голодный инстинкт, потому что смотреть на эти женские кривлянья не было больше ни сил, ни настроения.

-Все я больше не могу – сказала Алла, и я не понял, чего она не может, смотреть на мои мучения или идти к себе домой пешком, чуть ли не через весь город.

-Чего ты не можешь? - переспросил я.

-Я не могу, есть, морожено.

-А, я не могу видеть, как ты давишься им в такую жару.

-Можешь ты его доешь? – предложила мне Алла свое морожено.

-Когда ты его весь облизала! Ты что!

-Но я всегда его так ем.

-Но ты надеюсь не заразная? – спросил я.

-Не знаю – призналась Алла и уже глазами начала искать мусорницу, в которую можно было выбросить пломбир с шоколадом.

Но я не допустил такого извращения и выхватил, морожено из рук.

-Я и так вижу, что ты не заразная – сделал я свое врачебное заключение. Давай сюда.

Я тут же стал на себе пробовать способ поедания мороженого, предложенный женщиной, но не получил желанного результата. Кончик моего языка двигался по пломбиру снизу вверх, но вожделения, почему-то не была. Я даже вкуса мороженого не чувствовал, как будто гладил своими шершавыми рецепторами языка, не пойми что. Я уже хотел вгрызться в этот леденец на палочке, как заметил на себе взгляд женщины, которая за мной пристально наблюдала и кажется, хотела, отобрать у меня, морожено, или, часть моего языка.

Ну, я иду, никого не трогаю, лижу одолженное мне во временное пользование морожено и ловлю на себя пыльные взгляды прохожих. Но я же за свои деньги купил, морожено, поэтому и наслаждаюсь его холодным ко мне прикосновением. Я стал еще более пылко подлизывать свой пломбир, чтобы все видели, какой я продовольственный гурман, как мне удастся его так изящно фламбировать.

Я еще долго топил своим языком это морожено, пока оно не застыло на моем лице. Но тут Алла протянула мне платок, и я вытер белые подтеки, с моего красного, эротического лица.

-Ты что мороженого никогда раньше не видел? – спросила меня первая скрипка.

-Такого вкусного еще никогда. Может, стоит сначала купить его, потом дать прохожему полизать пломбир и только затем приступить самому. Ты как думаешь?

-Я вообще так не думаю, потому что это противно и антигигиенично.

-Значит ты жадная, в отличие от меня. С твоей жадной привычкой надо как-то бороться.

-Что ты предлагаешь? – снова спросила Алла.

-Тебе надо купить морожено, и предложить, снять с него пробу не одному человеку, а сразу нескольким.

-Все больше не слова, потому что я мороженое до конца своих дней есть, не буду - воскликнула она, услышав лишь мои теоретические рассуждения, которые привели ее в ужас, и это мне почему-то нравилось.

-Вот все так зимой говорят, что не будут, есть, морожено, а как наступает лето, то все забывают свои клятвы.

-Все мы пришли – сказала Алла.

-Вижу, потому что, кажется, уже рассвело.

-Но как ты в четыре часа ночи доберешься домой.

-По звездам, как же еще.

-Но их уже не видно. Может уже по солнцу.

-Хорошо применю два способа: один мой звездный, и другой твой, солнечный – с печалью произнес я.

-Ну, тогда прощай – сказала Алла.

-Ты смотри только на репетицию не опоздай, и не кому не рассказывай, что несколько раз встречалась со мной, а то все подумает, что и на тебя я плохо влияю.

-А, ты знаешь, что многие спрашивают о тебе, и даже скучают – призналась мне первая скрипка.

-Это они скучают по незапланированным перекурам, которые я неожиданно им устраивал. Но пусть потерпят, скоро я снова появлюсь, и все будет по старому.

-Тогда спокойной ночи – сказала Алла.

-Да, именно так, спокойной ночи – повторил я слово в слово за своей ночной спутницей. Я уже повернулся со скрипкой в обратную сторону как услышал: « Эй, медный звон, скрипку, то верни» – пробурчала Алла.

-Ах, да, извини, просто задумался.

-О чем еще?- спросила красивая женщина.

-Да, мало ли о чем? Вот жаль, например, что у человека одна голова, а не три, например

-Ну, и зачем тебе три головы?

-Ну, уж конечно, чтобы не красить их в разный цвет волос. Одна бы голова у меня думала, вторая говорила, а третья... - тут я задумался и не мог понять, зачем мне еще одна.

-А, другая бы только ела – сказала Алла, и я бы с ней согласился, но был сыт мороженым по горло.

-А третья все время сочиняла бы музыку – почему-то признался я.

-Что без перерыва?

-Да. Все двадцать четыре часа.

-Ну, тогда привет твоей третьей голове, потому что она будет трудиться за все оставшиеся.

-Да, ей не позавидуешь – с грустью сказал я, и начал ее уже ощупывать.

Я уже подходил к самому дому, как было заметно, что с каждой минутой оживает мой любимый город. Еще немного и на проезжую часть ринутся многочисленные стада автомобилей, а по тротуарам будут бродить несметное количество людей.

Скоро утренний, пропитанный росой воздух испарится, и на его место встанет горячий, выхлопной газ. Но люди не наденут противогазы, потому что уже давно привыкли к этому дыханию, и даже уже не верили, что существует на свете другой здоровый и чистый. Но этот образец чистейшего воздуха уже давно был закупорен в научную колбу, чтобы, когда-то сверить эти показатели вместе и решить, что человечество действительно сошло с ума от угарного газа, которое производит и само же, его и потребляет.

Только чахлые деревья и пожелтевшая трава, как лакмусовая бумажка свидетельствовали, что смертельный уровень выброса вредных материалов в природу сегодня трехкратно превышен, и еще осталось совсем немного, и скоро некому будет вести научные наблюдения, потому что ни предмета, ни объекта исследований уже просто не будет.

Но сонные люди брели в лабиринтах города как сомнамбулы, и не замечали никаких изменений. Как желтое ядовитое солнце жгло их своими лучами, как небо по цвету напоминающее яд мышьяка, разъедало глазное яблоко, как белые облака, словно белый саван окутывал землю.

Мне вдруг вспомнилось мое произведение или римейк на песню Сенатора – «Мой путь», и я решил, что все-таки «панда» это лучше чем «амба», которое придет к нам, потому что именно мы делаем все возможное и невозможное, чтобы она обязательна к нам и как можно быстрее пришла. Ну, ладно мы – самоубийцы, но почему детей своих мы обрекаем на вымирание, ведь они ни в чем не виноваты.

Засыпая в кровати, я поклялся, что буду голосовать теперь только за зеленых и никогда больше за серо-буро-малиновых. Уже во сне я видел китайского мишку, который питался при помощи бамбуковых палочек, как все жители поднебесной, а я играл ему на скрипке, потому что не хотел никого пугать своим медным звоном. Но тут из бамбуковой чаши вылезла нагая первая скрипка и начал указывать мне непристойными движениями свои похотливые мысли. Она настоятельно просила пройти за ней, в темные не проходимые джунгли и помочь настроить ей какой-то музыкальный инструмент. Я поначалу все отнекивался и говорил, что в настоящий момент я даю свой концерт целому вымирающему виду животных на земле и не могу отлучиться ни на минуту.

Да, у меня и не было с собой настроечного инструмента. Но все мои доводы оказались напрасны, и я соблазнился поддельным ангажементом, которой ничего мне принес кроме разочарования и страха перед женскими джунглями.

Я закрыл свои композиторские глаза во вторник рано утром, чтобы открыть их уже воскресенье. Только не подумайте, что я проспал все это время, просто ничего необычного в моей жизни не произошло. Я по-прежнему сочинял вою музыку, и потерял счет дням. Только один звонок вывел меня из этой спячки, потому что фельдьегерь сделал свое дело и даже получил ответ на него. Это письмо мне даже зачитали по телефону, но я не понял, какие изменения произошли в математической жизни отчима моего сына. Мне предстояло самому разобраться в этом хитросплетении человеческих судеб. Я уже стоял на пороге открытия, которое мне и открыло дверь.

Оно даже обняло мне, потому что было в хорошем настроении.

-Привет Петя – сказал я ему.

-Здорово, Валера. Проходи.

-Неужели ты так рад моему приходу? – удивленно спросил я.

-А, то.

-Может, ты меня с кем-то перепутал? – переспросил я. Еще никогда мое появление не вызывало у тебя столь романтического приема. Что-то случилось?

-Случилось. Но ты сначала в дом проходи. Все надо делать по порядку.

Я снял свои туфли в прихожей и прошел в квартиру. Вежливый сын поздоровался со мной, но сразу же потерял ко мне всякий интерес. Его мама тоже пребывала в радостном расположении духа, и это меня сразу же насторожило.

-Уж не решили и они меня взять с собой на море? – подумал я.

-Чем ты так расстроен? – спросил меня Петр.

-Вы, наверное, заказали пиццу с доставкой на дом, а пришел я, и все вам и испортил.

-Какая пицца! Мы сейчас с тобой отметим мою воскресшую из мертвых научную работу.

-Так мы и за поминки ее души не пили – намекнул я, что хорошо бы выполнять все ритуалы в строгой последовательности.

Я уже сидел на кухне за празднично накрытым столом и держал рюмку с водкой над огромной тарелкой крошки.

-Ты толком объясни, что случилось у тебя на работе? – испуганно спрашивал я мужа своей первой жены, потому что чувствовал себя ни в своей тарелке.

-Эта долгая история. К нам в университет пришел депутатский запрос, который и перевернул все это осиное гнездо. Ты бы видел, как со мной разговаривал ректор.

Он чуть ли не целовал меня как девушку – хохотал Петр, и я отвечал ему тем же.

-Ты Петр это заканчивай целоваться с мужчинами, ты же научное светило, а видишь себя как гей.

-Ты дослушай, и не прерывай меня – строго осек меня Шипитько, как и следует декану физико-математического отделения.

-Ну, и что дальше было?

-Я дальше все было, как в сказке. Ректор просил меня не давать ход своему ошибочному решению, которое поставило крест на моей научной карьере. Сам Никифоров слезно умолял не настраивать против него депутатское большинство, потому что он тоже еще верит в отечественную науку.

-А Никифоров это кто? – спросил я.

-Ну, я же тебе тысячу раз говорил, что это наш ректор. Что у всех музыкантов такая плохая память?

-Нет, только у меня. Вот ты мне тысячу раз говорил мне о своем ректоре, а сидим мы с тобой за столом в первый раз.

-Да, ладно, не может быть – удивился он.

-Поверь, что если бы это произошло раньше, то я бы не забыл такое простое арифметическое число.

-Ты что и на нашей свадьбе не был? – спросил Петр.

-Ну, если вы не приглашали, то, как я мог появиться на ней, скажи?

-Этого еще не хватало! – произнесла мама моего сына.

-Я очень хорошо тебя понимаю, потому что трудно объяснить гостям при белой фате невесты, появление еще и бывшего мужа. Хватит и того, что сын исполнял роль белого ангела, спустившегося с неба. Этот целомудренный образ было так трудно тебе воплотить в жизнь, так что моих обид к вам обоим у меня просто нет. Кстати, мой подарок я вам сделал.

-Какой? – спросил Петя.

-Набор посуды, ты что забыл!

-Я первый раз слышу об этом.

-А, я первый раз об этом и говорю.

Петр, посмотрел на свою жену, а та кивком головы подтвердила мои слова, как будто нельзя мне сразу поверить, а только тщательно процеживая, фильтруя каждую букву моего повествования.

-Кстати, я его даже не распаковывала – сказала женщина.

-Что хотите кому-то другому его передарить? – спровоцировал я радостную атмосферу, которая царила за столом.

-Мы просто мечтаем об этом – получил я квалифицированный ответ на свое тонкое замечание.

-Слушай, Петр, а как фамилия депутата, который так яростно вступился за отечественную науку?

-Кажется, Мельников и еще представь твой однофамилец,

-Не может быть. Неужели моя фамилия блистает не только на музыкальных афишах, но уже в высшем законодательном собрании. Фантастика. Сын ты слышишь, как нас, оказывается, все хорошо знают. Так что первую ступень к Парнасу, я тебе уже сделал. Дерзай.

Но продолжатель моей фамилии вдруг переглянулся с мамой и я понял, что меня ждет непредвиденный сюрприз.

-Да, кстати, число депутатов, которые подписали эту петицию, было то же внушительным – чуть ли не бил себя в грудь доктор физико-математических наук.

-Сколько? – спросил я.

-Что-то около двадцати депутатов.

-Ничего себе. Так ты скоро прославишься как мученик за науку. Вот только опустили тебя до уровня плинтуса, говоря, вашим математическим языком по оси «Х», и тут же вознесли по другой оси «Y»

-Ты хоть представляешь, сколько стоило Петру, чтобы добиться своего сегодняшнего положения – накинута на меня жена видного научного деятеля. Наконец и депутаты начали ценить его.

-Ну, откуда мне знать я же простой музыкант, который мало что смыслит не только в математике, но и в жизни.

Я предложил выпить за Петра, и даже сказал несколько незабываемых и теплых слов в его адрес, и до глубины души был растроган такой депутатской заботой, потому что добро всегда находит свой отклик в сердцах других людей.

Вот под этот тост, я и решил увезти сына с собой под восторженные возгласы своих слушателей. Но неожиданно слезы на глазах присутствующих высохли, а у рта, собрались морщинки, которые всегда находились на лбу.

-Ну, зачем ты портишь опять нам всем настроение? – взяла веское слово жена Петра Богдановича.

-Я? Зачем вы мне приписываете качества, которыми я никогда не обладал? Я просто хотел провести отпуск со своим сыном, вот и все.

-Ну, так как ты первый затронул эту тему, то будь готов ко всему.

-Как это все звучит трагически, мне так и хочется ударить в медные тарелки, чтобы всеобщая печаль покрыла все вокруг.

-Мы хотели, чтобы ты не возражал, чтобы мальчик взял фамилию Петра – сказала женщина.

-Вот всегда так, начинаем пить за здоровье, а заканчиваем за упокой. Вы что белены, объелись или думаете, что попали под депутатскую неприкосновенность. Так вам она не поможет.

-Ты Валера не горячись, а все трезво и рассудительно взвесь - взял слово доктор наук.

-Ничего взвешивать я не собираюсь, тем более на трезвую голову.

Я впервые взял бутылку в руки и разлил ее содержимое в рюмки. Но выпил я отдельно со всеми, чтобы показать свою не сгибаемую позицию.

-У твоего сына талант к математике, но его надо ежедневно развивать, чтобы он не зачах и не стал как...

-...Как я, ты давай договаривай. Слов из песни не выбросишь.

-Ну, хорошо как ты – согласился на мое тонкое народное замечание Петр.

Сын уже хотел покинуть это математическое ристалище, но я удержал его и не дал покинуть поле боя, где призом должна была стать моя голова.

-Я думаю, что нам наедине нужно обсудить этот вопрос и не травмировать психику мальчика – как на лекции прочитал свою аксиому профессор.

-Я думаю, что вы уже все давно решили и даже провели математическую олимпиаду за моей спиной, так что «чужих» за этим столом нет, ну кроме меня, конечно.

-Твой сын не возражает, чтобы взять мою фамилию.

-Ах, если бы вопрос стоял просто об изменении фамилии – пошел я ва-банк, - но ты же хочешь стать ему отцом, ни больше, ни меньше

-С моей фамилией у него будет больше шансов достичь чего значительного в этой жизни.

-Уж, не о семейной ли традиции вы говорите, уважаемый Петр Богданович. Сын пошел по стопам своего знаменитого отца и стал математическим гением. Вот тут за столом сидят три математика, которые думают, что все знают о своей науке и забыли самое простое арифметическое действие.

-Ну, и какое же? – спросила моя бывшая жена, которая никогда не было высокого мнения о моих знаниях в этой области.

-Да, очень простое. Что от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Вот пока вы будите осмысливать это математическую догму, я хотел бы попрощаться с вами, потому что меня ждет уже родная дочь. А, вам я желаю семейного благополучия и счастья.

Я поднялся из-за стола, прошел в коридор, обулся и ушел. Я даже дверью не хлопнул, а нежно ее закрыл, чтобы не нарушить гробовую тишину своей души.

Ну, вот и плакало твое море – подумал я. Даже депутатский запрос не повлиял на мой семейный отдых, а даже снизил его шансы до нуля. Ну, что ж тогда придется осуществить свою мечту, и провести несколько дней с дочерью.

Но в стенах новой квартиры, меня ждало новое разочарование, потому что ни дата, ни страна не устраивали моих оппонентов. После двухчасовых переговоров я обессиленный выполз из своей лопнувшей, как мыльный пузырь мечты провести отпуск под надзором своих детей.

Глубоко разочарованный я вернулся домой зализывать свои раны.

Но проводить этот воскресный день в одиночестве я не хотел и пригласил к себе жильцов нашего дома, правда, исключительно мужского пола. Мы отдохнули как и положено для честной и дружной такой компании до утра, пока мужская часть этого праздника не нашла свою женскую половину, которая кстати, ее давно разыскивала. А, ведь я так просил мужиков не петь и не обнаруживать наше место дислокации, но они уже были невменяемыми и требовали к себе музыкального сочувствия. Они так громко, так звучно пели о своей нелегкой мужской доли, что даже я расчувствовался и завыл на луну, как

старый и одинокий лесной волк, которому так и не суждено было стать морским хищником.

6

Снова наступило утро, и я хотел, было уже взяться за работу, но голова болела еще со вчерашнего и отрицала все музыкальные мотивы, кроме воя, который должен был стать моей последней песней, ... но не стал.

Я взглянул на часы, сделал несколько походов к крану, откуда текла теплая вода, продегустировал ее и снова лег. Так я проспал до двух часов дня и вернулся в привычное состояние паралича тела и полного банкротства души. К тому же разоренное состояние холодильника удручало меня, и я решил осчастливить хоть моего железного друга.

Я как мародер, который орудует в период безвластия, пробежался по всем отделам, быстро наполнил свою тележку, но был неожиданно остановлен у кассы. После недолгих препирательств я протянул свою магнитную карточку в прожорливое автоматическое жерло, которое и поглотило мои кровно заработанные деньги. Моя карточка стала настолько невесомой, что мне хотелось ее уже выбросить, потому что в ней уже не было никакой надобности. Но только руки, которые были заняты переноской двух пудовых гирь, просто не могли исполнить сигнал, который поступал из коры головного мозга. Несколько раз, передохнув по дороге, мне все-таки удалось поднять продовольственный вес на свой этаж, и я счастливый, уже бросал в пасть своего железного друга деликатесы. - Сегодня я кормлю его, а завтра он будет меня питать - говорил я вслух, а холодильник одобрительно урчал, и подозрительно смотрел на кусок свежей вырезки, которая должна была послужить сегодняшним ужином.

Вскоре я пожарил мясо, отварил макароны, сделал салат, но к последней части любого кулинарного действия так и не приступил. Это со мной происходило довольно часто, наверное, потому что это я сам готовил, и видел весь этот процесс собственными глазами.

Мясо два раза падало у меня со стола, когда я только попытался его порезать на медальоны, затем выпрыгивало из сковороды как будто живая рыба, потом сгорело, но все-таки еще оно не полностью утратило своей формы и питательного содержания.

-И почему все повара такие толстые? – задавал я себе один и тот же вопрос. Мне сейчас хоть небо в алмазах подавай, но я не притронусь к своей стряпне, потому что точно знаю, что это не безопасно. Но может аромат на кухне, который витает там, он один уже насыщает желудки этих людей. Все-таки, какая мужественная эта работа, каждый день рисковать своей жизнью на рабочем месте и все время вдыхать, а порой и пробовать ненавистные калорийные блюда.

Я уже читал бесплатную газету, которую мне бросили в ящик, пока звонок в дверь, не вывел меня из типографского сна. Я уверенной и сильной походкой подошел к двери, потому что мне таиться было не от кого, да и глазка в ней тоже не было.

-Вот кого не ждал увидеть, но безмерно рад твоему приходу - сказал я Паше, который уже переступил мой порог, но все еще топтался в коридоре.

Вид у него был какой-то необычный. Весь он горел каким-то пламенем благородного недовольства, и искры так и сыпались из него.

- Ну, ты пройдешь в комнату или будешь здесь стоять как Прометей, который украл огонь у богов, но забыл, кому и зачем он его нес.

-Ты знаешь, что твою партию уже разучивает новый музыкант?

-Конечно, знаю. Мне это сразу стало понятно, когда меня попросили уйти в отпуск. Ну, и чего ты так расстроился, ведь жизнь должна идти дальше. Не заменимых людей нет, и не будет.

-Не говори ерунды – сердито оборвал меня Паша.

-А, ты, пожалуйста, не устраивай истерику на пустом месте. Ну, ты что хочешь, чтобы отменили концерт из-за меня или чтобы он провалился со мной вместе?

Ты лучше давай рассказывай истинную причину своего прихода и не темни, потому что я этого не люблю. Ты уж доложишь по форме, без всяких сантиментов, просто и доходчиво. Хотя нет, отложи свою вступительную часть, и пойдем ужинать. К сожалению, ничего другого к вечернему преломлению хлеба у меня нет.

-Зато у меня есть – поняв мои тайные мысли, старый друг вытащил из своего старого и изношенного портфеля бутылку водки.

-Ну, как ты догадался взять ни пиво, ни вино, а бутылку водки? – восторженно спрашивал я Пашу.

-Потому что разговор у нас с тобой будет серьезным, и я бы даже сказал бескомпромиссным.

-Я надеюсь, что твоего свояка не сняли с работы? – спросил я, и что-то в груди у меня дрогнуло.

Мне так не хотелось, чтобы кто-то пострадал из-за моего депутатского запроса в защиту прикладной науки.

-Нет, там все в порядке. Сейчас я коснусь вопроса из той сферы, откуда ты не ждешь беды.

-Так пока ты не коснулся этой сферы, давай мы чокнемся с тобой.

Все произошло по обоюдному желанию, и Паша уже открыл рот, чтобы высказать мне все, что у него наболело, но я сунул в него кусок мяса, как необходимую закуску для начала разговора. Он долго жевал его, пока не сказал: «Как ты мог отдать ей свою скрипку?».

-Ах, вот ты о чем со мной хочешь поговорить – догадался я об истинном приходе ко мне старого друга. Ну, и отдал свою скрипку, но ведь не навсегда, а только на время отпуска.

-Значит, ты с ней роман крутишь, а мне ни пол слова.

-О каком романе ты говоришь? – спросил я. Мы столкнулись с ней от силы раз, два, или все-таки три – вел я счет нашим случайным встречам.

-Роман – это не моя интерпретация ваших взаимоотношений, а первой скрипки – интеллигентно отчитывался Паша. Она сегодня всем рассказывала, как тебе вскружила голову, и что ты, как мальчик провожал ее до самого дома.

-Ну, было это, но ничего большего – пожал я плечами.

-Алла в таком тоне говорила о твоих музыкальных способностях - уже чуть не кричал на меня барабанщик. Что ты бездарь и настоящий прохиндей.

-Ну, это меня ни сколько не трогает. Я давно смирился со своей участью.

-Но ты же настоящий виртуоз... - выдал из себя старый друг - пусть в прошлом.

-Поэтому лучше быть прохиндеем в настоящем, чем виртуозом в прошлом. Слава богу, что ты это хоть сейчас понял – спокойно подтвердил я его сведения о себе.

-Это, правда, что она дает тебе уроки по сольфеджио?

-Да – с улыбкой сказал я. Ну, девчонка, возомнила себя учителем по сольфеджио, а я просто не стал, ей перечить.

-Ну, зачем тебе сольфеджио?

-Не знаю. Хотя эту науку мне навязали, не оставив никакого другого выбора. Но на кое-что Алла мне открыла глаза.

-У меня просто уши вяли, когда она говорила о твоей теоретической школе. Ну, вот тут я уже больше не смог смолчать.

-Кто вообще тебя просил, оказывать мне защиту и покровительство – впервые за вечер набросился я на Пашу. Зачем ей знать, то, что она просто не должна знать.

-Ну, теперь она уже все знает, потому что я все сам про тебя рассказал – злорадно улыбался мой друг. Ты бы видел ее глаза в этот момент, когда мне посчастливилось озвучить лишь малую часть твоих выигранных конкурсов и наград. Она все время повторяла одну и ту же фразу: « Не может быть, не может быть». Алла даже заплакала и скажу тебе честное слово, что эти слезы принесли мне полное моральное удовлетворение.

-Я не думал Паша, что ты такой кровожадный. Ну, и каков итог твой справедливости?

-Что ты имеешь в виду? – спросил меня Павел.

-Назови мне хоть одного человека, кто стал счастливее от этого?

-А, я что уже не в счет?

-Конечно, нет. Об этой справедливости ты знаешь давно, а лучше сказать целую вечность, а я говорю о сегодняшней новости, которой ты решил сокрушить целый мир.

-Я заставил ее уважать тебя, разве ты не понял! – с обидой произнес Паша.

-Вот это как раз я и понял, только счастливых лиц, так и не нашел.

-Я не могу просто сидеть, когда моего друга смешивают с грязью. Это выше моего человеческого терпения.

Мне так и не удалось убедить Павла Андреевича в том, что есть эпизоды в каждой человеческой жизни, которые не подлежат общественному вниманию, что ли.

Потому что есть что-то глубоко личное, которое затрагивает не часть твоей судьбы, а ее самую сердцевину, и которая просто умирает от света социальных софитов.

Но на все мои доводы он по детски хмурился, но ел почти, не пререкаясь, потому что знал, что любое сопротивление оборачивалось для него еще большей порцией макарон и мяса.

Мы уже хотели выпить последнюю рюмку, как в дверь снова позвонили и я попросил Пашу открыть ее, потому что хорошо знал, что мои вчерашние собутыльники просто так меня сегодня не оставят в покое. Он был проинструктирован мной по всем вопросам, которые только могли возникнуть в головах, обезумевших от жажды мужиков, но наступившая пауза, после того как дверь открылась, заставила меня прийти к нему на помощь. Но я тоже находился в некотором замешательстве, потому что увидел нашу первую скрипку, которая раньше моего друга отошла от неожиданности приятной встречи.

-Можно пригласить Виктора Борисовича? – без конца спрашивала Алла у Паши, а он все вспоминал, был ли у него инструктаж на появление красивой женщины или вести его по обстановке. Но, если вести согласно действующей обстановке, то снова дилемма раскрывалась как бездна перед глазами барабанщика. Стоит ли дальше громить «первую скрипку» или все-таки впустить ее для начала в квартиру, и только после этого выразить ей свое восхищение.

Я уже поздоровался с Аллой, а Паша все стоял в дверях, широко зевая своим ртом, как выброшенная на берег рыба. Мне пришлось несколько раз даже встряхнуть его, но он не правильно понял мое действие, которое было направлено, чтобы его мозговые возможности встали на прежнее место и приступили бы к своим прямым обязанностям, а именно к разговорной форме общения.

Но Паша неожиданно собрался, и, не попрощавшись, исчез.

-Зачем ты опять притащила скрипку? – с возмущением спросил я.

-После того, что я узнала сегодня, я решила, ее вернуть. Разлука со скрипкой для настоящего скрипача всегда тяжела, а для истинного виртуоза просто невыносима.

-Зря все-таки, что Павел Андреевич рассказал тебе о моем славном прошлом, ой, зря - негодовал я.

-Почему? – спросила Алла.

-Ну, ты сейчас будешь соболезнавать мне, а я этого не люблю и не хочу. Это все было в прошлой жизни, а я давно себя с ней не ассоциирую. Этот как старый снимок фотографии, на котором никто меня не узнает, даже я сам.

-Как это все случилось? – хотела все знать первая скрипка.

Я сделал долгую паузу, затем попытался перевести тему разговора на что-то веселое, но Алла по-прежнему строго смотрела на меня, не поддаваясь на все мои словесные ухищрения.

-Неважно. Случилось и случилось – не выдержав пронзительного женского взгляда, начал я почему-то горячиться

-И все-таки, как все это произошло?

-Это была рядовая авария, когда грузовой автомобиль выехал на встречную полосу движения и врезался в легковой транспорт.

-А, дальше? – все допытывала меня первая скрипка

-Дальше для меня уже ничего не было. Я очнулся только через две недели в больнице, а уже через несколько дней осознал, что лучше было бы вовсе не приходить в сознание. Ну, хватит о прошлом. Ты расскажи, как прошла репетиция?

-Как обычно, не считая одного инцидента.

-Я тебя про репетицию спрашиваю, а не про инцидент. Небось, опаздываешь как всегда?

-Нет – во весь голос сказала Алла, но затем после моей улыбки, полной сомнений, добавила, - почти нет.

-Ну, это уже огромный прогресс. Так что я тебя с ним и поздравляю.

-Пока поздравлять не с чем.

-Что-то случилось? Кто-то посмел обидеть первую скрипку? Ты только назови имя этого человека и адрес, уж я то с ним поговорю по-мужски.

-Этот мужчина – ты.

-Я? – удивленно воскликнул я.

-Ты обещал мне позвонить еще во вторник, но так этого и не сделал до сих пор – отчитывала меня Алла.

-Я просто замотался. Думаешь порой, вот только выйду в отпуск, то сразу всем на свете позвоню. Но, оказывается в отпуске еще меньше времени, чем в рабочих буднях.

-Чем ты занимался? – снова допытывало меня женское любопытство.

-Вот этот вопрос я задаю и себе, и пока никакого вразумительного ответа, так и не нахожу.

-Ты что-то писал?

-Хм-м – застонал я, не зная признаться Алле в своем грехе, или оставить все как есть.

-Ну, сознавайся композитор, летаешь уже в своем небе, и про все на свете позабыл?

-Я пока ищу свое небо, но пока безрезультатно. Так есть кое-что, но тебе не понравится.

-Почему ты так категоричен?

-Потому что ты опять найдешь автора, который опередил меня на долю секунды.

-Я постараюсь его не заметить, и даже сделаю все возможное, чтобы ничего не вспомнить.

-Я не нуждаюсь в твоём сочувствии, мне нужна правда, какой бы горькой она бы не была.

-Ну, тогда ты ее и нашел, потому что я самая лучшая, правда, на свете. Так что давай неси свои великие произведения, а я их посмотрю.

-Ты голодна? – спросил я как бы невзначай.

-Нет – быстро ответила Алла, и, на мой взгляд, несколько поторопилась со своим преждевременным ответом.

-А, говоришь, что будешь исполнять роль правды, а сама уже безбожно лжешь. Ну, как же можно верить тебе после этого?

-Это я от ужаса от твоих не съедобных порций. Ты же сейчас принесешь целое блюдо, и все затолкаешь мне в рот.

-Что я изверг медное блюдо переводить, но именно для тебя изменю своему правилу и полуголодной выпущу первую скрипку из своей квартиры.

-Только порцию можно еще немного уменьшить, чтобы первая скрипка не уснула от такого количества еды у тебя на диване.

-Ну, тогда я пойду на кухню и путем метода проб и ошибок, приготовлю такую порцию, чтобы эта скрипка влюбилась меня.

-Ну, тогда не переусердствуй, не то она влюбится в тебя как кошка, и тогда пиши, пропало.

-Вот не знаешь после этих слов то ли кормить тебя, то ли в три шеи гнать, я вот до сих пор сомневаюсь.

-Ну, конечно же, кормить! Я от голода теряю элементарную человеческую совесть, и могу натворить, бог знает что.

-Да, с таким видом голодного обморока мне еще не встречался, поэтом приступаю к обязанностям гостеприимного хозяина незамедлительно.

Я удалился на кухню и все никак не мог решить, чего ставить больше, а что еще больше. Но такая порция показалась даже для меня не подъемной, поэтому я сконцентрировался на мясе и на салате. Как только я вошел в комнату, неожиданно для меня заиграла музыка, которую я когда-то слышал и даже исполнял. Я сделал еще несколько шагов в сторону голодной женщины и застыл. Я узнал руку скрипача в этом концерте, поэтому и не двигался. Вот сейчас он сделает паузу, но не такую как все, он долго, очень долго будет растягивать ее до бесконечности, и нет, снова не сейчас, через секунду, да, лишь теперь заиграет.

Все случилось, как я и предполагал, потому что так играл только тот, кто не меняя ни одной ноты, поражал своим новым прочтением старого произведение.

Алла давно уже выхватила тарелку из моих рук и исподтишка наблюдала за мной. Она разглядывала меня, так как будто я опять ел ее морожено. Мне давно надо было сдвинуться с места, но от внутреннего напряжения я не мог и шага сделать к магнитофону, чтобы выключить музыку. Но даже, если бы это произошло, я играл бы свою партию до самого конца. Лишь через десять минут мои муки кончились, и я рухнул в кресло, потому что сил просто не осталось.

-Откуда у тебя эта запись? – спросил я у Аллы.

-Ну, и вопросик ты задаешь. Да, я может, всегда брала пример с тебя, и дня не проходило, чтобы мне не удалось, не услышать твою игру.

-Все-таки, правда, это вещь настолько редкая, что я вообще сомневаюсь в ее существовании.

-Ну и напрасно. Ведь, правда – это вещь субъективная.

-Это что-то новенькое для меня. Я думала, что одна, но для всех.

-Валера мне совсем, не нравится твое настроение, а тем более эти твои философские умозаключения. То совсем недавно ты разделил мое мороженное на всех, а теперь, вот мою правду отдаешь на поругание такому же количеству неизвестных мне лиц.

Ну, есть же вещи, предметы, люди, наконец, для личного пользования.

-С предметами и вещами бог сними, а вот про личное пользование людей просвети меня поподробней – попросил я.

-Вот, например мужчина всегда используется женщиной только в личных целях. Правда, как неодушевленный предмет или давно не стирания вещь.

-Ты не боишься Алла мне все это в лицо говорить

-Ну, это же я в качестве примера, так к слову, для наглядной агитации.

-В следующий раз выбирай выражения, а то я тоже для примера, в следующий раз уже не на словах, а на деле использую одну женщину в своих корыстных целях.

-Как интересно - сказала Алла, и я понял, что мой устрашающий рык царя животных и женщин снова остался не понятым. Но тут глаза женщины вспыхнули, как ночные звезды и я понял, что она все правильно поняла, просто первая скрипка из меня делала идиота, и это ей, кажется, отлично удавалось.

-Ну, покажи мне твои произведения! – сказала Алла.

-Я еще просто не готов представить их для столь уважаемой музыкальной комиссии.

-Но может, хватит дурачиться, тем более что у меня очень мало времени.

-Вот ты и проговоришься, что тебя больше интересует не произведение, а время, которое будет потрачено на его разбор.

-Но ты можешь эти ноты предать мне, чтобы дома, не торопясь, я их просмотрела.

-Ага. Ты уже хочешь присвоить мой творческий труд, так прямо и скажи. Но у тебя ничего не выйдет. Ноты читать можно только в присутствии автора, и выносить их за пределы видимости глаз композитора строго запрещается.

-Ну, хорошо приходи завтра около шести и не забудь захватить ноты.

-Тогда сделай доброе дело, чтобы я завтра дважды не возвращался домой возьми мою скрипку, как и прежде на хранение.

-Неужели ты готов с ней расстаться даже на несколько дней. Ты же скрипач!

-Я был им когда-то, но это было давно.

-Не правда, ты и остался им, а свой новый инструмент ты освоил только потому, чтобы никто не слышал, как ты страдаешь.

После этих слов Аллы я рассмеялся, как мог, но женщина осталась непоколебима к моим актерским данным.

-И не надо меня обманывать, потому что я пытаюсь стать лучше, как ты и учил, а ты в то же время делаешь все, чтобы унижить меня.

-Тебя? – изумился я. Только не тебя. Я и в мыслях не думал никого унижать.

-Так ты придешь завтра?

-Ну, мне же нужны уроки по сольфеджио, как первая ступень в мое композиторское будущее - меди тировал я сам с собой.

-Тебя я, к сожалению, ничему не могу обучить, а вот ты меня можешь.

-И что я могу сделать для тебя?

-Научи меня играть, как это ты делал раньше – сказала Алла.

-Ты с ума сошла – молниеносно среагировал я. Нет, даже не проси.

-Но почему? – не понимая моей неадекватной реакции, говорила со мной первая скрипка.

-Нет, нет, и еще раз нет – вдруг почему-то сорвался я на нервный крик.

-Неужели я так бездарна?!

-Ты же сама знаешь, что ты отлично играешь. Но я ничему не могу тебя научить, потому что все мои навыки утрачены. Они выбиты у меня из подсознания. На все что я способен, так это сыграть на одно богатой вечеринке, где никто не слушает музыку, а если кто и обращает на меня внимание, то только благодаря моему славному прошлому. Теперь я как визитная карточка, которую передают из рук в руки толстосумы друг другу, а я благодарен им за это.

-Не ты, а они должны быть благодарны тебе. Ведь для них играет сам маэстро.

Я громко рассмеялся на эту чувственную реплику со стороны женщины, и уже передал в белые руки Аллы скрипку и музыкальный диск.

-Диск я не возьму – сказала она.

-Но он же твой – не унимался я.

-У меня дома еще есть, а этот я хочу тебе подарить.

-Я не возьму – наотрез отклонил я столь заманчивое предложение.

-А если я тебя об этом очень попрошу – строила мне глазки Алла.

-Бесполезно – начал я кивать головой по сторонам. Мне не нужен в доме еще один траурный венок.

-Это музыка, а не венок памяти – уговаривала меня печальная женщина.

-Это даже не венок, а погребальная плита – говорил я о разном видении одного и того же предмета с представителем противоположного пола.

-Ну, пожалуйста.

-Это мемориал прошлого, через который я не могу переступить – хорохорился я.

-А, я за это тебя поцелую.

-Не надо меня целовать. Один поцелуй это что?

-Что? – переспросила Алла.

-Это совсем ничего, а вот покойник в доме, который играет на скрипке, может любого напугать.

-И тебя?

-Меня в первую же очередь. Он же может меня просто убить.

-За что?

-За то, что я стал сегодня тем, кем стал. Тот скрипач не простит мне моего бездействия.

-Вот и действуй, сказал бы он, и научи эту девчонку играть на скрипке, а я добавлю от себя, только это.

Этим это - был поцелуй, который обрушился на меня как снежная лавина. Я впервые наблюдал этот природный феномен, чтобы лавина начиналась где-то на равнине, и прекращала свой неистовый полет на самом гребне горы.

Я совсем, не уверен, поняли ли вы меня, просто таким иносказательным языком мне хотелось показать разницу в росте между мной и учителем по сольфеджио. Алла хотела поцеловать меня в губы, но я, почему-то задрожал, и ее уста прикоснулись к моему подбородку или чуть выше его.

Все произошло так быстро, что я не успел ничего сообразить поначалу, а когда ко мне пришло сознание, то все уже и закончилось.

Только музыкальный диск остался в моей дрожащей руке и лаковый запах первой скрипки.

Это, наверное, токсикомания, но я обожал этот дух с самого детства, когда только впервые пришел к мастеру, который создавал скрипки. Сначала этот резкий запах сбил мое обоняние, и я как охотничья собака потерял ориентиры мира настоящего. Я несколько раз тяжело вздохнул, как существо, которое в эволюционном становлении посчастливилось первой отказаться от жабр, и вдохнуть этот пряный воздух полными легкими. Ведь скрипка без лака просто дерево, которое не зазвучит. Я увидел этот терпкий сироп, который мастер тщательно перемешивал, и мне захотелось попробовать его на вкус, и я даже окунул в него свой палец. Но словно прикоснувшись к чужой тайне, которую осквернил, мне удалось спрятать свой палец в кулак и вскоре выбежать из мастерской, потому что я боялся, что больше не разожму его.

Но когда бутон моих пальцев расцвел и пять лепестков, открылись на встречу солнцу, я увидел этот янтарную пыльцу и снова этот аромат, который преследует меня, и по сей день.

Музыкальный диск по-прежнему лежал у меня на столе, так и не тронутый мной с вечера. Я взял его в руки, и проделал с ним утреннюю гимнастику, несколько раз уронив его на пол, затем сделал дыхательные упражнения и уже в одиночестве принял водные процедуры. С новыми силами я вышел из ванны, чтобы приступить ко второму наступлению на тех, кто препятствовал моему семейному отпуску. По-видимому, от слов о счастливом отдыхе, надо было приступить к наглядной агитации, которая должна была сломить эти твердокаменные лбы. Для этого я решил обойти все туристические фирмы, которые могли бы предложить мне посильную помощь. Я собрал уже целую охапку брошюр, где так красиво, так доходчиво объясняли, что отдыхать надо с нами и только с нами. Как раз по этому вопросу я совсем и не спорил, только торговался за право получения скидки для одинокого отца, который наконец-то скопил деньги, чтобы отвезти детей к морю. Но туристические операторы были со мной вежливы и даже входили в мое семейное положение, но оставались, глухи к мольбам отца-одиночки в период летнего ажиотажа.

-Вот, если бы вы зимой решили отправиться к морю, то тогда мы предоставили бы вам и вашим детям десяти процентную скидку – говорила сердобольная женщина.

-Вы что думаете, что десять процентов могут спасти меня от воспаления легких? – спросил я.

-Простите, я не совсем правильно вас поняла – в недоумении посмотрел на меня туристический менеджер.

-Ну, вы же предлагаете мне холодное море, а с моим слабым здоровьем я непременно заболел. Вот если бы вы уступили двадцать процентов от общей суммы, то я просто уверен, что этого точно хватило бы даже на похоронные услуги. Вы же знаете, как дорого обходится перевозка трупа в багажном отделении.

-Типун вам на язык. Еще никто из наших клиентов не погибал.

-Вот, если вы хотите и дальше сохранить такую жизненно утверждающую статистику, то дайте мне тридцати процентную скидку, но не на холодное море, а на самое теплое.

-Мне что прикажите вам за собственные деньги отапливать море – с недоумением бросила мне вызов женщина, которая сидела за столом, а стоял перед ней как провинившийся школьник перед учителем.

-Ну, почему сразу деньги вы ставите во главу угла – расстроился я. Вы такая красивая и жаркая женщина, что я думаю, вам не составит никакого труда растопить все льды северно-ледовитого океана.

-Я не только жаркая, но еще и строгая ко всем комплиментам женщина, которые слышу каждый день от вашего брата.

-А, что он уже заходил к вам? – осведомился я о своем земном двойнике. Когда?

-Да, каждый божий день. Все садится за стол и кланчит скидку.

-Надо же – удивился я. Когда увидите его, то передавайте ему нижайший поклон и попросите не пользоваться моими комплиментами, потому что это плохо сказывается на восприимчивости женщин к настоящим словам, которые идут из самого сердца.

-Может, хватит устраивать тут комедию – решила урезонить меня тур-менеджер.

-Ах, если бы это комедия, дорогая вы моя, это же трагедия всей моей жизни. Вот мне отцу не дают своих детей отвезти к морю – в двух словах мне удалось, рассказать о своем не простом семейном положении.

-Кто вам не дает?

-Помимо моих бывших жен и одного отчима, к этому многочисленному войску сейчас присоединились и вы, и мне кажется, что с таким количеством недоброжелателей мне уже не справиться – с грустью сказал я.

-Ну, что я вам могу помочь? Я же не бог, а простой менеджер.

-А, давайте вдвоем улетим к морю – в порыве отчаянья сказал я. Уверяю вас, что это будет не забываемое время для нас.

Наверное, я сейчас сделал именно тот комплимент или предложение, называйте, как хотите, которого еще ни разу не слышал тур-оператор, который тысячами отправлял людей в теплые страны, но еще никто, так и не догадался взять его собой или хотя бы предложить малое участие в его человеческой судьбе.

Ведь мы всегда готовы за одно только доброе слово открыть свою душу любому встречному, поперечному, потому что верим и ждем своего спутника жизни, исполнителя наших тайных надежд или слушателя, по крайней мере, нашей утраченной веры.

Ах, люди, когда вы станете добрее?! Я верю, что это время обязательно наступит, только буду ли я купаться в этом не заходящем солнце ваших улыбок и в безмерном пространстве ваших открытых сердец.

Право, не знаю.

-Оставьте ваш телефон, может я смогу что-то сделать для вас и для ваших детей – сказала женщина, и мне стало тепло от света ее глаз.

Я поблагодарил это доброе сердце, и оставил свои координаты и даже назвал свой адрес, и номер своего медицинского полиса.

-Спасибо вам Катя за все, заранее – произнес я.

-Откуда вы знаете, как меня зовут? – задала вопрос простая, земная женщина, которая уже забыла, что на ее блузке, выше левой груди красовался значок с большими инициалами.

-Это моя тайна – ответил я ей. И я не хотел бы ее пред вами раскрывать.

-Только Валерий не ждите пятидесяти процентной скидки, ее никогда не будет.

-Ну, что вы Катя, я и на сорок процентов согласен, и не буду, никогда больше не буду с вами торговаться.

Я уже стоял в стеклянных дверях туристической компании, чтобы исчезнуть для этих людей навсегда, как празднующийся гражданин, который отвлекает от настоящей работы, переводить бесценное время отпуска на свободно конвертируемую валюту по сегодняшнему курсу национального банка. Но Катя не забыла обо мне, она даже напомнила о той куче литературы, которую я в порыве нахлынувших на меня чувств, оставил на ее столе. Я снова с ней вежливо попрощался и даже хотел поднять свою шляпу, нет, сомбреро, которое должно было, меня спасти от солнечного зноя, нет, панаму, нахлобученную мне моими же детьми на мой котелок, но головных уборов на мне не было, и я просто поклонился.

-А, что передать вашему брату, Валерий? – спросила Катя.

-Ничего не передавайте, а просто гоните его в шею – ответил я.

В каком-то маленьком скверике, сидя на скамейке, я разделил это туристическое богатство на две равные половины, чтобы разнести их, по адресам, где жили мои дети. Но заходить к ним я не стал, потому что твердо знал, что любой наглядной агитации надо дать время, чтобы она завладела умами людей. Эти проспекты должны были открыть новые горизонты для всех тех, кто решал судьбу моего отпуска, вдохнуть свежее дыхание в их легкие, чтобы они забыли, хоть на короткое время такое прямолинейное и затхлое слово, как нет. Ровно сутки я дал на рассмотрение моих условий по мирному урегулированию конфликта. Ведь пока все еще можно было привести наше не взаимопонимание к общему знаменателю, потому что трудно вести переговоры, когда прольется кровь первой и последней жертвы семейного конфликта. Собственно после этого случая, и вести переговорный процесс от моего имени будет некому и значит человеческая жертва не вызовет никакого общественного резонанса. Я еще долго шатался по городу, то и дело, заходя в тень туристических вывесок, чтобы стать чуть ближе к осуществлению своей мечты. С различных плакатов на меня смотрели счастливые люди, которые то ли отправлялись на отдых, либо уже и вернулись.

Нет, скорей всего эти люди еще не вкусили долгожданное время, они на пороге своей сладкой мечты, потому что пятизвездочный отель для них еще забронирован, но уже отдан в чужие руки, и сто метровое расстояние до моря еще не обернулось двухдневным марафоном в испепеляющий зной, а шведский стол уже весь съеден, включая, стол, стулья и столовые приборы.

Лишь племя дикарей, никогда не вкусит горечь разочарования, потому что оно ничего не ждет, а само отвоевывает себе место на море и заранее запасается продуктами. Но этого вида отдыха я был лишен, потому что дети нуждались в мягкой постели и в усиленном питании. Тут же это племя дикарей свергло меня с моего престола, потому что вождь, который не следует своим многолетним традициям, никому оказывается, уже не нужен. Я отдал свою звериную маску и набедренную повязку своему последователю, который стал приплясывать у варварского костра и бросать в него черепа интеллигентных туристов, которые по ошибке забрели на нудистский пляж. Меня тоже должна была постигнуть та же участь, но прежние заслуги перед своим народом отложили это жертвоприношение на неопределенный срок. Чтобы растолкать свое отпускное время по карманам дня сегодняшнего, я зашел по ошибке в парикмахерскую и уснул за креслом мастера ровно на два часа. Когда я очнулся, то в зеркале вместо облика Иоганна Себастьяна Баха увидел реденькие волосики Рахманинова.

-Простите, а где моя шевелюра? – спросил я у мастера, который орудовал на моей голове все это время и остриг меня как тонкорунного барана.

-Вот – ответил пожилой человек и указал рукой на пол, где безжизненно лежали все мои 3456 волоска.

-Как вы все-таки жестоки, люди – сказал я. Неужели для вашей мести не хватило бы 3455 жертв, почему же даже один волосок вы не оставили мне на рассаду.

-Скажите спасибо, что в такую жару я вас под ноль не постриг!

-Но ведь так я могу запросто получить тепловой удар.

-Вот вы его обязательно и получили бы, если не я. Ваша грива могла сослужить вам плохую службу.

-А, вам просто стало меня жаль, поэтому вы так оболванили меня – догадался я о тайных желаниях парикмахера, и мне снова стало хорошо.

-Совершенно верно.

Я рассчитался с администратором, потому что он то, хорошо знал, что ни деньги, ни тем более свою голову нельзя отдавать в руки парикмахера, потому что ничем другим как приятным сюрпризом это не закончится. Я еще долго стоял, пока эти двое не могли окончательно решить, кто кому должен денег: либо я парикмахерской, либо она мне. Но видно девиз, что клиент всегда прав тут усвоили по-своему, поэтому взяли с меня денег как за модельную стрижку у прославленного визажиста.

Правда, теперь голова не ощущала привычной тяжести волос и болталась по сторонам как у детской игрушки – «Ванька-встанька». Но сам не подозревая того, парикмахер сделал и со мной свое доброе дело, а именно скоротал мне часы, до долгожданной встречи с Аллой. Но зайти с пустыми руками в чужой дом мне не позволяла совесть, поэтому я и решил, порадовать первую скрипку ее любимым пивом. Я даже купил две бутылки вместо одной, чтобы понять, в чем она находит такое упоение и отраду. Но идти с двумя бутылками мне тоже было неудобно, поэтому я захватил еще две и целую коробку пирожных.

Как часы ровно в шесть, следуя своей привычке солиста никогда не опаздывать, я позвонил в дверь первой скрипки. Она открыла ее мне и даже поздоровалась, но я не ответил на ее приветствие, потому что начал с порога возмущаться ее внешним видом.

-Ты что на концерт собралась или может в театр? – спросил я слегка опешившую женщину, которая просто не ожидала такой реакции, на свою удивительную красоту.

-Нет. Я просто тебя ждала – отчитывалась женщина перед мужчиной, и это мне даже нравилось.

-Что этот весь маскарад точно для меня приготовлен?- пытался я, узнать истинную правду такого костюмированного праздника.

-Вообще-то я оделась для себя. Я всегда так хожу по квартире.

-Что так важно?

-Нет, так соблазнительно – передразнивала меня Алла.

-Вообще-то для меня надевать ничего не надо. Так что, давай, раздевайся и приступим к братанию тел.

Но Алла не правильно поняла мои мысли и начала расстегивать свою блузку при мне.

-Что ты делаешь? – с ужасом спросил я.

-Раздеваюсь – спокойно ответила первая скрипка.

-Зачем?

-Для братания тел. Ты же сам сказал.

-Но для дружеских объятий совсем не обязательно раздеваться.

-А, что для этого нужно? – спросила Алла, уже полностью расстегнув свою блузку, и дотронулась до молнии на юбки.

Я положил свою руку на нее, чтобы остановить этот процесс женского раздевания, пока мне удастся объяснить, что я конкретно имею в виду.

-Я пришел к тебе не как гость, а как друг, поэтому и попросил тебя переодеться в семейную форму.

-Тогда я пойду, и надену пижаму – сказала женщина и направилась в соседнюю комнату.

-Пижамы это хорошо, а вот пеньюар был бы лучше – крикнул я вдогонку.

К моему удивлению через несколько минут Алла действительно вышла в этом прозрачном виде одежды, и загадочно посмотрела на меня.

-Ну, почти то, что я и хотел видеть, жаль, что ты немного не дотянула.

-Ну, я могу и это снять – предложила первая скрипка.

-Прежде чем ты еще что-то снимешь с себя, послушай мою речь, пожалуйста, до конца.

-Я вся во внимании.

-Вот, все твои части оставь в покое, а лучше расслабь их, и напряги только свой слух. Я хотел, чтобы ты сняла свое вечернее платье...

-Но я и сняла его.

-С первой задачей ты справилась на отлично, а вот вторую ты так и не дослушала.

Я хотел, чтобы ты сняла платье и переделалась в домашний халат – выдохнул я свое философское изречение.

-Тебе что не нравится мой пеньюар? – спросила Алла, и я понял, что мы или говорим на разных языках или тепловой удар со мной все-таки случился.

Мне хотелось уже по-простому объяснить, что я тоже не железный человек, и могу употребить женщину полностью и даже отдельными частями.

-Ну, что ты – ласково произнес я. Твой пеньюар меня просто заводит, только вот еще не знаю куда, поэтому и прошу надеть свой халатик и позволить обнять тебя, как и полагается настоящим друзьям после долгих лет разлуки.

Слава богу, чтобы мои темные мысли проявились в светлом уме женщины, и через минуту она встречала меня уже в новом облачении, но по-прежнему не в том, который я так жаждал увидеть.

-Чем ты сейчас недоволен? – спросила меня Алла.

-Ну, ты опять вышла в платье – зубоскалил я.

-Это платье-халат называется – получил я первую вешалку из женского гардероба.

-А, как тот, в чем ты была в прошлый раз одета, называется? – уже спросил я.

-Просто халат называется.

-Вот ты не могла бы его надеть для меня. Просто халат все-таки лучше, чем платье-халат, ты уж мне поверь.

-Ну, я не могу встречать тебя в одном и том же.

-Почему? – снова спросил я.

-Ну, так ты подумаешь, что у меня всего один халат.

-Теперь я вижу, что их два, и несколько расстроен таким огромным количеством. Зачем тебе два халата, что ты с ними делаешь одновременно?

-У кого два, у меня? – ужаснулась Алла моим бухгалтерским подсчетам.

-А, что больше? – теперь бояться наступила, по-видимому, моя очередь, которая на мне и должна была и закончиться.

-Да, у меня знаешь, сколько халатов – с вызовом сказала первая скрипка.

-Не знаю честно - признался я.

Женщина начало считать сначала про себя, а затем вслух и этот счет все не никак не хотел заканчиваться.

-Я тебе лучше сейчас их все для тебя продемонстрирую.

-Не надо – крикнул я, но меня уже никто не слышал, потому что началась демонстрация повседневной одежды под девизом: «Каждому месяцу свой вид халата, но по разной цене».

Только тринадцатым по счету, который никак не соответствовал четному количеству месяцев в году, появился мой халат, который я уже и не чаял больше увидеть. Я даже чуть не расплакался, потому что от всего обилия халатов, у меня давно в глазах мельтешило. Я был готов его даже примерить, чтобы не расставаться с ним никогда. Но эта женская кольчужка была на меня маловата, и я приступил к ее чествованию, как самому лучшему халату на земле.

-Браво – сказал я. Вот это именно то, что я хотел и видеть на тебе с самого начала.

-Вот этот?! – с обидой переспросила Алла. Он же самый простой и дешевый.

-Ну, если еще и дешевый, то значит, ему просто цены нет – признался я перед женщиной в своем истинном мужском заблуждении.

-Ты серьезно?

-Он идет тебе больше, чем все оставшиеся вместе взятые. К тому же он так подходит к твоим глазам.

-Как это красный халат может подходить к моим карим глазам.

-А, что очень даже ничего.

-Что совсем ничего?

-Ну, в смысле, что я даже ослеп от такой красоты.

-И, кажется, даже облысел – получила свою торжественную часть аплодисментов женщина, которая сама себе и хлопала.

-Я всегда говорил, что женская красота – это страшная сила, как впрочем, и женский язык.

-Что язык?

-Ну, так как оспаривать женскую красоту бесполезно, а тем более бороться с ней, то с женским языком может случиться все что угодно.

-Что именно? – спросила Алла.

-Мне кажется, что есть моменты, когда его было бы лучше укоротить.

-И ты знаешь, такой безопасный способ?

-Знаю, но тебе не скажу и даже не покажу.

-Ну, покажи Валера, потому что мой язык иногда меня очень подводит – начала уверять меня женщина, что сохранит мой способ в глубочайшей тайне и никому про него не расскажет.

-Этот способ болезненный, но надо сказать, что очень даже действенный – надувал я от важности свои щеки.

-Ну, я стерплю, потому что я женщина.

-Ну, зачем тебе это? – пытался в последний раз я образумить женщину от жестокого испытания.

-Чтобы, во-первых, знать, а во-вторых, пользоваться им.

-Ну, ладно уговорила. Для этого ты должна подойти ко мне поближе.

-Вот так ближе – сказала Алла, и я почувствовал ее дыхание.

-Можно немного и дальше - произнес я, но первая скрипка даже не шелохнулась.

-Теперь закрой глаза - сказал я.

-Вот так закрыть глаза? – спросила женщина, оставив маленькую раскосую щелку, чтобы подглядывать за мной.

-Глаза надо полностью закрыть – уточнил я. Теперь покажи мне кончик своего языка.

-Что только кончик? У меня большой язык.

-Это я вижу, и прошу не пугать меня его размерами, потому что мне нужен всего лишь, его малая и ядовитая часть.

-Ну, вот, пожалуйста. Я сделала, все как ты и просил.

-Я, кажется, ничего не говорил, чтобы женщина обняла меня за шею. В моей инструкции этого предписания не было.

-Может, ты забыл о нем? – то ли спрашивала, то ли настаивала Алла.

-Я ничего не забыл, и твои руки, к тому же мне мешают.

-Жаль. Потому что не понимаю, как мои руки могут тебе мешать.

-И так твои глаза полностью закрыты, я вижу кончик твоего языка, но, пожалуйста, приготовься, потому что сейчас на непродолжительное время тебе будет больно.

-А, почему только на непродолжительное вр...

Алла не успела договорить свою фразу до конца, потому что сначала онемела от боли, а затем стала страшно ругаться. Она с моей посильной помощью прикусила кончик своего языка и теперь просто рвала и метала меня по комнате, как хотела.

-Это и есть твой действенный способ, о котором ты меня предупреждал – видно она еще не совсем вышла из болевого шока.

-Я главным образом говорил, о его болезненном воплощении для тебя.

-Ну, сейчас наступит и твоя очередь – кинула Алла на меня испепеляющий взгляд.

-Ну, в нашем эксперименте, ты одна женщина, которая умеет терпеть боль, я к счастью мужчина. К тому же мое согласие на этот эксперимент ты не получишь.

-Оно мне и не требуется.

Мне надо было срочно отвлечь женщину от яростного экспериментирования над мужским телом, и тут я вспомнил своих мужиков, которые и черта уже не боялись, когда в доме была хоть одна бутылка пива.

- Я же для тебя, Алла купил настоящее пиво.

-Пиво! – сглотнула наживку женщина. А, какое?

-Немецкое – начал плавно я отводить жестокие руки женщины от себя, - светлое, с пенкой, с пузырьками.

Казалось, что Алла уже поддалась на мой трюк, но у нее в голове что-то снова шевельнулось и месть за свой язык, должна была закончиться вырыванием моего.

-А, пиво холодное – инструктировал я своего палача.

-Холодное... – с каким-то сомнением, до конца не веря в осуществлении своей мечты, не громко голосила женщина.

-Низкокалорийное – добавлял я свою ложку солода в эту не человеческую жажду.

-Калорийное... – повторила последнюю часть слова Алла, потому что память при женском алкоголизме отказывала в первую очередь.

-Низкокалорийное – нежно шептал я на ее ушко.

-Низко... – повторяла каждое слово за мной первая скрипка.

-Как родниковая вода

-Вода... – произнесла это слово Алла и начала выходить из моего гипнотического влияния.

-Нет, пиво – уточнил я.

-Пиво...

-И не одно пиво, а целых четыре

-Четыре...

Мне уже начинало нравиться управлять волей женщиной, и я начал вольно с ней обращаться. Мой голос звучал как горное эхо в период каменных обвалов.

-Как хорошо быть мужчиной.

-Мужчиной...

-Нет, хорошо.

-Хорошо...

-Я хочу стать мужчиной – требовал я к себе уж божественного поклонения.

-Мужчиной... - повторяла Алла.

-Нет, стать – детально уточнял я.

-Стать... - уже ближе к моему тесту воспроизвела первая скрипка.

-А, теперь повтори все вместе.

- Вместе...

-Я хочу стать мужчиной.

-Я хочу стать мужч...

-Ну, в чем дело – с возмущением я выговаривал своему подопечному, который сорвал такой эксперимент, который должен был закончиться моим научным открытием.

Давай еще раз вместе.

- Вместе...

-Я хочу стать мужчиной.

-Кто-то сейчас станет бесполом существом, вместо того, чтобы остаться мужчиной.

-А, пиво холодное...

-Ну, хватит уже заклинать это пиво, пора его уже и налить в бокалы - сказала Алла.

-И то, правда, ведь оно может остыть.

-Не дай бог, для тебя, если такое произойдет.

-Вот в этом я с тобой совершенно согласен.

Я уже достал пиво из свертка, прошел на кухню, открыл два пива, а две другие бутылки бросил в холодильник. К счастью, они не разбились, а только звякнули друг от друга и попросили в следующий раз обходиться с ними, все-таки нежнее.

Я как мог, извинился перед благородной публикой и отвесил им земной поклон.

-С кет это ты разговариваешь? – спросила Алла.

-Я сочиняю – с пафосом сказал я.

-А, можно сочинительством заниматься несколько позднее, потому что тебя только за смертью посылать.

-Я уже несу пиво, а ты крутишься у меня под ногами и не даешь пройти в комнату.

Как только я оказался в гостиной, я передал пиво для женщины, которая одним глотком его выпила.

-Принеси еще пиво – обратилась с повторной просьбой Алла.

-Ты что это обращаешься с пивом как с водопроводной водой – возмутился я. Ведь пиво – это только ключ к познанию другого человека, а ты только что его сломала.

-Извини, но я этого не знала.

-Как оказывается, ты еще многого не знаешь, хотя производишь вид очень умного человека.

-Что только вид?

-Даже и не вид, а подвид пытливого существа. Но тебе как женщине простительно твое неглубокое прочтение простого мирозерцания, потому что ты не в состоянии сконцентрироваться ни на одной стоящей мысли.

-Сейчас мы посмотрим на твои мысли, и мир просто содрогнется от его мужской глупости.

-Я вижу, что урок сольфеджио опять в самом разгаре, а учитель находится в рядовом пивном экстазе.

-Ну, я еще долго буду ждать пиво.

-Это что вопрос, который перешел в восклицание, или приказ, ставший руководством к действию.

-Это скорее просьба, которая может закончиться для кого-то трагически.

-Так вот если это просьба, то я хотел бы услышать еще одно такое простое, такое мудрое слово, которое заставляет учащенно биться человеческие сердца.

-Это слово быстро, да?!

-Нет, это слово, пожалуйста.

-А можно без пожалуйста, обойтись! – запела свою музыкальную партию первая скрипка.

-Конечно, можно – сказал я и сел в кресло, чтобы сделать свой первый глоток.

Я пил пиво медленно, словно по капельке, оставляя, белые усы на своем лице, наслаждаясь каждым счастливым мигом, потому что муки первой скрипки были просто нечеловеческими. Но вскоре она сдалась и даже выдавила из себя: «Пожалуйста»

-Что ты сказала, прости, я не услышал? – пожелал я еще раз услышать это благородное слово.

-Пожалуйста.

-Ну, это уже другое дело. Сейчас только свое пиво допью и мигом исполню твой заказ. Лады?

-Пожалуйста, быстро принеси мне пиво.

-Ну, когда я слышу уже два таких мудрых слова одновременно, то делать, как говорится нечего, и я уже бегу со всех ног.

-Только смотри не споткнись, композитор, потому что ты мне нужен живой и невредимый.

Я исполнил все как меня, и просили, и уже сидел в кресле и ни кого не трогал, как...

-Скажи, а я тебе сильно нравлюсь? – спросила меня Алла, и я чуть не захлебнулся в своем пустом бокале.

-Очень – выдохнул я из себя, потому что слово сильно, было, по моему мнению, не столь всеобъемлющим для такой фигуры как первая скрипка. Женщина требовала поклонения к себе как к богине, но такой вызов был мне навязан, а я не любил, и просто не терпел такого обращения ко мне. Но игра есть игра, и я охотно принял ее условия, чтобы насладиться своей закономерной победой.

-А, что особенно тебе во мне нравится? – не говорила Алла о себе, а просто пела.

-Твое врожденное чувство скромности – ответил я.

-Скромности! Где ты его нашел?

-Там, по-видимому, где был и ум. Но эти два чувства покинули тебя одновременно, и кажется, навсегда.

-Ну, тогда неси свои вечные труды, чтобы правда одним глазком взглянула на них, потому что женская совесть молчать не будет.

Я вытащил из заднего кармана джин-с, несколько нотных листков, которые были сложены вчетверо, и протянул их для учителя по сольфеджио.

-Это конечно, и есть самое подходящее место для твоего труда. Ты опять Валера удивил меня.

-Ну, не мог же я идти через весь город с папкой, в котором находятся всего лишь несколько листов.

- Я тебя очень хорошо понимаю, потому что композитор с папкой это не солидно, а вот в джинсах с несколькими скомканными письменами, пожалуйста. Но тебе это простительно, потому что я вижу, что родничок на твоей голове, который закрывается у детей еще в младенчестве, у тебя становится с годами все больше и больше.

-Значит я все-таки действительно уникам.

-Какой ты уникам сейчас мы еще посмотрим, но больше так коротко никогда не стригись – сказала первая скрипка и наконец-то заглянула в мои труды.

Я начал за ней внимательно наблюдать, мысленно прочитывая за ней свою партитуру.

Мое сердце начало колотиться еще сильнее, когда она несколько раз перечитывала одно и то же место. Через две страницы, она с недоумением на меня посмотрела, и я решил, что это все. Конец.

Но она уже взяла мой третий лист и с неподдельным интересом, начала уже что-то музицировать. Вскоре она села за пианино и начала играть.

Я впервые услышал в жизни то, что уже несколько дней просто существовало, но уже не во мне, а рядом со мной, потому что дышало самостоятельно и требовало к себе равноправного отношения.

-Ну, вообще, то, неплохо для первого раза – сказала Алла, по-прежнему музицируя на пианино.

-Ты хочешь сказать, что ранее не слышала такую музыку?- спросил я

-Ты это о чем? – не поняла меня первая скрипка.

-Я говорю сейчас о твоём плагиате.

-Ты хотел сказать о твоём плагиате, потому что я никогда не писала музыки.

-Ну, о моем, какая разница.

-Нет, такую музыку я слышу впервые.

-Ну, слава богу – сказал я и отошел от пианино, где ранее перелистывал страницы для Аллы, чтобы она без пауз исполняла мое произведение.

-Как тебе удалось написать такое?

-Такое, для меня не трудно написать – огрызнулся я и сделал обиженную мину на лице.

-Прости, я не хотела тебя обидеть.

-Но это тебе все-таки удалось. Так нельзя поступать с музыкальной элитой, потому что она забудет о своих обязанностях, и мир просто оглохнет без музыки.

-Ах, вот как ты себя ведешь! Ты позволяешь высказывать себе такие комплименты, которые даже первая скрипка себе не делает – поучал меня учитель по сольфеджио.

-Первых скрипок много, а композитор всегда один – требовал я к себе хоть капли снисхождения за свой талант.

Но тут правда, которую исполняла красивая женщина, приступила к своим обязанностям, и начала теснить права композитора по своему усмотрению.

-Мне кажется, что здесь ноту «до» лучше поменять на «ми»?!

-Когда кому-то что-то кажется, нужно перекреститься, и оставить все как было у композитора раньше.

-Нет, я все-таки настаиваю на своем решении, и требую заменить твою ноту на мою.

-Моя нота, это же моя нота – бил я себя в грудь. Я же ее обмозговал, выстрадал, и ночью в муках родил.

-Как сам ночью родил и совсем без помощи акушерок? - с восхищением посмотрела на меня Алла.

-Да, сам. Когда я пишу, мне не нужны ни акушерки, ни гинекологи.

-Какой ты оказывается смелый! Ведь при родах с тобой все что угодно могло произойти. Ведь ты мог просто истечь кровью.

-Я рожая всегда безопасно для себя и без материнской крови, потому что я отец - прародитель своего музыкального дитя.

-Так ты рожающий отец, а я то думала мать. Ну, так вот, пока ты не стал матерью, то я советую все-таки прислушаться к моему голосу, и сделать твоему музыкальному ребенку музыкальную вакцинацию.

-Это совершенно лишнее – запротестовал я.

-Ну, ты современный отец или средневековый варвар?

-Ну!

-Тогда позволь мне оказать ему своевременную помощь.

-Как отец, я должен знать в какую область ты будешь делать свою музыкальную прививку. Покажи еще раз мне это место в партитуре.

-Смотри вот здесь – сказала Алла и небрежно указала рукой на музыкальный раздел. Я низко склонился головой к указательному пальчику женщины и крутил головой слева направо, безропотно следуя за этим перстом. У меня заныла уже не только голова, но и спина, но нужное место в партитуре, я так и не нашел.

-Ну, где же мое «до», которое ты хочешь поменять на свое «ми»? – не унимался я.

-Неужели ты так до сих пор ничего не увидел? – спросила Алла.

-Я увидел все твои женские прелести, а вот моей ноты еще нет.

-Наверное, ты не туда смотрел – сказала первая скрипка и поменяла партитурный лист один на другой.

-Ты преподавала мне сейчас очень наглядный пример, когда не стоит искать в партитуре того, чего там никогда и не было.

-Я просто перепутала третий лист, с четвертым.

-И это говорит человек, у которого только халатов тринадцать штук.

-Ой, я совсем забыла, что купила сегодня еще один. Хочешь, для тебя я его примерю?

-Нет – твердо сказал я.

-Ну, почему?- сразу обиделась Алла.

-Потому что не надо делать из неизвестного композитора в прославленного Кутюрье.

-Но композитор должен быть всесторонне развит, только тогда он может что-то действительно стоящее написать.

После этих слов я понял, что первая скрипка играла роль красивой особы, которая просто соболезновала бывшему солисту, и делала это неплохо. Сладкий, голубой дым моей мечты рассеялся, и я опустил на землю. Я спокойно сложил свои нотные листочки снова вчетверо, и засунул их в задний карман брюк.

-Что с тобой случилось? – озабоченно спросила Алла.

-Ничего ответил я. Опять ничего не вышло. Извини.

-Может, ты все-таки потрудишься объяснить мне истинную причину смены твоего настроения?

-Зачем объяснять, что и так понятно. Я действительно бездарь, который в минуту своей прошлой гордыни пожелал стать композитором. Мне странно только одно, почему прежнего человека нет, а его гордыня еще есть.

-Кого нет, а что есть? – переспросила меня Алла, и я решил ей все наглядно разъяснить.

-Вот видишь, уже давно нет человека, который умел играть на скрипке, а его чувства все еще живут, и самые что ни есть скверные. Как им удалось пережить все эти годы и восстать из пепла, мне самому не понятно. Но видно так устроен человек, чтобы все хорошее в себе пережить, а все другое прорастет в нем само. Прощай.

-Валера, ты куда?

-Пойду домой зализывать свои раны. Еще раз извини, что испортил тебе вечер.

Я уже покинул гостеприимную квартиру и ее очаровательную хозяйку, на которой каждый халатик смотрелся так, словно был пошит для нее одной, и с грустью пошел домой.

Я взглянул на ночное небо, понимая только сейчас, что оно и есть то единственное, в котором мне если и суждено летать, то только вслед за звездами, провожая их в вечный полет в неизвестность. Прощай, моя мечта.

8

Снова я слонялся по квартире, не находя себе никакого применения. Уже было послеобеденное время, когда я решил посетить гения математики на его рабочем месте. Я долго блуждал по университету, пока не нашел нужную мне кафедру.

Я зашел в первый же попавший мне кабинет, где на табличках вместо букв были написаны, какие-то математические формулы и спросил: «Вы не подскажете где можно найти Петра Богдановича Шипитько?». На мою удачу, человек в очках заявил мне, что профессор как раз на месте, но пока занят.

-Вы записаны на прием к декану? – спросил все тот же человек.

-А. что декан принимает только по предварительной записи?

-Да – ответил мне секретарь.

-Это вообще кафедра по математике, или зубоврачебный кабинет.

-Это кафедра.

-Тогда потрудитесь поставить в известность декана, что к нему на прием пришел Валера с острой зубной болью, и если он меня сейчас не примет, то я могу упасть в эпилептический припадок. Поэтому пусть не долго раздумывает и окажет мне свою математическую помощь.

Секретарь вошел в кабинет декана и вскоре вернулся со своим шефом, который прятался за его спиной, чтобы скрыть свой первый радостный восторг.

-Какими судьбами? – стал приветствовать меня профессор. Что привело на нашу математическую дорогу столь видного музыкального деятеля?

-Одна туристическая тропа завела меня сюда, будь она не ладная – честно признался я.

-Все что ведет к математике - это всегда правильное решение.

-Вот за этим решением я к тебе и пришел.

Но декан не хотел при всем честном народе выяснять наши семейные отношения, поэтому и пригласил меня в свой персональный кабинет.

-Ну, мы же все уже выяснили в воскресенье - заявил мне с порога профессор.

-Ты извини, но я еще не в курсе вашего решения, так что рассказывай - сказал я.

-Через три недели мы отправляемся на моря.

-Рад за вас. Дальше.

-Это, собственно говоря, и все.

-Эх, жаль, что твоя секретарша меня видела, как мы вдвоем заходили в твой кабинет. Так придется дважды брать грех на душу.

-Что ты имеешь в виду? – спросил меня Петр.

-Мне придется убить тебя, а затем и ее. Зачем мне живой свидетель?

-Только, пожалуйста, не пугай меня, потому что я этого совсем не люблю.

-Вот мне тоже не нравится твое желание стать моему сыну родным отцом, но я не буду возражать, если после своего совершеннолетия он добровольно, без какого-либо нажима примет ответственное решение. Но только после совершеннолетия.

-Это все что ты хотел мне сказать?

-Нет, кое-что еще осталось. Ты знаешь, что такое киндэпинг?

-Конечно.

-Так вот прошу, не заставляй меня встать на эту дорогу, потому что несколько дней с сыном проведенных вместе мне дороже, чем целое десятилетие, за колючей проволокой.

-Но я не думал, что ты будешь возражать, о его усыновлении мной.

-Этот вопрос мы уже отложили на несколько лет, и не надо к нему больше возвращаться.

А, вот завтра я приду к вам, чтобы окончательно решить мой туристический маршрут.

Тут вошел секретарь, и попросил срочно связаться с ректором.

-Скажите ему, что я занят – нервно ответил профессор.

- Мне кажется, что ты напрасно надеешься на защиту своих депутатов, потому что выборы на носу и смена этого корпуса народных избранников не подлежит обсуждению. Поэтому возьми трубку, тем более что я уже ухожу.

Мои политические доводы дошли и до декана, и он уже говорил со своим шефом, как и подлежит это делать подчиненному.

На очереди у меня было запланировано еще одно посещение, и чтобы не оттягивать со своим визитом я уже обнимал нежную дочь, которая не стеснялась передо мной в своих печальных чувствах.

-Как дела? – спросил я.

-Нормально.

-Наверное, все-таки вопрос определяет содержание ответа, а не наоборот. Тогда я еще раз задаю вопрос, как ты проводишь летние каникулы?

-Нормально – ответила Николь.

-Тогда ответь мне еще на один, почему ты так сильно крашена?

-Ну, наконец, и одноразовый отец заметил такие явные изменения в дочке – сказала мама моей дочери.

-О, и ты дома, вот это настоящая удача – удивился я неожиданному появлению хозяйки трехкомнатной квартиры. Мне давно так не везло. Тогда мы сейчас все и решим.

-Что решать, если Николь еще не ответила на твой вопрос.

-На какой мой...? – пытался я вспомнить, каким вопросом я истязал собственную дочь. Ах, да, почему ты такая крашенная?

-Просто так – ответила дочь родному отцу.

-Просто так – передал я ответ от дочери к ее матери.

-Тогда спроси ее, почему она так вызывающе одета? – допытывалась кровная мать.

-Николь, почему ты так обнажена до крайности? – вошел я вопросительный раж, как одноразовый отец.

-А, что мне голой ходить? – задала встречный вопрос девушка-тинейджер.

-Ну, что ей прикажешь действительно голой ходить – заступился я за свое родное дитяtko, которое так меня давно не видела, что и забыла бы, но моя фотография не позволила в таком раннем возрасте почувствовать на себе тяжелые симптомы амнезии.

-А, делайте что хотите – махнула рукой на нас моя первая женщина и удалилась в комнату.

Нужно было срочно уравнивать ситуацию, чтобы не дать упасть матери на дно несчастного женского забвения.

-Николь ты, почему так сильно крашена? – громко сказал я. Ты же знаешь, что при жаре, с выделением пота, она вся у тебя потечет.

Но от моих слов поникла головой и дочь, поэтому я тихо ее спросил: «Ты ждешь кого-то или сама собираешься куда-то?»

-У меня свидание – шепотом произнесла дочь.

-Так это же отлично, сейчас вместе и пойдем.

-Куда? – хлопала на меня своими длинными ресницами Николь.

-То есть как куда, на твое свидание – тихо ответил я.

-Зачем?

-Чтобы поближе познакомиться с тем молодым человеком, для которого ты так сильно нарядилась и голо оделась.

-Я с тобой никуда не пойду – заявила мне дочь, и я понял, что прекрасное время, когда можно водить своих детей по зоопарку, сидя на шее безвозвратно прошло.

-Ну, хочешь, мы еще маму с собой захватим? – предложил я спасительный выход.

-Никуда я с вами не пойду – отрезала дочь, и я понял, что она, как и все юноши и девушки в этом возрасте стесняются своих родителей.

-На какой час у тебя назначено свидание? – тихо спросил я.

-На пять.

-Ты не волнуйся, мы все успеем, потому что за полтора часа очень просто выбрать одну туристическую тропу, которая ведет к морю.

-Но я с тобой на свидание все равно не пойду.

-Я только выведу тебя из катакомб этой квартиры, а дальше ты уже сама – открыл я дочери свои истинные намерения.

-Ну, тогда хорошо – согласилась Николь.

Прошел целый час, а одна девушка и одна женщина никак не могли довести меня до простого инфаркта при ежеминутных сердечных приступах. Фантазия этих непредсказуемых творений, то, витало высоко в небе, то падало в египетские пустыни. То поднималась на гималайские горы, и сразу же спускалась к островам затерянным в океане.

-Может, все-таки устремим наш взор на Европу – предложил я. Мы же европейцы как никак.

Мой голос был услышан и глаза женщины оставили все материки в покое, потому что выбрали самый большой и густонаселенный, а именно Евразию. Но количество стран и морей завораживало любое непросвещенное сознание, тем более такое неподготовленное к такому туристическому изобилию.

-Лучше поезжайте в Италию – предложила по-прежнему молодо выглядящая женщина.

-А, мне больше нравится Греция – настаивала дочь.

-Ну, а мне Болгария по сердцу – высказывал я в открытую и свою точку зрения. Потому что она славится своим высоким сервисом.

-И потому что так дешевле – разгадала мой шахматный ход умная женщина.

-Да, хоть Гибралтар выбирайте, мне то что.

-Я бы на твоём месте выбрала бы Францию, чтобы затем махнуть в Монако – со злорадством произнесла родная мама моей дочери.

-Куда махнуть? – удивился я и чуть не задохнулся.

-В Монако – снова вслух подтвердила свое высказывание алчная женщина. Сначала вы полетите во Францию, а затем на такси в Монако.

-А за такси князь Монако заплатит или я? – уже настала моя очередь спрашивать.

-Ты!

-Я! Ну, да, у князя проблемы с наличной валютой. Его можно понять.

-Может все-таки Кипр – сказала Николь.

-Вот в Испании говорят, тоже можно не плохо отдохнуть – тихо выговорил я, но так чтобы все это слышали.

Снова меня заподозрили в чем-то нехорошем, и я сделал по-французски великокняжеское предложение.

-Давай поедем во Францию Николь, а при определенных условиях на такси в Монако. Пол дня мы будем проводить на море в Ницце, а всю ночь кутить в казино с князем, но уже за его счет. Тем более что государственный язык в этих странах один.

К моему изумлению женщины приняли мои слова к исполнению и согласились со щедрым, мужским предложением.

-Ты что точно решил провести свой отпуск с дочерью во Франции и в Монако?

-Честно тебе хочу признаться, про Монако я только сейчас узнал, но все остальное истинная, правда.

-Вдвоем? – провокационно прозвучал вопрос, и я ответил на него утвердительно.

-Вдвоем. А, с кем же еще?

-Ну, один раз в пятнадцать лет и одноразовые отцы становятся приличными отцами.

-Сплюнь – сказал я своей бывшей жене. И не на меня, а через левое плечо и ровно три раза.

-Мама, зачем ты меня оплевала? – жаловалась уже дочь на отсутствие манер у близкого ей существа.

-Так твой отец велел.

-Я, во-первых, не думал, что ты веришь в эти суеверия, а во-вторых, плевать надо как-то все-таки сдержанней, не теряя своего лица, говорил я.

Но так как до свидания оставалось лишь двадцать минут, то мы вылетели с дочерью из квартиры как туристы, которые опаздывают на свой самолет, который отправляется в сказочное княжество Монако.

Я взял такси, и мы все-таки успели к нашему местному князю, который нервно прохаживался по тротуару, готовый броситься от отчаянья под колеса любого проезжающего автомобиля. К счастью, этого не произошло, потому что ожидание в пределах десяти минут не приводит к трагическому результату, а только к выяснению отношений в виде всем известной комедии под названием: «Что ожидание женщины на свидании делает мужчину еще более мужественным и влюбленным».

Но опоздавшая сторона как всегда владела ситуацией и даже покрикивала на другую, которая была такой ранимой и пунктуальной.

-Наша порода – издали оценил я физические и психологические данные дочери, и остался всем довольным.

По знакомой дорожке своего одиночества я медленно передвигал ногами, чтобы как можно дольше пройти по ней, прежде чем меня поглотит стихия двухкомнатной квартиры со всем ее докучным однообразием. Я пытался пристроиться то к одной шумной компании, то к другой, но меня они не принимали к себе, как будто предчувствуя мое скверное настроение. Мне так хотелось им объяснить, что мое расположение духа так легко сменить, как печальную маску на театральном представлении, и я радостью примерю другую, которая в одночасье всех рассмешит. Ведь я такой хороший лицедей и не превзойденный клоун. Да, мне и веселая маска и этот цветной наряд совсем не нужен, потому что я не люблю свое уныние и просто не терплю вашего. Только дайте мне один шанс, лишь протяните свою руку, и все остальное я сделаю сам, потому что мне выпала эта священная роль, веселого клоуна с грустными глазами.

Я уже открыл дверь, прошел в комнату и сразу же обратил свое внимание, на пустующее место, на которое еще не легла галактическая пыль, и этот чистый островок все еще хранил изящные формы дубового футляра. Я уже как будто слышал, как звякнут серебряные запоры, и я притронулся к своей скрипке, к убаюкивающему прошлому, которое еще меня помнит. Но скрипки не было, и эта острая мысль как пинцет врача разрешила мне грудную клетку, как его руки вытащили из моей плоти окровавленное сердце, и бросили куда-то вниз.

Наверное, сегодня я догрыз бы себя до конца, потому что этот рефлекс мне удалось выработать в себе за долгие годы. Я как жук-короед прогрыз многочисленные каналы в стволе дерева, но не хватало еще одного, последнего, который и должен был свалить меня. Но снова кто-то позвонил ко мне в дверь, и я в бешенстве пошел ее открывать, потому что этот не знакомый шорох заставил моего маленького убийцу сначала прислушаться и затаиться на время. Я открыл дверь настежь, так что она даже ударилась в стену, словно сделав движение веером, чтобы на миг скрыть от меня карие глаза Аллы.

-Почему ты так ярко нарядилась? – с порога спросил я своего гостя.

-А, у тебя, почему они такие грустные?

-Наверное, потому что я снова тебя увидел. Ты же ходишь ко мне домой, как на работу. Хотя могу поклясться, что ко мне ты ходишь еще чаще.

-Ну, ты тоже был у меня в гостях, и не раз.

-Вот теперь я понимаю истинную причину твоих походов ко мне. Ты мне просто мстишь своими визитами в отместку на мои. Если я был у тебя раз, то значит, ты будешь посещать меня тридцать три раза.

-Я о такой пропорции даже и не думала

-Это потому что ты не математик, а всего лишь первая скрипка нашего музыкального коллектива.

-Вот ты мне и нужен, чтобы научить меня, чтобы я стала первой, то есть лучшей.

-А, на чем я тебя учить буду, ты не подумала. У меня в доме нет, не одной скрипки, да и в твоих руках я тоже ничего не вижу.

-Но я думала...

-Что думала? – как будто отмахиваясь от женского видения, спросил я.

-В прошлый раз, когда я падала с антресолей, мне показалось, что я видела еще один футляр.

-Ну, падала ты не прошлый раз, а в предыдущее свое посещение, и нечего вводить меня в заблуждение, потому что я веду статистический учет твоих многочисленных визитов.

-Это было в пред... предыдущее посещение.

-Тем более, поэтому на ужин даже не рассчитывай.

-Очень мне надо есть твои макароны. Это же сразу полнит.

-Неужели – оглядел я себя и почувствовал несколько лишних килограммов макарон. Ты знаешь, что ты меня почти уговорила отказаться от них.

-А, что тогда мы будем, есть? – нагло спросила меня Алла.

-Все то, что ты приготовишь – отрепетировано предложил я женщине приняться наконец-то за свои прямые обязанности.

-Но я умею очень мало. Почти ничего.

-Ну, сейчас мы это проверим.

Я завел Аллу на кухню и открыл специально для нее свой именной холодильник.

-Пользуйся всем этим изобилием, но не забывай, что дефицит продуктов на планете это уже не миф, а голодная реальность – сказал я.

Я сел рядом на табуретку и стал наблюдать, что же именно предпочтет первая скрипка. Через некоторое время мой холодильник был облегчен на четыре куриных яйца и... все.

-Ты что яичницу хочешь приготовить? – спросил я, потому ничего другого просто не представлял себе.

-Нет. Ну, почему сразу яичницу. Я решила приготовить омлет.

-Почему же молоко не вытащила из холодильника? – спросил я.

-А, что молоко тоже необходимо для приготовления омлета?

-Да, на лицо тяжелый случай поклонения музыкальному искусству, при полном отсутствии всех других талантов. Ты хоть знаешь, чтобы стать лучшей в своей работе, надо изучить и другое ремесло.

-Какое? – испугалась Алла.

-Кулинарное искусство, вот какое. Ты лучше скройся с глаз моих, и лучше в комнату, потому что я так люблю готовить «бефстроганов» из женщин, которые не умеют вообще готовить.

-Тогда я безропотно удаляюсь.

-На книжной полке ты найдешь несколько книг с кулинарным искусством. Так вот когда я приду, чтобы несколько рецептов ты уже знала бы наизусть. Понятно?

-Слушаюсь и повинуюсь.

-Вот это другое дело и прошу не отвлекать меня от истинного призвания мужчины.

-А, в чем оно заключается призвание мужчины? – спросила Алла.

-Призвание у мужчины одно, кормить женщину, даже если она этого и не заслуживает.

-Какое милосердное признание! Я целиком на стороне такого мужского девиза. Я даже могу помочь.

-Не надо помогать мужчине, когда он об этом не просит.

-А, я знала, что ты так мне ответишь, потому и предложила свою помощь – улыбалась мне Алла.

-Так ты еще и издеваешься - со звериным оскалом ответил я на женское бахвальство.

-Нет. Я просто честно признаюсь, что не умею готовить.

-Так ты не любишь или не умеешь готовить?

-Я не люблю ни того, ни другого.

-Ничего жизнь заставит, вот увидишь.

-Валера, ты сам подумай, когда я выйду замуж, ну, зачем мне лишать мужчину его истинного призвания. Пусть трудится на здоровье себе на кухне, а я буду тихо читать кулинарную книгу и делать из нее заказы.

-Ну, тогда тебе нужно выйти замуж за профессионального повара.

-За повара? – оскорбилась Алла. А, что я буду делать с поваром после приема пищи, ты не подумал?

-Это меня не касается. Делай с ним хоть уху, жаркое, рулеты, хоть рубленые котлеты, мне какое дело.

-Я не собираюсь в своей семейной жизни говорить только о еде. Этот человек должен быть всесторонне развит. Нет, мужчина, от которого все время пахнет едой, это же кулинарный отдел на ложе любви. Ужас. А, если завтра в его ресторан завезут, не свежую рыбу, то я что должна угореть от такого запаха. Нет, за повара я никогда не выйду.

Пока Алла все рассуждала на словах, я же работал в поте лица на деле. Я слушал этот внутренний женский диалог и удивлялся трезвости его мышления.

-Вот если бы мой муж был музыкантом, а лучше композитором.

-Тогда вы с голоду умрете оба – вмешался я со своим мнением в женское призвание задавать вопросы и отвечать на них одновременно.

-Ну, этот музыкант умел бы готовить как бог. Ведь прежде чем выйти замуж за него, он бы мне показал свое искусство на деле.

-Я не знаю, когда твой муж покажет все то, на что он способен, а мне уже кажется, удалось приготовить «бефстроганов».

-Какой ты талантливый!

-Ты не заговаривай мне зубы, потому что выучить несколько кулинарных рецептов тебе все равно придется.

-Зачем мне учиться по книге, когда ты у меня есть. Вот сегодня я воочию увидела, что «бефстроганов» готовится очень легко и быстро. Это же обжаренное мясо под сметанным соусом.

-Ну, как говорится начало этой науки в твоей голове уже положено, то осталось только снять пробу и милости прошу к столу.

Я уже наполнил большую ложку, чтобы проглотить свою тяжело заработанную пробу как один нахлебник, а попросту сказать надзиратель за моими мучениями, потребовал ее в качестве компенсации за свою веселую компанию. Я уже хотел возмутиться, но моя рука с ложкой, была отведена в другое, неизвестное мне расположение и растворилась в этой улыбающейся дымке.

-Ну, как? – спросил я.

-Во, класс – услышал я в ответ и даже получил в свою награду высоко вздернутый большой палец правой руки, что всегда обозначал при гладиаторских боях, что

поверженный повар может подняться с арены, на которой чего только не было из пищевых отходов и полуфабрикатов, и приступить к своим прямым обязанностям. Как только мне удалось накормить Аллу и сравнять с землей всю эту гору посуды, я прошел в зал и глубоко сел в кресло, требуя для себя пятиминутной передышки.

-Чем мы дальше займемся? – спросила меня Алла.

-Лично я буду отдыхать, и включу наконец-то телевизор. Я же с тех пор как ты стала меня преследовать еще ни разу, толком, не посмотрел ни одного выпуска новостей.

-Ну, и смотри его. Я не могу состязаться с голубым экраном, потому что крашусь всегда по-разному, чтобы выглядеть всегда не предсказуемой.

-Алла, ну, дай послушать, что говорят два журналиста одновременно, потому что твой один голос звучит куда сильнее и протяжнее.

Тут сменилась картинка и ведущая новостей обрушила свою грудь на лица телезрителей. Я даже перестал ее слушать, потому что количество воздыханий ее туловища беспокоила меня больше, чем еще одна техногенная катастрофа.

Как она наверно сильно переживает за всех нас – подумал я. Вот у нее уже блузка начала двигаться в два раза быстрее, чем раньше. Еще немного и пуговицы просто разлетятся в разные стороны, и повлекут за собой еще целый ряд незапланированных жертв. Ну, разве можно так себя растрачивать. Ведь людей на земле еще много, а такая грудь только одна.

-Куда ты так внимательно смотришь? – спросила меня первая скрипка.

-Не куда, а на кого – пытался я объяснить эффект преломления света через мою призму, которая находилась в сетчатке правого глаза. Но так как эта призма очень дорога в производстве, а особенно в обслуживании, то левый глаз со дня на день ждет и своего стереоскопического подарка.

-Было бы на что пялиться – сделала не правильное заключение женщина, чье видение было размыто бликами далекого зазеркалья.

-Ну, не скажи. Часто тяжелый вид ведущего информационной программы, влияет на привлечение зрительских масс.

-Я и вижу, что под этой тяжестью, ты как-то сразу и обмяк.

-Это не правда, просто я глубоко переживаю за все несчастные случаи, которые происходят на нашей планете – сказал я.

-Какое у тебя, оказывается ранимое сердце! Я и не знала.

-Да, его когда-то уронили, но забыли поднять из человеческих страданий.

-Ты что так переживаешь за женскую грудь? – напрямую спросила меня Алла.

-Не за женскую грудь, а за женское сердце, сколько раз тебе можно объяснять. Только оно умеет так артистически страдать, и даже изнемогать на глазах многомиллионной публики.

Вскоре Алла выключила телевизор, и попросила меня достать со стеллажа старую скрипку. Я поначалу отнекивался, игнорируя исполнить еще одну женскую причуду, но падать во второй раз и спасти женщину мне тоже не хотелось. Я нашел эту рухлядь и передал ее в руки женщины.

Она тут же начала ее чем-то протирать и чуть не плача, выговаривать мне самые оскорбительные выражения.

-Ты варвар, как ты мог так хранить скрипку!

-Что ей будет, когда она хранится в футляре. Да, этой скрипке, тридцать лет.

-Это твоя первая скрипка, да?

-Ну, да.

-Ну, как ты мог с ней так поступить, ведь она же живая.

-Кто живая? – спросил я, не понимая причины такого жестокого обращения с собой.

-Ведь на ней ты учился играть. Она была первая в твоей музыкальной судьбе.

-Прошу не путать первую скрипку в моей музыкальной судьбе, с твоим первым мужчиной в дамском роке. Только женщина помнит все мельчайшие подробности, и нет, да и всплакнет о своей участи, жалить мужские сердца.

-Ты что хочешь узнать о моем первом мужчине? – спросила Алла.

-Зачем мне это? Я не люблю женских воспоминаний. Это так же скучно, как смотреть на фотографии, на которых нет тебя.

-Мы познакомились с ним на концерте...

-Алла, я тебе, кажется, по-русски сказал, что твой первый сексуальный опыт меня совсем не интересует.

-Я была так еще юна. Его неумелый поцелуй, как будто вознес меня к небу...

-Алла, может ты не Алла, а Лолита по Набокову. Я прошу тебя ничего мне не рассказывать. Этот роман я прочел, но ничего кроме извращенного сознания не нашел.

-Затем он раздел меня...

-Да, неужели. А, я старый думал, что вы любовью занимались в скафандре водолазов при помощи гаечных ключей.

-Потом он положил меня...

-и овладел тобой – закончил я страстное повествование за первую скрипку.

-А, откуда ты это знаешь? – спросила Алла.

-Пока существует только один способ, как из девушки сделать женщину или вы, вдвоем нашли свой! Вот на этот теоретический курс я бы охотно прослушал и даже законспектировал его.

-Ты что ревнуешь?

-Я? С чего ты это взяла?

-Тогда молчи и слушай.

-И не подумаю, почему я должен слушать твои женские признания? Кто я тебе такой, чтобы ты изливала мне свою душу.

-Ты будешь, Валера моей подружкой – так просто все объяснила женщина, что я все понял и тут же ужаснулся

-Кем? – возмутился я. Ты в своем уме.

-Затем он снова меня поцеловал.

-Как еще один раз! Что-то многовато для первого раза. Два поцелуя при утрате одной девственности все-таки это явный перебор. Слушай, давай сменим тему для разговора.

-Но почему? Разве после моих откровений ты не откроешь мне свое сердце!

-Это с какой стати – огрызнулся я.

-Так всегда поступают настоящие подруги.

-Ну, тогда держись, потому что мой рассказ ужаснет тебя своей откровенностью.

-Наверное, он так хотел меня, что у него ничего не получилось – закончила свой печальный рассказ Алла. После этого мы с ним ни разу не виделись. Ты не знаешь почему?

-Я что справочное бюро, почему первая скрипка не смогла с первого раза получить сексуальное удовлетворение?

-Нет, я не про это. Ты не знаешь, почему он больше не искал со мной встречи?

-Я не имею об этом, ни малейшего представления.

-Совсем? – как-то жалобно спросила Алла.

-Успокойся, и не надо же себя накручивать. Просто твой любовник потерпел первое мужское поражение, что совершенно естественно, и ты к этому не имеешь никакого отношения.

-Так я чиста перед людьми и богом.

-Да, Алла, ты самая целомудренная грешница, какую мне только приходилось встречать.

-Это я знала и без тебя, но вот такого определения о себе, у меня еще не было. Но пора уже и тебе, что-то рассказать о потере своей невинности.

-Ну, у меня все просто. Шел я как-то по лесу, помню, темно было, хоть глаз выколи. Так вот иду я один день, другой, пока не забрел на светлую полянку, а там шабаш ведьм.

-Это что было групповое наслаждение друг другом?

-Как ты могла подумать о таком, чтобы я музыкант, который играет на своих ударных инструментах, мог опуститься до такого.

-Ага, значит, ты в сторонке наблюдал за ними и...

-Надо тебе мне откровенно сказать, как подружка подружке, что ты немного повернулась на этой теме. Я же тебе все популярно объяснил, что темно в лесу было, вот где-то на пол пути к этой поляне и обронил я эту свою, мужскую невинность.

-И это все что ты мне можешь рассказать? – возмущалась первая скрипка.

-Все.

-Но я бы хотела все узнать до мельчайших подробностей? – не унималась Алла.

-Я все тебе в подробностях и рассказал: темный лес, ничего не видно, и очень страшно. Но, если ты знаешь обо мне что-то больше, то я бы охотно послушал твой рассказ, потому что все большое видится со стороны.

-Так подружка, если ты мне все не расскажешь, как все было, и как ее звали, то я отказываюсь с тобой больше дружить.

-Только не надо меня шантажировать, потому что свою тайну я унесу с собой в могилу. Разве ты готова добровольно умереть, чтобы последовать за мной?

-Неужели это такая страшная тайна?

-Это просто триллер, в который я не хотел бы тебя посвящать. Лучше живи долго-долго и обязательно счастливо, и играй на скрипке.

-Но, как я могу играть на скрипке, когда все струны порваны.

-А, настоящему скрипачу струны не нужны, потому что они лишь дополняют музыкальный инструмент, но не определяют его звучание - холодно сказал я. Ведь иногда и провода поют на ветру, но только скрипка может придать струнам такой неповторимый звук.

-Ты хочешь сказать, что я смогу играть без струн? – улыбаясь, спросила первая скрипка. Но так в жизни не бывает.

-Ну, теперь и ты этого, к сожалению, сделать не сможешь – с сожалением сказал я.

-Почему?

-Потому что ты уже мысленно отрицаешь саму возможность играть без струн. Но ведь именно мысли создают и определяют нашу жизнь и только затем руки ощущают и передают физическое соприкосновение с нереальной средой, в мир вещей, предметов, и звуков.

-Но я хочу попробовать, помоги мне – набросилась на меня Алла, и больше не давала мне проходу.

-Я готов помочь тебе, хотя не знаю как, потому что твои мысли, они только твои – целый час я говорил одно и то же, но, в конце концов, сделал все, как и просила меня Алла. Просто женщина взяла меня измором, а я в свою очередь ее, когда потребовал взять в руки смычок и скрипку и делать все закрытым ртом.

-Твоя классическая поза почти без изъяна - сказал я. Ты стоишь как будто правильно, но напряжение в тебе с каждой секундой растет, пока ты не доведешь себя до полного изнеможения. Вот о чем ты сейчас думаешь?

-Я думаю, почему твои руки схватили меня за талию, и никак не отпустят?

-А, я испытываю какое-то тепло в руках, но никак не мог понять причину этого – признался я в неумышленности своих действий, потому что сам не знал, как дошел до такого, чтобы осквернить свои руками совершенство первой скрипки. - Извини, я просто хотел немного поэкспериментировать с твоим телом, хотя и тут мы имеем дело с психологическим барьером. Так о чем ты думаешь, когда поднимаешь скрипку, и смычок касается струн?

-Я думаю о музыке, о своей партии, которую надо сыграть без ошибок, и об окончании концерта, конечно, тоже.

-Я так и думал. Ты воспринимаешь музыку отдельно от себя, как часть чужого мира.

-Почему же чужого!

-Потому что человеку, который уже умеет ходить, ему не надо думать, что сделать, чтобы пройти еще один шаг. Ведь ты дышишь, не за действуя свой мозг, потому что дыхание для тебя жизненно необходимо, а значит это ты, это твое неразделимое целое. Так происходит и с музыкой, ты совершаешь ошибки, потому что запрограммирована на их исполнение. Ты должна отказаться от своей психологии и не воспринимать музыку больше как чужой мир и тем более, не думать об окончании концерта уже в самом начале. Так ты устанешь еще раньше, потому что мысли бывают тяжелее горы.

Алла несколько минут повозилась со скрипкой, пребывая под гнетом моих рассуждений, но вскоре оставила это занятие, потому что не умела или не хотела играть без музыкального сопровождения. Я больше не настаивал на своем гипнотическом воздействии, потому знал, как трудно чему-то научить, или переучить музыканта, который уже состоялся как профессионал. Навыки, которые ранее разучивались многолетними и изнурительными упражнениями как оковы висели даже не на руках, они стояли не проходимой стеной в человеческом сознании, и поэтому все новое воспринималось либо в штыки, либо полным к нему безразличием.

Вот именно и это равнодушие надела на себя Алла, хотя она еще и водила смычком в воздухе, пытаясь выдавить из него, хоть какой-то противный звук и в какой-то миг это ей удалось: «Ну, как ты уже слышишь, что я тебе сейчас играю?».

-По-видимому, похоронный марш – пришел я на помощь к первой скрипке.

-Нет, не угадал. Ты далеко сидишь от меня, поэтому ничего не слышишь.

Подойти поближе.

-Ты так широко по сторонам водишь смычком, что боюсь это совсем не безопасно.

-Я играю на скрипке без струн – возмущалась и в то же время радовалась Алла.

Как замечательно. Ну, так ты подойдешь ко мне маэстро или я так, и буду в одиночестве наслаждаться прекрасной музыкой.

Я следил за пальцами левой руки первой скрипки, затем за углом падения смычка на медные струны, пока не услышал свою музыку, которую Алла играла уже наизусть.

Это и заставило меня подойти к первой скрипке и посмотреть в ее янтарные глаза.

-Как композитор я приношу тебя свое восхищение, что ты набралась мужества и сыграла мою сонату в своем музыкальном выступлении.

-Лучше чем восхищаться, поцелуй меня – предложила мне Алла и отложила скрипку и смычок.

-Я думаю, что это совершенно лишнее, потому что исполнительное мастерство еще в большем долгу перед сочинителем.

-А, я так старалась.

-Ну, если старалась, то необходимо вознаградить первую скрипку, которая больше не играла, а импровизировала с авторским текстом.

-Поэтому поцелуй меня – все время настаивала на своем первая скрипка.

Я поцеловал Аллу в щеку как талантливое дитя, которое так переврало мое творчество, что его поневоле необходимо было принять в соавторы.

-Но разве я так плохо играла, что заслужила только это – настаивала на более щедром вознаграждении первая скрипка.

-Алла я тебе не советую дразнить меня, потому что с девственностью ты расстанешься быстрее, чем даже себе думаешь.

-Неужели один поцелуй может сотворить со мной такое.

-Это не поцелуй сотворит с тобой такое, а я. Композитор!

-Как интересно! Но я готова рискнуть.

-А, я нет, и поэтому я поцелую тебя еще раз, но не в губы.

-Куда? Неужели в самую девственность.

-Это уж совсем не входило в мои планы – честно признался я.

Я поцеловал женщину в лоб, предварительно приподняв с нее златокудрую прядь, и попросил дальше играть произведение талантливого, еще мало кому известного, но живого автора, который больше не будет просто смотреть, и слушать, как издеваются над его душой, и измываются над телом.

Но мое стоическое поведение было названо эгоистическим, поэтому женщина положила мою старую скрипку в футляр и, закрыв его, вместе с ним, направилась к дверям. Я решил интеллигентно напомнить, что скрипка еще моя и на антресолях ей самое место. Но меня никто не слушал, потому что находился все еще под обаянием музыкального шедевра. Тогда я попытался отобрать свою частную собственность при помощи силы, но напоролся на отчаянное сопротивление со стороны Аллы.

-Каждый раз, когда ты меня посещаешь, у меня что-то пропадает. Может, ты берешь это на долгую и счастливую память обо мне? – спросил я.

-Только на долгую память – снизошла ко мне первая скрипка.

-Вот с этим я с тобой согласен. Сначала одна скрипка бесследно исчезла, теперь другая, жаль, что рояля у меня нет, тогда я бы помог тебе его вынести через окно.

-Боюсь, что рояль при транспортировке может сильно пострадать и тогда ни один антикварный магазин не примет его на реализацию.

-Так ты что, уже потихоньку продаешь национальное достояние? – спросил я.

-Почему же, потихоньку, продажа идет уже с молотка на аукционе!

-И какая начальная цена музыкального лота?

-Странно, почему ты не спрашиваешь, какой шаг назначен в увеличении начальной цены?

-И как же будет возрастать цена? Я надеюсь в геометрической прогрессии.

-Цена шага установлена по цене одного дурака от стартовой стоимости

-Это который битый дурак или круглый? – спросил я, чтобы все знать и быть готовым ко всему.

-Нет, не угадал, потому что, это музыкальный дурак, который встречается, увы, не редко.

-Я что-то слышал о музыкальном дилетанте, но о музыкальном дураке еще никогда. Но с учителем по сольфеджио я не буду спорить, потому что он лучше знает свои ноты, но кажется, совсем забыл, что высокая сегодня музыкальная октава, завтра наверняка станет сожалеющей, нижней.

-Я все поняла, спасибо, а за скрипку тебе волноваться не надо, потому что я отдам ее своему знакомому мастеру, и он непременно ее восстановит.

-Послушай Алла... - решил я начать непростую беседу.

-Не надо ничего говорить Валера.

-Но может, я завтра зайду к тебе – согласился я по настоянию женщины перенести еще на один день серьезный разговор.

-Не стоит.

-Тогда решено я приду к тебе завтра – отказался я от любой альтернативности моего завтрашнего появления у Аллы.

-Но меня не будет дома – заявила первая скрипка.

-А, где ты будешь? – спросил я.

-Я приглашена на одну вечеринку.

-Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, тогда придется перенести нашу встречу на другой день. Эх, ладно можно было бы и отложить вручение подарка на неопределенное время, но я сам просто лопаюсь от нетерпения, чтобы увидеть твою счастливую реакцию на него.

-Что за подарок? – как-то сразу приободрилась Алла.

-Только я сразу хочу тебя огорчить, что никаких других музыкальных инструментов в моей квартире больше не осталось. Ты уже вынесла все, что имело художественную и антикварную стоимость.

-Тогда что ты мне хочешь подарить: кольцо с алмазом или жемчужное ожерелье?

-А, бижутерия для такого случая не пойдет.

-Нет, не пойдет – честно призналась первая скрипка.

-Ну, так быть в последний раз я подарю тебе искусство, прямо от сердца отрываю.

-Тогда отрывай побыстрее, а то я тороплюсь.

Я исчез в комнате и уже нес за спиной свой новый раритет, который навечно должен был, передать в руки алчной Аллы.

-Что это? – возмутилась женщина, которая увидела свой подарок.

-Это книга под названием «Кулинарное искусство», которая поможет тебе в твоих первых шагах к завоеванию желудка мужчины.

Но Алла только развернулась и гордо ушла, а я себя еще долго корил, что так зло обошелся и обидел столько хороших людей. Ведь сначала пострадала первая скрипка, потом учитель по сольфеджио, а в самом уже конце, и эта смешная девчонка.

-Какой у тебя все-таки скверный характер – разговаривал я сам с собой. Ведь ты мог поцеловать ее, и ничего бы не случилось, потому что Алла умеет себя держать, и ничего такого тебе не позволила бы. -Ну, а что бы дальше стало со мной?

Чего ты боишься? Ведь хуже того, как ты сейчас живешь, быть уже не может. Ты боялся разочаровать ее, но как раз этого ты и добился. Да, пропади все пропадом, все эти условности, не договоренности. Надо было ей сказать о своей любви к ней. Надо было.

Ты и впрямь, музыкальный дурак.

Я проснулся, когда еще было темно на улице, в тот самый час, когда ночь еще не уступила свои права посапывающему утру, но ее чернила цвета сажи были не черными, а становились уже синими, и даже фиолетовыми.

Во дворе нашего дома горел фонарь и я сел за свой стол, не включая искусственный свет. Какие-то тени мелькали у меня перед глазами и никак не давали сосредоточиться.

Я долго смотрел в окно, все оттягивая минуту своего желания, чтобы дожидаться той секунды, которая мне скажет: «Вот теперь, пора. Сейчас ты можешь взять карандаш и писать свою музыку».

Я склонился над нотным листом, созерцая его нетронутость, понимая, что лучшая музыка, эта та, которая еще не написана, но обязательно будет мной сочинена, потому что я ее уже слышу, но пока не в силах передать ее волшебной мелодии. От своих трудов я очнулся, что около двенадцати и то, от того же комнатного звонка, который испугал меня, потому что все как-то вдруг оборвалась, и моя музыка просто не выдержала такого звенящего натиска. Она растворилась и только несколько исписанных мной листов, остались как земное доказательство ее бытия.

На пороге моей квартиры стоял мой импресарио, который часто предлагал мне халтуру, играть в роскошных особняках и служить музыкальным, классическим фоном для деловых раутов и дружеских встреч.

-Доброе утро – сказал я, все еще не понимая, как мне удалось так долго находиться в плену своих музыкальных фантазий.

-Давно уже день Валера, а ты мне предлагаешь утренний кофе или чай. У тебя вообще совесть есть? – спросил Юрий Владимирович.

-Ну, тогда может кофе с коньяком? - предложил я.

-Я бы с удовольствием и суп твой знаменитый съел, но не могу, потому что тороплюсь. Как ты надеюсь, понял, нас ждет ночная работа.

-Что сегодня, в середине недели?

-Мы люди с тобой подневольные, поэтому дней не выбираем. Ну, я был бы совсем не против, чтобы трудиться как все от понедельника до пятницы, чтобы субботу и воскресенье проводить вместе с семьей. Но кто как говорится, заказывает музыку, тот ее неплохо и оплачивает.

-Что на этот раз? – тяжело спросил я.

-Да все как обычно. Классический квартет. Ты как всегда первая скрипка.

-Но я сегодня не могу, да и играть мне в принципе не на чем.

-Ты что продал свою скрипку? – прямо в туфлях в комнату прошел пожилой мужчина, у которого от отсутствия моей скрипки на месте защемило здоровое сердце. Зачем ты это сделал? Я же тебе сто раз говорил, что куплю ее у тебя, а ты вот так со мной поступаешь. Хоть кому продал?

-Одной скрипачке, которая играет просто волшебю.

-Ну, тогда мне понятно, потому что ты ее продал, а скорее подарил. Я прав?

-Пожалуй – ответил я.

-Тебе что деньги не нужны? – спросил импресарио.

-Вот именно сейчас я в них просто нуждаюсь, как никогда.

-Так для чего строить из себя миллионера?

-Минутная слабость – пожал я плечами. Сейчас эта скрипка для нее нужней, чем мне.

-Ну, ты не переживай, потому что скрипку я тебе найду, так что от работы не увильнешь.

-Давайте в следующий раз – предложил я.

-Ты что еще не проснулся или выкобениваешься! Хотя вроде такого я за тобой не наблюдал. Что случилось?

-Ничего, все в порядке.

-Тогда если в порядке, то не начинай. Тем более что я аванс уже взял.

-По себе знаю, как трудно возвращать деньги, но все-таки это необходимо сделать.

-А, кто неустойку оплатит, ты не знаешь? – дерзко спросил Юрий Владимирович.

-Ну, наверное, вы. Да, вообще какие проблемы, ведь у вас под рукой всегда несколько составов. Выбор скрипача не заставит себя долго ждать.

-Валера, поверь мне, все было бы именно так, но в этом конкретном случае мне нужен ты, потому что твое имя – это гарантия качества.

-Понятно – с тоской сказал я. Значит, опять перед выступлением будет звучать моя надгробная речь, с перечислением всех моих прежних заслуг.

-А, ты знаешь, как эти твои регалии поднимают цену вопроса с твоим участием?

Да, я, как только начинаю их перечислять, то у клиента просто кругом идет голова. Так что давай не хандри, и в шесть часов вечера я за тобой заеду.

-Юрий Владимирович, вы, что действительно сегодня без меня не можете обойтись?

-Так ты, кажется, предлагал мне коньяк, потому что, чтобы упасть на колени перед тобой мне требуется хоть маленькая, но рюмка спиртного.

-Коньяк налью, а вот падать на колени не дам, потому что я согласен. Я же понимаю, что сумма неустойки значительно выше, чем само вознаграждение.

Я прошел на кухню налил две коньячные рюмки и хотел принести их в комнату, но неожиданно передумал, потому что нельзя никогда далеко уносить стопки от бутылки. Не то нежданные гости плохо меня поймут, и сочтут скрягой, поэтому здесь и решено было осушить коньяк. Юрий Владимирович поднял рюмку и предложил выпить за меня.

-В честь чего мне такая честь? - съязвил я.

-Что-то ты плохо выглядишь. Серые круги под глазами, губы синие, и сам какой-то ты весь желтый. Ты что пьешь?

-Ну, кто в отпуске не пьет?! Слоняюсь из угла в угол, все место свое никак найти не могу, прямо извелся.

-Ты это брось себя накручивать. Знаю, что переживаешь, что из оркестра тебя вышибли. Так ты на это плюнь и разотри.

-С чего вы взяли, что меня ушли, я просто нахожусь на заслуженном отдыхе.

-Да, мне уже все давно донесли, что ты никак не уживешься с новым дирижером. Может ему стоит как-то деликатно намекнуть, что он не прав.

-Даже не смейте об этом думать, потому что не терплю, когда за меня заступаются и просят – впервые повысил я голос

-Да, ты что сынок. Просто у меня иногда такая злость наваливается в груди на одного человека, что хоть криком кричи, и дай мне в руки его на растерзание.

-Кто такой? – спросил я, потому что чуть ли не впервые видел этого пожилого человека в такой ярости.

-Тот пьяный водитель, который наехал на тебя, и ведь он почти невредимым вышел из аварии, а ты...

-Слава богу, что я один тогда ехал в машине, а то даже страшно подумать.

-Ну, Валера, за тебя.

-Лучше за нас.

-Нет, за тебя.

Тут же содержимое рюмок исчезло, а Юрий Владимирович уже прощался в дверях, и грозил мне штрафными санкциями, если заставлю его долго ждать в своей машине. Как только ушел мой импресарио, я взглянул на себя в зеркало и отшатнулся. Видно в период отпуска даже тело начинает отделяться от своего естественного вида и приобретать черты и привычки незнакомого мне мужчины, который утратил все свои человеческие качества. Необходимо было принять ванну и немедленно. Вскоре я нырнул с головой в это чугунную чашу и на какой-то миг потерял сознание, потому что не совсем точно рассчитал уровень сопротивления материала с моим пробивным, похожим на таран в виде грецкого ореха, лбом. Но когда все вибрации в воде устаканились и тело выплыло

наружу, то я мысленно поблагодарил всех чугунных производителей за их качественный продукт. Не дай бог, если бы моя ванна лопнула, то я собирал бы воду по своей квартире несколько дней, а затем до конца отпуска ругался бы со своими соседями из-за ремонта, которые проживают подо мной.

А, ведь я их столько раз просил поменяться этажами, чтобы чего-то стихийного однажды не произошло, но они пока остаются, глухи и немые к гласу самого здравомыслящего человека в это девятиэтажной пустыне.

Так медленно, но верно я измочалил свое тело, чтобы привести его в божеский вид, потому что обожал этот вид массажа, который доступен только для широких масс населения, не обремененных лишними деньгами. После массажа рук, и особенно ног, я приступил к своему лицу, как витрине, которая особенно нуждалась в растирании. Вскоре в банном халате я принял позу султана в своем гареме и задремал на несколько часов. Но ни молодые наложницы, ни любимые жены повелителя не тревожили меня, потому что знали о моем любимом желании поспать в их телесном кругу с чистыми намерениями. Эти женщины исполняли роль сестер милосердия, поэтому не на чем таком не настаивали. Но ровно в три меня разбудил евнух и попросил, чтобы я не казнил его за неслыханную дерзость прерывать сон своего владыки на самом интересном месте. Я тут же отключил будильник и оказался в своем ужасном настоящем. Уже была середина второй недели моего отпуска, а я по-прежнему нуждался в разрешении от родителей, которые по-прежнему препятствовали мне в законном отдыхе, а, следовательно, толкали меня на контрабандный вывоз детей к берегу моря. Но, если княжество Монако уже сломило гордость одной семьи, то другая еще пыталась оспорить все прелести здорового и семейного отдыха. Вот этой семье я и решил нанести свой визит. Снова дверь открыл мой кровный родственник, который являлся мужем моей бывшей жены. Два влюбленных супруга маячили у меня перед глазами и свежими улыбками пытались скрыть свое увядающее настроение от моего визита.

-Петр ты, почему не на работе? – спросил я.

-Ну, ты же сказал, что сегодня придешь, вот я и взял отгул.

-Ради меня? – удивленно спросил я и начал покрываться испариной. Еще немного и свершится просто непоправимое.

-Что ты имеешь в виду?

-Ты примешь мое появление к вам, как государственный праздник, который в очередной раз навязан и количество оных в году, окажется для тебя просто непосильным бременем на государство.

-Ты опять шутишь? – спросила меня бывшая жена.

-Что ты, я даже и не думал, просто сказал, что первое мне пришло в голову. Извините, что был так прям и открыт перед вами. Но почему в толпе встречающих я не вижу своего родного сына?

-Он ушел в кино.

-Вы что его сослали в кино, на все сеансы подряд, чтобы мы с ним случайно не встретились? Предусмотрительно вы все подстроили, но я не ругаться с вами пришел, а лишь обсудить маршрут движения. И, так что вы выбрали?

-Сын с тобой никуда не поедет – сказала упрямая женщина.

-Все-таки вы решили поругаться со мной, а не решить эту недоразумение мирно и дружно. Жаль, очень жаль – сказал я.

-Чего тебе жаль?

-Не чего, а кого! Ведь именно вы развязали против меня войну, которую я так не хотел. Но мне даже ни вас жаль, ни себя, а сына, потому что он станет невинной жертвой в выяснении наших взаимоотношений. Он так надеялся, что окунется в морскую волну, и даже два раза, но не сможет это сделать этим летом ни разу.

-Наши планы остались прежними – заявил мне Петр. Мы, как и в прошлом году полетим на Кубу.

-Боюсь, что Фидель Кастро не сможет вас принять в аэропорту, по причине отсутствия вас на борту воздушного лайнера.

-Это еще почему? – нахмурился Петр.

-Во-первых, коменданте себя плохо чувствует и не сможет вас встретить, как и обещал, а во-вторых, прошел ровно год с вашего прежнего посещения этого острова свободы.

-На что ты намекаешь, я все никак не пойму? – спросил меня доктор математических наук, у которого все цифры имели строгий порядок, а формулы стояли как курсанты на плацу.

-Я не намекаю, а прошу опомниться и не давать мне опасного прецедента в руки, потому этот план созрел в моей голове только сейчас.

-Ты говоришь о доверенности, срок которой уже истек! – первой догадалась женщина.

-Я рад, что меня так хорошо понимают. Вы просто не оставляете мне другого выхода.

-Но это же низкий поступок – прорычал доктор и я даже опешил.

-Что я слышу господин профессор. Уж не меня ли вы зачислили в касту низких и оскверненных людей, с которыми вам и общаться нельзя. Так хочу напомнить, что именно вы поступаете так со мной первыми, а не я. Я только защищаю свои обязанности, и права своего сына. Так что в корысти меня трудно заподозрить, подумайте хоть об этом.

Агрессоры смотрели на меня все еще враждебно, но не решались перейти демаркационную линию, не приняв совместного решения наедине. Но супружеский интим меня совсем не волновал, поэтому я и покинул этот дом, чтобы появиться снова завтра, для обсуждения только деталей нашего совместного отпуска с сыном.

-Кстати, я хотел, чтобы и сын участвовал в решении выбора страны отдыха, потому что все-таки отдыхать нам, и прошу не забывать этого.

Меня с почтением выслушали и даже открыли дверь, правда этот прецедент мне уже был знаком, поэтому он и не вызвал у меня никаких осложнений. Только грохот закрывшейся двери несколько напугал мое миролюбивое настроение, но соперник этим жестом показал свою слабость, поэтому и был уже прощен за этот глубоко не гостеприимный жест. Но это супружеская пара действительно перешла все границы дозволенного, показав мне свое буржуазное чванство, вот они, мол, летят на Кубу, а ты загорай на берегу какого-то болота и корми комаров своей второй, положительной группой крови. Они так охочи на нее, что может и высосут ее всю без остатка. Я бы тоже полетел на Кубу, но на моих денег только на билет туда хватит, без проживания, а кто заберет нас оттуда, наверное, только МЧС. Слава богу, детей эвакуируют домой бесплатно, а меня попросят вплавь добраться до родных берегов, чтобы в пограничных территориальных водах быть обстрелянным сторожевым кораблем и принять смерть от своих как нечто должное, потому что турист без денег – это все равно, что мертвый турист.

Но даже Кубу я простил бы им, но отправить ребенка на целый день в кино, под предлогом очередного кинофестиваля – это было выше моего понимания.

Было уже без четверти шесть, когда я попал домой и начал быстро готовиться к своей работе. В оркестре я бил в свои медные чашки, а по ночам работал, чтобы быть не узнанным ни кем. Я уже надел свой фрак, и спустился по лестнице вниз на улицу.

Юрий Владимирович уже ждал меня в своей машине и повез куда-то загород.

-А, где все? – спросил его я.

-Ну, так как только у тебя нет машины, то все подъедут сами к месту встречи.

-Разве не проще было весь наш квартет собрать вместе?

-Я предлагал, но все отказались.

-Что-то мне верится в это с трудом. Просто все избегают встретиться с вами Юрий Владимирович в замкнутом помещении.

-Почему? – спросил меня импресарио.

-Потому что вы вечно всем недовольны, и отчитываете всех и вся – честно признался я.

-Ты сказал, что все меня избегают, но ты же едешь со мной, и ничего не происходит.

-Пока ничего не происходит – постучал я по пластмассовым частям внутреннего убранства машины.

-Что ты имеешь в виду?

-Ровным счетом ничего – отмахнулся я.

В салоне машины наступила тишина, и только двигатель тихо урчал под приворот пятой передачи скоростей. Я смотрел по сторонам, потому что мы уже выехали за город и мчались по дороге, как по просеке между деревьев, которая была пробита людьми и разделила сосновый лес на две части.

-И, так требую вести себя как истинным музыкантам, а не людям, которые нетрезвыми, играют на свадьбах. На еду тоже прошу не накидываться, как будто вы с голодного края. Мастерство если и входит в сумму нашего гонорара, то прекрасные манеры мы просто дарим нашим клиентам. Они должны видеть нас и восхищаться.

-А, с кем это вы сейчас говорите, Юрий Владимирович? – спросил я.

-С вами,... то есть с тобой.

-Еще будут ценные указания или это все.

Мой импресарио понял, что снова скатился в свою излюбленную учительскую позу, всех наставляя на истинный путь. К этому все так уже привыкли и не обращали бы на это никакого внимания, если бы не одно, но. Юрий Владимирович сам любил побалагурить, и редко когда наше выступление не заканчивалось очередным эксцессом. Но заведенный ритуал перед каждым выступлением оставался незыблемым, видно для того, чтобы никто не составил компанию для нашего администратора во время его очередного единения с приглашенными гостями.

Мне надо было каждый раз что-то придумывать, чтобы вернуться домой, потому что импресарио мог надолго задержаться на очередном празднике.

Судя по моим ручным часам, дорога от моего порога до охраняемых ворот закрытого поселка заняла полчаса, и еще через пять минут перед нами наконец-то подняли шлагбаум. Мы въехали сначала по главной дороге, затем свернули на право, и на второй линии домов, остановились у четвертого дома.

Десятки дорогих машин уже стояли по периметру высоких стен, тщетно пытаясь проскочить в последние ворота, которые, если и пропускали машины, то лишь для того, чтобы с пафосом подвезти гостей к мраморным лестницам барского дома, и после этого возвращались на исходную позицию.

-Это что частный дом? – спросил я.

-А, ты что не видишь?

-Я просто не предполагал, что дома могут быть такими.

-Какими такими?

-Неуклюжими. Впервые вижу дом с крышей, но без стен. На чем стоит вся эта конструкция?

-Как и любому дому, ему положено стоять на фундаменте, а стен ты не видишь, потому что дом просто огромный. Я уже был здесь два раза, и скажу, что без сопровождения там можно потеряться навсегда. Но мы уже, кажется, опаздываем. Гости уже тут как тут, а музыканты еще на подходе. Тут я увидел горстку музыкантов, которая стояла возле парадного крыльца, и смотрела на не прекращающуюся кавалькаду дорогих авто, и пассажиров, которые выплывали из них, лишь после того, как им вежливо и томно открывали дверь.

-Привет бременским музыкантам – сказал я.

-Здравствуй Валера, так мы сегодня с тобой работаем! – услышал я голос Сени

Нашу музыкальную колоду все время тасовали, и нельзя было точно знать, с кем ты будешь играть сегодня. Это конечно приводило к некоторой сумятице и неразберихи, но

не на продолжительное время, потому что все были профессионалами своего дела, и умели выступать с чистого листа. Только двоих из сегодняшнего концерта я знал в лицо и работал с ними несколько раз, а вот третий молодой человек был мне не знаком.

-Валера – представился я и протянул руку для знакомства.

-Василий – ответил парень двадцати пяти лет.

-А, почему вы не заходите в дом? – спросил я.

-Нас не пускают – хором ответило трио.

-Юрий Владимирович, в чем дело? – переадресовал я вопрос нашему администратору.

-Не знаю.

Тут же импресарио подошел к охране, которая начала что-то говорить, а главным образом объяснять и рукой показывать куда-то в сторону. Через минуту вернулся гонец и объявил нам, что мы должны пройти в дом через черный вход.

-Ну, что ж все остается, как и прежде – сказал я. Чем больше дом, тем больше в нем слуг. Ведите нас Юрий Владимирович через узкие ворота, ведь только через них можно попасть в царствие небесное.

Мы обошли огромное здание, и оказались вновь у охраняемой проходной. Но тут нас уже ждали и даже открыли дверь. Как только все наши прошли за частокол защитников этих стен, администратор попросил меня задержаться, якобы для обсуждения тет-а-тет репертуара сегодняшней программы. Я был несколько обескуражен поведением администратора, потому что программа ему была знакома.

-Что вы хотели мне сказать? – спросил я.

-Ты и я можем пройти в дом через главный ход.

-А, почему только мы вдвоем, а как же все остальные?

-Валера есть определенные правила игры, и я только следую этим указаниям. Так что давай, не будим, сейчас устраивать дискуссию, а просто последуем к главному входу.

-Зачем?

-Чтобы попасть в дом.

-Вы как хотите, а я с ребятами пройду. Тем более обходить дом, нет, это не для меня.

-Ты встретишься с ними через несколько минут – стал уговаривать меня Юрий Владимирович.

-Спасибо за оказанное доверие, но нет. Этот поход за славой мне совершенно не нужен. Я уже открыл дверь, предложив для администратора право первым войти в дом, но он предпочел другой, парадный вход и мне ничего не оставалось, как закрыть ее перед его носом.

Вскоре трио музыкантов стало квартетом, и мы уже сидели в углу роскошного зала и играли приглашенным классическое музыкальное произведение.

Две скрипки, виолончель и флейта, хорошо дополняли друг друга, потому что нас никто не замечал. Мы были как старинный граммофон, который что-то играл для гостей, не обременяя их слух и нас как будто не было, потому что граммофон – неодушевленный предмет, хоть на сегодняшний момент и большая редкость.

Мы уже несколько раз сменили пластинку, и все шло как обычно, пока я случайно не увидел первую скрипку, которая находилась в числе приглашенных гостей на сегодняшний раут. Она медленно прогуливалась по величественному залу в тесном кругу мужчины, который несколько раз попадал в мой зрительный объектив возле филармонии. Наверное, со мной что-то случилось, потому что смычок в моей правой руке дрогнул, и как говорят профессиональные певцы, я дал «петуха». Для многих, это осталось не услышанным, только Василий с недоумением взглянул на меня и тут же опустил свой взор.

Но у первой скрипки был исключительный слух, и она впервые посмотрела в наш музыкальный угол, чтобы понять, кто мог так тяжело извратить музыкальную классику. Наши взгляды встретились, и она удивленно бросила свои янтарные россыпи глаз в мою

темноту. Наша дуэль длилась несколько секунд, но вскоре я побежденный опустил свои глаза в пол, не в силах оторвать их от паркетного блеска.

Только через полчаса, когда наступила музыкальная пауза и все музыканты удалились, чтобы не немного передохнуть и подкрепиться. Один я почему-то задержался в зале, пытаюсь отыскать в партитуре новое произведение, которое мы должны были играть после технической пазы. Я уже хотел исчезнуть из этого светлого пятна, которое как бельмо легло на мои глаза, и я уже даже встал со стула, но бремя слов своей тяжестью снова придавило меня к этому деревянному престолу.

-Так вот чем занимается композитор в ночное время – с ухмылкой сказала Алла.

Я поднял глаза и увидел женщину в вечернем платье, которая смотрела на меня сверху вниз, и в одной руке она держала бокал с шампанским.

-Как видишь - произнес я, сухим ртом, как будто мой язык прирос к небу.

-Ну, как хорошо тебе здесь платят?

-Ну, ты уже заметила, наверное, что в этом доме не только хорошо платят, но и отлично кормят. Я вижу, что некоторые гости даже глаз от своих тарелок поднять не могут, а некоторые стали предпочитать шампанское пиву.

-Я думала, что тыпишешь бессмертную музыку, а ты развлекаешь людей, которые ничего в ней не смыслят.

-Каждый человек достоин высокой музыки, даже если его знания в этой области искусства не сильны. Я играю для людей, а они слушают, и я счастлив.

-Они слушают твою игру, в которой так много ошибок, и не замечают этого, поэтому ты так счастлив – с пренебрежением сказала первая скрипка.

-Да, наверное. Они снисходительны ко мне, а я... - и тут меня как будто вышибло из седла и я не смог закончить своей фразы.

-А, ты к ним за это великодушен.

-Нет. Я просто для них играю, как могу.

-Можете вы, Валерий Борисович очень мало, как я погляжу. Так мало, что мне даже стыдно за вас.

-Алла – послышался голос мужчины, который казалось, и минуты не мог прожить без нее.

-Я сейчас подойду, еще одну минутку.

-Ну, в чем дело? – спросил ее знакомый и вплотную подошел к нам.

-Вот я тут рассказываю Игорь, как нужно правильно руку держать и смотреть в ноты, чтобы не сбиться с правильного такта, потому что когда один играет плохо в квартете, то все думают плохо в целом о музыкантах.

-Да, тут вообще никто не умеет играть, кроме одного, то ли заслуженного лауреата, то ли победителя каких-то международных конкурсов.

-Так это он и есть, полюбуйся на него.

Тут к нашему кругу музыкальных критиков подошел Юрий Владимирович, который уже был навеселе, и решил снова появиться перед глазами своего обожаемого клиента.

-Что же вы меня голубчик обманули, что будет играть лауреат, а он давно уже таким не является – как обманутый клиент стал с Юрием Владимировичем говорить Игорь.

-Понимаете, это такая трагическая судьба – отчитывался импресарио. Но я же вам рассказывал.

Я смотрел на этих людей, и все во мне начинало закипать. Они решили устроить мне публичную выволочку, потому что музыканты уже заняли свои места, а я уже давно стоял, не зная на кого первого мне обрушиться, чтобы высказать все, что я думаю о них.

Но замороженный взглядом Аллы я стоял и слушал, когда меня мешали с грязью, и мне пришлось смириться с определением, что прежние заслуги никому не нужны. Я хотел им крикнуть, что никогда не просил к себе внимания, потому что мертвый человек, не желает ничего, просто потому что он его давно нет.

Вот если бы все оставили меня в покое, то это было бы единственной моей наградой за прежние заслуги. Алле удалось прочитать мои тайные мысли, и я она уже взяла за руку своего спутника, чтобы снова отвести его к гостям, которые как муравьи копошились в своей куче, и пережевывали своим сильными челюстями съестные припасы.

Я никогда не был верующим человеком, а особенно после аварии, когда чудом остался в живых, но именно сейчас мне захотелось попросить Его, чтобы он вернул мне мои прежние руки, хоть на несколько минут, и за это время я готов был отдать все.

Все что у меня было. Я бы первыми положил свои руки на эшафот, чтобы их отрубили и навечно исключили меня из коллектива бременских музыкантов. Я знал, что давно уже умер, и мне не было жаль себя, но сейчас я тонул в глазах Аллы, и только поэтому опустил до такой унижительной просьбы. Никто не мог сделать меня прежним, кроме него, который помнил меня и мог помочь.

Я видел, как Алла уже прошла несколько шагов. Я зрел только ее спину, которая смеялась на очередную шутку мужчины и уходила от меня навсегда. Словно во сне, как ночью, когда на небосводе нет ничего, кроме тьмы, я взял скрипку в руки и заиграл.

Мои пальцы стали беспощадно прижимать струны, правая рука держала смычок так, как будто он стал ее продолжением, а я только следил за женщиной, которая на мгновение остановилась, все еще не оборачиваясь ко мне, потому что не верила, что эту музыку может играть живой человек.

Но я был мертв, и поэтому мне уже было ни больно, ни страшно. Мне было все равно. Я поставил за этот миг свою душу, которая должна была возродиться или исчезнуть навсегда.

Я держал скрипку, как будто касался своей прежней жизни, когда я что-то мог, когда я был лучшим. Даже гости, услышав мою игру, оторвались от своих насущных потребностей и смотрели с неподдельным интересом на меня, потому что поняли, что я играю уже не для них, и это их оскорбило. Они начали подходить ко мне поодиночке, а затем стройными рядами, сковывая мои движения, стальным блеском своим глаз, пытаясь запретить мне, играть.

Но мой звук, проходил через них, и люди стали меняться, трансформироваться, и это уже были не насекомые, которые ничего не знали кроме единственного инстинкта, выжить любой ценой. Теперь они хотели понять смысл своего существования, и я стал ключом, разгадкой в этом вечном вопросе. Нет, не я, но моя музыка, и руки, которые тоже были не мои.

После того как смолкли последние играющие ноты, я опустил на стул, но все еще держал в руках смычок и скрипку, чтобы никто не видел, как они дрожат, как колыхаются в этом жестоком человеческом мире, когда прежние заслуги ничего не значат.

Я по-прежнему сидел на стуле, а мое трио почему-то встало, и начало приветствовать меня, как раньше. Я слышал, как смычки били дробь о музыкальные инструменты, и эта вибрация остановила мое настоящее сердце, но тут же забилося прежнее, которое не погибло, как думал я, оно просто испытывало меня, что я могу без него. Оно стучало так, что я не слышал грома аплодисментов, оно наблюдало за женщиной, которая все также стояла, не в силах обернуться в его сторону.

Но янтарное солнце обратила на меня свой взор, и я ослеп от золотого сияния, потому что оно уже было другим.

Даже Юрий Владимирович, кажется, протрезвел и даже не обращал никакого внимания на хозяина дома, который предлагал увеличить гонорар, если я еще что-нибудь сыграю.

-Как ты играл Валера? Это же просто чудо – сказал Сева, который играл на виолончели.

-Я не знаю, как это случилось – признался я.

-Что вы играли? – спросил Василий. Я никак не могу узнать композитора.

-Это соната одного неизвестного композитора.

-А, как она называется?

-Называется она, дай бог памяти, - задумался я, - кажется соната любви. Но я могу и ошибаться.

-А, где можно найти ноты этой любовной сонаты?

-Я могу переписать их для тебя, если захочешь.

К моему сердечному облегчению квартет снова заиграл вместе, и я не сильно отличался своей игрой от них, потому что не мог, не имел права их подвести во второй раз, потому что первая скрипка все также наблюдала за мной исподтишка, пытаюсь различить в моей игре фальшивые ноты. Но затем она исчезла, и я больше ее не видел.

Наш концерт закончился через три часа, и абсолютно трезвый администратор уже вез меня домой. Он всю дорогу допытывал меня, как стало возможным, чтобы так играть через много лет. Я лишь пожимал плечами и улыбался проезжающим мимо машинам, которые приветствовали меня своим перламутровым светом.

-Ну, конечно же, меня ты должен благодарить. Если бы я тебя не вытаскивал на ночные халтуры, то сегодняшнего чуда не произошло – пел дифирамбы в свою честь импресарио.

-Все возможно. Но я действительно не хочу сейчас говорить об этом.

-Наш следующий концерт через три дня.

-Даже не знаю, если я не уеду на море, то ...

-Я буду, звонить тебе, или нет, возьми мой мобильный телефон, потому что найти тебя без него мне будет не по силам – насильно пытался вручить мне в руки Юрий Владимирович свою трубу.

-И не подумаю даже его брать. Я живу спокойной, средневековой жизнью, и не мечтаю даже попасть в сегодняшнюю действительность.

-Ну, возьми хоть на пару дней. Ради меня.

-А, он не сложный в обращении? – спросил я.

-Пусть тебя заботят только две кнопки. Для тебя и одной хватит. Вот будешь нажимать на зеленую кнопку и все.

-А, красная кнопка для чего?

-Да, на красную можешь вообще не обращать никакого внимания. Ведь если ты не воспользуешься зеленой кнопкой, то пользоваться красной вообще не нужно.

-Так красная, чтобы отключать ненужные разговоры или прекращать их – сам догадался я до такой простой истины.

-Ну, зачем я тебе это сказал? – начал корить себя Юрий Владимирович. Ну, зачем?

-Кстати я хочу знать ваш номер?

-Это Валера для тебя не обязательно знать.

-Ну, тогда он мне совсем не нужен – отказался я на таких кабальных условиях, быть опутанным телефонным проводом.

-Тогда запоминай 015153677753.

-Легкий номер. Я его уже запомнил.

-Только смотри за границу не звони, а то я вычту эту сумму из твоего гонорара.

-Да, нет, я хотел всего позвонить в службу спасения.

-Зачем?

-Чтобы узнать, они открывают пин код телефона или вы сами мне его назовете.

-Наберешь четыре единицы подряд, потом на окей.

-Хоккей – сказал я и попрощался с Юрием Владимировичем, и он вручил мне еще зарядное устройство.

Я уже был дома, когда странный звонок, оторвал меня от просмотра телевизионного фильма. Я знал себя, что до самого утра не засну, потому что после концерта мое возбужденное расположение духа просто не даст мне сомкнуть глаз.

Я поднял трубку и сказал: «Алло, доброй ночи, говорите».

Но на мое приветствие никто не ответил и я, почему-то решил дать мой мобильный номер, потому что помехи в стационарной телевизионной связи были просто

феноменальными. Я никак не мог услышать голоса своего абонента. Через десять минут прозвучал снова звонок, но уже на мобильную сеть. Я нажал на зеленую кнопку, и сразу же услышу живой голос.

-Здравствуй, композитор – сказала Алла.

-Привет – ответил я.

-Что делаешь?

-Ничего.

-Что совсем ничего не делаешь? – спросила она.

-Ну, вообще-то я фильм смотрю.

-А, фильм интересный?

-Да, какой то ужас показывают. Ну, кто показывает такие фильмы по ночам. Их надо смотреть только в полдень и в количестве не меньше двух человек, чтобы не было так страшно.

-Ну, тогда открывай дверь, потому что твой полдень настал.

-Это что такая ночная шутка – уточнил я у Аллы.

-Сейчас ты услышишь звонок в дверь, и убедишься, что я говорю тебе правду.

Вскоре действительно раздался звонок в дверь, и я открыл дверь ради спортивного интереса. Алла стояла предо мной, и разговаривала, кажется с кем-то по мобильному телефону.

-Фантастика – сказал я. Я вижу тебя наяву и в тоже время говорю с тобой по телефону.

Первая скрипка уже отключила телефон, а я все с ней разговаривал через спутник.

-Все-таки мобильный телефон необходим, потому что без него просто некуда – вещал во все пределы я о насущной необходимости для каждой семьи научно-технического прогресса.

-Может, ты оторвешь, трубку от своего уха и мы нормально поговорим.

-Сейчас – сказал я. Я только на красную кнопку надавлю, чтобы не платить за связь.

-В любом случае платит за переговоры, тот, кто вызывает абонента – сказала Алла.

-А, это ты меня вызывала или я тебя? – задал я глупый вопрос.

-Да, я.

-Тогда я не буду выключать на красную кнопку, потому что платишь ты.

-Это все?

-Нет, это только начало. Входи ночной гость и помни, что ты в гостях у вызываемого абонента.

Алла прошла, а комнату и остановилась посередине комнаты, как маяк. Мне удалось несколько раз удачно сманеврировать, чтобы не попасть сначала на рифы, роль которых играли два кресла и затем под горящие глаза женского семафора.

-Ты голодна? – по обычаю спросил я.

-Нет.

-И что даже пива не будешь! – удивленно говорил я.

-Нет.

-Может по глоточку?

-Нет.

-Или еще чего ни будь? – решил я поиздеваться и провести тест на женскую невнимательность.

-Нет – выпалила Алла. То есть да. Я хотела спросить, что ты играл, это предназначалось для меня?

-Да – после долгой и утомительной паузы, которая показалась мне вечностью, произнес я.

-И только мне – неистовствовала женщина.

-Я играл только для тебя – признался я.

-Так это значит... - тут Алла осеклась и посмотрела меня.

-Да – тяжело сказал я. Да. Да.

-Что да? Я ничего не поняла.

-Это значит, что я тебя люблю.

Тут первая скрипка тяжело села в кресло, и почти не дышала.

-Почему я раньше об этом ничего не знала? – спросила Алла.

-А, что бы это изменило? Ведь у тебя есть богатый друг, которого ты любишь.

-Он мне только нравится.

-Но это уже и есть первая стадия любви.

-Но ты мне тоже нравишься.

-Поэтому ты так сегодня надо мной глумилась? – спросил я.

-Я просто тебя возненавидела, когда увидела среди слуг.

-Это не слуги, а мои друзья, которые играют к тому же лучше меня.

-Не правда лучше тебя никто не играет. Как это случилось?

-Просто это был мой последний шанс доказать тебе, что я чего ни будь, стою. Но мы зря затеяли этот разговор.

-Покажи мне твои руки?

-Зачем?

-Мне надо их вблизи рассмотреть. Пожалуйста!

-Вот они – предложили я для освидетельствования даже свои отпечатки пальцев.

Алла долго рассматривала их, и я чувствовал, как дрожали ее руки, но такого отношения в конце ознакомительного осмотра к ним я просто не ожидал. Она отшвырнула их от себя с такой силой, что я чуть не повалился на правый бок.

-Руки как руки. У тебя же пальцы как сардельки, толстые и маленькие. Как тебе удалось так сыграть?

-Ах, вот что тебя интересует? Тебе надо еще несколько уроков, чтобы действительно стать первой?

-Я и так первая, мне надо стать лучшей.

-Тогда лучше приходи завтра. Сегодня я устал.

-Я никуда отсюда не уйду, пока не получу, все, зачем пришла.

-Уроки по музыкальному мастерству я тебе уже дал.

-Мне интересно не только твое музыкальное мастерство, но и другое.

-Хорошо, я согласен, завтра же дам тебе несколько занятий по кулинарному искусству.

-Я не люблю, и не буду готовить, так что с этим мастерством мне не придется к тебе приставать.

-Тогда что тебе надо от меня? – спросил я.

-Расскажи мне о своей любви.

-Может, отложим на завтра и этот урок?

-Нет, сейчас, сию минуту. Я хочу все слышать

Наступила робкая тишина, и вскоре я первым сломал этот мертвый звуковой ряд

-Помнишь сказку об оловянном солдатике на одной ноге, который был влюблен в прекрасную балерину – с обреченностью сказал я. Так вот в моей жизни есть первая скрипка, которую я люблю, но, увы, безответно. Если бы у солдатика была бы еще одна нога, а у меня были бы прежние руки, то все еще можно было бы поправить. Но судьба распорядилась по-другому и у моей сказки не счастливый конец.

-А, ты не подумал, что у балерины тоже есть сердце, и она полюбила одного солдатика, потому что полюбила. Он особенный. Все другие были похожи как близнецы братья, а она выбрала своего, который стал ей ближе. Роднее всех

-Тебе что нравится телесное уродство? – не понимая таких предпочтений со стороны первой скрипки, апеллировал я к ее разуму.

-Хуже когда у человека изуродована душа, чем тело – отвечала она мне.

Тут я хотел взять несколько минут на раздумье, но Алла вдруг сказала: »Валера, прошу тебя, только не молчи, говори хоть что ни будь».

-Ты сегодня так красива, что у меня руки задрожали, когда я тебя только увидел.

-А я чуть не умерла, когда увидела тебя в этой музыкальной богадельне.

-Алла – с укором сказала я.

-Хорошо, прости. Я не хотела обижать твоих друзей. Говори же, я жду.

-Кто этот Игорь? – нервно спросил я.

-Так один воздыхатель, но у нас с ним ничего не было.

-Он мне не нравится – сделал я не очень приятное резюме для моего соперника.

-Хорошо больше ты его не увидишь.

-Ты что убьешь его? – испугался я.

-Нет. Я завтра навсегда с ним расстанусь.

-Ты сказала, что я тебе нравлюсь. Но ведь это еще не любовь.

-Вот сейчас я и хочу пройти все ступени к ней: одну за другой. Ты мне pomoжешь?

-Алла, не делай ошибок – убеждал я, как мог первую скрипку. Ты еще так молода.

-Ты тоже еще не старый.

-Я возражаю против ускоренного метода любви. Поспесишь, как известно, только людей насмешишь.

-Кто тебя спрашивать будет сейчас.

-Ты все-таки решила использовать меня для внутренних целей? – со страхом спросил я.

-Да – это слово как капля упала с уст Аллы, и не подтвержденная земной гравитации повисла в воздухе. - Поэтому выключи свет.

-А, что при свете лампы я такой страшный?

-Ты самый страшный маэстро, какого я только знала в своей жизни.

-Может все-таки со светом?

-Нет. Прошу тебя.

-Хорошо – не стал я больше перечить Алле и долго еще возился с выключателем, как будто первый раз видел его в жизни. Я переключал его то вверх, то вниз, и Алла то погружалась во тьму, то появлялась в свете, пока не восстала рядом со мной и мы уже вдвоем нажали на эту кнопку. Я обнял Алла, а попросту сгреб ее в свои руки и прижал к себе так, что у нее что-то хрустнуло внутри. Она прижалась ко мне и неожиданно заплакала.

-Ну, чего ты? – спросил я, и мой голос тоже дрогнул.

-Я думала, что безразлична тебе.

-А, я думал, так про тебя. Я люблю тебя, первая скрипка.

-А, я тебя маэстро.

-Так если ты будешь и дальше обзывать, то мне останется только одно.

-Что именно одно?

-Тогда я буду кусаться. Ты знаешь, что у тебя удивительное имя. Ведь оно как справа, так и слева читается одинаково. Кто тебе его выбрал?

-Папа.

-У твоего папы отличный вкус, и на генетическом фоне он тебя совсем не подвел.

-Скоро ты с ним познакомишься.

-А, что это обязательно?

-Конечно.

-Я бы с мамой твоей охотно поболтал.

-Вот со всеми сразу и встретишься.

-Зачем? – спросил я и включил свет.

-Потуши немедленно его – заявила Алла, и я безропотно подчинился.

-Хорошо, я согласен встретиться с твоими, но после отпуска.

-Мы так и будем стоять здесь до утра – уже, кажется, возмущалась, первая скрипка, и я больше не сомневался, потому что должен был быть уверен, что женщина не будет себя винить за эту минуту слабости.

Я осторожно положил первую скрипку на диван, как и полагается солисту.

Но тут неожиданно для себя мне захотелось ударить в медные тарелки, как победный марш, чтобы все видели, что это торжество принадлежит мне и только мне.

Я как Кинг-Конг ударил несколько раз кулаками в свою грудь и дикий, нежный крик раздался из моей груди. Алла захихикала, и мне надо было срочно показывать свою мужскую силу. Но свой прежний опыт я почему-то отклонил и решил не торопиться, а наоборот растянуть удовольствие в обладании женщиной. Я долго ее целовал, чтобы разжечь в ней страсть, чтобы самому сгореть в этом огне. Сначала я лобзал руки и осторожно расстегивал пуговицы на ее блузке, которые никак не хотели мне подаваться.

После того как мне объяснили, что пуговицы эти ложные, а настоящие скрыты под каймой, дело пошло быстрее. Затем я прикасался к ее губам и все никак не мог справиться с юбкой, но и тут женщина пришла мне на помощь, потому что это была не просто юбка, а юбка-штаны. Столько загадок ожидало меня впереди, что я даже похолодел. Хорошо, что туфли оказалась туфельками, а не безразмерными валенками. Потом я опять что-то целовал, но больше стаскивал зубами еще какую-то женскую деталь, не подозревая, сколько всего можно носить на себе в жаркую летнюю ночь.

-Как это ты халатик на себя не надела? – спросил я.

-В следующий раз я и его одену – огрызнулась женщина.

Только через пятнадцать минут я наконец-то достал женской тело, как серебрянную перламутровую жемчужину из своей раковины.

-А, ты, почему не раздеваешься? – встречный вопрос задала Алла.

-Неужели мужчине тоже надо раздеваться – с сомнением произнес я. Может, на первый раз обойдемся без настоящего меня.

-Как это?

-Успокойся, я просто шутил. Да, мне раздеться, только фрак скинуть.

-Ну, что же ты медлишь.

-Я тебя созерцаю.

-Но мне этого мало.

-Это пока мало. Потому что скоро всего будет слишком много.

-Когда скоро? – спросила нежно она.

-Прямо сейчас.

Действительно всего стало так много, что я немного боялся за первую скрипку, а она опасалась за меня. Так в страхе мы и провели четыре часа, все время, дрожа, в обладании друг другом. Но когда одна часть моего тела отдыхала, то руки все время покрывали Аллу, которая трепетала неизбежным страхом женщины перед мужчиной. Но вскоре ужас охватывал меня, и первая скрипка целовала мои посиневшие губы, не давая мраку свести мой разум с ума. Только под самое утро мы затихли, потому что тени больше не пугали нас. Алла лежала у меня на плече, а я, чувствуя ее дыхание, как от хлороформа забывался от счастья.

-Как ты все-таки прекрасна первая скрипка. Моя балерина – шептал я.

-Мой оловянный солдатик.

-Ну, сосем я и не оловянный, а ты вот настоящая балерина.

-А, ты маэстро.

-А, я, не смотря на твои слова, все равно люблю тебя – ни сколько я не гневался на женские причуды.

-И я тебя – говорила Алла.

-Тогда спи – пытался я образумить женщину, которой с утра надо было идти на работу.

-Сначала ты – торговалась со мной первая скрипка.

-Нет, ты.
 -Тогда давай вместе.
 -На счет три – сказал я.
 -Раз – начала вести свой счет Алла.
 -Два - не отставал я
 -Три – вырвалась вперед непокорная женщина.
 -Ты, почему еще не спишь? – недовольно спросил я.
 -А, ты?
 -Я уже старый, мне жаль время на сон терять.
 -А, ты его не жалеешь. У нас, еще будет его видимо-невидимо. Вот увидишь.
 -Правда? – с сомнением спросил я.
 -Честное слово.
 -Тогда мне придется расстаться с тобой на несколько часов.
 -Зачем? Ведь теперь даже сон у нас будет общий. Но готовить придется всегда только тебе – даже на ложе любви ставила мне свои ультиматумы женщина, которая просто не любила готовить.
 -Шантажистка – улыбался я ей в ответ.
 -Может, иногда я буду тебе помогать.
 -Ты поможешь – с сарказмом я представил я эту картину, когда мне придется готовить, а Алле все это есть. - Вот в это я совершенно не верю.
 - Правильно, потому что на кухне ты меня никогда не увидишь.
 -А, где я тебя тогда увижу?
 -Какой ты глупый, в постели, где же еще.
 -Фантазерка.
 -Нет. Я скрипка, которая стала лучшей, чтобы быть лучше.
 -Ну, это же подхалимство.
 -Ну, только чуть-чуть, самую малость.
 -Я люблю тебя – какая-то сила вырвалась из меня, и я снова обнял Аллу.
 -Спи, а то заладил, как будто я сама этого не знаю.
 - Что ты знаешь?
 -Что ты без меня просто жить не можешь.
 -Хм. Правильно.
 -Спокойной ночи.
 -Уже скорей доброе утро – посмотрел я в окно, где уже ночные фонари не горели.
 В этом диалоге я поставил уже последнюю точку, которая неожиданно стала запятой.
 -Только не буди меня слишком рано – попросила первая скрипка.
 -Никогда. Спи сколько душе угодно.
 -Спой мне колыбельную песню.
 -Я не умею.
 -А, ты попробуй.
 -Но я и слов не знаю.
 -Тогда напой мне мелодию твоей сонаты.
 -У меня плохая память.
 -Валера ведь я от тебя все равно не отстану – снова начала угрожать мне первая скрипка.
 -Ну, хорошо, тогда слушай и не перебивай.
 Меня действительно какое-то время внимательно прослушивали на наличие хоть каких-то признаков плагиата, но когда их не нашли, то первая скрипка наконец-то уснула, а вместе с ней и я.

Сон мой был не глубоким, и я как будто переходил из одного измерения в другое, как будто спускался на лифте все ниже и ниже в глубину своего сознания. Снова передо мной встали непроходимые врата, и счастливая улыбка исчезла с моего лица.

Я подошел к ним, но решил не брать в этот раз замок приступом, а просто открыть их, и потянул за круглую ручку. К моему изумлению дверь открылась, а все стоял не в силах сделать шаг, в эту неизвестность.

-Что же ты медлишь? – услышал я голос.

-Мне страшно.

-Чего ты испугался? – кто-то действительно говорил со мной.

-Мне не понятно, почему в прошлый раз, когда я прилагал столько усилий, эти врата не открылись, а теперь совсем без труда я могу войти через них.

-Все очень просто. В прошлый раз ты хотел их сломать своим напором. Ты видел в них угрозу, поэтому и стучал в них не переставая, не понимая, что эта дверь открывается только на себя. Не во внутрь чужого пространства, а только в свое. Ты должен был найти свой горизонт, который уже давно ждет тебя.

-А, как же дорога, на которую я должен встать, чтобы пройти ее до конца? – с сомнением спросил я.

-Ты давно уже на ней, только ты этого не заметил. Но хватит ли у тебя сил, пройти ее до конца, потому что теперь тебе будет противостоять сильный, смелый и коварный враг.

-Кто же осмелится бросить мне вызов? – спросил я этот холодный казематный голос.

-Ты сам – повеяло на меня затхлым дыханием неизвестности.

-Я? – как будто кто-то воскликнул за меня.

-Тебе противостоял всегда – только ты. Когда одна твоя часть созидала, другая тут же все разрушала. Одна твоя доля искала счастья, а другая призывала испытания. То тебя согревала надежда, то ты метался в холодном ветру безверия. Теперь для тебя нет этих врат, потому что ты свободен.

Но тут я услышал голос женщины, которая звала меня, издалека.

-Кто это? – спросил меня врата.

-Эта женщина, которую я люблю.

-Она тебе не нужна – сказали они. Женщина погубит любое начинание мужчины. Отрекись от нее. Ты слышишь? Забудь ее.

-Но я не могу этого сделать. Нет. Нет – кричал я. Это невозможно.

-Пока не поздно отрекись. Войди за эти врата, и ты станешь, неуязвим для нее.

-Но что это за мир, который обрекает человека на одиночество и пустоту? – поднимая голову все выше и выше, говорил я с невидимой силой.

-Это мир твоих мыслей и грез. Это то окружение, которое ждет тебя. Ведь ты так давно мечтал попасть в него. Сделай лишь шаг, и твое желание исполнится.

-А первая скрипка! Где будет она?

-Не все ли равно. Настоящий талант всегда обречен на одиночество.

-Но зачем же отказываться от живого человека и жить в придуманном мире? – пытался я постичь истину, которая присуще неживой материи.

-Потому что человек не совершенен, а мысль идеальна – вещал все тот же голос.

-Но ради чего? Какой в этом смысл?

-Во имя гармонии. Разве ты этого еще не понял!

-Но я не хочу... не могу. Это несправедливо, а значит не правильно. Но я подчиняюсь. Я сделаю этот шаг в бездну. Я готов пожертвовать собой, если это так необходимо.

Но снова я услышал голос Аллы, и как будто очнулся от проникающего внутрь меня холодного ветра, который вытравлял из меня последнее человеческое тепло.

Что-то шевельнулось во мне, и я на мгновение обрел собственную волю.

-Ты куда? – спросили меня врата.

-К ней – ответил я.

-А, как же твое творчество? Ты что готов все предать?

-Она и есть мое творчество и без нее мне ничего не надо.

-Опомнись – скрежетали врата. Ты снова все разрушаешь.

-Может быть. Я не знаю, что ждет меня впереди. Но я свободен в своем выборе, а это значит, что отныне, нет, ни врат, ни стен, которые я не смог бы отворить.

-Не будь самонадеян человек, потому что погубить себя можно за один миг, а чтобы сотворить себя часто не хватает и всей жизни.

-Но мне не надо жизни, где нет человека, которого я люблю. Этот мир станет для меня тюрьмой, а свет непроходимой мглой.

-Ну, что ж иди, и помни о своем предназначении.

Я уже хотел задать вопрос: «А, в чем есть мое предназначение?». Но кто-то меня толкнул в бок, и я очнулся.

-Валера, катастрофа. Я опаздываю на репетицию – беспорядочно носилась по комнате Алла, хватаясь за все подряд.

-Сколько осталось до ее начала? – спросил я, с трудом понимая все происходящее.

-Двадцать пять минут – как приговоренная к пожизненному заключению произнесла Алла вслух этот отрезок времени.

-Успеешь – как мог морально и физически поддерживал я женщину.

-Ты в своем уме, мне и двух часов бывает не достаточно, а тут двадцать четыре минуты.

-Так заскакивай в ванну ровно на пять минут, потому что еще через пять ты будешь сидеть уже в такси.

-Может сразу в космический корабль мне прыгнуть. А, что я готова. Только скафандр по размеру подберу и все.

-Алла, время пошло – начал я отсчет, как со стартовой площадки космического корабля. Женщина тут же исчезла, а я принялся звонить сначала в службу такси, и требовать машину к подъезду через десять минут. Затем я поставил чайник на плиту, включил утюг, начал гладить вещи первой скрипки, которые вчера попали под какой-то нечеловеческий пресс. Сила была такова, что некоторые пуговицы просто висели на честном слове.

Я взял иголку и нитки и начал шить. Алла вышла секунда в секунду, и я понял, что мы идем точно по графику.

- Вот тебе кофе – предложил я.

-Я все равно не успею. Ведь я еще не одета и не накрашена.

-Накрасишься в такси, время как раз будет, а одеться я тебе помогу. Каждый мужчина может раздеть женщину, а вот одеть ее это совсем не просто. Тут нужна особая сила воля.

-Что ты делаешь Валера? – с испугом спросила Алла.

-Я тебя уже одеваю.

-Бюстгальтер я одену и без твоей помощи.

-Точно, а то смотри, я могу тебе и здесь помочь. Тогда я сконцентрируюсь на твоих чулках. Пока я воевал с этим женским атрибутом, я мылено несколько раз поблагодарил всевышнего, что он создал меня мужчиной. Вставать за два часа перед рассветом, чтобы помыться, и напудриться, для меня это было бы просто немыслимо. Еще чтобы прическу сделать, надо потратить такое же время, а спать интересно когда.

Ой, не по мне эти все женские аксессуары для красоты. И ради кого главное? То-то.

Не для мужчины. Все ради самой себя.

-Валера ты что уснул?

-Нет – сказал я, и снял с Аллы чулки и исключил еще несколько деталей из ее женского гардероба.

-Я что голой пойду на репетицию – возмущалась первая скрипка.

-Ну, почему голой, блузка юбка-штаны, скроют от мужских глаз все твои недостающие детали.

-Я не согласна.

-Такси уже ждет. Я пошел вызывать лифт.

-Куда ты пошел, ведь ты совершенно голый.

-Мама родная – ударил я себя по ногам, когда понял, что действительно нахожусь в неподобающей форме. Вот тебе завтрак, сумочка и вперед на репетицию.

-Поцелуй меня - начала сама тянуть время Алла.

-Начинается. Такси ждет, а женщина по-прежнему в своем репертуаре. Вот тебе поцелуй и привет всем нашим – сказал я и поцеловал Аллы в губы.

-Ты что хочешь, чтобы все узнали, где я провела эту ночь?

-Тогда не надо. В следующий раз. Позвони мне, как только освободишься.

Первая скрипка исчезла, а я начал смотреть на часы, мысленно стараясь задержать каждую секунду, хоть на микрон. Вот наступило время репетиции, вернее оставалась еще одна минута до ее начала, как в квартире раздался звонок на стационарный телефон.

-Я успела – послышался мне голос Аллы.

-Молодец – похвалил я то ли женщину, то ли себя и тут же положил трубку, представляя, как дирижер уже поднял свою палочку вверх, а первая скрипка все еще разговаривает с неизвестным по мобильному телефону. Я снова лег на кровать, и даже закрыл глаза, как уже мобильный телефон Юрия Владимировича начал меня терроризировать.

-Алло, кто это? – нервно спросил я.

-Это я – Алла.

-Что случилось? Ты же сказала, что успела на репетицию.

-Я успела, но не дело в том, что ее на сегодня отменили.

-Как обидно – сказал я. Ведь мы с тобой так старались, чтобы не опоздать.

-А, что мне сейчас делать?

-Раздеваться и ложиться спать - просто сказал я. Что же еще.

-А, где мне раздеваться и ложиться спать?

-Дома.

-Дома?- грустно произнесла первая скрипка, которая не понимала английский, утонченный, прямоугольный как теннисный зеленый корт Уимблдона, юмор.

-У меня дома – крикнул я в трубку.

-Тогда я уже лечу.

За время женского полета я успел принять ванну, почистить зубы, и даже побриться. Но чтобы надеть, хоть что-то на себя кроме банного халата у меня уже не было времени, потому что, как смерч, на меня налетела первая скрипка и овладела мной уже в коридоре.

-И зачем только репетицию отменили – подумал я.

-Чтоб я еще раз попользовалась тобой – рассуждала про себя женщина.

-Ну, это еще вопрос, кто кого использует в своих корыстных целях – смотрел я в глаза первой скрипки.

-Конечно же, я – настаивала Алла.

-Ну, пусть ты – мысленно подал я свой сигнал внеземным цивилизациям. Мне сейчас так хорошо.

-А, мне еще лучше – сказал мне кто-то на самое ушко, и я больше не разговаривал, а просто делал этот мир еще лучше.

-Ты знаешь, который сейчас час? – спросил я у Аллы.

-Кажется восемь часов вечера.

-Как вечера? Ты хочешь сказать, что мы проспали целый день и даже вечер.

-Ну, и про часть утра не забывай. Но ведь мы почти и не спали.

-С тобой разве поспишь! - не унимался я.

-Ты же сам говорил, что жалко жизнь на сон тратить.

-Но без сна тоже нельзя прожить.

-Валера ты, кажется, забыл об истинном предназначении мужчины, а именно кормить женщину.

-Вот мне кажется, что я тебя чем-то перекормил, потому что ты не только столоваешься у меня в доме, но уже и ночуешь. Я боюсь, что ты здесь скоро зарегистрируешься, а затем и поселишься.

-Ты знаешь, я и не исключаю и такой возможности. Все в этой жизни может быть.

-А, что тебе приготовить? – бежал я уже на кухню.

-Ну, тут я тебя не хочу ограничивать в выборе, потому что твоя фантазия просто не имеет себе равных. Но это что-то должно быть, как наша с тобой ночь, такая же неповторимая и ласковая.

-Ну, я у меня для такого случая, нет лягушачьих лапок в морозильнике.

-Почему лягушачьи ножки. Фу, какая гадость.

-Это французская кухня, которую так часто путают с французской любовью.

-Я целиком за французскую любовь, но такую кухню отвергаю – сказала Алла и начала петь «Марсельезу» на французском языке.

-А, итальянскую кухню ты любишь? – спросил я.

-Не знаю.

-Дулче Виту, ты, когда-то пробовала?

-А, что это такое?

-Это с итальянского языка переводится, как сладкая жизнь.

-Но если не очень сладкое, то я не буду возражать.

-Капито – сказал я.

-Что?

-Я сказал, что все понял и постараюсь тебя не разочаровать.

-После такой сумасшедшей ночи тебе вряд ли это удастся.

-Но я все-таки постараюсь.

-У тебя все равно ничего не получится.

-Посмотрим – произнес я и уже готовил сладкую жизнь из просроченных продуктов. Через полчаса я появился перед женщиной, которая смотрела на меня разочарованно, а особенно на то, что так красиво называлось, и не так аппетитно выглядело.

-Что мы опять будем, есть макароны? – спросила Алла.

-Это не макароны, а спагетти с пастой. Национальная итальянская еда

-Но я же не итальянка.

-Вот об этом я как раз и не подумал. Хотя прежде чем судить о гастрономических вкусах, необходимо все-таки хоть раз попробовать это.

-Ну, это же настоящая лапша под помидорным соусом. Я отказываюсь от такой сладкой жизни.

-Жаль, потому что другого у меня все равно ничего нет. Тебе предстоит поголодать как минимум до следующего дня.

-Ничего себе. Я просто не доживу до следующего утра. Да, я и ночь не переживу.

-Вот это для меня большое разочарование, потому что на эту ночь с тобой, у меня были большие планы.

-Большие! А, какие большие?

-Можно сказать, что они были просто огромными, но им не суждено сбыться.

-Как же не сбудутся они у тебя. Ты этого только и ждешь. Давай мне твою дулче Виту, чтобы ты раньше времени не радовался.

Алла взяла тарелку с подноса, нехотя стала накручивать спагетти на вилку и театрально, как и подобает первой скрипке морщиться. Но вскоре она забыла о своей недовольной маске и уже облизывала тарелку, как и подобает в суровой итальянской действительности. Меня даже попросили о добавке, дважды, и только на третий раз, я мне удалось утолить голод моей ночной гостью. После ужина я предложил прогуляться, но Алла попросила дать ей 15 минут, чтобы полежать в сладкой истоме альпийского благополучия. Прошло уже два часа, а первая скрипка все еще спала, потому что была жаворонком, который засыпал вместе с закатом солнца.

Наверное, она просыпается всегда перед рассветом и купается в серебряной россе, которая дарит ее телу молодость и легкость – думал я.

Я укрыл женщину и пошел на кухню, как старый филин, который никак не уснет, потому что давно мучим бессонницей, но больше мыслями, которые залетали в его голову и никак не хотели выходить из нее.

Я взял нотную бумагу, карандаш и отправился в очередное странствие, чтобы услышать в тишине свою музыку. В три часа ночи я уже выключил свет и хотел присоединиться к спящей женщине в зале, но она спала слишком широко, словно птица в полете, размахивая крыльями, и мне просто не нашлось места. Поэтому я лег в спальне, положив две руки под голову и смотря в темноту, явственно слыша преддверие чего-то нового, которое мне еще не давалось, но то, что я обязательно напишу. Какая-то уверенность жила во мне и подстегивала меня. Она то била, кнутом меня, нещадно оставляя на мне огненные рубцы, то манила за собой, поддразнивая своими сладкими речами, выставляя наружу свое грешное тело. Я следовал за этим чувством, закрыв свои уши, чтобы не слышать, как предательское сомнение подкрадывается ко мне и шепчет: «Кому это право все нужно, твоя музыка?»

-Пока это все нужно мне, а там посмотрим – отвечал я.

-Ты разобьешь свое сердце. Ты останешься один и умрешь в неизвестности.

-Ну, и пусть – твердил я этой серой действительности, которая покрывала меня с головой, и твердило только одно: «Отрешись»

-Никогда.

-Тогда добро пожаловать в страну несбывшихся надежд, где музыкальных дураков больше чем грязи.

-Мне все равно. Но знай, что тебе меня не запугать, и уже не сбить с пути.

-Ты так думаешь? Но скоро снова все станет на круги своя, и ты вернешься, я знаю.

-Ну, это мы еще посмотрим.

-Неужели ты думаешь, что несколько неплохих музыкальных строчек, могут сделать из тебя композитора. Бред.

-Только музыка нас рассудит, а пока убирайся прочь, и не трави мою душу.

-Вот видишь ты и сам уже понимаешь, всю безнадёжность своего жизненного выбора.

-Уходи. Прочь. Потому что я сочиняю музыку.

-Что прямо сейчас, когда говоришь со мной?

-Я всегда ее сочиняю, потому что уже не могу по-другому.

-Можешь. Пока еще можешь.

-А, вот теперь и ты испугалось, и показало свою уязвимость. Я понял, чтобы убить тебя мне надо... писать.

-Ха. Я ничего не боюсь. Ведь писать музыку это одно, а написать уже совсем другое.

-Неправда. Кто пишет музыку, тот уже бессмертен, хотя бы на этот миг.

-А, что будет потом, когда его музыку никто не примет?

-Я не знаю, что станет с сочинителем, но верю, что музыка его будет звучать вечно.

-Это заблуждение дилетанта, который никогда, ничего не достигнет.

-Ты слышишь музыку? – спросил я, но мне уже никто не ответил, потому что сомнение исчезло, как зло, которое боится солнечного света. Только музыка могла, одолеть эту силу и мне предстояло стать ее главным оружием.

10

-Валера, вставай – услышал я недовольный голос Аллы.

-Что опять проспали? – подпрыгнул я с кровати.

-Да, нет. Хотя лучше бы и проспали.

-Я тебя не понимаю – теряю свои глаза от непостоянного недосыпания во время своего трудового отпуска.

-Ты, почему меня вчера не разбудил? – отчитывала же с утра выспавшаяся женщина, лишь на час вздремнувшего мужчину.

-Ты так сладко спала.

-А, ты и рад этому. Это что и есть сладкая жизнь для мужчины, когда он храпит в одной комнате, а женщина спит в другой.

-Вот и делай людям после этого добро – как-то сразу разочаровался я в утренней женщине. Я уступил тебе свое место под телевизором, а ты еще чем-то недовольна.

-Недовольна – это не то слово, которое применимо в данном случае. Я просто вне себя от такого твоего отношения ко мне.

-Тогда в следующий раз я не дам уснуть тебе ни на минуту – приступил я к своим угрозам, чтобы хоть как-то образумить Аллу.

-А, что я должна делать целую минуту, ты не подумал?

-Ну, хотя бы накраситься.

-А, что без грима я тебе уже не нравлюсь?

-Я просто предложил, как правильно распорядиться одной минутой, потому что все остальные ты будешь страшно занята.

-Интересно чем? – сыпала своими вопросами первая скрипка направо и налево.

-Чем ни будь – нашел я, кажется самый достойный пример для целомудренного времяпрепровождения

-Чем ни будь, ты будешь заниматься с кем угодно, а со мной, пожалуйста, только этим.

-А, чем это этим? – уже я интересом стал ждать ответ на свой вопрос.

-Ты вообще думаешь меня одевать или мне так и идти на репетицию – говорила со мной Алла, как со своей фрейлиной, которой поручено ежедневно одевать, и раздевать королеву.

-Но до репетиции еще масса времени, так что одеться ты можешь и сама, а я буду за тобой подглядывать.

-А, ты еще говорил о себе, как о старом человеке. У тебя же какие-то юношеские наклонности, подсматривать за женщиной, которая занимается утренним туалетом. Алла много возмущалась, но все время стояла у меня перед глазами, чтобы я, наверное, ослеп. Она все время была недовольна своим видом, а особенно вещами, которые ей приходилось больше снимать, чем надевать на себя.

-Мне кажется, что ты уже третий раз одеваешься, и четвертый как раздеваешься – считал я с кровати счет женским изменениям.

-Я чувствую какой-то дискомфорт в движениях. Мне то кажется, что все на мне большое, то сразу маленькое.

-Так все-таки большое или малое? – спрашивал я, выставив свой правый локтевой сустав, который держал мою голову. Ладно, я помогу тебе одеться, как ты и просила.

-Правда! – воскликнула женщина.

-Но я люблю всю работу проделывать, как говорится с чистого лица.

-Это как.

-Тебе придется полностью раздеться – поставил я невыполнимое задание перед первой скрипкой, и снова ошибся в своих расчетах.

-Я почти готова.

Тут же все вещи покинули брненное тело женщины, как будто сами слетели с нее, и я начал надевать все время крутящийся манекен, который ругался со мной из-за каждой детали, потому что даже мои руки не могли сделать с первого раза все как надо. Но как только последняя пуговица была застегнута, в квартире наступила тишина и спокойствие.

-Ну, как? – оглядел я как с иголки одетый мной манекен.

-Мне понравилось. Вот если бы так, и каждое утро – жмурясь от удовольствия, уткнувшись в мое плечо, говорила Алла.

-Я конечно готов подниматься ни свет, ни заря для исполнения таких приятных обязанностей, но не каждое утро. Тут нужен как минимум напарник, который сможет меня подменить. Вот твой Игорь, например, подошел бы для сменной работы – спровоцировал я Аллу, потому что не любил тишину, и не верил в идиллию семейной жизни без женского возмущенного голоса.

-Ну, я сказала тебе, что расстанусь с ним сегодня же.

-Точно.

-Вернее не бывает.

-Хочешь, я сделаю для тебя чай! – сказал я, чтобы выполнить на сегодня весь спектр добрых услуг, который предоставляет гостеприимный хозяин своим нервным гостям.

-Хочу и непременно с сахаром.

-Тогда отвернись мне надо одеться.

-Ты что меня стесняешься? – спросила Алла.

-Нет, только себя. Я просто не могу видеть себя в глазах красивых женщин. У меня начинается мания величия.

-Ну, твоя мания имеет для этого физические предпосылки.

-Алла, я не люблю, когда меня рассматривают ради простого интереса.

-Но я же тебя уже всего видела.

-Тем более — ответил я.

-Вот именно зачем прятаться?

-Дай мне халат, и прекрати пререкаться.

-Это все из-за аварии? – серьезно спросила Алла.

-Нет. Я просто в детстве переболел ветрянкой, корью, и коклюшем одновременно.

-А, я вчера ничего не заметила.

-Помнишь у Лопы де Вега: «Кто мало видел, много плачет» Так что не надо оспаривать испанского классика, потому что он понял самую суть.

-Давай я сама сделаю чай.

-Пожалуйста – удивился я, и Алла ушла на кухню.

-Тогда я мигом - донеслось мне уже из кухни, и я понял, что Алла в этом пространстве чувствует себя не только голодным гостем.

-Только пакетики с чаем, в холодильнике искать не надо – услышал я характерный хлопок, закрывающейся двери.

-Я не уверена в этом, поэтому и проверила – отвечала мне первая скрипка.

Пока чай заваривался, и женщина не появилась на горизонте, я быстро надел на себя джинсы и уже снял новую рубашку с вешалки, как ощутил на своей спине руки Аллы. Я хотел уже накинуть рубашку, но она развернула меня на 180 градусов и поначалу даже отшатнулась.

-Почему я не видела этого вчера утром?

-Тебе и сейчас ничего не надо было видеть – сказал я и надел на себя рубашку, которая все никак не хотела застегиваться.

-Теперь я хочу тебе помочь.

-Не надо, я справлюсь сам.

-А. можно я поцелую твои шрамы? – вдруг начала приставать ко мне женщина.

-Спасибо нет. Мои шрамы давно зажили и зарубцевались. С каждым годом их внешний вид становится все более эстетичным.

-Ну, я только один поцелую, который у сердца.

-Ты хочешь, чтоб оно остановилось?

-Я хочу его поцеловать – сказала первая скрипка и своими изящными формами перегородила мне дорогу на кухню.

-Нет.

-Ты же меня знаешь, что я не от своего не отступлюсь.

-С каких пор мой шрам стал твоим.

-Ты сам это отлично знаешь. Ты же не хочешь, чтобы я опоздала на репетицию по твоей вине.

-Это запрещенный прием – возмутился я. Прекрати прикрываться коллективом по любому поводу.

-Целый оркестр меня будет ждать, а я так и не приду. Ты только представь, что будет!

-Тебя вышибут с работы и правильно сделают.

-Тогда я буду играть как ты по вечерам. Или даже в переходах. Ну, разве тебе не будет меня жалко?

-Мне жаль публику, которая больше не услышит твою игру на скрипке.

-Тогда я приступаю – сказал Алла и, не дождавшись моего ответа, подняла мою рубашку. Ее чуткие прикосновения в области моего сердца, заставили сильнее его забиться, а губы Аллы стали метаться по тем частям моего тела, которые ранее в наш договор не входили. Я хотел, было остановить это чудодейственный сеанс, но не мог устоять перед его жгучим, выжигающим, словно лазер прикосновением. На какое-то мгновение я не устоял, и меня попросили присесть на кровать. Скоро все мои шрамы зажили окончательно, но одна рана все же открылась, но именно там, где ни одно медицинское светило и не могло этого себе представить.

Но первая скрипка и тут оказала мне помощь, как будто я был ужален ядовитой змеей, и необходимо было откачать белый яд, и, не имея никаких подручных материалов и инструментов, кроме своих спасительных и чудодейственных губ.

-Все, я побежала на репетицию – после долгой паузы сказала Алла.

-А, чай?

-В следующий раз. Приходи ко мне сегодня вечером, я буду тебя с нетерпением ждать.

-Как только освобожусь, я тут же буду у тебя.

-А, чем ты так будешь сильно занят?

-Мне надо нанести несколько визитов, а затем я буду у твоих ног.

-Там тебе, кстати, истинное место.

-Ну, не только там. Сегодня я тебе все продемонстрирую. Так что не сильно на репетиции расходуй свои силы, а впрочем, отдай себя искусству без остатка, потому что ты мне нужна изможденной и бездыханной.

-Чтобы я не могла оказать тебе сопротивление?

-Вот как раз поэтому.

-Как интересно – сказала Алла и этот ее девиз, мне начинал все больше нравиться, так как она готова была удивляться всему, чтобы я ей не предложил.

-Тогда до встречи.

-Пока.

Я еще подремал, а вернее выспался до двух часов, пока телефонный звонок не разбудил меня.

-Алло – услышал я голос незнакомой женщины.

-Здравствуйте – ответил я и застыл, не зная, что говорить дальше.

-Это Валерий?

-Он самый. Чем могу служить?

-Это Екатерина из туристической компании. Вы меня еще помните?

-Ну, конечно. Вот уже несколько дней я не отхожу от телефона и жду вашего звонка – начал я нести всякую чушь.

-Вы не могли бы сейчас подъехать к нам, чтобы мы могли обсудить с вами один вопрос.

-Через час я буду. Деньги брать? – спросил я на всякий случай.

-Берите. Захватите также паспорт.

-А, денег много брать? – попытался я уточнить цену вопроса, на который надо было дать в скором времени ответ.

-Возьмите все – услышал я в трубку.

-Тогда их будет немного – снова торговался я, и страшно за это себя ненавидел.

-Вы лучше подъезжайте, и мы на месте во всем разберемся.

-Тогда напомните как быстрее к вам добраться из моего дома? – спросил я, потому что мне так много пришлось пройти этих фирм, что я боялся в этом нескончаемом ряду просто не найти своего персонального тур-оператора.

-Я у вас еще дома не была, поэтому мне трудно ориентироваться. Но мы находимся в самом центре, возле центрального универмага.

-Я тоже еще у вас не был, так что пора нанести первый визит.

-Ну, хорошо, я вас жду – сказала женщина и положила трубку.

Я тут же быстро оделся, закрыл за собой дверь и помчался навстречу с Катей. Интересно, что она предложит мне? – рассуждал я про себя.

Какой туристический маршрут выпал мне, и за какие деньги? Я решил сразу, что не буду ничего оспаривать, потому что это было во-первых, бесполезно, а во-вторых, времени на отпуск с детьми оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Даже Арктика меня не пугала, а завораживала только своими ценами.

Но, если не знакомая женщина, что-то делает для такого же мужчины, значит, корысти в ее действиях нет, и ее выбор надо принимать с чистым сердцем. У меня было такое настроение, как будто я уже сидел в салоне самолета, экипаж запустил все двигатели и мы начали ускорение по взлетной полосе. Мне оставалось только подзвать стюардессу к себе, чтобы выяснить по какому все-таки маршруту я лечу. И этот ангел ответит мне чарующим голосом: «Не волнуйтесь. Вы летите к самому синему морю. Еще немного и ваша мечта осуществится».

-Тогда налейте мне, что ни будь выпить, чтобы я уснул в салоне, а проснулся бы уже на пляже.

-Тогда вам поможет снотворное.

-Ну, снотворное, так снотворное. Хотя на вашем месте я искал и другое средство, как сделать так, чтобы человек провел с пользой каждую минуту своего отпуска.

-Но вы же летите эконоом классом, а не бизнес.

-Но это же совершенно нормально. Так как я не занимаюсь бизнесом во время отпуска, то и лечу соответственно эконоом классом – призывал я эволюционным путем уравнивать все права пассажиров на борту белого лайнера.

-Ну, может в порядке исключения, я налью вам 50 грамм коньяка.

-Вот спасибо. Только 50 грамм боюсь не хватит, чтобы пережить страх перед полетом, а чтобы не вызывать зависть пассажиров, летящих со мной одним классом, предлагаю принести коньяк в бокале, в котором чаще подают «Кока-Колу»

-Это же почти пол бутылки коньяка - с ужасом сказала стюардесса.

-Полет к самому синему морю может занять неопределенное время, поэтому запас моего мужества должен быть достаточно высоким в стакане, или я начну распространять панику среди пассажиров. Вы же знаете, что даже одно нечаянно уроненное слово на высоте 10000 метров, может привести к непредсказуемым последствиям.

-А, какое это слово? – удивленно переспросил ангел, который ничего не знал о технических неисправностях на борту корабля.

-Ну, пожар, например. Стоит лишь выкрикнуть это слово, как пассажиры начнут метаться по салону в поисках безопасного места, где можно в последний раз закурить и нарушить тем самым все инструкции по безопасности.

Или такое слово, как террористы, то же не оставят равнодушными клиентов вашей компании, потому что каждый начнет предлагать свой маршрут движения по воздушному коридору. Каждый второй будет утверждать, что современный лайнер может, совершенно спокойно, сесть на огород соседа, потому что он такой никудышный хозяин и на его поле отродясь никогда ничего не росло.

-Вы что действительно боитесь летать? – спросил ангел, за плечами которого я увидел два алюминиевых крыла.

-Я не просто боюсь, у меня просто животный страх, когда я вижу облака подо мной, а в руке ничего нет.

-Тогда постарайтесь не привлекать к себе внимание, когда я принесу вам полный бокал. Но коньяк вам придется пить через трубочку.

-Мне до сих пор приходилось лишь дышать в трубочку, но с этим заданием я справлюсь, потому что дорога через небеса к самому синему морю требует человеческих жертв и я к этому готов. Потому что крен не больше, чем под углом в сорок градусов, мне теперь абсолютно не страшен.

-Какой вы отважный пассажир.

-Да, я один такой на вашем самолете, а может и на всех рейсах по маршруту –«Метро-Туристическая фирма».

Я купил букет цветов и уже положил его на стол Екатерине, которая его не замечала, потому что клиент передо мной просил о скидке, и это было унизительно даже для меня. Ведь скидку надо не просить, а унизительно умолять, и, только в крайнем случае требовать жалобную книгу для своих глупых предложений. Но когда мужчина со слезами на глазах, повернулся ко мне, чтобы уйти, я заметил некоторое наше сходство, и был к этому факту несколько не готов. Так вот как выглядит, мой родной брат, который клянчит скидку, забывая об индивидуальном подходе к красивому тур оператору. Кроме жажды как сэкономить для себя несколько бумажек, им ничего не двигало и ничего не интересовало. Такой бездуховный подход к человеку, а тем более к женщине был для меня просто неприемлемым. А, я ведь так люблю смотреть в глаза своего собеседника, нет, собеседницы, и читать о себе мысли, которые никогда не услышу в слух. Я сел на стул рядом с Катей и почувствовал, что мои розы пахнут не так ароматнее, как волосы этой женщины. Мы еще долго перетягивали этот цветочный букет от моей стороны в ее сторону, и наоборот. Но лишь после того, как несколько лепестков остались, бездыханными лежать на столе, навсегда разделенные со своими бутонами, Катя решила поставить цветы в вазу. Когда она спряталась от меня за этими цветочными кущами, я решил с ней заговорить.

-Здравствуйте Катя.

-Добрый день, Валерий.

-Я вижу, что вас по-прежнему атакуют бесчисленные армии туристов, одержимые мнимой целью отдохнуть где-то, как можно дальше от своего родного дома, потому что часто расстояние до цели для них определяет его художественную и имущественную ценность.

-Я взяла для нас путевку на Карибское море – неожиданно сказала Катя, и я как-то со своими рассуждениями потух, как маяк.

-Карибское, оно же пиратское море – рассуждала я с гуэмпленовской улыбкой на устах.

-Ну, ты же говорил, что это будет неповторимое для нас путешествие.

-Я не отказываюсь, но как же дети – держал я марку мужского спокойствия, но без внешнего успеха.

-Я пошутила. Хотя за предложение провести отпуск вместе, спасибо. Есть одна горящая путевка для трех человек. Вылет послезавтра рано утром.

-Куда? – спросил я.

-А, ты бы, куда хотел полететь?

-Да мне в принципе все равно, лишь бы температура воздуха была бы приемлемой для моих легких, и температура воды была хоть на градус выше комнатной.

-Тогда для этих целей подойдет Крым.

-Ближняя граница – уточнил я для себя. Тогда дальняя граница отпадает сама собой.

-Так тебе подходит? – спросила Катя и тут же назвала цену этому счастью.

-Мне все подходит, кроме времени. Я боюсь, что у меня просто не хватит этого капитала, чтобы уладить все формальности.

-Но мне необходимо твое решение незамедлительно.

-А, сколько дней включает в себя эта путевка.

-Десять дней.

-Хорошо оформляй меня. Я беру все три путевки.

-Но сдать ты их уже не сможешь обратно.

-Тем лучше. Значит это и есть наш последний и решительный бой.

Около часа шли какие-то согласования, уточнения, стыковки, пере адресации, пока мы не дошли до оформления самых главных деталей, которые меня ввергли в шок.

-Теперь Валера назови номера паспортов твоих детей и доверенностей.

-Что? – не сразу понял я, что таких данных у меня нет, и никогда не было.

-Ну, а как по-другому ты хотел вывезти детей за границу?

-Как в старые добрые времена, когда никто не спрашивал: «Это ваши дети?», потому что это было сразу видно, что это мои, и я их родной отец.

-Тогда начинай все улаживать прямо сейчас. Потому что времени, у тебя меньше чем, ты себе это даже представляешь.

-Это еще почему?

-Потому что, если закроются нотариальные конторы, то сегодняшний день можно вычеркнуть, как не принесший никаких результатов.

-Я могу тебе по телефону продиктовать номера паспортов и доверенностей? – начал я уже по-деловому общаться с тур оператором.

-Можешь, но не забывай, что мне нужно забронировать билеты на самолет.

-Тогда бронируй прямо сейчас, предлагай, и покупай билеты и людей, которые могут воспрепятствовать мне. Это пусть будет отдельная статья расходов, скрытая для фискальных органов. По рукам?

-Хорошо. Но за астрономическую сумму в бутылку шампанского и коробки конфет я думаю, ты уложишься.

-Одна бутылка шампанского не спасет мой отпуск, а вот их количество может сыграть в этом деле главную роль. Значит, я звоню тебе при любой возможности и с риском для жизни называю недостающие цифры. Номер телефона рабочий или есть еще, какой ни будь?

-Запиши мой домашний телефон – сказала Катя и продиктовала несколько цифр, который я запомнил как год рождения одно композитора в девятнадцатом веке, а последнюю сумму как год безвременной кончины одного столетнего дирижера.

-Тогда я не прощаюсь – сказал я и уже через тридцать минут стоял в коридоре одной квартиры, где мне и предстояло поменять одну доверенность на другую.

-Какой вы маршрут все-таки выбрали? – налетел я на золотое сечение математики.

-Мы не возражали, если бы вы отправились в Алжир – сказал Петр.

-А, почему Алжир? – спросил я.

-Ну, ты же сам говорил, что тебе все равно.

-Но пойми Петр, что мне как европейцу, прежде чем попасть на свою историческую родину, необходимо время, чтобы заранее подготовиться. Тем более что Алжир был когда-то французской колонией, а княжество Монако одним из департаментов Французской империи – проговорился я.

-А, причем здесь Франция и Монако? – первой начала беспокоиться женщина, и мне пришлось ей все объяснить.

-Я когда-то в школе на факультативе изучал французский язык. Так вот я боюсь, как бы мне не поплатиться за эти знания – лепил я горбатого из своей сутулой позы. А, что если в Алжире меня примут за настоящего француза колонизатора, и тогда мне будет несдобровать.

-Но это наше окончательное решение – заявила мне уже мама моего сына.

-Хорошо я согласен на Африку, потому что этот континент всегда завораживал меня своей загадочностью и самобытной культурой. Тем более что Алжир, это не какой-то там Крым, это исламская республика, кажется, с одноименной столицей. Но в последнем своем тезисе я не уверен.

-Но свою доверенность ты получишь в обмен на наш нотариально заверенный документ – сказал мне деловой мужчина.

-Считай, что мы легко махнулись Кубой на Алжир – поздравил я одну из сторон переговорного процесса, и даже дважды нежно шлепнул ее по плечу.

Хотя по стоимости нотариальных услуг эти две доверенности были равнозначны, то по цене за путевку никак не могли составить друг другу конкуренцию. Я, все еще не раздевая обуви, шантажировал слегка опешившую публику, но уже через 15 минут, мы уже сидели в объятиях с моей бывшей женой в присутствии нотариуса, который передал каждой стороне, тот документ, которая так остро в нем нуждалась. Когда я получил на руки паспорт и заветную доверенность я, тут же не выходя из кабинета нотариуса, позвонил Екатерине и передал первые из четырех недостающих комбинаций цифр, которые как ключ открывали мне заветную ячейку в банковском хранилище.

-С кем это ты разговаривал? – спросила меня бывшая жена.

-У меня приятельница как раз работает в алжирском посольстве, так что никаких задержек не будет. Поэтому послезавтра ровно в семь утра мой сын должен находиться в аэропорту.

-Ты что так быстро все устроил? – удивленно спросила женщина.

-А, ты думаешь, что только один Петр все может. Хочешь, я сейчас свяжусь с французским посольством, и вы вместо Кубы полетите во Францию.

-Я не знаю, как Петя скажет.

-Слушай, может, хватит дурочку ломать, потому что хоть Петр внешне и олицетворяет нестигаемый символ семьи, но таковым, по сути, не является. Так что давно пора разговаривать напрямую без посредников.

-Я подумаю над твоим предложением Валера.

-Ну, и на этом спасибо Лина.

-Ты торопишься?

-Вообще-то да, надо визу в паспорт поставить, а что ты хотела?

-Может, ты угостишь меня коктейлем?

-Только не говори, что ты по-прежнему предпочитаешь все тот же коктейль.

-Да, я обожаю кубинский ром с ликером.

-Поэтому вы и отпуск проводите там. Какая приверженность к прошлым идеалам.

-Может и не только поэтому.

Время было уже около семи, и пока бы я добрался до другой заветной квартиры, то результат был бы тем же, так что приглашение в бар, не могло повлиять на расстановку сил, потому что мой главный соперник стоял предо мной. Он просил о такой мелочи, как напиток, который образовывался при смешивании разных вкусовых и цветовых составляющих, но который всегда приводил мое тело в комбинирующее состояние. Поэтому я так редко его употреблял, а больше составлял компанию для лиц любящих держать в правой руке бокал с экзотическим фруктом на передке, цедить через соломку сине буро малиновую жидкость, а в левой руке держать раскрытый зонтик из того же фужера. Но мы уже сидели за высокой барной стойкой, я даже выпил свою водку и заказал ее еще раз, но войти в глухонемой разговор ни одна из сторон бывшей семейной пары не решалась.

-Ты по-прежнему играешь в оркестре, а по ночам шабашишь? – спросила Лина.

-Да, все почти так. Я слышал, что ты защитилась, это так?

-Да.

-Ну, тогда поздравляю. Бармен, сделайте нам еще одни коктейль для дамы.

Через пару минут мы даже чокнулись за научное звание, выпили, но праздничного эффекта, так и не добились. Между нами стояла непроходимая стена, и даже трудно было себе представить, что когда-то мы были самыми родными людьми. Но прошлое исчезло навсегда, а семейные, родственные связи остались.

-Петр очень привязался к нашему сыну – тихо сказала Лина.

-Я это вижу, и ни сколько возражаю. Но чтобы найти места для себя в сердце мальчика не обязательно меня изгонять оттуда. У Мишки хватит места для всех.

-Да, это правда.

-Вот за него и выпьем – сказал я и попросил еще раз нас обслужить человека за бардой стойкой, который охотно и ловко исполнял свои профессиональные обязанности.

Я вскоре расплатился с ним, провел Лину домой и направился уже в девятом часу к Алле. Я хотел уже что-то купить, но денег почти не было, не считая какой-то мелочи. Это было просто чудо, что мне удалось так богато расплатиться с барменом, поразив своей щедростью не только женщину, но и самого себя.

Я позвонил в дверь, и мне ее даже сразу открыли, но количество вопросов, которое обрушилось на меня, было просто нескончаемым. Я попросил несколько секунд тишины и позвонил туда, где должен был получить номер второго паспорта.

Номер паспорта мне продиктовали довольно быстро, и я договорился, что ровно в девять буду у них, чтобы зайти к ближайшему нотариусу, и все с соблюдением каждой буквы закона оформить. Я подтвердил, что путевку во Францию уже купил, и что нужные связи в посольстве у меня есть, так что шенгенскую визу получу за несколько часов. Правда оставалось еще договориться с таксистом, который домчал бы меня до Монако, но я просил не переживать по такому дорогому случаю, потому что всегда смогу договориться с водителем. Я уже попрощался с матерью своей дочери, и наконец-то поздоровался с Аллой.

-Ты что летишь во Францию? – с сомнением спросила Алла

-Вероятно. Но я еще сам не уверен. Может ветер переменится, и я окажусь в другом месте.

-Когда заказывают визу во Францию, то чаще всего люди там и оказываются.

-Вот видишь, что даже ты признала, что высокая частота посещений Франции, все же оставляет маленький процент пассажиров, которые так в эту страну и не попадают.

-Ты что думаешь, что я такая глупая. Этот маленький процент и есть авиакатастрофы, которые случаются с такими людьми как ты.

-А, ты оказывается не глупая, а жестокая женщина, подумать только, искать меня среди обломков самолета.

-Валера, если ты мне сейчас все толком не объяснишь, то...

-Еще одну минуточку тишины и спокойствия – попросил я у Аллы, чтобы поговорить с тур оператором. Я продиктовал третью комбинацию, и попросил хотя бы проинформировать меня, какая погода стоит в это время года в Африке, а конкретнее в Алжире. Сильная жара стала просто засушливой, когда цены обожгли меня своей циничной прямолинейностью. Чем выше солнце висит над горизонтом, чем отвеснее его лучи, тем оглушающей поражает тебя солнечный удар в виде ценового разряда.

Я поблагодарил Катю за ее прекрасный выбор в пользу Крыма и сказал, что заберу путевки в течение дня. Я только попрощался с тур оператором, а Алла уже стояла надо мной, чтобы получить окончательную справку, о моем отпуске.

-Так ты во Францию летишь или в Алжир?

-Ты не угадала – расхохотался я. Конкретно я лечу в Крым, моя дочь во Францию, а сын в Алжир. Только так мы сможем провести вместе наш общий семейный отдых. Да, еще про княжество Монако не забывай. Но это направление не самое главное.

-Ты что чокнулся! Как можно провести общий отдых в одно и то же время, и в разных странах?

-Я думаю, что он пройдет на высоком уровне, правда, если кто-то раньше времени не проболтается – взглянул я с подозрением в сторону Аллы.

-А, почему про твой семейный отпуск я узнаю только сейчас, когда ничего уже изменить нельзя?

-Этот отпуск был давно мной запланирован, еще тогда, когда ты только ходила, в музыкальную школу а я выступал в лучших концертных залах мира.

-Но именно сегодня ты выкупил путевки, а немного лет назад, как пытаешься меня сейчас уверить. Почему ты со мной не посоветовался?

-Я с тобой не только советуюсь, но и открыл тебе страшную тайну, что Франция, Монако и Алжир – всего лишь отвлекающие страны в моем плане.

-А, Крым?

-А, про Крым я только сегодня в три часа дня узнал, так что известить тебя раньше никак не мог.

-Ты просто не хотел этого сделать?

-Ну, я же ясно сказал, что раньше не мог этого сделать.

Что-то высоко разрядное витало в воздухе, молнии вспыхивали в глазах у первой скрипки, но грома еще не было. Для предотвращения чего-либо подобного я обнял Аллу, и не успел даже слова сказать, потому что у первой скрипки был отличным не только слух, но и обоняние.

-Так ты оказывается, еще и выпил! – поставила мне алкогольный диагноз Алла.

-Три раза по пятьдесят – честно признался я.

-Итого 150 грамм

-Подумаешь - отмахнулся я рукой.

-Почти одна треть целой бутылки.

-Ты знаешь, я так далеко не заглядывал

-Это же настоящий алкоголизм.

-Что уже наступил или только наступает – попытался я отвертеться от назойливых мыслей женщины.

-Скоро. Ты оглянуться не успеешь, как будет уже поздно.

-Тогда накрой стол, чтобы я перекусил. Ведь кто хорошо выпил, должен как минимум хорошо закусить.

Через минуту Алла пригласила меня к столу, и его праздничное меню меня просто шокировало.

-Почему на столе находится только один йогурт? – спросил я. Да, и тот к тому же биойогурт.

-Я сегодня задержалась на репетиции, и пришла раньше тебя всего лишь на десять минут.

-От такой закуски, которую предлагаешь ты мне, можно алкоголизма так и дожидаться, а инфаркт миокарда прямо сейчас.

-Ну, это все-таки лучше, чем рак печени.

-Ни то, ни другое, ни какое-либо третье, никогда не применяй к человеку. Не кличь беду.

-Да, тут я, кажется, перестаралась - призналась Алла.

-Так, ты сейчас пойдешь и переоденешься в свой халатик, который я так люблю, и накроешь стол в комнате.

-А, какой смысл накрывать в комнате, когда в холодильнике вообще ничего нет.

-Что совсем?

-Ну, почти.

Я открыл холодильник и не понял, зачем люди не отключают лишний бытовой прибор, при полном отсутствии продуктов нем. Одно куриное яйцо, кочан капусты и бутылка подсолнечного масла. Мне пришла в голову идея заказать пиццу на дом, но так как деньги кончились, то этот вариант надо было оставить, как не имеющий под собой финансового фундамента.

Может сделать капустный пирог – подумал я и тут же принялся воплощать свою безумную идею в голодную жизнь. Как только пирог занял свое место в духовке, я прошел в комнату, где Алла читала желтые страницы, под рубрикой – «Отдых и туризм».

-Ты тоже куда то отправляешься? – спросил я с неподдельным интересом.

-Тоже – с издевкой ответила Алла. Почему тебе можно лететь на курорт, а мне нельзя?

-У тебя на носу концерт. К тому же лучшие направления бронируются еще зимой.

-Ну, тебе же повезло с Крымом.

-Нет – это Крыму повезло со мной.

-Хорошо. Тогда мне осталось найти хорошего тур оператора, чтобы он помог мне в правильном выборе.

-Где же ты его найдешь? Такой оператор как у меня, один на земле. Помог он мне, казалось в пустяке, выбрать страну, а стал так необыкновенно дорог, как будто оставил в этом деле часть себя.

-Тем более что этот менеджер женщина.

-На сколько мне помнится, мы договорились, что с репетиции ты придешь без сил, чтобы не оказывать мне никакого сопротивления. Или ты уже все забыла?

-Ничего я не забыла. Но кто же знал, что после первой нашей ночи, ты захочешь удрать меня.

-Во-первых, не после первой, а второй.

-После первой – настаивала на своей правоте Алла. Другая ночь, когда ты проспал ее на диване, не считается.

Тут я рассмеялся в полный голос, да так, что стены чуть не треснули, а я просто чудом не провалился в одну из расщелин.

-Мне и в голову не могло прийти, что ты сейчас мне поведала. Я улечу всего на несколько дней, но обязательно вернусь.

-А, если тебя акулы съедят или сирены заволокут в одну из своих пещер?

-От акул я как-то отобьюсь, а с сиренами, мне удастся договориться.

-И что ты им скажешь?

-Скажу, что они опоздали со своими сладкоголосыми песнями, потому что во мне звучит другой голос – моей первой и любимой скрипки.

Кажется, мои слова возымели действие на Аллу, потому что она перестала искать самые отдаленные уголки планеты, где бы ей удалось от меня скрыться, чтобы поиграть на моих нервах.

-Но, если они тебя не послушают и начнут к тебе приставать?

-Тогда я лучше утоплюсь в море, но свою мужскую честь сохраню... для тебя.

-Неужели так и утопишься?

-Честное слово. Найду камень потяжелее, привяжу его к шее и бултых в воду.

-А, когда ты улетаешь в свой Крым?

-Послезавтра утром.

-Как послезавтра? Я думала, что у нас есть еще хоть пара дней.

-Это были горящие путевки, и возврату они не подлежат.

-А, в паспортах стоят уже визы. Да?!

-Вот видишь, ты сама все хорошо понимаешь.

-А, несколько дней, это можно надеяться не больше пяти дней и четырех ночей.

-Это все так, только все это надо умножить еще на два, и тогда получится правильная сумма.

-Так ты летишь на десять дней! – возмутилась Алла и снова стала читать рекламные рубрики.

-Десять дней пролетят для тебя как один день, так что ты и соскучиться не успеешь, как я прилечу, чтобы пугать тебя своим африканским загаром.

-Да, ты прав, потому что Игорь не даст мне скучать в твое отсутствие.

-Какой еще Игорь? Ты же сказала, что расстанешься с ним и немедленно.

-Я не успела еще с ним переговорить, а теперь решила не торопиться с этим вопросом.

-Ну, знаешь ли, даже моему ангельскому терпению может прийти конец, и тогда удержишь, первая скрипка.

-Только не надо так смотреть на меня, а лучше побереги его для своих акул, и особенно для плавающих сирен. Я не боюсь тебя.

-Если бы не одно важное дело, то ты бы уже трепетала передо мной, но я не могу терзать женщину, на свой голодный желудок, потому что тогда становлюсь просто невменяемым. Сейчас я наемся и расправлюсь с тобой.

-Йогурт тебе все равно не поможет - крикнула Алла мне в спину, когда я уже удалялся на кухню.

Пирог приобрел цвет какао, как и предполагалось, а вот ароматный запах привел на кухню еще одно лицо, которое никак не могло понять, как мог появиться это выпекаемое чудо буквально из ничего. Женщины тут же попыталась ущипнуть край пирога, но обожгла свои красивые пальчики и подпрыгивала теперь возле меня, пытаясь сбить с них пылающий жар.

-Так тебе и надо – повторял я несколько раз эту детскую считалочку. Нечего воровать пирог, который еще не остыл.

-Ну, я же только кусочек хотела попробовать, самый маленький.

-Надо было хоть немного подождать, а не набрасываться на него.

-Мне больно – сказала Алла, и слезы показались у нее на глазах.

-Давай я подую на них, может боль и пройдет.

-На – тут же мне предоставила свою правую руку первая скрипка, и я заработал как вентилятор, который должен был своим дыханием остудить женскую боль. Вскоре я начал выбиваться из сил, но желаемого результата все еще не было. Страдания никак не хотели отпускать женскую ручку, и мне пришлось стать уже кондиционером, который нагнетал холодный воздух из своих пылающих легких. Но вскоре во мне просто не осталось воздуха, потому что я его весь выдул на женскую ладонь.

Затем я приложил ее к своей щеке и держал, пока не увидел, что Алла в это же время левой рукой кромсала капустный пирог.

-И как же это понимать? – спросил я первую скрипку, которая без стыда объедала хрустящую корочку.

-Это надо понимать, что пирог удался тебе на славу.

Я разрезал пирог на несколько частей, и два кусочка положил в тарелку для Аллы. Она выхватила тарелку и помчалась в комнату. Я последовал за ней, но без причитающейся для меня доли.

-А, ты, почему ничего не ешь? – задала мне вопрос первая скрипка.

-Мне что-то не хочется. Иногда само приготовление пищи может приносить удовольствие, и даже чувство насыщения. Я люблю смотреть на людей, которые вкусно едят.

-А, я не терплю, когда смотрят мне в рот, когда я ем.

-Извини, я не хотел испортить тебе аппетит. Тогда я лучше отвернусь, а ты мне расскажи, как прошла сегодняшняя репетиция.

Я уткнулся в какую-то газету и слушал долгий рассказ об обычных буднях прославленного музыкального коллектива, в котором царствуют сплетни и человеческая зависть. Мне было горько слушать этот повествование, потому что люди, которые служили самому высокому искусству, своим недостойным поведением предавали его. Музыканты ополчились против музыкантов, чтобы вырвать для себя лучшую часть музыкального пирога.

-Ну, ты хоть надеюсь, не участвуешь в этом безобразии! - сказал я.

-Почти нет – услышал я ответ на свой вопрос, который меня заинтриговал.

-А что ты подразумеваешь под словом почти?

-У меня собственная позиция, которой я следую безоговорочно.

-А от этой позиции кто-то конкретно страдает или весь коллектив в целом.

-Пока только один человек, но их скоро может стать и больше.

-А, кто этот человек?

-Ты его совсем не знаешь. Он играет теперь вместо тебя.

-Что ты с ним сделала? – поднял я свои глаза от газеты и строго посмотрел на Аллу, которая чуть не подавилась от моего взгляда.

-Ну, я же сказала, что почти ничего. Я просто намазала японским клеем его медные тарелки во время паузы, а затем он два часа пытался их оторвать друг от друга.

-Ты шутишь? – сказал я, не веря до конца в этот бред.

-Ты можешь спросить у Павла Андреевича, он так хохотал, что чуть не проглотил свои барабанные палочки. Мне кажется, что он догадался, кто это все подстроил.

-Финита ля комедия – произнес я. Алла тебе не стыдно за свой поступок?

-Не-а. Ни капельки. Пусть не занимает твоё место, даже временно.

-Ну, а если бы я пришел в новый коллектив, и это бы произошло со мной.

-Ну, вот я думала, что ты будешь меня хвалить, а на самом деле...

Я закрыл свое лицо руками, как будто погружаясь в тягостные раздумья, а сам прятал свой смех, потому что еще никогда не слышал ничего подобного. Даже в музыкальном училище в период своей юности я не додумался бы до такого изящного хода. Я все еще пытался задушить свои смешки в себе, и мне это почти удалось, но когда мой взгляд упал на Аллу, которая никак не могла разгадать мое настроение, то случилось непоправимое. Мое тело больше не смогло больше сдержать внутреннее давление, которое вырвалось из меня и покатилося веселым смехом по комнате со слезами на глазах.

Первая скрипка подхватила мою партию, и мы уже сообщаем, как два мыльных пузыря надувались от этой недостойной шутки. Пока не лопнули.

-Ладно, на первый раз сойдет и только благодаря твоему неординарному подходу в порче казенного имущества – сказал я. Так как твоей личной заинтересованности в этом деле не было, то тебя следует простить, а вернее сказать, помиловать.

-Как это личной заинтересованности у меня не было! – заявила первая скрипка. Она была и остается. Я не могу никого другого представить на твоём месте.

-Тебе не надо ничего представлять, да, и оглядываться назад не стоит часто. Пусть все идет, как идет. Порой чье-то чужое решение может изменить ход вещей и событий, потому что ты не в состоянии сделать этот шаг.

-Ты что хочешь уйти из оркестра?

-Я просто не хочу быть обузой никому. Это мой принцип, которому я следую неукоснительно. Если я почувствую, это бремя, то уйду незамедлительно. Ну, что хулиганка, тебе принести еще пирог или нет?

-Еще один кусочек.

Я с удовольствием исполнил это пожелание первой скрипки, и даже прихватил для себя кое-что, потому что после рассказы Аллы у меня разыгрался аппетит.

-Правда, что этот кусок пирога вкусней, чем предыдущий? – спросил я Аллы, которая с наслаждением уплетала его.

-Да. Он действительно какой-то другой. Ты что положил в него?

-Почти ничего. Тебе это будет неинтересно.

-Но почему же, я вся, сгораю от любопытства. Какую приправу ты еще добавил, отвечай?

-Не приправу, а скорей яд. Японский, быстро сохнувший клей.

Алла сначала удивилась, затем испугалась, но, в конце концов, снова рассмеялась, хотя и не доела свой кусочек капустного пирога. Вскоре Алла вспомнила о своих обязанностях гостеприимной и хлебосольной хозяйки и отнесла на кухню две пустые тарелки. Я не стал сдерживать женский порыв, чтобы не нарушать уют и чистоту квартиры, где жила первая скрипка. Порядок в этих стенах был просто идеальным, и только моя серая тень нарушала его своим неровным лежанием на полу.

Алла вскоре вернулась и села напротив меня. Ее лицо было таким светлым, а глаза блистали теплом янтаря, что мне захотелось написать ее. Я давно таскал за собой два карандаша, которые уже несколько раз сломались, но мне никак не удавалось найти повод, чтобы предложить свои услуги, чтобы запечатлеть женщину на картине. У первой скрипки я заметил несколько больших ватмановских листов, которые лежали в папке.

-Давай я напишу твой портрет – еле слышно произнес я.

-Давай – громко откликнулась на мое предложение Алла.

-Тогда я на кухню, наточу карандаши, и вернусь к тебе. Только сиди вот так и не двигайся.

-И долго мне так без движения сидеть? – спросил женский идеал

-Для первого наброска достаточно будет и тридцати минут, хотя может и целой жизни мне не хватить, чтобы передать твои черты.

-Как интересно. Я уже состарюсь, а ты будешь писать меня молодой и красивой.

-За результат я не могу ручаться, но сделаю все возможное.

Я удалился на кухню и долго возился с карандашами, потому что грифель или крошился или ломался в последнюю секунду. Мне никак не удавалось его правильно наточить, и размер этого серого стержня все время вызывал во мне неудовольствие, то он был слишком коротким, то слишком длинным.

Когда я зашел в комнату, то чуть не сошел с ума, потому что Алла не сидела на диване, как мы ранее с ней договаривались, а полулежала на нем, и дразнила меня своим обнаженным телом. Я сделал все возможное, чтобы не показать своего удивления, но я так долго возился с папкой, чтобы вытащить лист, что кажется, переусердствовал, когда вытягивал его и даже порвал в двух местах. Я взял второй лист трясущимися пальцами, но на удивление ловко справился с первой своей задачей. Та же папка служила для меня мольбертом, которую я положил на колени и только сейчас посмотрел на натурщицу, которая так вошла в свою роль, что забыла, чтобы писать лицо не обязательно оголять все части тела. Достаточно просто посмотреть в глаза художника и раздеться только до бюста. Я уже мысленно разделил белый лист на квадраты, чтобы оттолкнуться от начальной точки, с которой все и начнется.

-Я подумала Валера, что сидеть тридцать минут на одном месте, эта задача не для меня – подала свой голос натурщица, которой говорить разрешалось, когда художник рисовал ее ноги. Вот лежать, я могу и два часа.

-Поэтому ты разделась, хотя мы об этом не договаривались.

-Я решила ничего не жалеть для искусства.

-Для этого ты и пожертвовала самым для меня дорогим...

- Да. Я пожертвовала своим телом.

-Ты пожертвовала самым для меня дорогим в тебе – моим любимым халатиком.

-Для художника нельзя быть таким ограниченным. Вот я встречалась с одним композитором. Он попросил меня о нескольких уроках по сольфеджио, так результат сразу же со второго урока превзошел не только все мои, но его представления о музыке.

-Ты, наверное, тоже восхищала его своим телом.

-Ну, мне надо было настроить его к написанию музыки, поэтому мне пришлось обнажить лишь некоторые части своего тела.

-И что это были за части?

-Ах, я уже не помню. Ведь это было так давно.

После этих слов мой карандаш застыл в руке, потому что я мысленно повторил эту фразу, сказанную вскользь Аллой, и понял, что это был вызов, который был брошен мне прямо в лицо.

-Значит все-таки дуэль — спокойно сказал я и безоговорочно принял женские условия ее проведения, то есть быть всегда готовым к бескомпромиссному поединку.

Лишь после двухчасового сражения, я с горечью осознал, что свое первое противостояние было мной полностью проиграно, хоть и победитель и еле дышал, пытаясь оставить о себе честный вид практикующей натурщицы.

Была еще темная ночь, когда я проснулся в квартире у Аллы. Она спала в своем прозрачном пеньюаре, и ее длинные ресницы закрывали ее глаза. Волосы как золотая корона лежали на подушке, и я целовал их, желая отгрызть зубами хоть несколько грамм этого презренного металла. Но сейчас не женщина, а я решил бросить ей вызов, поэтому понемногу стал вращать спящее тело по своему желанию.

Так как уже через день мне предстояло познакомиться с морской флорой и фауной, я решил провести заранее ознакомительный курс с незнакомым мне подводным миром. Первое, что пришло мне в голову, и стало моим планом.

Я осторожно придал женщине форму морской звезды на постели, и начал вести подсчет своим визуальным наблюдением. Но, если у морской звезды было пять звездных конечностей, то у женщины на первый взгляд все тоже соответствовала этому числу.

Но я решил не торопить события, а просто раз за разом вести свой научный эксперимент. Для этого я собрал пеньюар у шеи женщины в виде шарфика, чтобы он мешал мне, и приступил к личному осмотру. И так первым созвездием была голова, которую я долго гладил своими руками, пытаюсь наскрести для себя хоть пылинку этой красоты.

Разноцветная пыльца легла на мои ладони, и я втирал ее в свое лицо. Затем две руки попали под большую лупу моего научного интереса. Так как они были равно удалены друг от друга, то я решил их сложить на груди Аллы, чтобы совместить приятное и полезное.

Я дышал в ее ладони, а затем губами, придавая им форму каждого женского пальчика, как на флейте играл на них. Я хотел, чтобы женщина проснулась от этой музыки, но не сразу вся, а медленно, томно, понемногу раскрывая грань за гранью своего прекрасного тела. Оставалась еще два созвездия, которые манили уже меня, и я, не желая ждать больше не минуты, не сложил их как руки на груди Аллы, а развел как можно дальше.

Женские ножки поначалу не поняли, что от них требуется в этот миг, но, желая послужить для океанической науки, разошлись так далеко, как мне и хотелось.

Ступни ног я нежно начал массажировать, словно пытаюсь снять с них усталость вчерашнего дня, и подарить долгожданное облегчение. Я делал круговые движения по этой равнине, которая лишь одна могла держать женское тело, на тонких каблукках. Конечно, пройти на этой обуви невозможно не одному мужчине на земле, но я пожалел, что в этот раз их не было на ногах спящей женщины. Ведь Алле так шел высокий каблук, а меня оно просто восхищало.

Но наступало время коснуться женской голени ощутить всю ее открытость для мужских глаз, когда длинная юбка скрывает все остальное. Сколько раз я смотрел на нее на репетиции, и сколько тайных дум роилось в моей голове. Это голень была моим первым посвящением в женскую красоту и загадку. Но эта девственная часть была оставлена мной без сожаления, потому что бедра уже слепили меня своей белизной как плодородные сады, словно ветки яблони, которые ломились от щедрого урожая. Яблок было так много, что я уже не ел их, а только надкусывал. Я выбирал их, но не нашел не одной червоточки, и давил сок из них моими сильными руками, и пил его.

Кажется, что я увлекся только телом женщины и ничего больше не видел. Но это было не так, потому что я зорко следил за лицом женщины, которое покрылось румяным налетом, ресницы, начали трепетать как крылья бабочки, а тело выгнулось в звенящую струну. Ее дыхание стало прерывистым, потому что два корабля на женской груди после морского шторма поймали ветер в свои овальные паруса и понеслись по воле стихии. Я снова, осторожно, сантиметр за сантиметром начал поднимать женские ноги, пока две пирамиды не встали перед моими глазами, и мне предстояло пройти через них, по узкому краю ущелья.

Женская голова начала метаться по подушке, а руки схватили белую простыню и скомкали ее, когда я только прикоснулся устами в звездную глубину.

Мои сухие губы почувствовали долгожданную влагу, и я начал пить капля за каплей из чаши женского сладострастия. Но жажда моя оставалась неутоленной, и я все никак не мог напиться досыта, потому что малая мера меня уже не устраивала. Она только дразнила меня, и судороги схватывали меня за гортань, чтобы я все ниже опускался на самое дно женского тела. Черный мрак меня не пугал, потому что я знал, что к темноте надо лишь привыкнуть и лишь, затем мне откроется звездное, серебреное очарование. По стенкам какого-то подземелья я продвигался все дальше в неизвестность, пока не увидел ложе, которое было все в пурпурном облачении, и только белые пушинки, как молочные хлопья висели в воздухе, как не проницаемая гирлянда, которая скрывала от меня свою последнюю тайну.

Но Алла вдруг напряглась, выгнулась в разноцветную радугу, и замерла, чтобы через секунду рухнуть в свой эротический сон.

Судороги как морские волны сошлись надо мной и покрыли меня с головой.

Но я все еще находился там, где меня застала женская стихия. Я сделал еще несколько движений и почувствовал на себе как тень пирамид, которые легли на меня, и вскоре женские бедра сомкнулись со мной вместе.

-Неужели мне снова придется вернуться в женское лоно – подумал я.

Но я уже не хотел оставаться только женским сном, потому что в своем научном азарте чуть не лишился головы. Мне заковали как меч в ножны, но даже этот болевой прием не поколебал моего настроения – «Хочу все знать».

-Валера иди ко мне – сказала Алла.

-Я не могу, меня, что-то тут все время держит и не дает даже пошевелиться. Разведи свои мосты, чтобы я мог увидеть твои глаза.

-У меня нет сил, это сделать – наконец-то призналась женщина в своей немощи.

-Так что мне все время придется находиться в таком положении?

-Неужели ты возражаешь?

-Я пока не решил. Но глотнуть свежего воздуха мне не помешало бы.

Тут же пирамиды расступились передо мной, и я уже лежал в объятиях Аллы.

-Ты знаешь, что производишь вид брутального мужчины, а на самом деле, не только его – улыбаясь куда-то в сторону, стонала женщина.

-А, кто такой брутальный мужчина? – решил выяснить свою мужскую характеристику. Я его знаю.

-Ну, это такой ковбой, который лихо может оседлать лошадь.

-А, с жеребцом он не пробовал это сделать? – задал я наивный вопрос.

-Не знаю, потому что не в этом суть.

-А, в чем?

-У тебя вид жесткого человека в жизни и в сексе.

-Почему только вид? Я на самом деле такой.

-Одного этого качества для мужчины не достаточно. Ведь нельзя все время хлестать нагайкой лошадь, нужно ее и пожалеть.

-Это рекомендации ты передаешь мне или ковбою.

-Только ковбою. Потому что ты нежно – брутальный мужчина.

-Давай все для всех пусть останется как прежде. Я буду с виду гордый и брутальный мужчина днем, а ночью, унизительно нежным для тебя.

-Давай – тихо сказала Алла мне на самое ухо и обожгла меня своим горячим дыханием. Мне надо было произнести как в сказке «Али Баба и сорок разбойников», когда гора, полная награбленных сокровищ открывалась лишь от слов: «Сим, Сим откройся».

Мои пирамиды расступились предо мной снова, потому что они были сотворены мной, и я один владел их неизвестностью. Я вошел всем своим телом сначала в каменную пещеру, которую мне сразу же захотелось покинуть.

Но несколько сильных ударов обрушили ложную стену, в этом многотонном лабиринте, когда золотой блеск богатств резанул своим сиянием сначала по глазам, и уже в самом конце, по мужскому самолюбию, которое лишь сейчас было полностью удовлетворено. Алла уже медленно прихорашивалась, когда я был полностью одет и ел пирог, запивая его чаем. Женщина по-прежнему никак не могла выбрать свой очередной наряд, который должен был неотразимо влиять на мужскую публику, своим ошеломляющим действием. Я предложил надеть скромное летнее платье, которое не будет звать мужчин на вечный подвиг. Но мой довод был отвергнут, как дилетантом, который мало что понимает в женском гардеробе.

-Ну, тогда одевай что хочешь – признал я свою полную несостоятельность в этом дорогом вопросе.

-Но, если в верхней одежде ты ничего не смыслишь, то может, поможешь мне в выборе нижнего белья.

-А, это чем не белье? В нем ты смотришь на редкость изящно и проницаемо. Хотя мне больше нравится классическая мода.

-Что ты имеешь в виду? – переспросила меня Алла.

-Я не переносу белье, которое сшито или перевязано из нескольких сантиметров ткани. Все что и так открыто, для меня не интересно. Загадка женщины не в голом теле, а в моей фантазии, которая обнажит ее сама.

Первая скрипка тут же сняла свои нагрудные и набедренные подвязки, и попросила выбросить их в мусорное ведро.

-Это же кучу денег стоит – сказал я.

-Вот в эту кучу и выброси это, потому что больше я этого не надену.

-Ну, может, ты кому-то передаришь это еще?

-Свое белье я не собираюсь никому дарить. Но, если хочешь ты можешь взять его себе.

-Я вообще не против, но это не мой размер и не мой фасон. А, впрочем!

По объему это женское белье было не больше носового платка, и я непроизвольно засунул его в карман брюк. Алла тем временем высыпала на меня целые ворохи нижнего белья, как будто соблазняя меня своими роскошными формами.

-Скажи, ты так придирчиво к себе каждый день одеваешься или ты все-таки издеваешься надо мной?

-Успокойся Валера, ты скоро отдохнешь от меня. Потерпи еще один день.

-И одну ночь – уточнил я для верности.

Скорая разлука с Аллой острой болью отдавалась в моей груди, и я позволял женщине делать со мной, что ей только заблагорассудится. Она, то, надевала на мою голову лифчик розового цвета, то, на руки, как нарукавники свои плавки. Затем перевязала мою шею капроновым чулком черного цвета, наверное, зная, что этот цвет на меня действует вызывающе, чем теплые, убаюкивающие тона телесного цвета.

-Ну, какое все-таки белье мне надеть? – чуть не плача спросила Алла меня, а я уже рыдал взахлеб, понимая, что еще минута, и я этой пытки больше не вынесу.

-Вот то, что сейчас на мне, то и одевай – вынес я свое резюме.

-А, что бежевые плавки и розовый бюстгальтер могут гармонировать друг с другом. Это не плохая идея.

-Главное, чтобы эту идею никто другой не увидел. Ведь ты же не собираешься демонстрировать свое белье еще кому-нибудь!

-Я этого не сделаю, если ты снова оденешь меня.

-Интересно, кто это раньше тебя одевал, что так испортил... на мою голову?

-Это женская тайна, которая никогда не раскрывает своих секретов.

Но так как разгадать женские секреты не входило в мои планы, то я решил хотя бы разгрузить себя от тяжелого женского белья, которая меня просто поглотила.

Я сделал усилие, чтобы подняться с кресла, но этот вес мне после первой попытки взять не удалось. Но, раскачавшись на месте, я все-таки сумел встать, и как штангисту тяжеловеру зафиксировать рекордный вес. В минуту победной эйфории я не заметил, как крепление на стальном древке разошлось и тяжеленные блины, они же, женское белье несколько раз упали мне на правую ногу. Но кричать я не стал, потому что поднимать женское белье все-таки легче, чем носить его каждый божий день.

Я снова помог одеться первой скрипки, заранее предупредив, что делаю это в последний раз за сегодняшний день.

-Это мы еще посмотрим – сказала счастливая женщина и наградила меня за мой труд роскошным поцелуем. Я приду к тебе сегодня сразу после репетиции и помогу собрать чемодан.

-Свой саквояж я и так соберу, а ты просто приходи, попрощаться – сказал я.

-Я прощаться ни с кем не хочу, а с тобой тем более.

-Прямо таки и не с кем? – передразнил я первую скрипку.

-Ни с кем – снова безапелляционно заявила мне Алла.

-Я вижу, что все-таки зря так тебя красиво одел, потому что Игорь не оценит моего личного вкуса.

-Ах, вот ты про что? Я прощаюсь с Игорем, после твоего возвращения с моря.

-А, почему, собственно говоря, не сегодня?

-Потому что тебе нужна узда, которая будет сдерживать твои отпускные наклонности.

-Это не узда, а целый якорь, который спеленает мое тело, и я запросто утону.

-Ты хочешь утонуть, чтобы тебе сделали искусственное дыхание изо рта в рот, чтобы спасти от смерти, и навязать безнравственную жизнь.

-Откуда ты это все знаешь наперед, что случится со мной? – удивленно спросил я.

-От подруг. Они мне рассказали, чем вы занимаетесь на курортах.

-А, кто это вы? – переспросил я.

-Мужчины. Вас же нельзя даже на короткий срок одних отпустить, потому что вы влюбитесь в кого попало.

-А, мужчины в кого влюбляются, я не понял, что тоже в мужчин?

-Нет в женщин.

-Уж, не в тех ли женщин, которые являются твоими подругами. Дыма без огня не бывает, как и одинокой женщины в отпуске без мужчины. Но не забывай, что я лечу на море с детьми, а это уже о многом говорит. Кстати, дай мне твою фотографию, я буду представлять тебя, для всех желающих взглянуть на нее, что ты настоящая мама многочисленного потомства.

-Фотографию свою я тебе дам, но только лично для тебя, чтобы ты помнил свою первую скрипку, которая еще не попрощалась с Игорем.

Тут я заревел как дикий зверь, который был скован десятидневным ангажементом для выступления в цирке, понимая, что за этот срок на мою заповедную территорию может войти наглый и богатый чужак, у которого нет ничего святого. Его обаянию и животному инстинкту, женщине будет не легко противостоять, ведь я нахожусь так далеко от нее, что в минуту своей пылкой слабости, она уступит ему.

От этих мыслей я почернел как белое облако, которое в одну минуту становится грязным и безнравственным. Мои руки схватили Аллу, опрокинули на диван, и разорвали ее белье на разноцветное конфетти. В этот момент во мне не было никаких чувств к женщине, кроме одного, как овладеть ей прямо сейчас, без ненужных прелюдий, стремительно и жестоко, потому что ничего человеческого во мне сейчас не осталось. Я использовал женщину по своему животному усмотрению, и в нем не было место для любви, только влечение самца. Я видел испуганные глаза Аллы, но больше не контролировал себя, а мстил за несуществующую измену, за слова, которые жгли мое сердце, вырывая из него нечеловеческое страдание. Представляя себе все то, что я сейчас проделывал с

женщиной, и, видя ее в чужих руках, мой гнев становился яростью, который стекал из нее белой струйкой. Но и этого мне было мало, потому что свою ярость я хотел взбить как сливки, которые подают самым красивым самкам в период циклических припадков ревности.

Но вот первый луч сознания пробил брешь в моей черной мгле и я начал искать Аллу в комнате, где на меня нашло - это звериное затмение. Я быстро обошел квартиру и услышал, как кто-то полощется в ванной. То, что женщина была жива, меня не то чтобы обрадовало, нет, это было моим вторым рождением, чудом, потому что я не убил человека в своем зверином экстазе.

Но мне было жутко стыдно за свое бессилие сопротивляться своему зверю, который растерзал мою душу.

Женщина все еще не выходила из ванны, а я сел за стол и начал писать чистосердечное признание в правоохранительные органы, что, находясь в состоянии ревности, насильно вступил в половые связи с женщиной. Я еще не знал, какие травмы нанес женщине, но судя, по-моему, состоянию, то очень тяжелые. Я не просил к себе снисхождения, но требовал для себя исключительной меры – расстрела, и желательно на месте, и лучше прямо сейчас. Какой позор ожидал меня, Аллу и моих близких.

Я не мог этого вынести, поэтому писал уже второе письмо, где в своей смерти просил никого не винить, кроме меня самого. Я указал место хранения денег на скромные похороны и вскользь упомянул всех своих наследников по закону, но отметил еще и первую скрипку в своем завещании, которая ко мне была слишком добра. Теперь мне предстояло только выбрать способ самоубийства, и я метался между балконом, который находился на высоте третьего этажа и баллончиком лака для женских волос. Разбиться на смерть с третьего этажа на зеленую лужайку не было никакой возможности, а вот с лаком стоило повозиться, потому что дверь в ванной скрипнула и появилась Алла. Я уже открыл рот, чтобы принять за один раз всю норму этой жидкости, но вид цветущей женщины сдержал мою руку, которая должна была закачать в меня этот химический раствор.

-Валера, что ты делаешь? – весело спросила меня первая скрипка.

-Не мешай мне, пожалуйста, сделать то, на что я уже решился.

-С каких пор лак для волос это лекарство против кариеса.

-Нет. Твой лак – это средство для самоубийства – произнес я и уже получил свою первую порцию распыляемого лака.

-Ты что ненормальный? – выхватила из моих рук лак Алла. Да, что с тобой?

-Мне надо срочно умереть, неужели ты не понимаешь. У меня нет другого выхода.

-А, как же твоя поездка в Крым?

-Черт с ней. Ты только не вызывай полицию, пока точно не убедишься, что я уже мертв.

Прошу сделай для меня такое исключение. Я понимаю, как тебе сейчас нелегко смотреть в глаза своего насильника, но ведь десять минут, это не такой большой срок.

-А, кто тебе сказал, что ты мой насильник?

-Пока я. Но скоро все об этом заговорят. Но пусть - это случится уже без меня. Ведь мертвые не должны давать никаких показаний, кроме чистосердечных. А, я их уже в письменной форме зафиксировал, и полностью признал свою вину.

Алла взяла два моих заявления и начала спокойно читать, пока я не внес свою реплику.

-Зачем ты смыла с себя все вещественные доказательства – расстроился я. Ведь тебе могут не поверить!

-Но ты же сам признал добровольно свою вину, так что экспертизу никто проводить не будет.

-Да, тут ты совершенно права – согласился я трезвыми размышлениями женщины Алла уже читала второе заявление, а я искал глазами новое средство, которое помогло бы мне покинуть этот мир. Но вешаться мне совершенно не хотелось, потому что это страшно и некрасиво висеть с высунутым языком. К тому же, кто меня будет снимать с

крюка, должен был обладать недюжинной силой. А, вдруг у него ревматизм, и он больше никогда не выпрямится.

-Спасибо, что ты упомянул меня в своем завещании, правда оно никакой законной силы не имеет – трезво рассудила Алла, и с большим подозрением посмотрела на меня.

-Это еще почему?

-Потому что сразу видно, что писал его человек, который находился в сильном душевном волнении.

-Что это все значит?

-А, то, что этот человек, оказывается, никакого не насиловал. Он просто все перепутал.

-Но я же тебя...

-Нет. Это я тебя...

-Я ничего не понимаю, потому что ничего не помню. Но ведь ты, кажется, сопротивлялась?!

-Когда это? Я этого тоже не помню.

-Алла, посмотри на комнату, во что она превратилась.

-Это обычное ее состояние, когда я собираюсь на работу. У меня каждое утро такой бедлам.

-А, кто же разорвал твоё белье? – спросил я. Скажешь ты!

-Нет, дорогой, вот это сделал именно ты, а все остальное уже я.

-Не морочь голову и звони в полицию, а я пойду на кухню, чтобы...

-Я тебе пойду. Ты что это задумал. И так наговорил на себя, признался в факте несуществующего изнасилования, а теперь хочешь его скрыть под видом несчастного случая.

-Тебе что для насильника одного домашнего электроприбора жалко. Мои знания в электрической цепи быстро зажгут ещё одну лампочку. Вот увидишь, я быстро обернусь

-Ты никуда не пойдешь, потому что, как не легко говорить это женщине мужчине, но мне надо тебе признаться.

-Прошу не отягощай и так мою душу. Я знаю, что не мог и не должен был так с тобой обращаться. Но этого больше не повторится, потому что я скоро и быстро умру.

-Ты умрешь только по единственной причине, если этого действительно никогда больше не повторится.

-Это какой-то абсурд, наверное, потому что ты мне теперь угрожаешь, если я не сделаю этого с тобой ещё раз. Это сумасшествие.

-Это не абсурд, а реальность. Мне ещё никогда не было так хорошо, как в этот раз.

-Ты что смеешься надо мной?

-Так ты меня, правда, любишь?

-А это причем сейчас? Ревность является отягощающим вину чувством, и не подлежит никакой амнистии.

-Так ты меня любишь или нет?

-Люблю. Только мне никто не поверит.

-Мне так глубоко наплевать на других, потому что я верю тебе.

-Так ничего такого не было? – спросил я и стал уже сам сомневаться в факте изнасилования.

-Ничего о чем ты думаешь, не было, а все что помню я, было – сказала Алла и разорвала два моих заявления на бумажные конфетти.

Тут я обнял Аллу, закрыл глаза и ей честно признался: «Я так испугался за тебя, что чуть действительно не натворил глупостей».

-Неумный мужчина – услышал я в ответ. Я чуть не умерла от счастья, когда почувствовала твою ревность, а ты решил тут же умереть. Ведь я хотела увидеть твоё настоящее чувство ко мне и получила все что желала.

-Действительно все?

-Все. Ну, или почти все.

-Ты не знаешь Алла, почему у меня так сильно стучит сердце? - спросил я.

-Наверное, потому что оно любит меня.

-Любит оно тебя уже давно, а стучит сейчас так беспощадно, потому что ты опоздала на репетицию.

-Неужели. Как интересно. Ну, кажется, ты тоже опаздываешь на свидание со своей очередной женой.

-Бывшей женой – уточнил я.

-И много у тебя будет жен еще? – спросила Алла.

-Мне бы еще одну, но на всю жизнь.

-А, я не подойду?

-Если молниеносно постареешь как минимум на десять лет.

-Для тебя я обязательно одряхлею, но молниеносно просто не смогу, и даже не через десять лет, и не через пятьдесят.

-Это еще почему?

-Потому что в твоих глазах я останусь самой молодой и желанной.

-Ну, и тогда и самой скромной.

-Но про свою скромность я тебе ничего не говорила, о моем новом качестве ты узнал только сейчас. Но этих знаний тебе хватит на всю жизнь.

-Ты все-таки неисправима – первая скрипка.

-А, ты давай снова меня одевай, а то я пойду на репетицию без нижнего белья.

-Слышать такое от первой скрипки просто стыд и срам. Но я снова одену тебя с одним условием, если ты мне одолжишь до вечера некоторую сумму.

-Так что Валера выходит, что я в тебе ошиблась, потому что ты не ковбой, а Жигало.

-Мне позарез нужны деньги, чтобы не заходить за ними домой.

-Ну, хорошо, если мне понравятся твои руки, твои нежные руки, то я заплачу тебе за твой тяжелый труд одевать и раздевать женщину.

-За раздевание мне можно не платить, потому что этот процесс я готов исполнять и бесплатно.

К счастью мои руки не разочаровали эту поклонницу массажа и фетишизма, и я получил заветные деньги в зубы.

Уже на автобусной остановке, когда мы прощались, я успел шепнуть Алле: «А, все-таки это я тебя...».

-Ну, хорошо ты. Но получила удовольствие я, и не спорь.

Но время было и вправду нешуточное, потому что я уже опаздывал на два с половиной часа на встречу. Но меня еще ожидали, и ровно в двенадцать нотариус стал объяснять моей бывшей жене, всю ответственность в выдаче доверенности родному отцу, который решил увести свою дочь за границу. Он так настоятельно предлагал указать в доверенности маршрут движения, что родная мать своего ребенка сдалась на его уговоры. Как только смысл всего сказанного приобрел форму документа, я запаниковал.

-Подождите минутку – вошел я плавно, но настоятельно в деловой разговор. Почему не дать отцу, то есть мне общую доверенность, без указания маршрута.

-Ну, вы же летите Францию? – спросил меня адвокат.

-Лечу – жестко ответил я. Затем мы намеревались еще в Монако заглянуть на день другой.

-Ну, тогда давайте укажем еще и это государство.

-А, почему все страны нельзя сразу указать. Вы что боитесь остаться без работы! – наехал я на этого дипломированного специалиста.

-Без работы я остаться не боюсь, но должен проинструктировать все стороны о возможных последствиях.

-Какими еще последствиями? – напряглась нервная женщина.

-Например, отец говорит, что берет дочь с собой в очередной отпуск, а у самого уже давно готовы документы на вывоз на постоянное место жительства в другую страну. Родная мать ребенка об этом, конечно же, ничего не подозревает и подписывает такую доверенность, какую просите вы, а дальше.

-Что дальше? – еще сильнее напряглась безутешная мать.

-А, дальше происходит судебная тяжба, и, как правило, ребенок остается с отцом.

-Послушайте, никто не на ПМЖ в другую страну не собирается, хотя бы, потому что его там никто не ждет – попытался я утихомирить этого юриста, который уже действовал мне на нервы.

-Да, пусть все так и будет. Я даю доверенность только с конкретным указанием маршрута.

-Люба, ты, что слушаешь этого краснбая, которого видишь первый раз в жизни и веришь ему больше, чем мне.

-Ну, а в чем проблема. Ты же, с дочерью летишь во Францию, а в не в какую-то другую страну.

-Я лично лечу... во Францию, и тысячу раз уже об этом тебе говорил – сказал я и полез в карман за носовым платком, чтобы вытереть пот со своего лица. Когда мне удалось это сделать, то, мой гигиенический жест привлек к себе такое внимание, что я даже опешил. Как только я понял, что вместо платка мне попало белье одной дамы, то, спрятал его подальше.

-Чем это ты вытираешься? – спросила по-семейному, не стесняясь нотариуса, женщина.

-Это тряпичная ветошь, я ей скрипку протираю время от времени. Очень удобная вещь.

-И кто ж посоветовал тебе нижним бельем вытирать скрипку? – допытывалась неугомонная женщина.

-Вообще-то это наш прославленный дирижер дал мне эту ветошь в руки. А, что разве это женское белье? – сделал я вид нравственного интеллигента, которому вручили в руки невесть что, а он даже и не посмотрел на это. Я вытащил свой носовой платок, театрально ужаснулся увиденным, и поклялся отомстить дирижеру на первом же публичном выступлении.

-Ну, хорошо – решил я с другой стороны начать свое наступление, потому что лобовой удар несколько напугал женщину. Допустим наш самолет, захватывают террористы, и на этот раз все обходится без жертв. Нас везут не по маршруту, указанному в доверенности, что тогда я вас спрашиваю?

-Ну, и что тогда? – с кривой улыбкой передразнил меня нотариус.

-Тогда власти страны, конечно же, не Франции, разлучают отца с дочерью, потому что доверенность ясно оговаривает другой маршрут движения. Мало того отец попадает в тюрьму за контрабанду или незаконный ввоз двух литров спиртного в одну арабскую страну и сидит там до конца своей жизни.

-А наше посольство, что же? – уже более заинтересованно спросил нотариус.

-А нашему посольству будет все равно, потому что они будут искать меня во Франции, а вот если была бы у меня общая доверенность, то они искали бы меня и мою дочь по всему свету. Вот такая жизненная история. Но не хотите дать мне дипломатическую доверенность для всего нашего голубого шара, то дайте хотя бы доверенность на один континент – Евразию.

Нотариус и Люба начали советовать в дальнем углу, а я делал вид, что их не слышу. Но чтобы я не считал их побежденными, они решили и тут сделать мне обрезание, потому что слово Азия из доверенности было исключено.

Как только я получил доверенность и паспорт на руки, я заявил, чтобы дочь была в аэропорту не позднее семи часов утра. Я бросил деньги на стол нотариусу, копейка в копейку и помахал ручкой людям, которые не верили мне, что я лечу во Францию, а они остаются в этом душном кабинете. Они уже завидовали мне, потому что в Монако я проиграю сначала кучу денег, а в конце, поставлю все на zero и сорву банк. Только бы

они не сглазили тот заветный шарик, который будет долго катиться из одной лунки в другую, затем нехотя переваливаться, чтобы упасть в заветное гнездо. Я выиграю так много, что казино придется закрыть, и чтобы выплатить мне всю сумму призовых, придется продать даже зеленое сукно со всех игровых столов, и даже мой счастливый шарик.

Я постучал по дереву, три раза плюнул через левое плечо и направился в туристическое агентство через продовольственный магазин. Я купил бутылку шампанского и коньяка, и коробку сливочных пирожных.

Я как раз попал в обеденный перерыв, поэтому стучал так интенсивно в стеклянные двери, что меня все-таки впустили в этот туристический рай. Я думал, что эти привилегированные менеджеры питаются только экзотическими фруктами, в виде папайи на завтрак, на обед, и на ужин, но был, к сожалению горько разочарован. Я в своей жизни так еще ни разу не вкусил этого незнакомого деликатеса, по причине своей жадности и нежелания транжирить деньги на незнакомую мне кожуру. Что-то мне подсказывало, что в этом фрукте отходов больше, чем сочной мякоти.

Екатерина и ее две напарницы ели пищу домашнего приготовления, и никак не ожидали, что принес собой не только номер недостающей доверенности, но и сладкий стол. Я попросил тарелку для пирожных, рюмки для коньяка и обед действительно приобрел черты настоящего застолья. Человек, который выходит в отпуск, всегда обязан накрыть поляну, и мало того, стать тамадой, потому что работа других людей в твой отпуск, это большое испытание для них, и огромное наслаждение для тебя. Первая рюмка высохла, другая растаяла, а третья была оставлена до лучших времен, потому что не путевые туристы уже осаждали нас со всех сторон. После того как все формальности остались в прошлом, я пожелал всему персоналу дожидаться и своей минуты славы, которая придет в виде оплачиваемого отпуска. Пусть не сегодня, не завтра, а как всегда в зимний период, но обязательно наступит, потому что отпуск нельзя подменить ни чем другим, как и его веселым настроением.

Но не для всех надо улыбаться во все тридцать четыре зуба, потому что кто-то примет вашу слабохарактерность в свою выгоду. Мужики моего дома уже сутки дежурили под подъездом, чтобы разделить мою радость на всех по-братски. Они так отнеслись к моему появлению, что я невольно растрогался. Эти бедолаги как почетный караул последовали за мной до дверей квартиры, чтобы еще раз застольем, отпраздновать мой отпуск.

-Но я, кажется, уже выставлялся за отпуск? – не смело решил возразить я не трезвому большинству.

-Ну, это когда было. Ты мог уже два раза вернуться из отпуска и столько же раз поставить нам за него.

Эти слова мне совсем не понравились, потому что на лицо был явный шантаж, со всеми вытекающими последствиями, и я решил не идти на поводу моих жильцов.

-Вот когда вернусь, тогда и отметим окончание моего отпуска.

-Ну, тогда за дорогу надо выпить – сказал самый трезвый. Ведь без хорошей дороги, и отпуска не бывает.

-Дороги? Вот про дорогу я и не подумал.

-А, ты и не думай Борисович, потому что это процесс уже налаженный. Мы же пионеры, первопроходцы в этом пути. Мы эти как его... рейнджеры.

-Вы не рейнджеры, вы самые настоящие рейдеры.

-Так мы за тебя, кем хочешь, тем и станем.

Я не успел им ничего ответить, как появилась Алла, и все рейдеры стали как шелковыми.

-Что это здесь происходит? – играла как всегда свою главную роль первая скрипка.

-Друга на моря отправляем – с пафосом сказал самый пьяный, который так говорил об этом, как будто он отправляет меня за свой счет.

-И, что?

-Так переживаем за него, как бы его там никто не обидел. Это мы тут ему защитить сможем, а там кто заступится за него сердечного.

-И тут и там это сделаю я сам.

-А, вы что никак его крыша? – спросил самый застенчивый.

-Я его пока учитель по сольфеджио.

-Слово хоть и не знакомое, но видать вкусное. Вот под него бы нам и выпить.

-На сегодня сабантуй отменяется.

Алла уже прошла в квартиру, но дверь не закрыла, чтобы не упустить интригующей концовки.

-Борисович? - с мольбой обратились ко мне голоса моих соседей.

-Что я могу, учитель по сольфеджио просто не переносит запах спиртного.

-Так, где она учуяла его, когда мы второй день света божьего не видим.

-Не знаю.

-А, может она сам употребляет – сказал самый умный.

-Она даже в рот не берет – начал отводить я всякие нехорошие подозрения от учителя по сольфеджио.

-А, мы бы взяли. Только никто не дает.

-Ой, не нравится мне ваше настроение мужики. Что-то вы так сразу скисли!

-Так как же за дорогу?

-Вот вам за дорогу – протянул я деньги самому застенчивому. Но, если что не так выйдет, то, уж я с вас спрошу по полной программе.

-Да не одна страховая компания не возьмет на себе такие риски, как мы. Дорога будет у тебя как скатерть белая и ровная. Как невеста целомудренная и чистая.

Я уже закрывал дверь, как мужики одобрительно отнеслись к моему музыкальному выбору и пожелали не зацыкливаться на классическом репертуаре, а как-то разнообразить свое новое видение в музыкальной науке.

-Ты, почему сегодня так рано? – спросил я у первой скрипки.

-Что помешала тебе отметить твой отпуск? – с улыбкой произнесло Алла.

-Вот вечно ты ко мне с подозрениями относишься, а я ведь так скучал по тебе.

-Правда. Я тоже.

Я обнял ее и поцеловал, но совершенно забыл о коньяке, который выпил в туристической фирме и то чисто символически.

-Ты уже все-таки успел набраться.

-Нет – строго обратился я к Алле. Так дальше дело не пойдет. Мне не нравится, когда меня контролируют по пустякам. Ну, один раз, ну два.

-А, это и есть второй раз. Я же понарошку с тобой.

-Ах, так ты заигрываешь со мной! Тогда, чтобы уравнивать наши шансы я налью тебе бокал пива. Ты не будешь возражать?

-Ну, конечно я выпью с тобой за дорогу – сказала первая скрипка, и я понял, что она слышала наш мужской разговор.

-Кстати, ты им понравилась.

-Они мне тоже. Только не надо спаивать их, потому что у них есть жены, которые страдают от этой пагубной привычки.

-Так мы собираемся с мужиками только по большим праздникам.

-А, почему женщин не приглашаете отметить этот праздник с собой? – спросила Алла.

-В следующий раз обязательно так и сделаем. Клянусь. Ну, что влетело тебе на сегодняшней репетиции? – со злорадством спросил я.

-Поначалу очень даже, но после того как я сыграла, то, все аплодировали мне.

-Неужели все! – с трудом мне верилось в это скромное признание со стороны первой скрипки.

-Даже твой друг Павел Андреевич. Он сказал, что я стала лучше играть и в моем исполнении чувствуется рука мастера.

-И кто этот мастер?

-Ты!

-Когда же я сумел научить тебя, когда меня постоянно посещает учитель по сольфеджио. Это просто уму не постижимо.

-А, я усидчивая ученица. Помнишь твой урок на скрипке без струн. Я усвоила его и теперь сама занимаюсь.

-Что ж похвально. Хотя когда ты все успеваешь?

Я налил, как и обещал пиво для Аллы, и она сидела в моем кресле, а я смотрел на нее.

Я моргал ей одним глазом, а она мне двумя, я дразнил ее, а она передразнивала меня, пока мы с ней и не доигрались до горизонтального положения.

-Ты останешься у меня сегодня? – спросил я у первой скрипки.

-Зачем?

-То есть как зачем? Ведь ты без меня не сможешь даже одеться.

-Одеться я еще как-то смогу сама, а вот раздеваться сложнее.

-Ну, это всего лишь десять дней.

-Это десять дней моего одиночества и девять ночей отчаянья.

-Не говори так.

-Почему нет? – спросила Алла.

-Потому что ты повторяешь мои мысли. Но они еще печальнее, чем твои, потому что в них присутствует еще и Игорь.

-Я ему сегодня все рассказала о нас. Так что Игоря больше нет.

-Но есть мы и еще одна ночь.

-Может, ты не уедешь?

-Уже не могу. Но в следующий раз мы поедем вместе.

-Куда?

-Там где нас еще не было и это будет кругосветное путешествие.

-Нам надо собрать твой чемодан.

-Он уже давно собран. Осталось только отряхнуть его от пыли и в дорогу.

-Ты не забудешь меня?

-Никогда.

-Тогда поцелуй меня еще раз?

-Может уже хватит на сегодня, Алла.

-Я просто хочу, чтобы ты так устал, чтобы даже не смотрел на женщин.

-Милая скрипка – сказал я. Ты знаешь, что лучше и ближе тебя у меня никого нет.

-Ты будешь еще писать?

-Не знаю.

Мы говорили целую ночь, как звезды, которые беседуют друг с другом, не замечая наступления утра, потому что наши руки держали нас, и не давали упасть в бездну расставания. Я целовал Аллу, а она почему-то плакала, и мне приходилось пить этот соленый нектар наряду с другим... Наши тела растворились в единую плоть, не желая ничего другого, как остаться этим общим целым навсегда.

Часть вторая - Музыкальный дурак

1

Поздней ночью или ранним утром я был уже на ногах. Алла тоже встала, чтобы проводить меня. Она как женщина осмотрела содержимое моего саквояжа, и ужаснулась его мужской практичности. Несколько рубашек, маек, и брюк было брошено в одну большую кучу, которая по своей форме напоминала потертый футбольный мяч. Она тут же начала меня переупаковывать, а я на коленях просил не делать этого.

-Но я же в твоём порядке ничего не найду? – умолял я все оставить, как было.

-Так нельзя обращаться с вещами, как это делаешь ты, Валера. Это просто ужас.

Алла нашла целлофановые пакеты и начала складывать рубашки к рубашкам, а штаны к носкам. Я кое-как запомнил эту непростую комбинацию, чтобы при таможенном осмотре все объяснить людям в синей форме, что никаких вещей запрещённых к вызову за территорию страны у меня нет, и никогда не было. Но пакеты, так и быть забирайте, потому что они всегда пригодятся для повторного применения. Это были мои единственные иконы, которые нельзя вывозить не только в отпуск, но и на постоянное место жительства в другую страну.

Алла насильно вложила мне чистые нотные тетради, как лишний груз в мой саквояж, а затем достала из своей сумки фотографию, и подарила ее мне.

-Ты ещё можешь поспать, а когда уйдёшь, то, захлопни дверь – предложил я простой выход из нестандартной ситуации, когда в наличие есть лишь одна связка ключей

-Хорошо. Счастливого тебе пути – на прощанье напутствовала меня Алла.

-До встречи – произнес я, и поцеловал свою первую скрипку на прощанье, и тут же провалился в омут отпускной чехарды. Я уже опаздывал в аэропорт, но частник, хорошо знал свое дело, потому что скорость, а именно запрещённая стремительность кормила его и его семью. Но так как въезд в транспортный терминал по стоимости превышал сумму проезда до аэропорта, то водитель бросил меня на ближних подступах к взлётной полосе. Пробежав полкилометра с саквояжем в руках, я даже не почувствовал одышку, потому что в центре зала меня уже ждали две семьи, которые твердо держали дистанцию между собой, и гордо не переходили демаркационную линию. Я сначала поздоровался с людьми, которые отправляли меня во Францию, и даже перекинулся с ними несколькими словами.

- Бон жур. Надеюсь все в порядке.

-Здравствуй – поприветствовал меня муж Любы.

-Что делает в аэропорту Лина? – спросила любопытная женщина.

-А, я откуда знаю – не моргнув глазом, соврал я. Наверное, они летят на Кубу, как всегда. Какая неожиданная встреча. Пойду, здороваюсь с ними, что ли, а то прямо неудобно. Я протянул руку для встречи с другой делегацией, которая отправляла меня в Алжир. Те же вопросы и тоже недоверие ко мне резали болью в моем сердце, но я только порадовался, что теперь все жители нашего государства могут отправляться куда захотят. Я снова перебежал на другую сторону враждующих сторон, потому что количество чемоданов моей дочери в четыре раза превосходил мой потенциал, и это не считая ручной клади. Я дал несколько секунд на размышление из четырех чемоданов выбрать самый дорогой для дочери, потому что самолет просто не взлетит с таким грузом на борту. Пока женщины начали обсуждать эту непростую дилемму, я оказался уже у алжирского рейса. У сына была одна большая сумка, но совершенно неподъемная для меня.

-Так, все идет по плану. Я надеюсь, что вы уже попрощались друг с другом, поэтому вас, дорогие родители, прошу пройти к крайней правой стойке, чтобы вы нас могли хорошо видеть.

-Это к какой? - переспросил меня Петр?

-Вон к той самой дальней правой стойке – указал я рукой направление нашего поиска. И прошу поторопиться, потому что вскоре вы не сможете пробиться на лучшие просмотрные места.

Снова я пробежал стометровку, как Фигаро, который появлялся то тут, то там, чтобы попросить других родителей, пройти к самой дальней, левой стойке, где наши счастливые лица можно будет лицезреть через стеклянные витражи. Снова все прошло как по маслу, но родная мать моей дочери неожиданно спросила меня: «А, почему номер французского рейса на информационном табло не указан?»

-На этом табло указаны только регулярные рейсы, а на чартерные просто места не хватило.

Мой ответ устроил как всегда переживающих родителей, и они отправились искать левую, самую левую стойку. Я тут же решил вернуться на территорию Африки, но на самом ее экваторе, неожиданно остановился. Я посмотрел направо, затем налево, принял стойку солнечного светила, вокруг которого должны крутиться все остальные планеты и подозвал рукой к себе своих детей, которые стали нехотя сокращать дистанцию между собой. Они взглянули друг другу в глаза, только тогда, когда не увидеть прямо стоящий перед собой предмет было просто невозможно.

Я передал свой легкий саквояж сыну, а сам взял два детских чемодана и понес их к стойке, которая отправляла меня в отпуск. Когда все паспортные и таможенные формальности были устранены, и началась посадка на рейс, я увидел объединенную команду родителей, которые метались по аэропорту в поисках моей не правдивой головы, но меня защищали доблестные защитники родины, которые просто не дали им заполучить такой дорогой трофей. Я теперь был недосыгаем для них, а особенно на высоте десяти тысяч метров. Но я отчетливо слышал все их слова и фразы в свой адрес, самая интеллигентная, которая звучала примерно так: «Ты опять нас обманул, а ведь мы хотели с тобой обойтись по-хорошему. Берегись».

Ну, что ж и иногда приходится идти не на популярные меры, но только жизни ради, во имя ее бессмертия. Со своего пассажирского кресла я уверил всех кровно заинтересованных родителей, что привезу детей домой в целостности и сохранности, и даже захвачу свою голову в обратный рейс, потому что месть – это холодное блюдо, которое через десять дней, как раз и подоспеет к вашему столу.

Я уже грелся в лучах высокого солнца, а вот мои дети, которые поначалу не видели друг друга в упор, начали выталкивать себе подобных с кресла. Между ними шла первая ожесточенная схватка за место перед элюминаторным окном.

Я сидел с правой стороны салона, а дети слева. Мне заранее пришла в голову идея посадить их в самолете как можно ближе, но то, что может, вспыхнуть война за это окошко не приходила в даже страшном сне. Я на коленях предлагал уступить свое, потому что с него было выше и удобнее осматривать все достопримечательности нашей голубой планеты. Но дети не слышали разумный голос отца, а уже дрались между собой в прямом смысле слова. На эту гражданскую войну прибежала стюардесса, которую я не сразу узнал, от родительского стресса, в котором как полчаса находился.

-Здравствуйте – сказал мне красивый ангел.

-Здравствуйте – ответил ему я.

-Вы что меня не узнаете?

На этот вопрос я растерянно замахал головой, потому что детский шум завладел моей центральной частью мозга и никак не хотел выходить из него.

-Это я, Вероника. Вы еще подарили мне букет цветов.

-Вот сейчас узнал, и прошу извинить меня за мою невнимательность.

Вероника что-то хотела еще сказать, но мои наследники и не думали униматься, а начали уже обзывать, да, так что я чуть не выпрыгнул от стыда из самолета.

-Чьи это дети? – решила навести элементарный порядок Вероника в своем салоне.

-Тсс – тихо сказал я. Это мои дети. Прошу не ругайте их, потому что во всем виноват только я.

-Какие прекрасные малыши. Сразу видно, что они все в отца.

Мои дети на этот комплимент отреагировали незамедлительно общим смехом, и принялись снова мутузить друг друга.

-Вы летите в Крым на отдых? – вежливо спросила Вероника.

-Тсс – снова положил я указательный палец на свои губы. Этого мои дети еще не знают, только поэтому я еще живой.

-То есть, как не знают. Вы готовите им сюрприз.

После нескольких раздумий я рассказал Веронике свою историю, что я лечу в Крым, сын в Алжир, а дочь во Францию, не считая заезда в Монако.

-Послушайте Вероника, у вас нет таблетки аспирина, а то, мне кажется, я не долечу до Крыма, а просто на высоте десяти тысяч метров переседаю на другой самолет, который отвезет меня на Северный полюс.

-Я сейчас все устрою – сказала очаровательная стюардесса, и посмотрела внимательно на номера сидений, где должны были сидеть мои дети. Но они так и не присели с момента нашего взлета, а пихались между собой как два японских борца тяжеловеса.

Летающий ангел принес стакан с водой и обещанную таблетку.

-Теперь будьте на чеку – сказала Вероника, и я хотел ее уже переспросить, что она имела в виду, как по динамику раздался голос командира корабля.

Он говорил примерно следующее: „Уважаемые пассажиры. Наш полет проходит на высоте десяти тысяч метров. Температура за бортом воздушного корабля по прежнему является низкой, но облачности по нашему маршруту не наблюдается. Все двигатели работают в нормальном режиме, правда вибрация в последнем пассажирском салоне усиливается. Наш экипаж принял решение, чтобы не подвергать жизнь всех пассажиров, катапультировать со своих мест двух человек, которые сидят на 48 и 49 местах. Просьба пристегнуть ремни и вдохнуть в себя как можно больше кислорода».

Как только дети поняли, что катапультирование касается лично их, они бросились ко мне на грудь, и чуть не задушили меня в своих объятиях. Впервые за много лет они прильнули ко мне, ища во мне защиту и спокойствие. Отцовская грудь хоть и не может напоить молоком, как материнская, но тоже не лишена своих нежных возможностей.

Я укрывал их своими руками, пытаясь объяснить, что никакая катастрофа им не грозит, пока мое сердце стучит за них. Наш самолет обязательно достигнет своей цели, потому что все двигатели работают нормально, а керосина хватит, чтобы добраться даже не до Северного полюса, а самого Южного. Моя колыбельная песня успокоила детские сердца, и они уснули, уже каждый на своем месте. Когда я привык к шуму тишины, то поблагодарил Веронику за все, что она сделала для меня. Рядом со мной было свободно место, и я предложил ей сесть рядом со мной.

-Нам не положено – отклонила она мое предложение.

-Смотри, весь самолет уже уснул, так что ты можешь передохнуть на законных основаниях. Ты мне так уже помогла.

-Ну, хорошо. Я присяду на одну минутку.

-Вот видишь, я же говорил, что мы с тобой обязательно встретимся, и это случилось.

-Вы говорили, что наша встреча произойдет, как в сказке.

-А, разве я был не прав? Ведь не в одной лучшей, старинной сказки, никто и подумать не мог, что люди могут встречаться даже не на облаках, а над ними. Что они станут разговаривать между собой, и помогать друг другу.

-Может все так и есть – повторяла красивая стюардесса.

-Мне кажется, что мы плохо переговорили с твоим другом, в прошлую нашу встречу, поэтому я хотел бы попросить прощение у него. Он тебя любит, и поэтому кажется, ревнует

-Я рассталась с ним – спокойно сказала Вероника.

-Когда? Почему?

-В тот же вечер. Я так устала от него, и от его ревности, что вас мне сам господь бог принес, как ангела.

-Скорее как черта. Я стал невольным разрушителем вашего союза. Это очень горько мне слышать.

-Но мне стало свободнее жить и дышать.

-Но может, стоит дать Николаю еще один шанс. Ведь его так кажется, зовут?

-Да, вы правильно назвали его имя, а про новый шанс, я еще не думала.

-Подумай хорошо Вероника и все взвесь.

Но стюардесса больше ничего не хотела говорить на эту тему, а я не стал больше ее спрашивать.

-Вы дикарями летите в отпуск или цивилизованными людьми? – заинтересованно спросила она.

-Вроде как цивилизованными, но это еще ни о чем не говорит. Гостиница ждет нас на берегу моря.

-А, как название гостиницы? Может, я уже отдыхала в ней.

-Я не помню, кажется «Солнечная».

-К сожалению, ничем порадовать вас не могу, потому что там мне еще не пришлось побывать.

-Ты такая молодая, что у тебя все еще впереди. Какая у тебя необычная профессия – после долгой паузы сказал я. Ты летаешь, каждый день и просто не видишь всей этой красоты, смотреть на небеса сверху вниз, а ночью касаться рукой самой далекой звезды.

-Наверное, я действительно уже привыкла ко всему этому, потому что отношусь к полету как к самому обычному рейсу.

-Для тебя уже пассажиры на одно лицо, да?

-Но вас я сразу узнала, как вы только ступили с трапа в самолет.

-Ну, нашу шумную компанию тебе будет трудно забыть, ведь не часто катапультируют двух пассажиров на одном рейсе. Как ты только додумалась до такого?

-Мне просто стало вас жалко. Но дети у вас хорошие – проболталась Вероника, и посмотрела в сонное царство, где пассажиры катапультируемых мест спали как ангелы.

-Все дети хорошие, когда они спят. Но когда они засыпают, мне почему-то хочется, чтобы они проснулись.

Тут самолет немного качнуло, и сын открыл свои глаза. Я похолодел от ужаса, что мои мучения вот-вот продолжатся, и произнес: «Спи. Африка еще не скоро».

-А, кто вы по профессии Валера?

-Я простой музыкант. Я играю на медных тарелках, и очень даже громко.

-Все шутите!

-Даже и не думал шутить. Но я действительно музыкант.

Самолет пошел медленно на посадку, как проснулась дочь и спросила: «Мы уже подлетаем к Франции?».

-Мы уже давно летим над ней – ответил я. Спи. Как мы приземлимся, я тебя разбужу.

Николь закрыла свои мамины глазки, и начала дышать моим фамильным носом, который был, по происхождению кажется, греческим.

-А, как вы все объясните детям, когда мы приземлился? – начала тревожиться о моей дальнейшей судьбе сердобольная стюардесса.

-Уж, как-нибудь. У меня есть несколько вариантов, но, кажется, все они не настолько достоверны, чтобы молодое поколение поверило мне. Ты же знаешь эту современную молодежь.

-Я?

-Ну, ведь ты сама молодежь. Это нам можно было такое наплести, и мы этому всему верили, потому что у нас в детстве не было ни компьютера, ни злополучного Интернета. Мы дети книг, и фильмов, где Гарри Потер просто не нашел бы своего места.

Стюардесса уже встала с кресла, потому что было необходимо разбудить пассажиров, которые так сладко спали на этом утреннем рейсе, пристегнуть их, а затем напугать до полусмерти, как вести себя в случае не контролируемой посадки. Но как только самолет коснулся земли всеми своим шасси, гром аплодисментов пронесся по салону. Даже летчики рукоплескали себе, не в силах понять, как можно вести самолет, а тем более так виртуозно посадить его, когда летный ресурс аэроплана выработан на 200 процентов. Пассажиры медленно вставали со своих мест, потому что их ножки еще тряслись от посадки, но трап никогда долго ждать не любил, поэтому и мне с детьми следовало и поторопиться. Я попрощался с Вероникой и тут же узнал, что на обратном пути, этот же экипаж будет нас везти домой.

-Тогда до скорой встречи Вероника – сказал я.

-Через десять дней мы еще раз встретимся.

-Только не улетайте без нас – строго предупредил я стюардессу. Потому что если мы еще не сидим в салоне вашего самолета, то значит, очень торопимся, чтобы сесть на свои места.

-Постараемся.

Мы самым последними спустились по трапу самолета, и уже на комфортабельном автобусе проехали не больше трех минут, чтобы оказаться под пристальным взглядом синих и зеленых фуражек. В какую страну я не прилетел бы, откуда бы ни вылетел, везде меня встречают одни те же люди. Это какая-то мировая каста людей, которая не умеет, ни улыбаться, ни смеяться, а только спрашивать: «С какой целью вы въехали на территорию суверенного государства и сколько для этого вы готовы потратить валюты?». Еще не один, не подошел ко мне, а только я к нему, не похлопал меня по плечу, как старого товарища и не сказал: «Как хорошо, что ты приехал, потому что нам без тебя было очень плохо». И тогда я бы все показал, назвал, засвидетельствовал, а главное сказал: «Что мне без вас было еще хуже, чем вам без меня».

Но такой душераздирающей сцены, слава богу, со мной не произошло, потому что люди этого сословия, так быстро сменяли свой гнев на милость, что голова просто шла кругом. Когда мои дети членораздельно признались, что я их настоящий отец, то все препоны были сняты, и море уже заблестело для нас своим ультрамариновым цветом.

-Как хорошо, что во Франции так хорошо говорят на русском языке – удивилась дочь. Я бы никогда не подумала, и зачем я столько лет его изучала.

-Какая еще Франция? – произнес сын. Вечно женщины все напутают. Вот что в Африке говорят на русском, это класс. Просто супер. Только никого из местного чернокожего населения я, почему-то не вижу.

-Правильно, что не видишь – решил я поддержать размышления своего сына. Все местное население в отпуске. Мы к ним, они к нам. Это такой туристический обмен.

-Как у школьников? – провела свою параллель Николь.

-Точно, как у школьников, которые выезжают в другую страну, чтобы подучить язык – по-прежнему я запудривал мозги наивным детям, которые впервые попали под обаяние своего отца без своих матерей. Уж они то мне никогда не верили, и это меня и заставляла им так красочно, неправдоподобно описывать мою фантазию, которую они называли просто ложью. Но я недооценил, что технический прогресс может так бессовестно вмешаться в эту расстановку сил, что он так нагло встанет на сторону моих контрагентов. Как только мы сели в такси, которое должно было нас отвезти в гостиницу, как посыпались затяжные звонки на мобильные телефоны моих детей.

Если я ненавидел это чудо разговорной мысли, которое работало без проводов через тысячи километров, то другие просто не представляли своего существования без него. И так первый звонок прозвучал на телефон дочери, которая поведала свою счастливую историю, что долетела она отлично в сопровождении отца и одного молодого человека.

Она с таким неподдельным чувством гордости рассказывала на свой родной язык, на котором разговаривают даже во Франции, что мне было жаль, когда ее так жестоко прервали и рассказали о действительном положении вещей.

-Папа, так что мы действительно не во Франции? – с обидой спросила меня дочь.

-В следующий раз точно туда попадем – ответил я с первого пассажирского кресла.

-Ну, что я тебе говорил. Все случилось как я, и предполагал – приступил к защите своей математической формулы уже сын. Мы в Африке, а конкретно в Алжире.

-Неужели – встрянул в семейный разговор таксист. А я тогда негр!

-Папа, а мама хочет с тобой поговорить – предложила мне дочь прекрасную альтернативу, как испортить отпуск в первый же день, но во второй половине дня.

-Скажи ей, что я занят.

Дочь в точности все исполнила, как я и просил, но самую суть видно упустила.

-А, чем ты занят, она спрашивает?

-Скажи ей, что я ищу золотое руно в Алжире

За это слово ухватился счастливый сын, но и в Африку уже провели телефонные сети, которые мешали наслаждаться девственной природой пустынь, саван и тропиков. Юного мальчика тоже сильно травмировали, когда Алжир стал Крымом в украинском государстве.

-Папа с тобой отчим хочет переговорить – с непередаваемой улыбкой доложил юный рейнджер.

-Я занят, поэтому передай ему, пусть твой отчим позвонит мне попозже.

-А, чем ты занят, он спрашивает?

-Передай ему, что я веду точный подсчет торговых караванов, которые проходят из Алжира по шелковому пути в Индию.

Передающая станция справилась со своей задачей, но получила на свои позывные ответ, в котором никто не нуждался.

-Отчим тебе передает папа, чтобы попасть из Алжира в Индию, не обязательно проходить через Францию.

-Тогда еще раз отстучи математику. Что кратчайшим расстоянием между двумя точками является моя прямая линия, а не его. И пусть он прекратит звонить на твой телефон, потому что я буду вынужден его конфисковать на время отпуска.

Мои слова, которые были произнесены, так громко, что бедный таксист чуть не оглох, возымели действие на оппонента, и он положил трубку.

-Ну, первый штурм мне удалось сдержать – подумал я, но глубоко ошибся, потому что дети почувствовали себя глубоко оскорбленными за мой обман, и решили мне отомстить. Они сидели на заднем сидении и ныли, каждый о своем, но так печально и слезно сообща.

-Я хочу во Францию – канючила дочь.

-А, я в Африку – кричал во всю глотку недоученный гимназист.

Новую психологическую атаку повели на меня со всех флангов, но я был готов. Но когда через пять минут уже таксист обратился ко мне с таким требованием, то тут мои нервы просто сдали.

-А, вас, куда мне надо вести? – спросил я водителя, и даже дети перестали глумиться над несчастным отцом.

-На кладбище, если доеду. Там и прошу оплатить все ритуальные расходы, и лучше наличной валютой.

-Тогда я лягу там, рядом с вами, потому что других желаний у меня больше нет.

Кажется, что мы не плохо подыгрывали друг другу, потому что дети решили увидеть море даже с побережья Крыма, только бы не заезжать на место погребения человеческих останков. Но я уверял водителя все-таки подбросить меня туда, а сам тем временем уже передавал путевки, паспорта, доверенности и деньги своим детям. Этот щедрый жест человека, который отдал при жизни все, но, к сожалению, так их нотариально и не

удостоверил, и сломил жестокость детей ко мне. Они даже пустили слезу, когда я уже отбирал у них путевки, паспорта, доверенности, и особенно деньги. Но, не веря до конца в их доброе отношение ко мне, я уже, после того как мы разгрузились у гостиницы, попросил водителя на карте указать мне этот оазис спокойствия и тишины. Я посмотрел на карту, когда дети просили не делать этого, и просто ужаснулся, какой длинный путь выбрал таксист, чтобы от аэропорта довезти нас до дверей гостиницы.

Это была дорога из варяг в греки.

-Так командир – сказал я. Мы договаривались, что за каждый километр я плачу одно евро. Yes

-Yes – улыбнулся таксист, и понял, что хоть сейчас его не обманут.

-Сколько на тикало километров? – спросил я так ради интереса.

-Сто двадцать – с готовностью ответил водитель. Итого сто двадцать евро. Yes

-No. Судя по твоей карте, от гостиницы нас отделяло всего тридцать километров.

Так что тридцать евро, считай, что у тебя в кармане.

-Как же так! Ведь мы проехали сто двадцать.

-Но нам надо было всего тридцать километров проехать. Ведь такси – это не экскурсионный автобус, а водитель не гид.

-Но ты же сам говорил, что кратчайшее расстояние до двух точек является твоя, то есть моя прямая – не унимался водитель.

-Это закон математики действует, когда у человека нет дорожной карты под рукой, но не с ней. Так что извини.

Водитель после моего честного расчета с ним, так надавил на педаль скорости, что я чуть не задохнулся от пыли.

-Хорошо, что щебенкой не успели покрыть эту дорогу - подумал я. А, то сфера услуг меня могла бы просто убить своим алчным камнепадом.

Дети уже давно сидели в фойе, и поглядывали с интересом по сторонам, а я разбирался с администратором, который хотел переселить нас в трехкомнатный номер, когда каждому полагался меньший по размеру, но одноместный, и отдельный.

Но времена когда на этих держи морд можно было жаловаться через все партийные и советские органы прошло, потому что накладка с номерами произошла не по вине принимающей стороны, и даже не отправляющей, а из-за меня, лично. Потому что мне приспичило провести отдых не зимой, как это делают все нормальные люди, а в самый пик сезона. Но такая трактовка мне не оставила другого выхода, как взять мужчину администратора за его слабое место и долго объяснять ему, что он все-таки не прав.

-Только чрез пять дней освободятся ваши номера, никак не раньше – клятвенно заверял меня, уже даже не мужчина, а так, администратор – импотент, который уже взял деньги за наши номера, и выселять людей ему было как-то неудобно.

-Через сколько дней мы въедем в свои номера? – решил я еще раз уточнить правильный ответ.

-Через три дня - скакал возле меня горным козликом администратор-кастрат.

-Так вот, если через три дня я не въеду в три одноместных номера, то входить вам в общественную баню уже не придется, потому что вас туда не пустят, в виду отсутствия некоторых деталей на вашем теле. Yes.

-Jawohl - ответил на немецком мне все тот же администратор.

Я уже получил ключи от трехместного номера, взял сумки в руки, но отложил их, и снова подошел уже сидящему администратору.

-К тому же милейший, потрудитесь пересчитать, сколько вы мне должны за эти три дня. Yes.

-Natürlich – снова получил я ответ на иностранном языке

-Abgemacht - ответил я на чистом немецком языке, ценителю германской литературы.

-Не понял. Что вы сказали?

-А, я думал, что мы уже обо всем договорились.

- Abgemacht – вдруг вспомнил администратор, такое простое и емкое немецкое слово, которое в переводе звучало так просто и лаконично, что стороны обо всем уже договорились и претензий друг к другу не имеют.

-Какой этаж? – спросил я ласково и нежно

-Четвертый.

-Не плохо. Четвертый, так четвертый.

-Но лифт не работает - напутствовал меня администратор.

Все-таки нельзя просить об услугах, за которые уже оплачены, за них надо сражаться, и лучше до победного конца, потому что моя минутная слабость уже привела меня к восхождению на самый пик горы – «Ай Петри». Вот по этому примеру, я и решил назвать свой начавшийся отпуск – «Ай, Валера».

Но мы уже вошли в наш номер, который состоял из двух закрытых комнат и одной проходной. Я не успел опомниться, как мне и досталась, именно та, которая не предполагала уединения от своих родных детей. Но я не сильно горевал по этому поводу, потому что заметил первый росток родственных отношений между братом и сестрой.

Галантный сын решил помочь моей дочери донести ее чемодан до комнаты, а она в свою очередь помогла ему его распаковать и разложить вещи по полкам и вешалкам. Только я остался без внимания, поэтому затолкал свои вещи в шкаф, как придется. Моя комната была самой большой, и единственный балкон, который выходил на море, проходил по ее двадцати пятью квадратным метрам.

Синяя вода, как будто махала мне рукой, подзывая к себе, манила окунуться в ее соленые и теплые толщи. Я махал ей в ответ, ослепленный морскими бликами. Но вскоре дети покинули свои комнаты и присоединились ко мне. Панорамный вид заморозил и их, потому что изумрудные горы спускались к синему морю, на фоне голубого неба, а белые облака, словно корабли, мчались на севера восток, потому что дул юго-западный ветер, который предвещал нам отличную погоду.

-Ну, что разве во Франции или в Алжире есть такая красота, как в Крыму? – спросил я молодых людей.

-Я во Франции еще не была, поэтому и не могу судить – трезво рассуждала Николь.

-А, я в Алжире не был, так что от сравнения воздержусь – вторил ей родной брат.

-Какие слова вы знаете в своем возрасте, «судить», «воздержусь», а я вам скажу по простому, что такую красоту за всю свою жизнь еще ни разу не видел.

-Ну, что поверим нашему патриарху Николь, или воздержимся – впервые за год обратился ко мне сын так великодушно, что я чуть не спрыгнул с балкона.

-Давай попробуем Миша. Может хоть на этот раз, он окажется прав.

-Что значит на этот раз. Да, не будь меня – раскукарекался я, но во время опомнился и добавил – были бы вы сейчас один в Алжире, а другая во Франции.

-А, чтобы делал ты? – спросила меня дочь.

-А я сидел бы как прежде дома и ждал вашего звонка. Но за последние пять месяцев так ни одного и не дождался.

-Просто мы были очень заняты – как всегда искал причину нерешенного уравнения, и блестяще находил ее математический гений.

-А друг с другом, когда вы в последний раз общались? – спросил я.

-Так мы отдыхать приехали, или предаваться печальным воспоминаниям? – урезонила меня дочь.

-Отдыхать, и как говорится теперь, кто старое помянет, тому глаз вон – сказал я.

-Вот это математическое тождество и меня теперь устраивает.

-Так как я все еще патриарх, то могу устанавливать свои законы. Собственно он один, который будет действовать на все эти десять дней. Мой закон – никакого закона.

Анархия теперь родная мать нашего беспорядка.

-Ура – сказала дочь.

-Виват – поддержал брат сестру.

-Но, если я замечу, что вы неправильно поняли мои слова, то навяжу вам такую дисциплину, что мало никому не покажется. Но девиз остается прежним: Один отвечает за всех, а все за одного. Возражений, надеюсь, нет.

-Нет – в один голос ответили дети.

-Ну, теперь сгоняйте вниз, и узнайте, когда здесь кормят, а главное чем.

Молодое поколение тут же исчезло, а я остался один, чтобы считать годы, которые прошли после рождения своих детей, и просто диву даваться, как давно все это было.

Как один день прошли эти лета, да что там день, как мимолетный миг, и мне стало почему-то так грустно, хоть плач. Но мужчина никогда не плачет, он только огорчается, потому что слезы это удел женщин, которые часто плачут без повода, но со смыслом, или под настоящим предлогом, но без души. Но дети мои уже давно растут без меня и уже привыкли к такому состоянию вещей, когда одноразовый отец все реже врывается в их жизнь, потому что он уважает их не гласное решение держать его на дистанции. Николь уже было 15 лет. Она была стройна, как все девушки в это золотое время, которые как всегда торопили его, чтобы однажды выйти из него и под марш Мендельсона в белом подвенечном платье окунуться во взрослую жизнь. Длинные, русые волосы, лежали у нее на плечах, а карие глаза смотрели в будущее широко раскрытыми глазами. Мишке было тринадцать, но он уже давно перерос свою сестру, потому что был кряжист, как я, и широк в плечах. Мужская сила пробуждалась в нем с каждым днем, и его легко можно было спутать с 16 летним парнем. Его большой и красивый лоб мог справиться с любой математической задачкой, но вот в жизни, он был еще телок, который сам не смог бы отличить белого от черного.

Бег молодых и здоровых ног раздался в коридоре, и я понял, что предаваться прежним воспоминаниям не стоит, когда живое настоящее залетает в наш общий номер.

-Обед закончится через десять минут, так что нам следует поторопиться – сказал Мишка.

-Так свистать всех наверх – выдохнул я. Потому что после обеденной поверке предлагаю спуститься в трюм и принять пищу за обе щеки. Николь – сказал я.

-Что?

-Не что, а надо говорить по-матросски - есть.

-Николь – снова повторил я.

-Есть.

-Мишка,

-Есть.

-Ну, все теперь мы можем идти, обедать – провел я переключку личного состава и остался доволен его количеством.

-Папа! – крикнул весь личный запас и я вздрогнул.

-Вы это кому сейчас обратились? – нерешительно спросил я.

-Не по форме отвечаешь – заявила мне дочь. Попробуй еще раз. Папа!

-Есть – ответил я и выгнулся в родительскую струнку. И в следующий раз прошу так не кричать, потому что я еще очень хорошо все слышу, а вижу еще лучше. Но я вижу, как вам еще нелегко обращаться ко мне с первым приветствием, так что изредка можете чередовать его с другим моим старым прозвищем.

-Каким?

-Что забыли уже – пожурил я брата и сестру. Эх, вы! Ну, капитан, например.

-Есть капитан.

-Вольно. Для вас всегда вольно, дети.

В столовой мы были последними, поэтому нам и пришлось довольствоваться не пережевываемыми остатками пищи, но это никого не огорчало, потому что мы порядком проголодались, и совершенно не замечали, такого безобразия. Первое блюдо было съедено

без энтузиазма, второе уже с некоторым оптимизмом, а вот компот вызвал восторг и восхищение. Подумать только, как это возможно сварить из нескольких килограммов сухофруктов, целую цистерну компота. Но как варить компот я знал и без поваров. Вот где они взяли сухофрукты в сезон созревания настоящих плодов, вот это и был вопрос, который волновал меня.

Когда мы дружно попросили добавки в виде компота, то нам, так же дружно и отказали в нем. Все-таки сухофрукты – это настоящий дефицит – подумал я и пошел в кафе напротив покупать для детей газированной воды. Как только я вернулся в номер, все водоплавающие рептилии уже были готовы к морскому крещению и ждали только меня. Я не заставил себя долго ждать и вернулся из ванной через минуту. Мы спустились вниз, и вскоре по раскаленному песку бежали к морю.

Пляж просто кишел людьми, и нам приходилось переступать через загорающих людей, которые просили постоять вот так без движения, против солнца, для необходимой тени в самый зной. Такого циничного предложения ко мне не поступало со дня моего рождения, поэтому я не очень церемонился с отдыхающими, а наступал на них с извинениями, слыша под ногами характерный хруст. Но никто не кричал, потому что после гостинного обеда, я был еще легче, чем до него. Я просто парил над взморьем как чайка, которая выглядывает в море, хоть одного утопленника, чтобы наестся вдоволь.

Но пока я наслаждался всеми оплаченными красотами, Мишка без моего личного разрешения окунул свой большой палец ноги в морскую стихию, и был вынужден за свое ослушание расстилать покрывало. Вскоре я нашел три лежака, которые остались на несколько минут без присмотра, и сразу все принес к покрывалу. Еще через мгновение, как я уже стянул шезлонг, у одной пары, которая так целовалась, что ничего неординарного просто не заметила. Молодая девушка так хотела сделать из мужчины тень, что попросту лежала под ним и еще стонала, что тень в прошлый раз была больше и выносливее.

-Ну, теперь вы можете и окунуться – сказал я детям.

-А, ты?

-А, я пока лежаки постерегу, а тоже уволочут под самым носом. Ну, что за народ пошел, только отвернешься, а с тебя и плавки стащат.

-Ну, папа ты и скажешь – начал учить меня уму разуму сын.

-Вон погляди на ту женщину, сынок она легла на минуту на песок, а с нее бюстгальтер уже сняли. Но в то же время она делает вид, что с ней ничего такого и не произошло. Ну, и характер, надо мне с ней поближе познакомиться.

Тут брат и сестра начали мне улыбаться, и я вспомнил, что еще не отпустил их с отеческим напутствием.

-Так Михаил акул за ноги не трогать, медуз руками не касаться. Ты Николь дельфинов не дразни, и на морских коньков не садись. Все понятно.

-Все.

-Тогда шагом марш в воду и оставаться в пределах моей видимости постоянно. Нырок в воду продолжительнее, чем на пять секунд я считаю как вандализм над отцом, который шестую секунду на суше просто не переживет. Семь футов под килем.

Когда дети оказались в воде, то тут же прибрежная волна окатила меня и всех отдыхающих, которые решили отдохнуть в спасительной пятиметровой зоне от прибоя. Возмущению этих людей не было предела, как будто их мобильные телефоны, кто-то просил брать с собой на пляж. Но я решил не уродовать свое лицо в период отпуска такой отпугивающей маской, а натянуто улыбнулся всем и, разведя руками, говорю: «Ну, пусть по плескаются детки. Они с виду только шумные, а так добрые, как и я».

Эти слова не произвели никакого положительного воздействия на людей, но как только мобильные телефоны высохли на солнце и зазвонили как прежде, то лица их дрогнули и немного смягчились. Период раздумий отдыхающих, а главная их оценка поведения моих

детей, так потрясла меня, что я решил заранее не предупреждать о следующем цунами на море, когда и я все-таки дорвусь до него. Дети уже вышли из воды, я бросил им полотенце и попросил отойти за десятиметровую зону отчуждения, потому что дальше было не надо. Ведь компот из сухофруктов не содержал в себе никакой энергетической ценности. Как только мое тело коснулось воды, то тут же кончилось счастливое время для всех отдыхающих, потому что невесть откуда поднялась волна и вынесла в море десятки мобильных телефонов и наушников к ним. Была еще одна женщина на матрасе, которая так крепко спала на берегу, что она просто не почувствовала перемещения из одной стихии в другую. Но пока возмущение на суше не улеглось, я не мог вернуть несчастную жертву на сушу, поэтому мы мило беседовали с ней возле буйков. Женщина в первую минуту запаниковала, когда увидела мужчину из своего эротического сна, полощущегося рядом, но чтобы остановить панику на воде, мне пришлось несколько спустить давление воздуха в матрасе. Так как она плохо плавала, то мой красноречивый жест привел ее в полное отчаяние, потому что женщина предложила поближе познакомиться и не спускать воздух из матраса без нее.

Ирине было около тридцати. Она была инструктором по плаванию и гребле, и в отличие от меня, женщина находилась не на заслуженном отдыхе, а тяжело работала, качаясь на морских волнах. Я рассказал ей, что отдыхаю вместе с семьей, и тут же, как будто для нее утонул. Она фыркнула как морская кошечка, которая спрыгнула с каменного утеса и погрузилась в своей родной стихии. В моих руках остался только матрас, который мне надлежало сдать в местный спасательный центр, который находился на берегу.

Я забрался на матрас, как на необитаемый остров в океане, взглянул на далекий материк, и увидел своих детей, которые играли в песочек. – Что ж можно и вздремнуть – подумал я и сгорел на солнце как абориген. Но у последнего коренного жителя было преимущество передо мной, его предки всю сознательную жизнь проводили на море, из поколения в поколение, а я как солнечный зайчик под сметанным соусом, стал огненно красным, с фиолетовыми ожогами. На этом, собственно говоря, и кончился мой первый счастливый день, не считая того, что когда я добрался до берега, лежаки уже были украдены, шезлонг со скандалом отдан в руки молодой пары, а все остальное, мне лишь под вечер удалось поднять в наш номер на четвертом этаже.

Когда же, я взглянул на себя в зеркало, а потом на детей, то больше сомнений в нашей кровном родстве ни у кого не было, включая и меня. Эти несчастные отпрыски унаследовали от своего отца все его мозговые прорехи и краснокожие наклонности. Но обессиленные генетическим безволием они не роптали на судьбу как я, потому свято верили, что крем для загара им поможет. Но этот эликсир помогал при применении только до солнечных ванн, но не после. Но я не стал им это говорить, потому что крема для загара у меня не было, а вот для бритья был. Только кому он сейчас был нужен. После нескольких раздумий я решил, предложить детям принять холодный душ и это вызвало шквал положительных эмоций. Но когда я выскочил из ванны, откуда текла только горячая вода, да, что вода, форменный кипяток, то делать было нечего, как ложиться спать, потому что каждый шаг давался нам все тяжелее, а каждый поворот в постели вокруг собственной оси был мучителен, до скрежета зубов.

Ожог второй степени на спине, третий на животе, четвертый на всех боковых частях моего тела, не оставил мне другого выхода как спать сидя на корточках, прислонившись к одному из кресел. Наступало утро, а жара уже стояла такая, что мне захотелось забраться в наш маленький холодильник, и остаться там до конца отпуска.

Но он был таким крошечным, а я таким обгорелым, что нам никогда не суждено войти друг в друга и получить желанное удовлетворение. Он в виде горячего мужчины, а я в форме холодильной камеры. Так как холодильник был старым, и не оснащен современной установкой ноу-фрост, то я отколупывал обожженными руками сосульки из него и хотел уже вонзить их в себя как стеклянные банки во время воспаления легких, но рука моя дрогнула, потому что я вспомнил о детях. Подумать только мне их доверили на десять дней, и даже не доверили, а я обманул всех и вся, и вот случилось, что в первые сутки, мне удалось их того, то есть довести до обгорелой кондиции.

От этих мыслей ожог на моем теле сменил место дислокации и полностью сконцентрировался на отцовском сердце. Оно просто пылало к себе ненавистью, и требовало прекратить анархический способ отдыха с детьми, потому что ты их совершенно не знаешь, а они тебя уже скоро начнут бояться. Но я хотел все поправить и разделил все сосульки поровну, но для дочери все-таки на одну больше, потому что у нее кожа, как у всех девушек более нежная, и с компрессом в руках постучал в комнату Николь.

-Кто там? – спросила она.

-Это служба спасения.

-Проходи папа – услышал я измученный голос дочери, которой едва ли удалось хорошо выспаться.

-Как жизнь? – решил я не показывать своего настоящего настроения, которое было близко к отчаянью. Я улыбнулся, подтянулся, развел руками в стороны, как после отлично проведенной ночи. На эти театральные действия мое тело отреагировало незамедлительно, и я понял, как тяжело делать пластическую операцию, и особенно подтяжку спины на позвоночнике.

-Я сейчас встану.

-Зачем? Ты лежи, а я тебе холодный компресс принес. Приложи к ожогу, пока я не вернусь из аптеки. Продержись еще максимум полчаса, и все будет в порядке.

Я закрыл дверь Николь и без стука открыл уже другую, за которой должен был спать сын. Так как мы были с ним одного пола ягода, то у него тайн от меня не должно было и быть. Так думал я, но ошибочно, потому что меня попросили сначала постучаться в дверь, а только затем войти. У всех моих детей были двери, только у меня нет, потому что проходная комната служила перевалочным пунктом для ночных хождений в туалет и прочее и тому подобное.

-Ну, как ты Майкл? Ты так хотел увидеть Африку, но доктор Айболит нашел тебя и в Крыму.

-Все okay. Тело мое еще горит, но уже не так.

-Тогда прими вот это первое лекарство в виде компресса, а я мигом в аптеку, туда и обратно.

Как только я покинул и второго больного, мне захотелось снова, как в квартире у Аллы выпрыгнуть с балкона. Но все тот же этаж, и такая же в точности лужайка, так разозлили меня, что я взял первый попавшийся телефон, который заговорил со мной на беду, зная, что в этот момент я готов сказать ему все, что у меня на душе.

-Алло – крикнул я в трубку.

-Привет. Ну, как твоё море?

-Кто это? – спросил я, потому что почти ничего не слышал, кроме звона в своих ушах, что ты Валера – детоубийца.

-Ну, вот говорил, что меня не забудешь, а теперь крутишь роман с очередной сиреной.

-Алла? Так это ты. Вот хорошо, что ты позвонила, потому что мне сейчас просто необходима твоя помощь.

-А, что вчера она была уже не нужна, и завтра уже не понадобится!

-Я не успел, тебе вчера позвонить, извини. Мы так обгорели на солнце. Теперь мои дети лежат, а я не знаю, чем их лечить.

-Ну, ты лучше позвони их матерям, и они тебя лучше, чем я проинструктируют.

-Ты что издеваешься. Они через пару часов будут здесь, а я по линии Интерпола буду интернирован на Родину в кандалах.

-В любой аптеке ты сможешь найти спрэй и крема от загара и против загара. Достаточно намазать тело даже кефиром и сметаной, как постепенно все пройдет.

-Точно у них все пройдет.

-Должно пройти. Ведь они твои дети.

-Как репетиции? – спросил я, когда колокольный звон от сладкоголосых слов Аллы начал у меня в голове постепенно проходить.

-Дирижер как прежде недоволен оркестром и хвалит меня.

-Ну, первой скрипки и положено волновать дирижерскую палочку, не так ли?

-Если у детей, по твоим словам ожог от солнца, то у тебя помутнение в голове от солнечного удара! Какая еще дирижерская палочка?

-Я же ревную, неужели ты не понимаешь! Сначала Игорь, затем дирижер. Это просто невыносимо.

-Мне нравится, когда ты возмущаешься. Тогда в тебе есть что-то от Листа. Твое волнительное сумасшедшие на фоне раздраженного голоса.

-Вот если бы ты попала в мои руки сейчас, то тебе пришлось бы многие слова взять обратно. Да, у тебя и не было бы времени их говорить, потому что я тебя...

-Валера, опомнись, потому что нас могут услышать.

-Ну, и пусть слушают. Потому что я тебя люблю.

-А, я этого не чувствую.

-Наверное, потому, что я действительно о тебе за весь день, так не разу и не подумал.

-Я вообще-то думала, что ты дурак, но не до такой же степени. Ты мне признаешься в том, что не думал обо мне ни одной минуты. Ну, и как тебя после всех твоих слов не убить!

-Зато сегодня после того, как я окажу медицинскую помощь своим детям, то будь готова к головокружительным пируетам, которые произойдут с тобой. Я стану ветром, который заглянет сначала в твои глаза, затем его взгляд упадет на твою сочную грудь, только потом он обшарит тебя, как ночной грабитель сексуальную жертву. Он прислонит тебя к стенке, и рассмотрит каждую клеточку твоего тела. И затем заставит твои руки поставить на стену, чтобы...

-Папа – услышал я за спиной голос своих умирающих детей, и чуть не умер сам. Общий здоровый вид потомков был таким явным, что я растерялся, и попросил абонента, который висел на трубке и желал знать, что сделает он со своей очередной очаровательной жертвой. Я попросил подождать хоть несколько минут, пока автор придумает новую увлекательную серию для нового эротичного фильма.

-Вы что уже выздоровели? – спросил я

-Да – снова хором ответили мне дети.

-Да, я вообще не болел, а после компресса, так сразу ожил – заявил мне Мишка.

-А, у меня просто недельное недомогание, как у всех - вошла не только с головой, но всеми частями тела во взрослую жизнь родная дочь.

-А, ты не могла бы договориться и перенести свое недомогание на десять дней вперед? – спросил я.

-Ну, папа, как ты можешь так говорить! Ведь это невозможно.

-Вот как раз по этому вопросу, я и консультируюсь с медицинским светилом в области солнечных ожогов и гинекологического цикла. Пока я договорю с доктором на балконе, то волосы должны быть причесаны, лица умыты, зубы почищены, кубрики прибраны. Понятно?

-Да.

-Тогда выполнять. Да, и краситься во время отпуска совсем необязательно, потому что искусственная краска разъедает натуральную, которая так тебе идет к лицу.

-Я подумаю над твоим предложением - сказала Николь и первая заняла ванную комнату.

-Мишка мои бритвенные принадлежности не трогать, потому что брить тебе еще нечего. Но как бриться я покажу тебе. Andestend

-Yes. Captain

Я все еще не приложил телефонную трубку к своему уху, а мне было уже так хорошо. Ведь дети мои выздоровели, а некоторые окончательно поправятся только через неделю, но главное процесс пошел в правильном направлении.

-Алло, Алла, ты еще здесь или уже там? – спросил я тишину.

-Я еще здесь капитан.

-А, так ты все подслушивала, тогда мой вопрос не застигнет тебя врасплох. Как ты думаешь, остановить недельное недомогание чем-то можно или нет?

-Ну, и вопрос ты мне задаешь Валера. Остановить, как ты говоришь недельное недомогание практически нельзя. Но есть одно средство, и даже два.

-Так говори помедленней, членораздельно, чтобы я по буквам его мог записать.

Я уже взял карандаш в правую руку, и на нотах решил черкнуть это средство.

-Месячные, которые уже пошли...

-Прости, куда они пошли. Я не понял.

-И никогда не поймешь, потому что ты мужчина.

-Так что за средства, которое ты так мне и не открываешь?

-Это... – тихо сначала сказала, а затем вдруг закричала в телефонную трубку Алла про свои женские секреты, которые по телевизору рекламируют, чуть ли не каждый день.

-Так это «Тампэкс», а я думал крылышки от «Олби», на которых проще улететь и дешевле, но, к сожалению, эта авиакомпания принимает на свой борт только женщин, и ни одного мужчины.

-Тебе что подарить одну упаковку? – заинтересовалась Алла сбытом женским аксессуаров среди мужского населения.

-Нет, не надо. Это совершенно лишнее. Тем более что билеты на обратный рейс у нас уже есть. Мы летим своей компанией, потому что ей доверяем. Ну, коль у нас сегодня день открытых дверей, то хотелось задать еще один уточняющий вопрос. Это недельное недомогание, действительно так тяжело переносится организмом, или это все женские уловки, для получения от мужчин денежных предпочтений.

-Никаких денег на свете не хватит, чтобы хоть как-то облегчить его. Так что о никакой материальной заинтересованности в этом деле со стороны женщины быть не может.

-Ты хочешь сказать, что эти текущие дела не могут быть, оплачены, вследствие их не подконтрольной протеканности.

-Я уже запуталась с тобой, потому что не думала, что с мужчиной буду обсуждать эту тему.

-Ну, так я не понял, это больно или не больно? – решил познать я женскую суть с главного вопроса для мужчины, когда он первый раз, оказывается, так близко от тайны.

-Терпимо – ответила Алла.

-Значит больно – подытожил я. Может фрукты?

-Железо и гемоглобин помогут твоей дочке.

-Ну, если гемоглобин я ее найду, то с поиском железа могут возникнуть дополнительные трудности.

-Все я уже не могу говорить, потому что начинается репетиция. Пока.

-Пока – крикнул я в трубку.

Мишка и Николь даже не посмотрели в мою сторону, когда я с балкона вошел в комнату, потому что разговаривали между собой, ну, прямо как родные. В этот момент они были так похожи, что можно было подумать, что я был женат на двух родных сестрах. Но так как этого не происходило в моей жизни, то мне пришлось признать, что этот красивый брат и его очаровательная сестра были похожи на меня. Но в связи с тем, что я очень застенчив и не привык употреблять в свой адрес такие женские прилагательные как красивый, и очаровательный, то прошу считать меня просто отцом этих ангельских созданий.

Как два рукава одной реки, они вошли в прежнее русло, вновь узнавая друг друга, из прошлых воспоминаний. Они пока больше слушали, чем говорили, смотрели, но не притрагивались, они едва дышали, выдыхая себя для своего собеседника. Вот еще немного, и они улыбнутся, и даже засмеются в унисон, как будто прощая себе, все эти годы забвения и я уже ждал первого рукопожатия, которое вернет их друг другу, но... Как по команде одновременно зазвонили два мобильных телефона, которые отбросили еще минуту назад так мило беседующих людей в красный и черный угол профессионального боксерского ринга. Я даже ничего не сумел понять, настолько быстро все произошло, что я смотрел на все это со стороны и удивлялся, в чем виноваты дети, когда мы их словно пешки двигаем по своему желанию. Мне никогда не приходила в голову мысль, создавать из детей свою копию, потому что свято верил, и верю, что шедевр всегда дороже любого повторения. Воспроизведения себя, из родной, детской, но обособленной души, в послушный инструмент ради собственного бахвальства, вот в этом я не хотел участвовать сам, но когда-то позволил это сделать другим. Но, если добраться до других мне было затруднительно, то дети остро нуждались в релаксационном периоде. Вот как раз и общий завтрак, должен вернуть нас в состояние гармонии и покоя.

Но меню в этой общественной столовой, которая по цене приближалась к ресторанной пище, меня просто поверг в ужас. Манная каша, с квадратным в середине кусочком масла, алюминиевая ложка, и целая тарелка нарезанного хлеба, уже ждали нас по отдельности, чтобы мы сообща отказались от такой утренней трапезы. Чай из стеклянных стаканов, был сладким как никогда, и это было сделано специально щедро, чтобы хоть как-то скрасить летнее времяпрепровождение отдыхающих. Заведующий этой столовой, наверное, был неплохим психологом, поэтому и подавал чай сразу же после основного приема пищи. Ну, какой смысл, кормить человека сначала вкусной едой, а затем отравить его. Уж лучше наоборот, сначала манная каша с колбасками в размер хорошего яблока, а только затем сладкий, и чего уж там говорить, вкусный чай. Вот этот чай и придал мне силы, чтобы пройти к самому главному зачинщику этого диетического питания, чтобы разобраться с ним на месте, а именно посмотреть ему в глаза и с мольбой в голосе спросить: «А, компот сегодня из сухофруктов будет или нет?».

- Ну, конечно, же, будет – ответит он мне. Третье блюдо нам удастся лучше других, потому что мы всю душу вкладываем в процесс кипячения воды и выпаривания из нее всех органических соединений.

-А, что вы делаете с неорганическими соединениями? – попытаюсь я все-таки узнать еще одну тайну, а вернее всю кухню приготовления третьих блюд.

-Отдаем на корм... отдыхающим – не подумав, ляпнет заведующий, и я прощу его, только за правду, за чистосердечное признание, которое хоть и смягчит вину, но не спасет меня от уголовного суда, а этого кока от суда Линче.

После завтрака мы зашли в частное кафе и наелись от души. Давно мы так вкусно не ели, и я решил лично поблагодарить человека, который любит, и умеет кормить детей.

Но директором этого кафе являлся все тот же заведующий нашей столовой в гостинице. Вот так сюрприз. Значит, разные юридические лица кормили нас одновременно и брали

деньги за свой труд дважды при наступлении одной сытости. Это был гениальный ход, который не пришел в голову ни одному прославленному комбинатору, потому что был прост по содержанию, и циничен по форме. Тут же в этом кафе продавались крема от загара, которые столовая не могла предложить в своем не вкусном меню.

Уже сидя в номере, когда один флакон этого крема был израсходован на детей, и уже вторым я слегка промаслил свое тело, хорошее настроение вернулось ко мне. Мы уже купались в море, которое, кажется, одно не требовало денег за свои процедуры, потому что принадлежала еще человечеству и не подлежала передачи в частные руки предпринимателей. Голубые волны перекачивались через нас, пытаясь нас накормить свежими морепродуктами и напоить соленой, содержащей так много йода водой.

Каменистое зеленое дно, скрывала истинную глубину подводного мира, немного пугая своими тайнами. Все время какие-то тени проплывали под ногами, заставляя вздрагивать нас и все время оглядываться назад, в сторону спасительной суши. Но мы держались все время вместе, подтрунивая друг над другом, но, чувствуя родное плечо, которое всегда спасет тебя, потому что твоя жизнь для него в сто раз ценней.

Мы пробыли, около часа в тесном семейном кругу в синей дали, пока уже губы не почернели от холода, а руки просто устали взбивать морской коктейль.

Как стая морских моржей мы вышли из моря и повалились в горячий песок, чтобы унять свой легочный холод и дать отдохнуть своим конечностям, которые напоминали больше лапы, чем просто руки и ноги. Дети устроились на двух лежаках, которые нам уступили люди, которые так нежно друг к другу относились, что трудно было понять, кто их них женщина, а кто мужчина. Но, судя по плавкам и накаченным телам женщинам до них было очень далеко, чтобы обладать тонкой талией при таких пышных размерах мускулистой грудной клетки. Они так стремительно удалялись в сторону гостиницы, как будто в столовой им уже приготовили отдельный обед, который им принесут прямо в номер. Они так обнимали друг друга, что я вспомнил о своей первой скрипке, которая пикирует теперь на репетиции, а мне выпала честь лежать на солнечном берегу, и наблюдать за этой парой и завидовать им.

Дети как прежде предавались сну на лежаках, а я скатывался с надувного матраса, который мне так любезно предоставила служба спасения. Отдавать резиновый плот я совсем не торопился, потому что он еще не выполнил своего предназначения предо мной, а именно еще не спас. Надо было дать мне шанс, чтобы отличиться и получить за это как награду - тело утонувшего, но вовремя спасенного. Все так и было бы, но мой план сразу пошел наперекосяк, потому что кто толкнул меня с матраса и сам лег на него.

-Эй, приятель полегче! – сказал я, все еще не видя перед собой человека, который так легко мог бы со мной справиться. Я был хоть и музыкантом, но все-таки ударным.

Только после того, как мои веки открылись, я увидел собственника матраса, который использовал резиновое имущество, как хотел, то есть владел по собственному разумению и вялому телу времяпрепровождению.

-Ах, это вы Ирина – решил я снять с себя всякие подозрения в мелкой краже имущества, потому что считал, что на море надо уводить не матрасы, а белые яхты, с их владельцами, потому что так дороже, а, следовательно, выгоднее. Мало того, что яхту впоследствии можно загнать, так еще и за круиз с собственника корабля должно денежки получить, как за приятное морское путешествие.

-Ты, почему вчера матрас не вернул? – лежа на воздушном батуте, допрашивала меня женщина, когда я лежал все еще в песке, выплевывая его понемногу в сторону.

-Когда вы вчера Ирина передали мне матрас, то вскоре налетел шторм, и вынес меня в море. Я только час назад как вернулся из своего заключения. Вы меня просто спасли, потому что мне и подумать страшно, чтобы такое могло произойти со мной. Только две мысли помогли мне справиться со стихией: Что будет с моими детьми? и Что будет с матрасом, если я не доплыву до родного берега?

-А, что было бы с твоей женой Валера, ты не подумал?

-Такая мысль, почему-то не пришла в мою голову. Может потому, что и жены у меня нет.

-Ну, тогда все просто. Матрас бы выловили, а тело достали с морского дна.

-Да, все действительно просто, а главное как рационально, как не удивительно.

-Какие планы у тебя на вечер? - спросила меня Ирина через солнечные очки, и я почувствовал себя ручным львенком в глазах этой водоплавающей черепахи.

-Ну, до вечера еще так далеко, так что я могу еще трижды утонуть.

-Наша спасательная служба работает круглосуточно, так что утонуть у тебя нет никакой возможности.

-Вот за это спасибо тебе от меня и за своих детей. Но вы больше присматривайте за детьми, потому что я могу чисто теоретически утонуть, а вот они просто не должны, не имеют право.

-Ты в нашей гостинице поселился? – спросила меня женщина – спасатель.

-Нет, наверное, потому что мы проживаем в гостинице «Солнечная».

-Значит в нашей.

-Так может мы и соседи, не дай бог?

-Я живу с подругой на третьем этаже.

-А, мы на четвертом. Ну, бывают же такие случайные совпадения. А, ты давно здесь работаешь? – спросил я Ирину.

-Уже второй год. С мая по сентябрь.

-Я могу представить, как тебе надоело море, потому что сегодня второй день как мы приехали, а меня уже тянет домой.

- Вот тут с тобой я не могу согласиться, потому что море всегда разное. Мне кажется, что я к нему никогда не привыкну. Ты когда-нибудь, видел ночное море.

-Ну, вчера с балкона.

-С балкона ты ничего не увидишь. Если хочешь, я приглашаю тебя сегодня посетить ночное море.

-А, почему бы нет? Только если комаров будет больше, чем инопланетян на нашей планете, то я себя не отвечаю. Я устрою им космическую войну, которая может повлечь человеческие жертвы.

-Ты из столицы?

-Вообще-то да. Но разве это так принципиально.

-Не очень. Но твое обхождение с женщиной впечатляет.

-Это потому что я не вовремя отдал тебе матрас.

-Нет. Потому что ты обращаешься ко мне то на вы, то на ты.

-Я просто благоговею перед женщиной, которая в купальнике исполняет свой долг перед всеми отдыхающими. Это настоящий подвиг, и вечные мучения для мужской части отдыхающих.

-А проще ты умеешь выражаться? – задел меня за живое бестактный вопрос Ирины.

-Да, куда уж проще. Я всегда так говорю.

-Что всегда так непонятно.

-Может, я на солнце перегрелся, потому и выражаюсь сейчас неадекватно.

-Вот опять ты что-то сморозил, что-то не постижимое для меня.

-Ирина расскажи, чем занимаются отдыхающие, когда не принимают морские ванны.

-Кто чем. Тут у нас дискотека, бильярд, бар, туристические прогулки, конная езда и многое другое. Но в большинстве своем люди сидят по своим номерам, и набираются сил для завтрашнего дня.

-А, я думал, что тут конец света, а тут можно еще разгуляться.

-Было бы желание, а разгуляться можно везде. Мой номер 315.

-Спасибо за информацию.

Ирина еще полежала со мной рядышком, но потом встала и ушла.

-А, как же матрас? – крикнул я ей вслед.

-Я дарю его тебе и детям - ответила русалка, и побежала по песку, чтобы в случае опасности ринуться в воду, и спасти еще одного отдыхающего, которым пожелал в минуту своей неумолимой гордыни стать морским царем.

Вскоре настало обеденное время, и мы втроем отправились в поисках пропитания и тихого часа. Лишь в пол шестого вечера мы снова вышли на пляж. Но я уже не купался, а с восхищением смотрел на брата с сестрой, которые играли на воде в салки. Пока мое пристальное внимание не привлекли два морских конька, которые подозрительно близко плавали вблизи Николь, желая своим непревзойденным купанием произвести впечатление на мою дочь. Но они то уплывали, чуть в сторону, чтобы я на время расслабился, то снова дрейфовали рядом, расшатывая мои нервы. Как только они заговорили с Николь, то, я как по мегафону заорал на весь пляж.

-Эй, молодые люди, вам, что моря мало. Освободите мой горизонт от вашего присутствия – попросил я их, на мой взгляд, очень даже вежливо.

Но меня никто не слышал, кроме противоположного берега, который был уже частью Турции. Даже турки беспокоились за меня и просили так больше не нервничать, потому что начинался вечерний намаз, и несколько муэдзинов, уже упали со своих минаретов.

-Ну, сейчас я этим белым лебедям все объясню – негодовал я.

Я уже вошел в воду как одноименная богиня с картины «Похищение Европы», которую уносил на своих рогах племенной бык. Вот с этими бычками мне и надо было разобраться. Я подплыл к этому морскому вече, и устроил форменный разгон.

-Мы только хотели познакомиться с Николь – отчитывались они передо мной.

-Прежде чем познакомиться с ней, вы должны были спросить моего разрешения, и только после этого спросить имя моей дочери.

Николь смотрела на меня широко раскрытыми глазами, как будто впервые видела.

Ей, наверное, понравился мой непередаваемый гнев, потому что она застыла как горная лава после извержения в морской воде.

-А, могли бы мы сейчас это сделать? – сказал один из них.

-Тогда представьтесь на форме. Кто такие? Откуда приплыли и с какой целью знакомитесь с Николь?

-Меня зовут Саша Карамазов 16 лет. Гимназист.

-Я Стас Ляневский 18 лет. Студент первого курса юридической академии.

-Этими данными я пока доволен. Так с какой целью вы знакомитесь с доченькой моей родной?

-Чтобы познакомиться с Николь и подружиться – сказал молодой гимназист.

-А, ты с какой целью все это делаешь юрист?

-Я так же, чтобы познакомиться с Николь и подружиться с вами.

-Вот это вразумительный ответ – похвалил я Стаса. Сразу видно, что своих родителей ты считаешь, а меня боишься. Но я парни вам ничем помочь не могу, потому что с кем дружить решает только Николь. Так кого мы все-таки выберем дочь? – спросил я после внимательного разглядывания каждого из претендентов.

-Обоих – ответила лично для меня Николь, и я чуть не утонул.

-Так Стас и Саша для вас по-видимому наступает испытательный срок, потому что мы еще не выбрали, кому отдать свое предпочтение.

Тут я поймал на себе тяжелый взгляд дочери и с криком: «Батюшки опять лежаки воруют» - поплыл обратно на свой материковый матрас.

Всю дорогу с пляжа до гостиницы со мной никто не разговаривал, как будто я самый настоящий враг молодого племени. Даже в номере гостиницы меня никто не простил, и за ужином никто не пожелал мне приятного аппетита.

- Но, что я такое спросил – думал я про себя. Ну, имена и фамилии этих парней, но не аттестат же зрелости. Да, и сам я при этом допросе был вежлив и обходителен. Даже

чересчур. К тому же на мне лежит такая ответственность, которая давит на меня и сможет запросто свести в морскую могилу. Мне так было обидно, что меня не принимали в свой круг мои же дети, что я решил принять приглашение Ирины и прогуляться по ночному берегу моря.

Я постучал в 315 номер на третьем этаже и дождался вежливого приглашения, чтобы войти внутрь. Раздетые, полуголые женщины забегали перед моим бесстыжим взором, что я даже запутался, кто из них Ирина, а кто Надя. Но вскоре все встало на свои места, и владелица моего матраса выплыла из ванной комнаты. На ней был платье-халат персикового цвета, который отлично облегал ее фигуру. Это женский гардероб мне уже был известен, потому что я теперь мог легко определить разницу между просто платьем, просто халатом, и, наконец, платье – халат. Каштановые волосы Ирины были убраны под заколку наверх, открывая ее красивую лебединую шею.

На тонких губах лежал толстый слой красной помады. Только сейчас я рассмотрел ее синие глаза, которые были подведены тушью, а на веках лежали голубые тени.

-Может я не во время? – сказал я фразу всех бедных родственников, которые всегда надеются, что их уже давно ждут, а хозяева не показывают своих счастливых лиц, только потому, что просто устали ждать дорогих и, к сожалению, не богатых родственников.

-Ты Валера немного опоздал к вечернему закату – заявила мне Ира.

-Ничего, значит, полюбуемся на вечерние звезды, которые шепчутся друг с другом. Как луна купается в воде. Как ветер надувает паруса ночного неба.

-А он и вправду такой, как ты говорила – вынесла свой вердикт мне Надя.

-А, вообще девчонки расскажите, какой вам надо мужчина, чтобы хоть немного соответствовать этому эталону?

-Разный – ответила мне Ирэн.

-Жаль - признался я. Потому что я всегда одинаковый.

-Это мы еще проверим – успокоила меня, моя морская спасительница.

-И проверять нечего, ведь я себя хорошо знаю.

Целых два часа мы бродили по пляжу, окуная ступни наших ног в горячее море, непрерывно разговаривая, жестикулируя, споря о настоящем предназначении женщины, и о спутнике ее жизни, который часто уваливал от своих прямых обязанностей. Мы считали звезды на небе, потом их отражение на голубой глади недвижимого моря, потом бросали в него камни, чтобы разбудить эту спящую стихию.

Все было так хорошо и романтично, но бесцельное блуждание вызывала ропот и негодование у парочек, которые лежали на песке, и уже в горизонтальном положении считали наши звезды своими, и даже те, на которые предвещали наше счастье.

Ирина выбрала самую светлую, кажется полярную, а я самую малую, чье название было известно только астрономам. Но я назвал эту планету по-другому, потому что на ней всегда должна звучать моя музыка, и играть ее должна только первая скрипка.

Я совсем не помнил, когда лег спать, но еще, кажется, было темно, когда я исписал целую нотную тетрадь, в которой все больше зачеркивал и вписывал какие-то отрывки, которые спонтанно приходили мне в голову. Наверное, мне удалось начать вступительную часть музыкального произведения, и отдаленно только услышать его окончание. Но середины не было. Я не знал самого главного, содержания, которое и должно было поведать для людей мою музыку. Снова какая-то сила сдерживала меня. Она как будто держала меня на поводке, то, далеко отпуская его, то тянула обратно к себе, к своим ногам. В какой-то миг мне показалось, что я уже нашел ключ к своей разгадке, и даже поводок не смог сдержать моих мыслей. Но тут же свет потух, и я не мог удержаться за это мгновение, проваливаясь все глубже в бездну своего бессилия.

Ах, если бы это мгновение повторилось, то, я запомнил бы все от начала и до конца, потому что это было мое, о чем, я не переставая, думал, но не находил.

Я еле-еле дошел до кровати и даже не раздеваясь, уснул, как засыпают каторжники, которых завтра снова ждет работа, и которой не будет конца, потому что срок их заключения определен в целую жизнь.

Я стал уже привыкать к техническому прогрессу, потому что без мобильного телефона Юрия Владимировича, просто не смог бы так рано пробудиться. Я думал, что это в очередной раз сыграл будильник, поэтому даже не шелохнулся, когда он первый раз меня разбудил. Но когда его позывные раздались снова, то я подскочил к нему и нежно сказал: „Доброе утро, Алла».

-Такое ли оно доброе как ты говоришь – услышал я первые нотки женского раздражения.

-Оно всегда должно быть добрым, даже если, что-то с утра пошло не так. Когда прекрасная Венера сердится, значит, она не права.

-А, как Юпитер провел ночную прогулку по берегу моря, он не расскажет?

-Ты что телепат. Откуда тебе известно, что я вчера гулял?

-Я тебе даже больше скажу, что гулял ты не один, а с сиреной.

У меня было такое чувство, как будто за мной наблюдали со спутника шпиона, но то, что в этот объектив я попал случайно, как-то не верилось в виду малого видения масштаба моей фигуры с околоземной орбиты. Но может за мной начали охотиться инопланетяне, чтобы вскрыть кору моего головного мозга и выкрасть мою музыку. От внеземных цивилизаций можно всего ожидать. Вот только вчера я на несколько минут вторгся на их территорию, как они нанесли мне сокрушительный, а главное неожиданный удар.

-Что же ты молчишь Валера, или тебе уже есть что скрывать?

-Я просто нахожусь в прострации, потому что не знаю, как реагировать на твои слова.

Да, я гулял вчера с Ириной вместе до двенадцати часов ночи, но о чем это говорит, кроме того, что мы хорошо провели время.

-Так вы еще и время хорошо провели. Поздравляю.

-Спасибо – ответил я. Мне что-то не понятно, ты, что ревнуешь меня к морю или к ночным звездам?

-Я ревную? Ха-ха-ха.

-А, я вчера твоим именем назвал одну из них, а ты говоришь: «Ха-ха-ха.

-При солнечном свете звезд не видно.

-Ну, и пусть не видно, главное, что они существуют, и некоторые из них древнее солнца.

-Это ты на свой возраст намекаешь?

-Звезды моего возраста давно сгорели во вселенной, не оставив после себя даже мельчайшей пыли. Даже свет, который шел от них миллионы лет - померк.

-А, Ирине, ты тоже подарил звезду?

-Так пока ты мне укажешь твой источник информации, я не буду больше говорить на эту тему.

-Я вчера звонила тебе и мило поговорила с твоей дочерью.

-Ах, вот откуда эти красивые ноги растут. Ну, слава богу, что так.

-Что так? – переспросила Алла.

-Я понял, что у тебя с дочерью одновременно началось недельное недомогание, и вы решили еще и мою кровь выпустить за компанию.

-А, ты знаешь, у тебя бойкая дочь. Она столько вопросов мне задала, что я поначалу даже растерялась.

-Какие, например?

-Ну, как меня зовут, и с какой целью я звоню ночью ее отцу?

-Ну, и дочь. Она же полностью повторила мои вопросы ее ухажерам.

Я тут же все без утайки рассказал Алле, а именно про вчерашнее знакомство ее кавалеров со мной, и был награжден со стороны женщины несколькими не очень приятными фразеологическими оборотами.

-Кто же так обращается с взрослой дочерью. Ты не только одноразовый, но еще и дикий отец.

-Теперь и ты ополчилась против меня. Мне мало того, что дети устроили мне бойкот, так еще и первая скрипка недовольно мной. Вы это, прекратите трепать мои музыкальные нервы, потому что они не железные, а самые что ни на есть медные.

-Ты скучаешь по мне?

-Еще как, я даже похудел, и мои дети тоже.

-Может, хватит мне рассказывать о твоих детях уже. Я очень рада, что у тебя их двое, но мне хотелось бы поговорить и о нас.

-А, я и говорю о нас, о ком же еще. Не о генетическом отце моих детей, а о тебе и мне.

-Опять дети – услышал я в трубку. Ты можешь отвлечься от своих отцовских обязанностей хоть на минуту.

-Какие же это обязанности, это мои права, которые я исполняю с удовольствием, но к сожалению, не так часто.

-Ты хоть помнишь, на чем закончился наш вчерашний телефонный разговор?

-Ты сказала, что боль в это время терпима, кажется.

-Нет. Ты меня обыскивал, и потребовал, чтобы я руки положила на стену.

-На какую еще стенку? – удивленно переспросил я. Я вчера только в двенадцать пришел в номер, и не мог с тобой разговаривать.

-Ну, ты еще как гангстер осматривал сексуальную жертву! Вспомнил?

-А до меня только сейчас дошло, что ты имеешь в виду.

-До него, видишь ли, теперь дошло, а мне так интересно, что там произошло дальше. Я уже приступил к своему рассказу, где дрожащие руки грабителя начали раздевать жертву, как услышал за спиной: «Доброе утро папа».

-Доброе утро, дети – ответил я и нажал на красную кнопку на телефоне. Надеюсь, вы хорошо выпались?

-Замечательно.

-Ну, если экономическая блокада с меня снята, то предлагаю сразу спуститься к завтраку.

-А разве мыться нам не надо? – спросил сын.

-Не надо. На море все вымоемся. Так что нечего время терять попусту, и айда в столовую. Но наша дружная компания разделилась, потому что мы с сыном пошли в столовую, а дочь в ванную. Я положил Мишке свою правую руку на его плечо, а он свою левую руку на мое, и мы стали изображать пьяных матросов, которые то ли от морской качки, то ли от рома, бросало по сторонам, и мы разбивались о стены, как волны о каменной утес. Мы долго дурачились с ним, пока в столовой не увидели Николь, которая дулась как мышь на овсяную крупу.

-Где вы так долго пропадали? – налетела она на нас.

-Нас с папой немного штормило - признался брат сестре.

-Это как?

-Это такая морская болезнь, которая преследует настоящих моряков, даже на суше.

-А, интересно кто будет, есть такой завтрак? – посмотрел я на овсяную кашу, а она на меня. Я оглянулся по сторонам, и увидел, как люди ее даже не жевали, а проглатывали и горько при этом плакали. Вы посидите, но к каше не притрагивайтесь, потому что мне надо увидеть одного человека, и переговорить с ним.

-Кого? – забеспокоился сын.

-Одного моего старого знакомого. Он давно хотел со мной поздороваться, да, все никак не решится, как я погляжу.

Я встал со стула и прошел во внутренние покои столовой, куда вход посторонним, как известно, запрещен. Несколько поваров хотели оказать мне сопротивление, не зная, что сладкий вчерашний чай во мне еще остался и звал на исполнение своего гражданского подвига. Заведующий столовой сидел за своей работой и на калькуляторе считал, сколько ему будет стоить сегодняшний завтрак. Мне кажется, он был удручен, что так много сливочного масла, было растрачено впустую, ведь овсяную кашу так никто и не ел.

-Скажите, еще долго будет продолжаться это безобразие? – спросил я с улыбкой душевнобольного, которого кормят против его воли.

-Все безобразия на море прекращаются с закрытием пляжного сезона – услышал я развязанную речь от хорошо сбитого мужчины старше меня на десять двенадцать лет.

-Поэтому во время сезона многие теряют элементарную совесть – сделал я такой простой, можно сказать, элементарный вывод.

-А, что вы собственно хотите?

-Вообще-то я хочу, есть, но не могу этого сделать, потому что это есть просто нельзя.

-Наше меню давно утверждено и жалоб еще не было.

-Я видел ваше меню и не нашел в нем даже намек на свежие фрукты.

-А, компот из чего, по-вашему, делают из мяса что ли?

-Когда варят мясо, то получается бульон, а когда кипятят одни те же сухофрукты несколько раз, то у меня появляется изжога, а это очень плохой признак моего настроения, который тут же сказывается и на моем поведении.

-А, вы кто по специальности? – спросил, меня, заведующий.

-Я музыкант.

-Так вот не учите профессиональных поваров, как, чем, и когда кормить голодное отдыхающее население – сказал заведующий и встал со своего кожаного кресла и пошел на меня как крымский тур на красную тряпку.

-Так вы собираетесь нас по-человечески кормить или нет? – задал я свой последний вопрос.

-Как кормили раньше, так и будем кормить до конца сезона.

-Хорошо – согласился я, и взял заведующего, как раннее администратора гостиницы за сладкое и мягкое место. Но этот мужчина, оказался тоже не робкого десятка, потому что вся отчетная документация у него было в порядке, а жалобная книга пестрела благодарными откликами. Это был крепкий орешек, который решил проверить и меня на прочность.

Несколько минут от боли мы не видели друг друга, но когда первый порог мужских страданий был пройден, то наступила время арм реслинга, а именно перекачивания своих орешков чужой рукой. Через минуту заведующий столовой уже плакал от боли, а я ронял слезы, но уже от смеха, который мне пришлось скрывать за театральной маской. Все дело в том, что я был одет в брюки, с рубашкой на выпуск. В моем правом кармане находилась связка ключей от номера и брелок в виде мягкой игрушки, которую и принял заведующий за мое мужское хозяйство. Он так давил на него, что его мысли я читал как телетайпные сообщения, которые заканчивались заголовком одной сенсации, а именно, как физически возможно терпеть такую боль, и еще отстаивать права потребителей. Наше состязание еще

продолжалось, но заведующий дрогнул, потому что понял, что мой фундамент хоть и мягкий, но более закаленный к нежному рукоприкладству, чем его.

-Мне кажется, что вы меня не правильно поняли – сказал заведующий, и отпустил мою мягкую игрушку.

-Неужели – еще сильнее моя правая рука сжала сгусток мужской энергии.

-Так как жалоб не поступало, то я думал, что все довольны. Но сейчас все изменится в лучшую сторону.

-Лучше в калорийную сторону, чем в лучшую для вас.

-Ну, конечно же. Я обещаю вам это и даже клянусь. Только ради бога отпустите меня.

-Хорошо я отпускаю вас, чтобы вы все могли поправить, но если что, мне придется вернуться и надолго остаться с вами наедине.

-Наедине больше не надо. Я сейчас дам же необходимые указания, и обед вы просто не узнаете.

-Но я еще даже не завтракал – снова я почувствовал вкус к настоящему мужскому реслингу. Я не ем овсяной каши и мои дети тоже.

-Тогда вы и завтрак не узнаете, потому что вас обслужат по высшему разряду.

Эти слова произвели на меня хорошее впечатление, и я поклялся заведующему, что больше никогда не опущусь ниже мужского пояса, потому что ниже этой ватерлинии мне нечего искать. Я уже присоединился к детям, которые голодными сидели за столом и смотрели на меня с мольбой.

-Ну, как ты поговорил со своим другом? – обратился ко мне Мишка.

-Сейчас ты все увидишь.

Ждать кулинарного представления пришлось недолго, но его разнообразие стоило того.

Нам принесли несколько подносов, где каждый смог выбрать для себя что-то свое, удивляясь, как это раньше никому в голову не пришла идея просто попросить обслуживающий персонал выполнить свою диетическую услугу. После еды мои дети оживились, а я облегченно вздохнул, тому, что верну их домой, как минимум в той же весовой категории, что и принял в аэропорту. Хорошо бы, чтобы они и добавили несколько килограммов, и это стало бы отличной визитной карточкой для здорового отдыха детей в сопровождении своего одноразового отца.

Из столовой мы отправились на пляж, где принялись без удержу принимать, то солнечные, то морские ванны. Здесь же на месте у снующих по раскаленному песку торговцев я купил детям по мороженому, а себе взял любимый напиток первой скрипки светлое, холодное пиво. Только открыть его мне я забыл попросить, а самому справиться с этой задачей не мог. Уж я так и этак сражался с железной пробкой, но безрезультатно. Мое пиво уже остыло, и даже стало теплым, но добраться до него не было никаких сил. Я жадно смотрел на него и возмущался, что когда-то в молодости мне удавалось открывать его даже зубами, затем супружеским кольцом, а теперь мне было жаль своих клыков, а кольцо уже давно сменило своего владельца.

- Вот так и счастье - думал я. Вот вроде видишь его, даже притрагиваешься к нему, но насладиться им нельзя, в виду отсутствия простого консервного ножа. Я даже подбросил бутылку со счастьем в воздух и не поймал ее, в тайне надеясь выпустить его наружу, но на песке даже стеклянная тара не бьется, если случайно не попадет на голову спящего отдыхающего. У следующего торговца, которые шли, друг за другом вереницей я почему-то купил сигареты, но забыл снова попросить открыть пиво, и к тому же совсем не обратил внимание на то, что зажигалка не входит в обязательный набор при покупке ментоловой пачки. Но я решил подождать следующего рикшу, который катил свою тачку по песку, часто застревая в нем, неизменно матерясь при этом на отдыхающих, которые ничего не покупают. Но когда чего-то сильно ждешь, то можно ждать это так долго, что и не заметишь, как уснешь, забывая напрочь о прежних своих нуждах.

Я так разнежился под южным солнцем, так расслабился, что был тут же за это наказан. Мои великовозрастные дети опрокинули на меня целое ведро холодной морской воды, что я заревел, как рыба, которая все сказала своими жабрами, за этот предательский поступок. Я бы так и находился один в таком отчаянном положении, если бы ребенок, у которого мои тинэйджеры не выкрали пластмассовое ведро, так горько не плакал. Ведь мне это так не нравится, когда кого-то обижают, без меня.

-Верните ведро мальчугану, дети – сказал я. Мишка уже пошел относить это мое запатентованное анти снотворное средство, как мне пришла в голову несколько другая мысль. Захвати на обратном пути у этого сорванца его алюминиевую лопатку, и популярно объясни, что берешь на время и скоро вернешь золотую.

Я слышал, как сначала детский плач прекратился, потому что ведро вернулось в руки настоящего владельца, а затем раздались снова рыдания, по-видимому, из-за лопатки.

-Почему ребенок плачет? – спросил я у сына.

-Какой-то глупый ребенок, который не понимает разницу между золотой и алюминиевой лопаткой.

-Ну, надо было ему начертить на песке пару формул, и наглядно доказать, что он не прав.

-Вот сейчас я вас этой лопаткой и закопаю – сказала женщина – корова, которая еще совсем не в далеком прошлом, была веселой и тоненькой телочкой, а теперь упиралась своим рогом в мой живот, потому что лопатка ее теленка находилась у меня в левой руке. Хотя я и правша.

-Так это ваш сын так очаровательно кричит - начал я удивленно заглядывать в глаза парнокопытной женщине. Вот теперь, когда вы заговорили со мной, я понял, что он действительно ваш. Даю вам честное слово, что через пять секунд плач прекратиться или раздастся мой, как я понимаю.

-Вы правильно меня поняли.

Я тут же оказался у ребенка под ногами и начал возиться с тем, чтобы при помощи алюминиевой лопатки и музыкальных рук можно было вылепить из песка.

Надо было чем-то очаровать карапуза, и я вылепил для него ужасно го змея. Но устрашающий вид этого зверя не напугал его, а наоборот развеселил, и он даже пошел ко мне на руки. Так я обрел третьего ребенка при помощи одной лопатки, двух рук и одного куба песка, который понадобился моему воображению.

-Мой ребенок впервые пошел на руки к незнакомому мужчине – удивилась молодая мама.

-У вас абсолютно правильный сын. Я вот тоже не сразу иду на руки к незнакомым женщинам. Надо же сначала определить обстановку, и только затем настроиться на отчаянный шаг.

Не знаю, как прошла моя шутка, на ура, или она осталась как всегда незамеченной, но в нашей семье на какое-то время нас стало четверо. Третий ребенок прибил ко мне, как пиявка и не хотел отпускать меня от себя ни на шаг. Но если у карапуза был я, то у меня была заветная лопатка, которой я орудовал и уродовал песочные тела своих трех детей, по своему творческому усмотрению. Три скульптурные фигуры через несколько часов предстали для публичного освидетельствования. Первой фигурой была девушка, которая лежала головой вниз, загорающая всем своей обнаженной задней частью вверх. Она действительно была хороша, и поклонников у моей дочери среди юношей сразу прибавилось. Вторая фигура наоборот смотрела в голубое небо, сложив свои руки за головой. Не сформировавшейся юношеской фигуре я добавил от себя несколько мускулистых излишеств и женские табуны просто сеяли песок через свои копыта, чтобы увидеть вживую этот шедевр. Третья скульптурой стала голова мальчика отдельно лежащая на песке, как самый настоящий бюст, рядом с которым лежала лопатка. Экскурсия к этому импровизированному вернисажу продолжалась несколько часов, пока родная дочь не растерзала свою скульптуру, потому что на нее обращали больше внимания, чем на сам прототип. Этой несправедливости она стерпеть не могла, поэтому и

отомстила своей сопернице как всегда по-женски расчетливо и беспощадно. Тут же вокруг Николь организовался кружок ценителей живой красоты, и она просто утопала в этом восхищенном состоянии. Даже сын стал, общаться уже не на языке жестов с противоположным полом, а со словами и улыбкой, которая так была похожа на мою, которая все понимала, но ничему не верила. Мишка позволил несколько раз притронуться девушкам к своему песочному другу, ни сколько не ревнуя к лежащему истукану. Но такой реакции от третьей скульптуры не ожидал никто, даже я. Одна женщина, когда увидела голову мальчика, отдельно валявшуюся от тела на песке, упала в обморок и долго не выходила из своего страшного видения. Я, ни секунды не раздумывая, открыл бутылку пива голыми руками, и начал вливать эту горячую жидкость в рот женщины. Лишь допив ее всю до конца, она открыла глаза и с укором спросила меня: «Что вы сделали с моим мальчиком?»

-Успокойтесь мама – сказал я. Ваш сын жив и здоров. Он по-прежнему играет в песочке, под моим лежаком, намереваясь сделать подкоп, чтобы я провалился в преисподнюю.

-Какой у меня трудолюбивый сын – нежно произнесла мама, которая чуть не заплакала, когда его увидела рядом.

-Ну, когда вы нашли того, кого так мучительно искали, то ответьте, почему находясь в обморочном состоянии, вы выпили все мое пиво?

-Ну, это же и так понятно. Человек в обмороке просто не контролирует себя. Вам что для спасения мамы этого очаровательного ребенка пива жалко.

-Мне пива для вас совершенно не жалко, но почему-то... обидно.

-Хорошо я куплю вам не одну, а две бутылки сразу.

-Это точно. Вашему слову можно верить? Вы меня не обманываете?

Тут же, как из-под песка, потому что настоящей земли я уже давно не видел, появился коммивояжер, со своим вечным ассортиментом

-Сигареты, табак, пиво, рыба, мороженое, семечки – кричал он во все горло.

Но на его крик отреагировала только спасенная мной мама, которая и купила два пива. Но так как этот носильщик был так перегружен поклажей и на мой вопрос: «А, что рыба такая же замороженная, как и пиво?» ответил мне: „Рыба еще холодней, чем пиво, но не так как сигареты» К такому ответу я готов не был, поэтому и купил у него три морожено, два кулька семечек и несколько вяленых рыбешек. Мороженое разошлось по детям, семечки по поклонникам, а вот пиво и рыба остались в моих руках, как скипетр и булава моего морского царства. Я предложил женщине составить мне полноправную компанию в управлении моим государством и неожиданно получил ее согласие, которого собственно и не ждал, потому что был просто вежлив в минуту своей человеческой слабости. Но на пальцах у женщины обнаружилось несколько золотых колец, которые и помогли открыть сначала мое, а затем и ее пиво. Вскоре мы познакомились и мило болтали, все время, озираясь назад, как примерные родители, которые переживают, чтобы родных детей, кроме них самих никто не обидел. Но все оставалось под контролем и наши дети были само достаточны, то есть в нас они нисколько не нуждались. Люба рассказала мне, что приехала отдыхать с мужем, но сегодня он отправился на подводную охоту, и еще не приплыл на катере. Оказалось, что мы с ней приехали из одного и того же города, и даже жили неподалеку.

Я слушал этот женский диалог и отдавал должное, если бы не холодное пиво, и не соленая рыбка, то я бы так и уснул на ее плече, под это море слов, которое не знало ни приливов, ни отливов. Оно жило просто само по себе, не обращая никакого внимания на мои реплики, которые заканчивались больше на первом слоге, чем на втором. Люба была, просто очаровательна в своем женском экстазе, все говорить, не думая, а если и думать, то все равно говорить. Такая философия меня вполне устраивала, пока пиво еще

плескалось в бутылке, хотя уже и ниже ватерлинии, но смочить губы все еще было возможно.

-Ты знаешь Люба, я вот заметил такую деталь, что пиво, которое покупаю не я, всегда не вкусное, а вот твое на редкость утоляет жажду.

-Так давай я еще возьму.

-Нет. Теперь пиво ставить настала моя очередь, потому что сладкого пива я вообще не переношу.

Я еще заказал, по одной бутылочке пива и тут на мое счастье появился муж Любы, которой и составил мне компанию. Люба меня познакомила с Вениамином из лучших женских побуждений, не зная наших мужских мотивов.

-Посмотри, как Валера вылепил нашего сына – обратилась жена к своему мужу, который тоже решил оценить мое мастерство.

С Вениамином случилась та же истерика, которая ранее произошла с Любой. Но если для женщины хватило одной бутылки для выхода из комы, то для отца, у которого оказалось слабое сердце, не достаточно было и трех.

Затем мы вместе весело провели обед, и даже ужин, уже не считая пиво как настоящее зелье для сильных мужчин. Мы с Веней провели несколько опытов по смешиванию несколько разного градусных напитков, но результатами остались, все равно не довольны.

-Как же так – говорил он мне. Мы смешали пиво и водку вместе, но градус так и не подняли.

-Что ты имеешь в виду? – еле держась, на ногах уточнил я.

-Ну, вот пиво восемь градусов?

-Восемь – ответил я. Можешь даже не проверять.

-Водка сорок градусов?

-Сорок – подтвердил я. Можешь даже не пробовать.

-Ну, вот если мы сложим восемь градусов с сорока, то сорок восемь все равно не получим.

-Почему? – широко раскрытыми глазами, я решил поставить под сомнение научную теорию своего лучшего друга.

-Почему не знаю, но знаю, что точно не получим.

-Но если я Петру Богдановичу скажу, что сорок плюс восемь не будет сорок восемь, то он прилетит, и утопит меня в море.

-Только через мой труп, он сможет это сделать. Врагу не сдастся наш грозный Варяг, пощады никто не желает.

-Спасибо, друг за поддержку - упал я на мужскую грудь. Я всегда знал Вениамин, что на тебя можно положиться.

-А, кто такой вообще этот Петр Богданович?

-Математик. Доцент. Декан. Крыса научная. Он еще отчим моего сына, но мечтает стать в скором времени ему и отцом.

-Ну, и пусть становится! Ты что против?

-Так он моего сына хочет усыновить. Вот в чем весь фокус.

-Нет. Вот ему кукиш ему с кленовым сиропом. Хватит того, что ты отдал ему жену, вот пусть с ней вместе и делают себе и сына и дочь, и неведомую зверушку.

-А, про кукиш мне понравилось, но кленового сиропа все-таки жалко.

-Вот этой отравы не жалея Валера, потому что эта такая гадость. Я один раз только понюхал, и теперь обхожу все кленовые деревья, включая канадское посольство. Запах от этого сиропа стоит глубоко паралитический.

-Слушай, а где мои дети? – протрезвел я на миг.

-Они уже легли.

-Что сами!

-Дети остались вместе с Любой в твоём номере.

-А, мы сейчас где?

-Мы тоже в номере. Правда на один этаж выше, и чуть меньше.

-Кто меньше, этаж?

-Нет, номер.

-А, где мы будем спать? – все время я задавал вопросы Вениамину и требовал на них незамедлительных ответов.

-А, мы и не будем с тобой ложиться.

-Почему. Я как раз созрел.

-Ты подумай Валера, ну, кто ложится спать в последнюю ночь.

-У тебя, что есть точные данные, что эта ночь для человечества станет последней?

-Про все человечество я говорить не берусь, но эта ночь последняя, потому что завтра нам на самолет.

-Так ты что, вот так просто можешь улететь, когда мы только нашли друг друга? – со слезами говорил я.

-Вот и давай ее так проведем, чтобы нам не было мучительно больно за бесцельно проведенный отпуск. Эх, где ты раньше был, Валера?

-Вот теперь я так явно чувствую, что не там и не с теми. Так какие у тебя есть предложения, Веня?

-Может, спустимся в бар?

-Тогда только на лифте, который вот уже третий день не работаем.

-Решено. Вот сейчас мы его и починим.

-Но я музыкант. Я мало, что понимаю во всех механизмах, которые давно не работают.

-А, я историк. Но это не та причина, что бы два мужика не смогли справиться с этой железякой.

-Ух, теперь держись – помахал я лифту, потому что два гуманитария могли сделать с ним, все что угодно.

Так как пятый этаж в нашей гостинице был последним, то с него мы и стали обстукивать как кладоискатели механизмы этой железяки. Но на пятом этаже лифт нам не открылся, поэтому мы раз за разом, стали спускаться этажом все ниже, чтобы найти сердце лифта, и сделать ему аорта коронарное шунтирование. Даже на первом этаже нам не хватило сил, чтобы ворваться в салон лифта, чтобы переговорить с диспетчером и все ему рассказать, что наболело у меня за эти три дня хождения по лестницам вниз и вверх. После того как Вениамин взял с меня слово, что я до окончания своего заезда разберусь с этой инженерной плутократией, мы оставили лифт в покое. На время.

В баре нас встретили с музыкой, как дорогих гостей и мы сразу заказали еще по сто граммов водки. Как только мы разбросали бильярдные шары по всем углам этого развлекательного заведения, потому что кии, нам попадались все время с дефектами, которые или ломались или выгибались в наших руках как первобытные луки. Из одного Вениамин соорудил даже копье, которое и метнул в бармена, потому что ему надо быть всегда внимательным к своим клиентам, которых мучит сорокоградусная жажда. Но вот в бар вошли Ирина и Надя, и я представил своего друга двум очаровательным женщинам.

До самого закрытия мы посидели в баре, а затем пошли встречать рассвет.

Солнце еще не показалась из-за моря, поэтому вода была не голубой, а сине-зеленой. Где-то даже она показалась мне черной, но белый туман разбавлял ее, чтобы с первыми лучами выкрасить в однородный индиговый цвет. Только там, откуда восходило дневное светило, вода была желто-золотой и немного пунцовой. Как невеста, которая дождалась своего жениха, и которая от волнения и стыда прячет свой взор на его золотом плече.

Я не хотел купаться, как мне это сначала действительно предлагали, но затем, отбросив все уговоры, насильно окунули в воду, прямо в одежде. От этого бестактного действия я позеленел от злости, но вода как парное молоко смыла с меня налет усталости, и я уже благодарил своих спутников за это посвящение. Наша флотилия из четырех кораблей

медленно дрейфовала пред расцветающим желтым бутоном, который раскрывался все ярче, все шире, чтобы через час полностью покрыть нас своими знойными лепестками. Но так как в воду меня бросили раньше всех, то я и отрезвел быстрее всех.

-Вениамин тебе же на самолет? – вспомнил я наш вчерашний разговор.

-Какой самолет! Ты посмотри, какая красота кругом.

-Ты брось шутить, потому что самолет тебя в такую погоду, точно ждать не будет.

-Ну, и пусть летит!

-А, Люба?

-А, что Люба! Да, ну, ее.

-Ну, а сын?

-Сын. Вот ради него я и выйду из моря.

Когда мы вошли в фойе гостиницы, Люба с вещами уже ждала своего благоверного, и приняла его, не как раньше, когда мужчина был главой семьи со словами: «Где ты пропадало мое красное солнышко? Ведь я ночь не спала, все выглядывала тебя. Кормилец ты мой». Но таких речей я так и не дождался от жены своего лучшего друга, потому что глубокая древность навеки умерла в сегодняшнем дне.

-Где тебя носило, черт рогатый? Я проснулась, прошла в наш номер, а тебя нет. Тебе что целого отпуска не хватило, так ты решил и в последний день оторваться по полной программе.

В это мгновение я понимал, как тяжело было Любе искать и находить все эти слова, потому что хотелось все свои чувства выразить от души, сразу, чтобы мужская память навсегда сохранила женскую доброту. Вениамин стоял перед своей женой, как школьник, который опустил свою голову вниз и все время твердил: «Я больше не буду. Простите меня. Это не я, это все Валера придумал».

Такого вероломного предательства от своего верного друга я не ожидал, поэтому и стоял, широко открыв рот, не в силах перенести крушение своего мужского идеала. Ведь если бы не я, он так бы и плескался в воде, как деревянный фрегат, который на самом деле, оказался бумажным корабликом.

Я уже хотел тихо уйти, по-английски, ни с кем не прощаясь, но кто-то тронул меня за мокрую штанину, и мой взрослый мир, который был с виду большой, стал маленьким, и в тоже время огромным. Круглые и крохотные ручки тянули ко мне свою лопатку в подарок. На память.

Я подобрал малыша в самое чистое и голубое небо, чтобы он никогда не касался ногами той земли, по которой ступал я. Пусть всегда в твоей жизни пылает нежное солнце, а твои мечты, как птицы, будут парить, не зная усталости.

Будь счастлив малыш, потому что я этого хочу.

Я тихонечко открыл дверь ключами, которые передала мне Люба, и на цыпочках вошел в комнату. Находясь, а пылу своей родительской заботы, я проскочил свою комнату и заглянул в комнату дочери, чтобы убедиться, что она еще спит. Но чем больше щель в дверях становилась шире, тем мне явственнее становилось очевидно, что Николь нигде нет. От такого видения рубашка моя тут же на мне высохла, а со штанов пошел белый пар. Тогда я резко открыл дверь в комнату сына, и одежда стала на мне уже просто полыхать.

Вот и все - подумал я. Если дети выжили после солнечных ожогов, так теперь ты умудрился их просто пропить. Алкоголик.

Я все еще открывал и закрывал двери детей, как дома мучительница Фрау Бок, и, закрыв глаза, повторял: «Ку-ку. Ку-ку». Мне казалось, что я плохо кукую, и начал просто по-птичьи петь, только бы мне вернули моих детей. И я завяжу. Да, я даже пива пить не буду, а на вяленую рыбу не взгляну ни разу, чтобы ей протухнуть однажды и навсегда. Я нервно начал прохаживаться по комнате, не понимая, какой первый шаг надо сделать, чтобы снова вернуть детей к себе детей. Может позвонить в полицию или сразу же в Интерпол? Надо срочно созвать внеочередное заседание ООН и на совете безопасности предупредить всех, что пропало два человека, по причине головоутиательства, преступной небрежности со стороны их отца. Ну, судите меня, только делайте хоть что-нибудь, потому что бездействие в этом мировом вопросе, меня прямо сейчас, dokonает.

И тут, только теперь я взглянул на свою кровать, на которой спали, под разными простынями мои дети. Их головы как будто смотрели друг на друга, словно не хотели даже оглянуться в мою сторону. Они словно близнецы лежали в одной утробе, легко соприкасаясь руками. Видно они не спали целую ночь, переживая за своего отца, и только когда ушла чужая женщина, облюбовали мою кровать, как бодрствующий дозор, который первым обнаружит своего отца.

В этот миг, я почувствовал такую радость в своем сердце, что решил не будить своих часовых, а сел в кресло, и уснул рядом.

Как у нас и было заведено в анархической империи, каждый вставал, когда хотел, поэтому и спал, сколько мог. Но с одним условием, что на завтрак все встают добровольно, но идут туда принудительно. Вот чтобы не нарушать эту заведенную традицию, дети и разбудили меня, хотя это им было и нелегко. Я почти не смотрел им в глаза, чувствуя за собой огромную вину и стыд. Никто меня ни о чем не спрашивал, потому что мой внешний вид явно говорил вместо меня. Мне удалось выпросить у моих дозорных, чтобы хотя бы ополоснуть лицо и побриться. Как только мы вступили в столовую, раздались аплодисменты, которые меня не то чтобы удивили, после них я как-то сразу запаниковал.

- Ну, чинили мы с Венямином лифт ночью, но к столовой я даже на шаг не приблизился, потому мне просто нечего было тут искать. А, может они издеваются надо мной – подумал я.

Но счастливые лица людей настолько были искренними, что я попросил одного из них рассказать, чем вызван такой восторженный прием, и может они нас не за тех приняли. Мы не никакие там не гавайцы, на национальных инструментах не играем, что мы тутошние отдыхающие. Один седой мужчина с охотой вызвался мне помочь и сказал, что я один сделал за несколько дней то, что вот уже много лет не может ни местная администрация, ни многочисленные жалобы отдыхающих, ни Гринпис.

-А, что я такое сделал, разъясните мне, наконец?

-Вы, уважаемый Валерий Борисович, повлияли, уж я не знаю каким способом, на нашего заведующего столовой, и он стал, наконец-то кормить людей. Вы нашли подход к этому человеку, который до сегодняшнего дня таковым не являлся в нашем представлении.

-Ну, хорошо нашему брату, отдыхающему, я помог, но как Гринпис мне удалось удружить.

-Неужели вы не чувствуете?

-А, что я должен чувствовать.

-А, вы вдохните воздух в легкие поглубже и все поймете.

-Ну – сказал я и ничего не ощутил.

-Воздух стал чище после вашей воспитательной беседы с заведующим, а Гринпис и борется за минимальный выброс в атмосферу углекислого газа.

-Ну, а какой толк для местной администрации?

-Как же. Местные производители тут же увеличили продажу продуктов для нашей гостиницы, а это дополнительные сборы в бюджет, налоги, и тому подобное.

-Тогда я рад, что смог быть вам всем полезен – обратился я уже ко всем и отвесил отдыхающим земной поклон.

Меня стали приветствовать как национально-освободительного героя, и дети стали мной, кажется гордиться. Завтрак и впрямь был отменным еще лучше, чем вчера. Правда, каким был ужин в прошедшие сутки, я, честно говоря, не помнил.

Но совершенно неожиданно для себя я превратился в общественное орудие, которое одно могло решить все насущные потребности жильцов нашей гостиницы. У кого-то в номере не было воды, где-то не горел свет, там администратор нахамил, здесь консьержка обидела, но главной болью всех оставался лифт, который, кажется, никогда не заработает. Я попытался объяснить, что тоже нахожусь на заслуженном отдыхе, и в мои планы не входило ссориться с администрацией из-за каждого пустяка. Но в одном я заверил всех присутствующих, что лифт подаст признаки жизни, если мне удастся встретиться лицом к лицу с лифтером. Это было единственное условие наступления грузоподъемного чуда, потому что мне самому уже порядком надоело прыгать, как парнокопытное животное по лестнице.

Но море - это единственный источник хорошего настроения в отпуске, которое никогда тебя не подводит. Оно только меняет температуру воды в своем теле. Море как живой организм дышало всегда по-разному, то, учащенно, тяжело, то, медленно и легко. Сегодняшний пульс был повышенным, поэтому и волны были высокими, а дыхание свежим и душистым. Но водная гладь оставалась чистой и прозрачной, лишь у берега, где-то прибой враждовал с сушей, и она была несколько затуманена органическим сором. После второго омовения за сегодняшнее утро, я тихо спал на лежаке, потому что бодрствовал всю ночь по совету Вениамина. Лишь изредка я поглядывал на детей, которые плавали в море как рыбы. Рядом с ними барахтались Стас и Александр, которые все еще побаивались меня, но были начеку, если что. Я снова закрыл глаза, вздохнул высоко, и, спрятав свое лицо под полотенце, решил, наверстать упущенное свое сновидение. Но человек как говорится, предполагает, а бог всеми нами располагает, по своему усмотрению. Вот в этой мудрости мне и суждено было убедиться еще раз, когда не напрямую, а через своих посланников небесный владыка обратился ко мне.

-Валерий Борисович – услышал я свое имя, но до сих пор не мог взять в толк, откуда всем известно о моем отчестве. Но я решил не откликаться на эту удочку, потому что лица моего никто не мог видеть. Пусть хоть на этот раз меня все оставят в покое.

Но меня снова окликнули, и даже положили руку на обгорелое плечо. Скрываться теперь не было никакого резона, потому что меня вычислили их сотен лежащих на самом солнцепеке тел, видно по каким-то особым приметам.

-Как вы меня нашли? – сбросив с себя полотенце, взглянул я в глаза пожилому мужчине, который и рассказал мне истинную причину моего утреннего чествования.

-Так на этом пляже теперь каждый вас знает – удивленно отчитывался он. Все в дело в том, что появился лифтер, которого вы разыскивали.

-Но я не могу отойти от моих детей. Вы же понимаете, что море не безопасно.

-Мы об этом уже подумали, поэтому и посторожим ваших детей.

-Кто это мы? – спросил я.

-Мы – это мы – услышал я за спиной голоса спасателей.

-А вы сами плавать умеете? - не удержался я от вполне респектабельного вопроса, потому что мне была нужна няня, которая будет не только ухаживать нежно и красиво за моими детьми, но должна уметь еще плавать, и лучше кролем, чем баттерфляем, потому что так быстрее. Несчастные случаи на воде происходят за доли секунд, после часового воззвания о помощи.

-Умеем – прозвучал дружный ответ.

-Хорошо умеете? – недоверчиво спросил я.

-Очень хорошо.

-Валерий Борисович, они классно плавают, потому что ватерполисты. Бога ради побыстрей, потому что лифтер может уйти, и тогда ищи его как ветер в поле.

-Его что, кто-то держит?

-Ну, что вы разве такую громадину можно задержать. Просто два добровольца с ним мило беседуют на отвлеченную тему.

-А, почему на отвлеченную, а не сразу взять быка за рога.

-Да, кто же его возьмет. Вот вся ватерпольная команда разбежалась от него.

-А он вы думаете, побежит от меня? Я так и вижу эту картину, как Давид побеждает Голиафа при помощи мудрого слова.

-Ну, вы же обещали?

-Я просто не думал, что простое общение с лифтером всегда приводит к человеческим жертвам. Но коль слово дано, то, и держать его надо, как подобает мужчине. Когда я уходил с пляжа, то, ловил на себе жалостливые взгляды отдыхающих, которые уже оплакивали меня. Одна сердобольная женщина даже помахала мне вслед белым платком, как будто провожала своего тореадора на бой с быком, который должен был меня растерзать, и тут как говорится, без вариантов. Я шел на встречу с лифтером и по спортивному себя подстегивал, что администратор и заведующий столовой уже пали от твоей руки, теперь и твоя очередь настала треснуть как крашенному яичку, на христианскую пасху. Ну, если раньше все тебе сходило с рук, то эту битву, ты просто не переживешь. Но то, что дети были под присмотром, и если что, то, милые отдыхающие помогут отправить их домой без меня, потому что я пал за их интересы, это и придавало мне немного сил.

Когда этот милый старичок, мне только указал на человека, который копошился в своей лифтерной, я понял, что не пройду даже квалификационный отбор.

Двухметровый гигант сидел на корточках, а его голова была выше моей, которая опиралась на прямостоящие ноги. Это был боксер тяжеловес Виктор Валуев, или его близнец, который в отличие от своего знаменитого брата, кое-что смыслил в подъемных механизмах. Комната, где меня ждала моя судьба, напоминала боксерский ринг, но вот маленького и седого рефери в ней уже не было.

-Значит, это будет не бокс – подумал я. И даже не борьба без правил. Это будет убийство при помощи гаечных ключей. Но, чтобы не сразу дать отвинтить свою голову, я решил вежливо поздороваться, и вскользь поинтересоваться, какой будет сегодня температура воздуха в тени.

-По радио передавали, что-то около сорока градусов – услышал я вежливый ответ на свой вопрос.

-Ты подумай, какая жара ожидает нас сегодня – ужаснулся я за нас обоих. А, вы, наверное, в службе погоды работаете, не так ли?

-Нет. Я простой лифтер.

-Какая у вас опасная и прекрасная работа – выразил я свое неподдельное восхищение.

-Что опасное, то да, но что же в ней прекрасного.

-Ну, вы же, как служба спасения всегда спешите на выручку людям. Вы извлекаете людей из шахты лифта, вы переносите на своих мозолистых руках пассажиров не по лестницам,

а по стальным канатам ваших мускулов, вы заставляете снова биться остывшее сердце лифта.

-Во как! Со мной так еще никто красиво не говорил. Так значит я спасатель.

-Вы целая служба спасения.

-Жаль, что спасать мне сегодня будет некого – с печалью произнес Голиаф.

-Почему?

-Потому что лифт простоит до зимы.

-А что ему мешает заработать прямо сейчас?

-Так мотор перебрать надо, а это как раз и займет время до холодов.

-А давайте я вам помогу, как человек и гражданин.

После этих слов, не спрашивая разрешения, я взял гаечные ключи и начал раскручивать все подряд. Я так быстро и виртуозно это делал, что за несколько минут действительно рядом со мной уже лежала куча металлолома. Мне так понравилась эта общественная нагрузка, которую на меня возложили отдыхающие, что я чуть не сошел с ума от пекла, которое стояло в лифтерной. Я уже мало, что соображал, потому что безостановочный конвейер работал автоматически, а лифтер собирал все детали и сортировал их. Он все время просил меня остановиться, или он это сделает со мной сам. Но я так вошел в азарт, что уже дошел до электрического рубильника.

-Ты что делаешь? – заорал на меня Сеня.

-Раскручиваю при помощи ключа на 12 электрическую схему.

-Не надо этого делать Валера, потому что ключ тебе никак не поможет.

-Может воспользоваться отверткой?

-И отверткой не надо – сказал лифтер и мягко отстранил меня от всех обязанностей.

-Ну, что еще делать? – требовал я для себя долгожданной работы.

-Мы и так сегодня с тобой отлично поработали, потому что лифт заработает не зимой, как я раньше думал, а уже осенью.

Но такой оптимистический прогноз меня совсем не устраивал, потому что я не любил разучивать ноты на долгих репетициях, а желал сразу играть целый концерт, и не просто концерт, а каждый раз премьеру.

Так как лифтерская комната находилась на крыше гостиницы, а Голиаф уже хотел покинуть ее до периода листопада, то, увидев ключ в замке, я быстро провернул его два оборота, тем самым, заперев великана, а вернее приковав его к своим прямым обязанностям.

-Эй, что это еще за шутки? - слышалось мне из-за двери.

-Прости Сеня, но другого выхода у меня нет. Я помог тебе, как мог и выполнил за тебя всю черновую работу, но дальше я бессилён.

-Валерий открой дверь по-хорошему. Не заставляй службу спасения приносить людям страдания.

-Ты уже давно им эти муки несешь, и даже не заметил этого.

Но Голиаф уже стучал в двери, затем пытался ее высадить, но эти железные двери были давно укреплены от расхитителей цветного металла, поэтому и пробиться через них Сеня не мог.

-Ты напрасно тратишь силы – успокаивал Голиафа. Лучше принимайся за работу.

Чем раньше сделаешь ее, тем быстрее выйдешь из своего заточения.

-Ты представляешь себе, что я сделаю с тобой, когда выйду отсюда.

-Делай со мной все что захочешь, но сначала почини лифт – сказал я.

-Да, тут целая ватерпольная команда пыталась права качать, так я только дунул на них, и они все разлетелись.

Я, к сожалению, по профессии не спортсмен, и не могу оказать тебе достойного сопротивления. Но я музыкант, и поэтому прошу не доводить меня как композитора до написания реквиема в твою честь.

-А, что такое реквием?

-Это музыка, которая навечно сохранит память о тебе в наших сердцах.

-Нет, такая музыка мне то же не нужна.

-А, как она Сеня мне не нужна, если бы ты только знал.

-У тебя покурить есть.

-Да, кажется, есть – нащупал я вчерашнюю пачку сигарет. Только зажигалки нет.

-А, у меня есть спички. Открой дверь, и давай покурим.

-Этот вариант у тебя не пройдет. Сначала спички дай мне.

Сеня просунул спички через дверь, и я закурил, пуская дым в замочную скважину.

-Ну, мне долго ждать обещанной сигареты? – спросил он.

-Как только лифт починишь, то получишь даже целую пачку сигарет – предложил я материальное вознаграждение, лично от меня, для Сени.

Страшный и злобный Голиаф тут же стал выламывать дверь, но я уже на это не обращал никакого внимания, потому что разговаривал с посыльным, который мне поведал, что дети уже пообедали, и снова купаются под присмотром ватерпольной команды.

Но рычания дикого зверя, которое доносилось из клетки, было таким устрашающим, что отдыхающий исчез, так же быстро, как и появился. Только через 15 минут, судя по моим командирским часам, началась долгожданная возня в лифтерной, которая не прекращалась до позднего вечера. На небе уже показались ночные звезды, и тишина стояла такая, которую не мог испортить даже шум от заработавшего лифта.

-Ну, все я выполнил твое задание! - сказал Голиаф Давиду.

-Это, во-первых, не мое задание, а твое, а во-вторых, я провел с тобой целый день на крыше, и составил тебе компанию, хотя мог купаться в море – логикой своего мышления попытался я образумить Сеню от непоправимого поступка, который черным пятном ляжет на личное дело его биографии.

-Ну, ничего я обещаю тебе, что еще один раз, ты окунешься в него.

-Ты даешь слово! – обратился я к сверхчеловеку.

-Даю, только выпусти меня отсюда.

Я тут же открыл двери и сразу попал в его не добрые и нежные руки. Мое тело уже несколько раз висело над пропастью, глубиной в пять этажей, но я не унывал, потому что прежде чем разбиться мне предсказали другую смерть, а именно захлебнуться в морской воде от несчастного случая. Мои рассудительные призывы к совести Голиафа растрогали его, и он даже позволил сопровождать его в работающем лифте, который и спустил меня с крыши прямо на первый этаж. Как только раскрылись двери лифта, то отдыхающая публика упала на колени передо мной, особенно ее пожилая часть, и начала благодарить, целую руки, и ноги, которые все были в какой-то мазутной смазке.

-Это не меня надо благодарить, а Сеню – сказал я и поднял как рефери руку Голиафа высоко вверх.

Идолопоклонничество завладела умами людей, и они бросили меня, уже забыв обо мне, а стали носить на руках, как воздушное перышко, тяжелое тело лифтера. Я так боялся, что его уронят, ну, хотя бы раз, но так и не дождался, а просто сунул этому богатырю пачку сигарет в карман спецовки и с криком: „ Виват службе спасения» и уже по заведенной привычке пошел по лестнице на четвертый этаж. В номере меня уже ждали счастливые дети, и сын даже бросился ко мне шею, но чтобы его не испачкать, я стыдливо уклонился, и позволил поцеловать себя в щеку. Только дочь по-прежнему говорила с кем-то по телефону, и все время делала мне большие глаза. Когда я принял в ванну, отодрав от себя всю серую пыль, и черный как битум - загар, мне показалось, что третье рождение со мной уже произошло. Мишка смотрел телевизор, а Николь как прежде разговаривала по телефону, смеясь не в трубку, а в мое ухо.

-С кет ты все разговариваешь? – наконец-то решил спросить я. Кому из ухажеров ты дала мой мобильный телефон?

-Я никому твой телефон не давала и говорю я, между прочим, с Аллой.

-С кем? – удивился я.

-С твоей подругой.

-Не понял – снова попытался я для себя кое-что уточнить.

-С твоей женщиной.

-Теперь мне вообще ничего не понятно – сделал я такое невинное лицо, которое рассмешило Николь.

-Ну, если ты так хочешь, то, с твоей коллегой по работе.

-Ах, с Аллой, которая если я не ошибаюсь, играет на скрипке. Привет ей передай от меня.

-Вот сам это и сделай, потому что мы уже обо всем поговорили.

Я взял трубку, посмотрел на продолжительность разговора, и посчитал, что для меня смерть от рук Голиафа, была бы предпочтительней, потому после нее я не получу счет за трехчасовой разговор по мобильному телефону по международному тарифу.

-Ну, как ты отдыхаешь, Валера? – спросила Алла.

-Да, какой это отдых, тружусь без выходных и днем и ночью. Этому дай, то почини, того пристыди, научи, помоги. Сил моих больше нет. Хочу домой.

-Ну, на провожание Вениамина до утра ты нашел силы, не правда ли?

На это строгое и верное замечание, я ответил незамедлительно, показав, дочери, что ее язык, мне придется несколько укоротить, по причине его без размерности и невозможности сохранить ни одной тайны.

-Надо было поддержать мужчину, который так привык к морскому побережью, что чуть не плакал при расставании с ним. Ты бы видела эти слезы!

-И ты утирал ему слезы в баре в присутствии двух женщин, не так ли?

Эта новость меня слегка потрясла, но операцию по укорочению женского языка надо было отменить, чтобы применить другой, радикальный способ, то есть вырвать его целиком.

-Ну, не сидеть же нам в тишине и смотреть друг на друга, а так кто-то все время говорил, и переглядывался между собой.

-Как интересно – сказала Алла.

-Ничего в этом не было интересного, если не было бы так грустно. Я теперь без Вени просто жизни своей не представляю.

-Что уехал твой собутыльник, и поэтому ты грустишь?

-Я попросил бы моего товарища не обижать, потому что он примерный семьянин и историк по профессии.

-Ну, не буду ни тебя, ни его обижать - сердито сказала Алла, и положила трубку.

Я попытался тут же перезвонить, но моя первая скрипка находилась уже вне зоны досягаемости. Я еще полчаса по цифрам набирал номер, но вызываемый абонент был занят, только кем, мне было еще невдомек. Поцеловав детей на ночь, когда они уже лежали в своих кроватях, мне удалось, не шатаясь добраться до своей постели и завалиться на нее

Я почти ничего не слышал, и уж конечно не подслушивал разговор сына и дочери, которые рассказывали друг другу о себе все больше, доходя уже до самых страшных секретов.

Ну, например, что Николь уже умеет целоваться, и Михаил еще нет. Эта новость позабавила меня, и я улыбнулся во сне и, ау.

Теперь ищите меня в самом темном лесу моего сновидения, потому что там меня как раз и нет. Ведь я по-прежнему отдыхаю на море со своими детьми.

Теперь раннее утро начиналось не как обычно, с телефонного звонка одного из родителей, который допытывал своего ребенка; все ли у него хорошо и не применить ли к отцу высшую меру наказания. Потому что в нашей гостинице заработал старый лифт.

Уже с пяти часов утра я вел подсчет количества грузовых подъемов, потому что каждому из отдыхающих хотелось прокатиться на нем. Мне даже казалось, что некоторые курортники приходили из других гостиниц, чтобы позавидовать нам, и тем самым подействовать мне на нервы, так как наш номер находился рядом с шахтой лифта.

Я уже сожалел, что помог вчера Голиафу совершить доброе дело, потому что знал, что такая душевная слабость никогда не останется безнаказанной.

Но дети уже встали и щебетали что-то между собой, а я лежал в своей проходной комнате, которая для некоторых служила еще и общей гостиной. Но я делал вид, что это мне неизвестно, поэтому вскоре и был лишен своего лежачего места. Утренний распорядок завладел телами юных созданий, а мне хотелось еще спать, лишь бы не бодрствовать. Но мужская щетина и так уже проколола в нескольких местах наволочку, и я зашел в ванную с мыслью, что белье нам еще предстоит сдать из рук в руки не молодой консьержке, которая может рассмотреть его на свет. Мне так не хотелось доплачивать наличными за порчу гостиничного имущества, что я брился отчаянно, словно отмахивался руками от толпы алчных кредиторов. Вскоре я вышел из ванной, и дети еще долго не признавали меня за своего родного отца, потому что от него ничего и не осталось. Михаил даже вошел в комнату, где я брился, потому что устал ждать выхода настоящего папы. Лишь после того, как Николь спросила меня, я понял, что их так могло напугать.

-Что папа у тебя тоже недельное недомогание началось?

-Это недомогание происходит со мной каждое утро, и чем я старше становлюсь, тем оно становится обильнее.

-Может тебе дать салфетку? – предложила сердобольная дочь.

-Не надо, при моих симптомах я пользуюсь исключительно газеткой.

-Это как?

-Да, очень просто – сказал я, и взял в руки вчерашнюю газету, чтобы порвать ее на бинты и заклеить кровоточащие раны.

-Тебе не больно?

-Уже нет, потому что я давно к этому привык, главное, чтобы вам не было сильно страшно.

Но мой педагогический урок повлиял не только на дочь, но и на сына, который решил даже на пушечный выстрел не подходить ближе к станку, потому что он приносил мужчинам одни увечья и страдания. Он только вылил на себя мой одеколон, считая, что этот стойкий запах мог нас по роднить еще ближе. Уже как белые люди мы вышли к лифту и прождали целых десять минут, чтобы попасть на нем прямо, на завтрак. Но когда двери его открылись, то из него посыпались люди. Они снова заняли свои места, как сельди в бочке и отправились куда-то вниз.

-Может, это какая ни будь заблудившаяся экскурсия? – спросил я детей, не надеясь получить на него ответ.

-Это скорей всего дикари с соседнего пляжа – сказала Николь.

-Или новенькие приехали и им показывают работающий лифт, как местную достопримечательность – высказал свое мнение Михаил.

-Все в этой жизни, может быть – произнес я глубоко философскую мысль, дремля в своих мыслях, пока окончательно не проснулся. А, когда это ты Николь познакомилась с дикарями с соседнего пляжа, хотел бы я знать?

Такой мгновенной реакции от меня не ждал никто, даже я сам. Тут дочь прикусила язык, понимая, что сама проболталась в том, что хотела скрыть от меня.

-Так значит, когда я чинил лифт, вы уже плавали на соседнем пляже и наслаждались свободой.

-Мне были там чисто с ознакомительной целью - парировала мое высказывание взрослая дочь.

-И что это за цель была, ты мне подскажешь? – спросил я Николь, но она молчала, как будто набрала в рот воды. Тогда я тебе подскажу, наверняка, вы сверяли градус воды на нашем пляже с чужим. И как результат?

-Но мы только посмотрели тренировочный матч ватерпольной команды – встал на защиту своей сестры разнотрубный брат.

-А, я не тебя спрашиваю – начал я выходить из себя, потому что был раздражен больше не фактом просмотра матча, а утешенным счетом от широких зрительских масс. Тем более что лифт все еще не приходил, а время завтрака было ограничено. Я плюнул на этот лифт, и пошел пешком по лестнице. Уже на первом этаже меня встречали дети, которым посчастливилось проехать на нем в полном одиночестве. Наше появление на завтраке, уже не было ни кем замечено, и меня это потрясло, потому что я ждал совсем другого приема. Уж слишком быстро отдыхающие забыли, кому они обязаны своим достойным питанием, и кого надо ежечасно благодарить за работающий лифт.

И снова море приняло нас в свои объятия, хотя персонально я, уже стал понемногу уклоняться от них. Соленые брызги еще не раздражали меня, но и прежней радости не приносили. Для меня наступил какой-то паритет между желанием и чувством.

Я все еще желал лежать на пляже, и дышать свежим воздухом, но чувствовал, что уже совсем скоро возненавижу и это. Заходить в море мне было с каждым разом все тяжелее, поэтому водные процедуры заканчивались еще на линии прибоя.

Да, и ветер сегодня был просто сумасшедшим, он все время засыпал песок в мои глаза и спрашивал: «Ну, на этот раз ты уже ничего не видишь?». – Нет, вижу – отвечал ему я, потому что давно загорал в солнцезащитных очках, и видел, как разъяренный вихрь заметал отдыхающих в отдельно лежащие барханы. Такая пустынная картина дополнялась одиноко бродящим фотографом, который нес на себе зеленую пальму из папье-маше, несколько резиновых надувных игрушек, а на шее у него на цепи ходила живая обезьяна, которая и предлагала полный набор фотографируемых услуг.

Но барханы лежали без движения, потому что давно пользовались своим дигитальным фотоаппаратом, и платить за обезьянку в объективе просто не считали нужным.

Я предложил обезьянке от всего сердца целый банан, которыми нас кормили на завтрак, как будто Крым в одночасье стал тропиками, но это наглое животное отклонило мое предложение, и потребовала вместо фруктов настоящие деньги.

Я так и стоял с протянутым бананом, пытаюсь договориться с этим хвостатым продюсером, сколько будет стоить одна фотография, без хамской рожи и без интеллигентного образа фотографа. Но марышка спорила со мной, что только ее дарвиновское лицо может придать непередаваемое очарование, моей гнусной персоне. Я только улыбнулся на такой отчаянный комплимент в мой адрес, и пожалел, что на кисти для художников идет ворс других животных, которые в принципе передо мной ни в чем не виноваты.

Но четвероногий живодеер скалился мне в ответ, пророчествуя мне и всему человечеству, что скоро наше время кончится, и я один за все и отвечу. На таких условиях я отказался от панорамной съемки, и обезьянка поняла, что переиграла свою злобную роль, но решила подлизаться ко мне, и все-таки взяла мой банан. Все это время фотограф как будто стоял в стороне, не касаясь своими дрожащими руками ни существа, ни предмета, ни цены разговора. Он давно передал эти вопросы в ведение своего компаньона, который это делал артистично, и прямо на глазах уводил толстый кошелек от зазевавшегося хозяина. В

обмен на банан обезьяна решила меня просто осчастливить, клятвенно заверяя, что не появится в объективе без особой нужды.

Но платить за голову жадного зверя было с моей стороны глупо, и мы снова не договорились ни о чем. Цена фотографии с приматом равнялась по стоимости одного съемочного дня двух крупнейших кинокомпаний мира. Таких расходов я осилить не мог и не хотел. Мы уже собрались с детьми на обед, когда обезьяна сделала новое предложение, но было уже поздно в виду моего разыгравшегося аппетита, после трехчасовых переговоров. У меня даже язык не ворочался, а макака все говорила, и я понял, что она никакой не самец, а самая настоящая самка, которая любит, поговорить, да еще и хорошо заработать на этом. Ровно в четыре, когда жара стала потихоньку спадать, мы снова выбрались на пляж, где обезьянка пряталась под тень пальмы, а фотограф все так же сидел на песке, разыскивая для нас необходимые ракурсы для съемок. Его резиновые игрушки валялись рядом, а сам он обгорел на солнце, от чего его цвет лица стал все больше напоминать шерсть своего компаньона. Только лицо у него было добрым и застенчивым, и это отражение души, и заставило меня воспользоваться его профессиональными услугами. Фотограф снимал нас на фоне моря, на коленях умоляя улыбнуться в ответ на его грустные глаза, и я честно пытался отплатить ему тем же, но безрезультатно. В простом фотоаппарате, который еще называют мыльницей, в котором ничего не видно, судя по своему хлесткому названию. Фотограф сменил черно-белую пленку, но моих зубов он так и не увидел.

Тогда я попросил снять только детей, а мы с обезьяной сидели в обнимку на песке, понимая, что любой счастливый кадр мы можем испортить даже своей тенью. Мужчина с фотоаппаратом в руках как будто дорвался до своей работы, и щелкал снимки, желая запечатлеть на них гармонию жизни и совершенства, и судя по ракурсам, который он все время находил, улыбки моих детей становились все выше и шире. Пот просто ручьями лился с этого человека, но он в азарте поиска лучшего снимка, трудился не за страх, и за совесть. Ах, какой талантливый режиссер проглядывался в нем, и если бы не эта макака, которую надо было кормить каждый день, то он бы уже давно получил своего «Оскара» за свой вклад в кинематограф. Но даже свои лучшие снимки, алчный компаньон не позволил послать ни на один из конкурсов, считая неуместным восхваление фигуры человека творца, над скульптурой мужчины, который неплохо калымит. Может мартышка, была права, потому что в галереях висели другие фотоработы художников, и никто не заметил этой подмены, потому что зрительская катаракта прогрессировала, а репортерская пыль уже давно покрыла их. Но созидаящая душа фотографа все еще жила, наслаждаясь работой, как единственным источником своего вдохновения, находя в ней сладкую истому и забвение. Вскоре к нам начали подходить отдыхающие, которые стали внимательно наблюдать за съемками настоящего цикла фотографий под названием «Еще одно лето без настоящей работы». Но все свои печальные и тревожные мысли на глянцево-белом листе бумаги должны были обрести веселый лик юности и уверенный формат непреходящего счастья. С каждой минутой число поклонников у фотографа росло, и обезьянка начала принимать первые заказы на их исполнение, лишь при условии, что все фотографии будут выполнены мыльницей, и только в черно-белом исполнении. Мартышка от большого количества денег, которые как с неба свались на нее, снова воспылала любовью к своему мужчине, которого по-правде уже давно хотела оставить, если не в этом сезоне, так в следующем наверняка. Но это богатство поколебала ее планы, и она так и не решила судьбу человека, который попал в ее маленькие, но цепкие ручки. Что расставание с художником было неминуемым, эта хвостатая муза знала уже давно и была ко всему готова, и он догадывался о своей брошенной участи, но в плену иллюзий, не верил, что после многих лет совместной жизни можно совершить предательство. Но распад их союза уже был предрешен, и старый фотоаппарат отсчитывал последние общие снимки.

Я уже не видел своих детей, потому что круг любителей фотографии стал таким большим, что от его правильной геометрической фигуры почти ничего не осталось.

В нескольких местах он выгнулся, деформировался, потеряв свои головокружительные очертания, и где-то был сломлен, словно кто-то откусил от этой окружности самую вкусную, хрустящую часть. Вот через этот промежуток пространства я и решил пройти в него, чтобы лицезреть своих детей, по которым так соскучился. Но мещанская мартышка, воспользовавшись сутолокой на пляже, давно сидела на руках моего сына, все время, норовя рассказать тысячу гнусностей о прямо ходящих людях. На такое поведение четвероногого друга я решил ответить, расторжением ранее заключенным соглашением, и заплатить не весь гонорар, а только аванс, но в руки фотографа.

Художник с удивлением смотрел на деньги, не понимая, как они могли оказаться у него, а главное что делать с ними дальше. Его реакция мне была знакома, поэтому я не дал перехватить аванс жадным компаньоном, а настоял, чтобы деньги фотограф оставил себе. Я произнес название нашей гостиницы и номер, где мы будем отдыхать еще целых пять дней, куда необходимо занести фотографии, чтобы в обмен на них получить, оставшуюся часть гонорара. Мартышка смотрела на меня и шурила свои горящие, бегающие, ненавидящие глазки, а я улыбался этому созданию широко, двумя рядами зубов, чтобы она навсегда запомнила вздернутый к зеленой пальме мой, кокосового цвета язык. Только за ужином я вспомнил, что уже как день, истекло время, данное мной администратору, чтобы решить наш жилищный вопрос. Но прежде чем решить его едино начально, я поставил его на коллегиальное рассмотрение. Дети как-то без энтузиазма отнеслись к возможности нашего раздельного проживания, и я, в тайне торжествуя, остался, непроницаем для посторонних взглядов.

-Мы вообще по ошибке попали в этот номер – говорил я. По вине чужого головотяпства мы проживаем там, где не должны.

-А, может это судьба – сказал мне сын, и я понял, что философское генетическое созерцание жизни, еще не полностью побеждено математической расчетливостью. Фортуна специально решила поселить нас в этот номер, чтобы мы подружились.

-Я кстати, тоже подумала об этом – заявила Николь.

-Вы уверены в том, что проживать вместе нам не в тягость? – наносил я провокационные вопросы, пытаясь прощупать общую обстановку в наших взаимоотношениях.

-Ну, папа, что ты такое говоришь – говорила дочь одну и ту же фразу, когда сомневалась в моих умственных возможностях. - Ну, как Миша может мне помешать!

-Но может, ты создаешь ему некоторые неудобства, а он просто терпит твое присутствие. Так сын?

На мои рассуждения математический гений даже захлебнулся от возмущения на меня, и сказал, что если кто и мешает их дружной компании, то, только я.

-А, хотите, я поселюсь от вас отдельно? - предложил я, в порыве своей отцовской возвышенности, куда воспарил на несколько секунд. Но никто не просил меня не делать этого, а наоборот мне посоветовали выбрать номер рядом, в соседней гостинице. – Ну, хоть не через море решили меня поселить родные дети, и не в доме престарелых – подумал я. Хоть за это им спасибо. Но главное во имя друг друга они готовы были пожертвовать мной. Как не тяжела была эта потеря для меня, но она меня не страшила, потому что и общие похороны иногда объединяют близких родственников. Теперь этот черный траур они должны были, пронести в своем сердце, как непреходящее горе, перед лицом которого сплотятся мои дети.

-Ну, хорошо, если вы так подружились на море, то у меня только одно желание, чтобы и в городе вы не забывали друг друга – твердо сказал я.

-Начинается – сказал сын своему отцу, который что-то стал часто впадать в старческий маразм в неполные сорок лет.

-Да, помню – тут же отреагировал я. Кто старое помянет, тому глаз вон.

-Вот считай папа, что его у тебя уже и нет – произнесла нежная дочь.

-Изверги – как отец и король Лир попытался я оспорить свою несчастную судьбу и театрально закрыл навсегда свой правый глаз. Ну, значит, мы все коллегиально обсудили, и я пришел к единственно правильному решению, что нам не нужны три одноместных номера, а только этот..

После моих слов раздался гул неодобрения, потому что кто-то рассчитывал провести свои летние каникулы без моего могучего храпа. – Ну, какие же наивные дети родились у меня, у такого хитрого отца – рассудил я, и по-прежнему смотря на жизнь одним глазом, подошел к администратору, который прятался от меня за высокой стойкой. Он делал вид, что меня не узнает, и все время нервно спрашивал: « Вы только сейчас проехали и уже уезжаете?».

-Я приехал пять дней назад, и по вашей вине живу не в своих трех номерах, а только в одном.

Отпираться от меня уже не было резона, поэтому администратор начал каяться, что как раз вчера, поселил в них уже новых отдыхающих.

-Скажите вы что мазохист? – спросил его я, надеясь понять эту загадочную человеческую душу.

-Нет - прозвучал его ответ, но вскоре к нему он добавил.- Хотя я и сам не знаю.

-Вот чтобы узнать о ваших тайных желаниях, я и взял отпуск, чтобы прилететь именно к вам и помочь разобраться в себе. Ведь без меня никто не причинит вам столько боли, которая одна сможет очистить вас от денежной скверны.

-Предлагаю поделить причитающуюся разницу от сдачи трех номеров поровну – на ухо шепнул мне администратор. От такого наглого предложения у меня рефлексивно открылся правый глаз, и закрылся левый.

-Вы еще смеете мне предлагать мою долю от сдачи трех уже мной оплаченных номеров – весь в ярости, и уже не в себе, я стал перелезть стойку администратора, когда ее можно было просто обойти, сделав лишь два шага налево.

-Я предлагаю просто на этом заработать, тем более что вы живите в таком просторном трехместном номере – оказывал мне сопротивление, сбрасывая мою ногу вниз, и отдирая мои пальцы от деревянных скользящих деталей стойки, вразумлял меня администратор. Ведь лишних денег не бывает, тем более на курорте. Вы хоть знаете, сколько вам полагается?

-Конечно, знаю - сказал я и назвал полную стоимость путевки.

-Это сумма с перелетом – настаивал мой оппонент. Но даже если и ее возьмем как отправную точку, то вы сможете сэкономить до 40 процентов, итого...

-Сорок процентов плохая цифра – встав обеими ногами на стойку, произнес я. Она все время плохо в уме считается. Вот пятьдесят процентов мне больше нравится.

-Хорошо. Пусть будет пятьдесят – заклинал меня этот трусливый мужчина, который боялся, что его посадят, за такие подарки, которые он иногда делам одним отдыхающим за счет других.

-Так значит пятьдесят процентов – уже внизу рядом с администратором мы сообщаем друг другу руки. Свои деньги я хочу получить прямо сейчас – обратился я хранителю своей банковской ячейки.

-Мне надо время, чтобы собрать такую сумму – отчитывался кассир перед своим клиентом, но я ему не верил, потому что чувствовал запах денег.

-А, я тогда обратно заберусь на эту стойку, и буду требовать свои три трехместных номера – пришлось уже мне шантажировать жадного мужчину.

-Сейчас, так сейчас – сдался кассир, и я понял, что я сорвал банк в сказочной стране Монако, так, и не заехав в эту столицу игорного бизнеса Европы, не поставив ни одной ставки. Я играл виртуально, поэтому и выиграл закономерно, так по княжески много. Все время, когда я плавал в море мой белый, мраморный шарик накручивал круги в этом

дубовом, лакированном дупле, чтобы собрать как можно ставок и подмять их все под себя. То есть под меня.

Я уже мысленно целовал этот шарик, который оказался плешивой головой администратора, потому что он отсчитал всю оговоренную сумму, но забыл о такси от аэропорта до гостиницы.

-Сколько вы заплатили за этот вид транспорта? – спросил он у меня.

-Сто двадцать евро.

-Сколько? Вы с ума сошли. К нам же ходит автобус каждые два часа. Это грабеж.

-Я и говорю грабеж. Тут я с вами совершенно согласен. Местное население грабит своих гостей, где и как хочет. Я не говорю, просто об обмане, когда таксист в четыре раза увеличивает расстояние до гостиницы, чтобы получить сто двадцать евро.

-Свой маршрут движения надо заранее отслеживать, чтобы не попасть в такую ситуацию – учил меня уму разуму человек, который спонтанно называл цену за номер, определяя ее по внешнему виду клиента. Как он это делал, для меня было это просто не понятно. Ведь все отдыхающие входили в фойе почти голые, а кто-то и совсем нагим, чтобы показать администратору, что денег просто нет.

Но счастливый шарик в моих словах не заподозрил фальши, потому что каждый день ему приходилось встречать людей, которые неизменно проделывали путь в сто двадцать километров из положенных тридцати, поэтому передача денег и прошла тихо и обыденно. Не пересчитывая денег, потому что в этом процессе мне мешали мои угрызения совести, да, и администратор уже это сделал трижды, я влетел в наш номер с приятной новостью, потому что завтра устраиваем шопинг по городу.

Только Николь поверила в честность и искренность моих слов, так как была наивной в настоящем девушкой, но все-таки женщиной, которая обожала ходить по магазинам и тратить мужские деньги.

Мужское население нашего номера, зная каким не простым, и тяжелым будет завтрашний день, пораньше легла, чтобы не слышать женскую трескотню о шубе из шиншиллы в летнюю жару по цене резинового спасательного круга для детей дошкольного возраста китайского производства.

Чтобы первым разбудить и поздравить с добрым утром Аллу я набрал ее мобильный номер, и долго говорил с ее автоответчиком, который просил оставить свое сообщение только после звукового сигнала. Я все еще надеялся, что услышу голос первой скрипки, после моего веселого рассказа о буднях отдыхающих, но этого, к моему сожалению, не случилось. Мне стало неуютно и холодно, когда все мои слова повисли в воздухе, как голуби, которые не знают, куда им лететь на этот раз. Они проделали долгий и опасный путь, чтобы донести мою любовь к той, которая просто не открыла окно, забыв оставить его открытым.

Моя пернатая стая долго билась крыльями в оконце, тщетно пытаясь забраться скользящими красными лапками, на подоконник, чтобы удержаться, хотя бы на мгновение, и уже клювом постучаться к получателю моих вестей и разбудить его.

Но женское сердце не могло не слышать такого голубиного воркования, оно затаилось, чтобы разобраться в себе.

Впервые за все время отпуска я смотрел на мобильный телефон с надеждой и ждал от него только хороших новостей. Может быть, поэтому я отважился переговорить с мамами, которые наконец-то решили высказать мне свои претензии. Мне оказывается, надо было во всем чистосердечно признаться, что я хочу провести отпуск со своими детьми и все.

То, что правда еще никогда никого не спасала, я знал, поэтому и слово «все» и расшифровал для себя в единственно правильном смысле. Все - это был конец моим надеждам, которые и сбылись, а вернее только начали сбываться только благодаря моей стойкой уверенности, что правду можно говорить, где ее не боятся, и хотят слышать.

Меня даже поняли, что мной ведет не желание настроить детей против разно утробных матерей и не генетических отцов, а только любовь к детям, которые меня, и за своего отца никогда не считали. Я все время благодарно кланялся голосам, которые вещали мне простую истину, а я благословлял женский язык, который по прежнему нес действительно «все», что ему заблагорассудится.

Но дети, кажется, почувствовали, что от таких проникновенных переговоров, я стал на их глазах меняться в лице, и они до минимума сократили этот сеанс моего хорошего настроения, так что до конца наших крымских каникул, не позволили мне общаться с потусторонними голосами. Какие только причины не находили они, но неизменно моя рука не касалась трубки, потому что папа по словам детей, которые не умеют врать, был очень занят, только что отлучился, или принимает с утра до вечера одну и ту же ванну. Такая защита меня вполне устраивала своим нежными рядами, сплотившихся вокруг меня детей, потому что знали, что против их матерей, я выйду всегда безоружным, прихватив с собой лишь несколько улыбок и шуток.

Но по заведенной традиции завтрак по-прежнему оставался краеугольным камнем нашего распорядка, и деликатесы, которыми нас удивляла кухня, не подлежали выносу за территорию столовой. Мы хорошо подкрепились, как и полагается людям, которым предстояло совершить за несколько часов утомительный для мужчин женский марафон. Марафон – это олимпийская дистанция в сорок два километра и 195 метров. Так как расстояния до центра города составляла тридцать километров, то оставшееся расстояние можно было пройти за два- три часа нормальной ходьбы взрослого человека.

Маршрутное такси, в которое мы, сели за тридцать минут домчал нас до вещевого оазиса в этой асфальтированной пустыни, и бросил нас у первого источника, который оказался большим торговым центром. Время в пути было приемлемым и комфортным, не считая стойкого запаха бензина в салоне, который никак не хотел выветриваться, даже при всех открытых окнах и дверях маленького автобуса.

Все шло по расписанию, потому что, от марафона нам осталось пройти ровно двенадцать километров. Оставшиеся шаги я уже не считал, потому этот отсчет уже не вел.

Но все планы на земле созданные человеческим гением всегда разбивались о его безалаберное соблюдение. Никогда еще ни один план не терпел такого унижительного поражения, а сторона, которая должна оплакивать свой разгром не проносила по бутикам с очаровательной улыбкой, все мерить и пока еще ничего не купить.

С половины одиннадцатого до трех часов дня я еще сопровождал своих детей, как верный оруженосец. Но так как оружия мне не купили, которое я должен был носить за своими рыцарями, то мне пришлось стать верным стражем одной великосветской семьи, которая состояла из родных: брата и сестры.

Я просто устал слышать, когда продавцы на любую вещь, какую бы не надела дочь, отвечали как по шаблону: «Вам так удивительно подходит это платье, как будто оно и пошито для вас». Мне почему-то не верилось в их искренность, поэтому я легко варьировал цветом, добавляя к красному платью, например желтую наколку или шерстяной платок. Но все мои модные находки придавали наряду новое очарование в глазах торговцев, и я уже сам сомневался в своем правильном выборе.

Но к шести часам вечера надломились ноги и у стражника, и я честно разделил деньги на троих, оставив для себя чисто символическую часть, которой хватило бы мне, чтобы добраться до гостиницы. Никакие уговоры не могли сдвинуть меня с места, на котором я решил умереть. Я лежал тихо на скамейке и ждал только своей смерти, но она по-видимому тоже выбирала себе самый лучший костюм, чтобы испугать меня, но все никак не могла решиться на покупку.

Но чудо все-таки свершилось, потому что не прошло и восьми часов, как мы переступили это порочное по ассортименту заведение, и случилось то, что счастливые дочь и сын спускались уже по лестнице, чтобы рассказать мне, что они купили себе: Николь приглянулся бордовый купальник, а Мишке черные плавки. Такого удара по своим нервам я вынести не смог, и сказал, что дети не только умнее своих родителей, но и выносливей.

-Папа мы завтра приедем сюда? – спросила Николь.

-Больше мы не переступим порога ни одного заведения.

-А, как же деньги на шоп тур? – задал вопрос сын.

-С деньгами можете делать все, что хотите, но попытайтесь применить их с головой. Это я больше для тебя говорю Николь, и не вертись по сторонам, потому что твое время на разглядывание, одевание и на покупку истекло.

-Я и не заметила, как день прошел – призналась мне дочь.

На ее удивленное замечание, как ни странно я поверил ей, потому что нас разделяли с ней два мира, один, ее, который готов был все купить, и мой, который эту процедуру ненавидел еще раньше, чем она началась.

На последнем рейсовом автобусе мы добрались до гостиницы, и, не поднимаясь к себе в номер, решили перекусить. Но если столовая имела строгое расписание посещений ее со стороны голодных отдыхающих, то кафе напротив работало круглосуточно, что нас вполне и устраивало. Все-таки столовой еще было очень далеко до уровня сервиса частного заведения, и качество блюд, сотворенных из свежих продуктов было просто отменным. Сытые, но уставшие мы перешагнули через порог номера и рухнули, каждый в своей комнате, на мягкую кровать.

От вчерашнего хождения по мукам, у меня ломило все тело, и я не мог даже пошевелиться. Наверное, мои симптомы были больше связаны с психологическим характером, который довлел над всем моим существом, хватая мои нервные окончания в свою тяжелую руку, чтобы поднять мое тело высоко вверх. Тут мне вспомнился неунывающий барон Мюнхгаузен, который попал в болото вместе со своей лошастью, и остроумно потянув себя за волосы, вытянул себя и бедное животное на твердую почву. Такой исторический пример подстегнул меня и я начал подражать ему, сбрасывая свое тело с дивана, чтобы дозвониться до своей фрау Марты. Казалось, что уж сегодня мне удастся достучаться до своей любимой первой скрипки, потому что к ней вместо почтовых голубей я отправил свое горячее сердце. Оно уже давно отправилось в путь, по моему, именному поручению, и должно уже было прийти. Мое сердце билось все сильнее, чем дольше и протяжней звучал для меня телефонный звонок. Я все откладывал за Аллу, когда ей лучше и эффективнее подойти к телефону, чтобы мне не оставалось ничего другого как сказать: «Я так люблю тебя, а ты не берешь трубку. Ты просто лишний раз хочешь убедиться в своей власти надо мной». Но ведь это так было очевидно для меня, что я думал, что слова совершенно лишние в наших отношениях. Слишком много я шутил над собой и подтрунивал над Аллой, что ей могло показаться, что она мне безразлична. Но ведь я так хотел скрыть от нее, а еще больше от себя, что готов сутками ждать ее под дверью, и целую вечность провести, смотря на мобильный телефон.

Но помимо всех навороченных телефонов существуют еще и стационарные, на который я и позвонил. Время было как раз самое удобное для первой скрипки.

Она должна была уже одеваться и наносить на свое лицо такой ароматный, цветной, пряный макияж. Этот дух уже щекотал меня за нос, и я боялся сейчас чихнуть во всю свою мощь, и могу испугать мирно спящих людей. Но и на этот раз моя попытка не увенчалась успехом. Я вышел на балкон, который еще был окутан белыми росинками, вытащил сигарету из пачки и закурил, как единственно полезную вещь, которую мне пришлось купить для себя, в томительные часы ожидания. Чтобы дым не тянуло в комнату, я закрыл за собой дверь, и под голубой дым пытался сосредоточиться, чтобы понять свою ошибку. Я мысленно перебирал несколько наших телефонных разговоров и не нашел ничего предосудительного. Но может, не слово обидело ее, а интонация, ведь у первой скрипки исключительный слух, и она могла услышать то, чего и не было. Хотя это вряд ли. Здесь что-то другое, только что, вот в чем был вопрос. Уже в комнате мой взгляд невольно упал на мобильный телефон Мишки, и я играючи набрал знакомый номер, чтобы после трех гудков услышать: «Алло».

Я даже испугался, потому что просто не ожидал никакой реакции, кроме той, что уже преследовала меня вот уже несколько дней. В первую секунду у меня перехватило дыхание, и я еще долго кашлял в трубку, пока голос не вернулся ко мне.

-Доброе утро – сказал я, как диктор по радио призывает сделать с ним утреннюю гимнастику. Он если и делал ее, то только громко, лежа на диване, поворачиваясь с одного бока на другой, неизменно прихлопывая двумя руками, и считая вслух: «Раз, два. Раз два».

-Здравствуй – услышал я каменный ответ.

-А, вот звоню, звоню тебе, который день, и никак не могу пробить твою тишину.

Вот с мобильного телефона сына решил попытать свое счастье, и с первого раза такой успех.

-Ну, тогда я тебя с ним и поздравляю – все тем же тоном разговаривала со мной женщина, и было слышно, как каждое слово ей дается с великим трудом.

-У тебя что-то случилось? – попытался я протянуть руку помощи через тысячи километров, тому, кто в ней нуждался.

-Нет. У меня все в порядке.

-Скажи, ты специально не брала трубку, чтобы помучить меня, или для этого есть более веские причины? – спросил я.

-Я просто не хочу с тобой разговаривать.

-Не понял. Может, ты еще не проснулась, и просто не поняла, кто тебе звонит в такую рань. Тогда давай еще раз я поздороваюсь с тобой.

Я сделал паузу и все так же бодро и весело сказал: «Здравствуй, любимая».

-Доброе утро Валерий Борисович.

-А, что мое имя без отчества никак у тебя больше не ассоциируется? Мы, что с тобой перешли на официальные отношения?

-Давно.

-Может, ты объяснишь мне тайную природу этих изменений. Еще совсем недавно у тебя был другой голос. Прости, но я тебя не понимаю.

-Вам и не следует ничего понимать, только прошу забыть мой номер телефона раз и навсегда.

-Ах, даже так. Но все-таки мне хотелось бы знать истинную причину нашего разрыва. Ну, хотя бы в порядке информации.

-Ну, если вы до этого ничего не поняли, то вряд ли мои рассуждения помогут вам.

-Ты что меня уже не любишь? - в отчаянье спросил я.

-А, разве я говорила вам, что люблю вас?

-Ну, я думал...

-Я могла вам говорить, что вы мне на какой-то момент понравились, и все.

-Тогда дальше не продолжай. Теперь мне все ясно. Просто твой миг моего познания прошел для тебя, только я этого не заметил. Что делать, это все годы берут вверх. Ну, прощай первая скрипка. Навсегда, прощай.

Я положил трубку, как будто ударил в свои медные тарелки, и мне стало легче, от такого привычного шума в ушах, чем от той тишины, которая царила внутри меня. Этот мертвый покой стоял как одинокий крест на старом заброшенном кладбище.

Уже все давно забыли этот мемориал человеческой памяти, а этот символ из двух перекрещенных частей, все еще держался за землю, чтобы однажды упасть и стать еще одной надгробной плитой. Но вот уже в мою комнату зашли дети, и сухой крест зазеленел, от цветных улыбок и нежных слов. Я решил никого не посвящать в свою тайну, потому что грустный отец в отпуске, это хуже чем холодное и грязное море.

- Так почему это никто мне говорит, что ему снилось прежней ночью? – начал я первый задавать вопросы, чтобы самому не отвечать на них. С сегодняшнего дня заведем такую традицию, что каждый рассказывает о своем сне, а самый лучший рассказчик получит приз.

-А, что это за приз? – торговалась со мной Николь.

-Ты сначала расскажи свой сон, а уже потом мы поговорим о призе.

-Если честно я его не помню, но легко придумаю новый.

-Так ты сегодня приз не получаешь, потому что нам нужна не твоя фантазия, а видение, которое приходило к тебе - сказал я, и исключил Николь из списка претендентов. Теперь ты Мишка!

-Мне снилась мама – произнес он, и внутри меня как будто разорвался снаряд.

-Ну, давай не стесняйся и рассказывай – подбодрил его я, и он слово за слово стал открывать свою тайну сна.

-Как будто мама пришла с работы, и первым делом поцеловала меня, а затем она приготовила сырники, как я люблю, и мы уже вместе смотрели с ней телевизор. Тут Мишка замолчал, Николь заинтригованная таким простым сюжетом спросила: «А, что дальше было?».

-Дальше я, к сожалению, ничего не помню.

-Что ж не густо – подытожил я. Но это уже кое-что.

-Тоже мне сон – издевалась старшая, родная сестра над своим несмышленным братом. Никакого сюжета, никакой развязки – бубнила она про себя, отдельно повторяя каждое слово. – Мама, поцелуй, сырники, телевизор.

Мишка от этих слов как-то сразу поник головой, как цветочный бутон, который за свою откровенность сейчас платил красным румянцем стыда и разочарования.

-Что это ты так разошлась! – решил урезонить я дочь. Тебе только 15 лет, а уже ничего не помнишь. Что с тобой будет в сорок. Сплошные сны, которые ты никому не сможешь рассказать. На твоём месте я бы вообще помолчал.

-Ну, тогда может, ты расскажешь о своём сне? – перенесла она всю свою злость на меня.

-Я бы с удовольствием, но ничего кроме черного квадрата мне не снилось. Уж я так из него старался сделать хотя бы круг, но у меня ничего не вышло.

Дети смотрели на меня, как будто ждали продолжения моего сна, но рассказывать мне больше было нечего, и я молчал, ожидая вердикта со стороны Николь, которая и выступила в роли верховного судьи.

-Да, ну и сны – сказала она. Из такого обилия очень трудно выбирать лучший, но я все-таки попробую. Мне не понравился сон про сырники – посмотрела она свысока на своего брата, и я уже подумал о своей первой победе в этом состязании. Мне не понравился сон про сырники – нарочно повторила Николь эту фразу, – но сон про черный квадрат никуда не годится. Поэтому первый приз получает сон о маме.

-Да, как не трудно признавать свое поражение, но это необходимо. Мне самому тоже больше понравился сон Мишки, чем свой.

-Ну, так что за приз ты назначил за лучший сон? – вся, сгорая от нетерпения, бушевало дочь у меня прямо под ухом.

-А, приз пусть сам победитель и выберет для себя.

-Ты что действительно исполнишь самое заветное желание? – первой догадалась смысленная дочь.

-Самое заветное не могу, но то, что в возможностях человеческих, сделаю.

-Вот Мишка тебе повезло. Ну, почему мне ничего не приснилось. И кто за язык меня тянул, что ночь впустую прошла. Эх, какая я дура.

-Николь, то, что ты глупая мы и так знаем, но не надо же об этом кричать на всю гостиницу.

-Кто глупая? Я? Я просто слишком честная, к тому же приз за сновидение был мне не известен.

-Только не пытайся завтра придумать свой сон. Так как ты честная фантазерка, то солгать у тебя просто не получится. Ну, так что ты уже выбрал свое желание Мишка или нет? – спросил я.

-Да – еле слышно ответил сын.

-Ну, так смело и называй его.

-Я хотел бы позвонить маме прямо сейчас.

-Ну, разве это желание. Это просто ежедневная процедура общения. А, что она еще не звонила тебе сегодня?

-Еще нет. Но я бы сам хотел это сделать.

-Ну, сам так сам – сказал я и протянул сыну свой мобильный телефон. Звони сколько надо и на время не смотри. У меня бесплатный тариф.

Как только Мишка дозвонился, я не стал стоять за душой исполненного, но не выполненного до конца желания, а прошел в ванну, чтобы побриться. Из дезодоранта я выгнал себе белый шар, который по величине напоминал бильярдный, и начал катить его по своему лицу, пока он весь не растаял. Затем словно шашку из ножен я вытащил свой безопасный станок, и, посмотрев на себя в зеркале, застыл.

Я увидел свои глаза, которые явно говорили что-то, но как только мне удалось сорвать пену с уст, слова полились ржавым потоком, как вода из горячего крана.

-Неужели ты решил за десять дней откупиться за все свои прежние грехи – смотрел я на свое отражение. Малую же ты назначил награду! Я бы сказал, самую мизерную, какая только может существовать на свете. Кого ты хочешь обмануть? Ты хочешь купить любовь своих детей за одну поездку к морю! Неужели ты не понимаешь, как низко и подло ты поступаешь. Ведь это еще хуже, чем, если бы тебя просто не было. Одноразовый отец, который вспомнил о своих обязанностях к детям, которые уже давно выросли и совсем не нуждаются в тебе.

Я потерял счет времени, когда оставил в покое станок и с веселой улыбкой вновь оказался среди своих детей. Но они снова смотрели на меня удивленно, и я опять не понимал причину их такого пристального взгляда, который был обращен на меня.

-Кажется, я сегодня чисто побрился, и даже не поранился – начал хвалить я себя.

-Ты же папа совсем не брился - с недоумением произнесла Николь.

-То есть как это – ощупал я свое лицо, и понял, что мыльная пена хоть и осела, обнажив мою щетину, но мне действительно так и не удалось в этот раз побриться.

-Ты что забыл побриться? – спросил Мишка.

-Скорее всего, я о чем-то таком задумался, чтобы завтра наверняка выиграть главный приз.

-Может, ты чем-то расстроен? – справилась о моем состоянии душевного здоровья Николь.

-Интересно чем я могу быть расстроен, когда вы все тут, со мной. Просто я передумал бриться.

-Ну, и правильно, потому что бриться каждый день это вредно, и щетина от этого еще больше растет – как настоящий брадобрей рассказывал мне бритоголовые сказки сын.

-А, ты откуда это знаешь? Неужели ты уже брился.

-Было один раз.

-Ну, как поговорил с мамой? – спросил я.

-Да.

-И что нового слышно в математической науке?

-Мама и дядя Петя передавали тебе привет.

-Спасибо – неуверенно сказал я, и Мишка понял меня, потому что сразу отреагировал на мое сомнение.

-Они ждут, не дождутся, когда мы приедем домой.

-Ну, ты сказал им, когда мы прилетаем.

-Нет. Я только проговорился, чтобы они ждали наш самолет с Алжирского рейса.

-С какого? – не поверил я своим ушам.

-С алжирского.

-Но мы же в Крыму – настаивал я.

-Мы в Крыму, а нас с тобой пусть ждут только оттуда.

-Ты Мишка, можешь хоть с австралийского рейса возвращаться домой – сердито заявила Николь. А, мы с папой прилетим только французской авиакомпанией.

-Какой еще французской авиакомпанией? – находясь в каком-то заторможенном состоянии, реагировал я на слова, все время с секундным опозданием.

-Ну, если мы отдыхаем во Франции, значит домой и должны вернуться оттуда же.

-Я устал повторять вам, что мы в Крыму, а не во Франции, и не в Алжире. И не в какое Монако мы тоже не поедем.

-Как будто, чтобы прилететь из Франции, нельзя чуть раньше отдохнуть в Крыму – настоятельно требовала Николь, чтобы я выучил новый туристический маршрут, который ведет через две, три страны, две из которых настоящие, а одна тоже не придуманная, но больше виртуальная, чем инсталлированная в наш семейный отдых.

-Ну, и дети – сказал я. Вы меня совсем запутали. Пойду я лучше еще раз побреюсь, а то с такой щетиной меня ни в Алжир, ни во Францию просто не пустят.

Я весело побежал в ванную, где быстро закрыл за собой дверь на замок, и, спрятав голову в махровое полотенце, долго сжимал свои глаза, чтобы не проронить ни одной слезы. Через минуту я собрался с силами и все-таки побрился без единой царапины на лице, вот только морщин на нем стало больше. Я вылил на себя одеколон, так же щедро, как это делал мой сын, и почувствовал, что просто угораю в закрытой в ванной комнате от этого запаха. Тут же кто-то схватил меня за руки и поволок на завтрак. Мы даже легко поймали лифт, на нашем этаже, и втроем несколько раз прокатились вверх, вниз, чтобы оказаться в столовой под ее самое закрытие. Снова к представленному изобилию нельзя было отнестись спокойно, и мы со всех сил противостояли этому чувству, но безрезультатно. Только когда мы уже собирались уходить, ко мне подошел грустный заведующий столовой, и, отведя меня немного в сторону, попросил рассказать о своей мужской живучести. Так как чувство сытости приводит к нарушению или к ослаблению мозговой активности, то ко мне ни сразу пришел тайный смысл, сказанных слов.

-Только ежедневные тренировки могут помочь в этом деле.

-Валерий Борисович – обратился сильный мужчина. Ты пойми, что у меня в кулаке даже камень слезами плачет, а тут мужские ...

-Есть один рецепт в тибетской медицине, так он прямо говорит, что может помочь мужчине, чтобы стать сильнее и победить.

-Может, ты мне расскажешь о нем, а я век буду людей вкусно и красиво кормить.

-Я расскажу вам об этом рецепте, но только перед самым отъездом. Но, если вы дадите мне слово, что кормить людей будите еще и честно, то я вам еще кое-что покажу.

-Даю тебе слово Валерий Борисович. Ну, и ты уж не обмани меня.

-Слово – сказал я и протянул руку для дружественного рукопожатия.

Когда заведующий схватил ее, то я подумал, что на мою руку свалилась глыба в несколько тонн. Но когда он начал трясти ее, то, как он не оторвал мои пять пальцев от кисти, я до сих пор понять не могу. Мне пришлось после этого перевязать руку, потому что у меня был, кажется, вывих. Уже лежа на пляже, я только сейчас подумал, что могло со мной произойти, если бы заведующий не перепутал две такие разные игрушки. Но солнце, песок, и море лечит лучше всяких докторов, и я уже принимал только их и наставления и рецепты и даже пил соленую микстуру. День сегодня выдался просто замечательный, а главное такой разнообразный на разные выдумки моих детей. Они всячески хотели мне чем-то удружить, поэтому и издевались надо мной как хотели. Сначала Мишка, снял с меня кожу, которая уже шелушилась, но он как профессиональный шорник добыл с меня выдубленную на соли шкуру неизвестного животного размером два на два погонных метра. Мое свежее мясо тут же начала портиться на солнце, поэтому он и покрыл меня кремом для загара, как думал я. Но вместо крема он предложил новый радикальный способ защиты от ультрафиолетовых излучений, а именно зубную пасту, которую и массировал мне на спине. Такая забота обо мне показалась для меня чрезмерной, и я не знал, как благодарить его за это. Но как только крем на спине высох и покрылся белой тонкой коркой, которая стянула мое туловище до размера грудной клетки молоденькой и худосочной балерины, то я понял, что здесь что-то не так. Да, и взгляды удивленных отдыхающих, которые видели в своей жизни любого цвета загар, но белый, как мне показалось, им понравился больше всего, тем более что мятный запах так был приятен и свеж. Но терпеть такую сыновнюю заботу у меня больше не было отцовских сил, поэтому я взял кепку, ласты и трубку, чтобы искупаться в море. Я давно делал вид, что не видел, как родная дочь, забивала трубку песком, а в ласты положила свинцовую пластинку, поэтому, прощаясь со своими детьми на берегу, я просил их запомнить меня счастливым. Я навсегда попрощался со своими детьми, потому что решил утонуть в апогее их чувств ко мне на море, чем жить, и вести размеренное существование без них в городе. Да, и Алла не оставила мне другого выхода, как искать мое тело при помощи

водолазов. Я еще несколько минут побултыхался в лягушатнике, а затем ушел, как "Титаник" в открытое море и затонул.

Я вышел на берег, на другом пляже, где когда-то мои дети смотрели матч ватерпольных команд, потому что по телевизору должны были показывать футбол, где решалась судьба выхода в одну восьмую часть мирового первенства. В одном из баров, где мужики уже оккупировали места, я и нашел скромный уголок, где видел только часть экрана телевизора, но был рад и этому, потому, что многим не досталось даже этого зрелищного вида. Но смотреть футбол в компании, которая пьет пиво, и так рьяно болеет, было невыносимо, и я предложил официанту в залог трех бокалов пива свои ласты и трубку. Взвесив руками эти морские аксессуары, он остался доволен их тяжестью, как будто принимал цветной ворованный металл, но вместо трех пивных кружек, налил мне одну, пообещав, что в следующем тайме, если наши забьют, наполнит ее еще раз. Но с первой же минуты, когда прозвучал свисток арбитра, было видно, что наша сборная уже устала играть на чемпионате, и хотела домой. Нулевой счет держался до тридцатой минуты, пока соперник не отправили в нокдаун нашу защиту, вратаря и пол страны, которая уже лежала под столом. До окончания первого перерыва счет так и не изменился, поэтому я остался с пустым бокалом до 65 минуты, когда наши сравняли счет. Реабилитационный период для лежащих в коме болельщиков прошел, и они залезли на стол, и стали выкрикивать воинствующие кличи, суть которых сводилась к одному, что мы всех порвем, если раньше нас не порвут.

Официант сдержал свое слово, и налил мне пиво в тот же бокал. Ничейный счет нас устраивал, пока его наши соперники не изменили в свою пользу. Снова наступила звенящая тишина, и только было слышно, как болельщики, на миг, оторвавшись от голубых экранов, передавали друг другу страшную весть из уст в уста.

-Ты слышал, час назад человек утонул – сказал один патлатый фанат другому, который был уже наголо побрит.

-Да, ты что – удивленно развел он руками и снова уставился на экран.

От этого диалога у меня остановилось сердце, и я стал приставать со своим вопросом к парню, у которого была такая экзотическая прическа.

-А, кто утонул, ты не подскажешь? – нервно стоял я уже у дверей, чтобы ринуться в морскую пучину и попытаться спасти всех, кто в этом нуждался.

-А, я почему знаю. Говорят, мужик какой-то сиганул в море и не вернулся.

-Слава богу, что мужик утонул – сказал я и тут же вокруг меня сомкнулся ряд из мужских тел.

-Это, в каком смысле, слава богу?

-Ну, только в том, что ни женщина утонула, ни ребенок – честно говорил я о своем самопожертвовании в этой вопросе.

Тут же нашим забили еще один гол, и лысый болельщик произнес фазу, с которой согласились все присутствующие: »Жаль мужика. А, вот нашу футбольную команду я утопил бы собственными руками».

-Правильно все говоришь – подхватил этот футбольный реквием официант. Только когда их будешь топить, то вратаря оставь мне, пожалуйста, потому что должна существовать хоть какая-то справедливость на свете.

-А, мне левого защитника – раздался голос издалека.

-Тогда мне центрального нападающего – сказал десятилетний летний мальчик, который плакал от обиды за наших.

Спустя несколько минут вся команда разошлась по нежным рукам, и только тренер остался некому не нужен. Он тут же произвел три замены, и наши отыграли один мяч. Только зачем они это сделали? Они же дали нам надежду, которую мы давно похоронили, а так нам пришлось снова выкопать ее из под земли, и оставить не прибранной на кладбище. Но истекла третья добавочная минута, и болельщики начали скорбно покидать

пивной бар, потому что наша любовь к футболу была беззаветной, но, к сожалению, безответной. Я шел на свой пляж, тоже еле сдерживая слезы, то ли от засуженного поражения, то ли за трубку и ласты, которые еще надо было выкупить обратно. Возле того места, где два часа назад я оставил своих детей, собралась большая группа отдыхающих, и это меня сразу же насторожило. В самом круге этой толпы я увидел своих детей, которые рыдали навзрыд, и никто не мог их успокоить.

-Почему так плачут эти дети? – спросил я женщину, которая тоже утопала в слезах.

-Бедные дети – сказала она и начала сморкаться в платок.

-А, почему сразу бедные – возмутился я. Да, может они не богатые, но все-таки и не нищие.

-Какой вы толстокожий мужчина. Эти дети бедные, потому что их родной отец утонул два часа назад. По их словам, это был замечательный и талантливый мужчина. Он так любил их, а они его.

-Может дети как всегда все преувеличивают. Просто им показалось, что они его любят, только и всего.

-Вы послушайте сами, что они говорят о нем.

Спасатели, которые стояли ближе к моим детям, начали задавать вопросы, чтобы составить, по-видимому, фото-робот утопленника, который они должны были показать всем местным бычкам и креветкам.

-Сколько лет было вашему отцу? – деликатно спрашивал молодой юноша, который, наверное, впервые столкнулся с рядовым несчастным случаем на море.

-Почему вы говорите о нашем отце в прошедшем времени – сквозь слезы рассуждал Мишка. Он не был, он всегда будет.

-Да, правильно – решил по-другому повести свое расследование спасатель, который был, а одних плавках, без спасательного жилета. Как выглядел ваш папа, когда вы его в последний раз видели живым?

Но слова «в последний раз» тоже не понравилось моим детям, и они начали снова плакать, чтобы разжалобить морскую стихию, чтобы она выпустила меня из своих мертвых объятий. О, как плакали мои дети. Я бы сказал, что по настоящему, потому что не заметил в их действии ни капли фальши, ни наигранности. Я смотрел на них, и понял одну простую вещь, что никогда не надо предохраняться от нежелательной беременности, потому что, именно так, появляются лучшие дети на земле. Надо просто не вступать в половые отношения с людьми, с которыми плохо знаком и чья группа крови тебе просто не подходит. Ведь только от такого секса, можно получить болезни, которые передаются непрерывным чередованием партнеров, которые не помнят тебя в лицо, а только по родинкам на твоих гениталиях.

Но спасатель снова совершил бестактность, задавая бестактные вопросы родственникам утонувшего, которые никак не могли смириться с такой дорогой и свежей утратой.

-Скажите, как выглядит ваш отец? – спросила Ирина, у которой было женское сердце и девичья память. Уж, она знала о моих достоинствах очень хорошо, потому что мы несколько раз лежали рядом на пляже, и смотрели друг на друга сквозь солнечные очки.

-Наш папа умный, и добрый человек – собравшись немного, как и положено мужчине, взяв Николь за руку, говорил Михаил.

-Он еще и красивый – добавила дочь, и толпа отдыхающих начала оплакивать меня как секс-символ, который утрачен для человечества навсегда.

-Может, есть еще какие-то приметы, которые помогли бы нам быстрее его обнаружить? – допытывалась Ирина, которая так и не смогла лично, сама их идентифицировать.

-Он талантливый музыкант, и пишет музыку – назвала первые отличительные признаки Николь, только от кого она это узнала, мне было самому не понятно.

-А, скажите, на теле вашего отца не было наколок, характерных шрамов?

-Много лет назад отец попал в аварию, поэтому у него есть шрамы в области сердца, на руках, и на спине – членораздельно говорил Михаил, но тут же его голос дрогнул. – Как же мы теперь будем жить без него? – задал он себе вопрос и не нашел ответа.

Вот на этом вся моя роль стороннего наблюдателя и кончилась, и началась счастливая партия утопленника. Как только я показался из стройных рядом отдыхающих, дети подбежали ко мне, а я их подхватил на руки, и понес, теряя всякое разумное представление, куда нес, зачем, и почему мне так хорошо, как еще никогда в жизни не было. Я слышал, как бьются из сердца, которые потеряли меня на несколько часов, а моя утраченная вера в себя вдруг вернулась, как рыбацкая лодка после многих лет испытаний к своему причалу. Я все еще перетаскивал своих детей с места на место, не позволяя им сойти с моих рук, лишь изредка делая для себя привалы, потому что все еще не мог разжать своих объятий. Это гулянье продолжалось до ужина, пока Николь не увидела своих ухажеров, которые вот уже два часа ходили за мной, все время, споря между собой, на долго ли хватит этого старика, носить такие тяжести.

-Папа – произнесла Николь. Но мы ведь давно не маленькие. Отпусти нас, пожалуйста, на землю, по тому, что это уже неудобно.

-Что же тут неудобного?

-Но ты же папа, а не рикша. К тому же такой талантливый.

Я все-таки оставил своих детей в покое, но только, чтобы задать встречный вопрос, откуда им все это известно

-Так мама всегда говорит – с недоумением ответила дочь.

-Почему же я от нее этого никогда не слышал?

-А, это она говорит всегда, когда ты уходишь.

-Зато когда я прихожу, она награждает меня одним и тем же словом.

-Если ты говоришь об одноразовом отце, то она делает специально, чтобы просто позлить тебя.

-И это передай, удастся ей на славу.

-А, моя мама всегда прихорашивается, когда ты должен прийти – признался сын. По этому поводу, они часто даже ссорятся с отчимом.

-Вот это новость. Скажи, маме, что краситься для одного меня не стоит, потому что я ее люблю больше не накрашенной. Пусть она берет пример с Николь, которая наносит такие тени на глаза, которые как затмение закрывают от нее весь мир. Да, наверное, и тяжело носить все время на веках несколько килограммов такой красоты.

-Да, я и не красилась сегодня... почти – сказала дочь.

-Я верю тебе, потому что почти, совсем не считается. А, как хорошо иногда утонуть, чтобы узнать о себе столько нового и интересного. Все-таки хорошо, что я справился морским чудовищем и воскрес из мертвых.

На все уточняющие вопросы, где я провел эти незабываемые часы детского горя, мне пришлось, отвечать загадочно, поднимая брови вверх, намекая, что только их любовь и спасла меня. Так же втроем мы прогуливались по окрестностям гостиницы, и неизменно нас сопровождали два рыцаря, чью родословную мне так и не довелось прочитать, но имена я запомнил на всю жизнь.

-Слушай Николь пойди, спроси у Саши и Стаса, что им нужно от меня, потому что если это сделаю я, то будет хуже.

Николь оставила нас с Мишкой, а сама с гордым и вызывающим видом, как первая красавица, которая определяется на рыцарском поединке, пошла, выяснять, почему еще один ее поклонник не повержен, а победитель не называет ее имя, как самой прекрасной девушки на земле. Вскоре она вернулась вся сия, и трудно было объяснить это изменение в ней, или солнце просто зашло за тучку, не желая соперничать с Николь, не в силах разбить столько юношеских сердец за семь дней отдыха в Крыму.

-Папа можно я сегодня пойду на танцы? – спросила дочь.

-Не знаю, этот вопрос надо обмозговать сначала. Ну, как Миша отпустим сестру на танцы?

-Да, пусть идет. Ведь она все равно пойдет и нас не послушает.

-Это как она нас слушать не будет. Вот захотим и запретим это ей. Но мы же с тобой добрые, пусть потанцует, но прежде скажет, с кем она идет на танцы.

-На танцы я иду с обеими.

-Вот это да – раскрыл я рот. Сразу чувствуется размах. Я боюсь, что вы на танцы пойдете трио, а вернетесь квартетом.

-Так значит, я иду на танцы?

-Идешь – ответил я. Но только в сопровождении своего родного брата.

-Это еще зачем?

-Так мне будет спокойнее – сказал я.

Николь сделала недовольное выражение лица, и чтобы ее не расстраивать я предложил ей уместную, на мой взгляд, альтернативу.

-Если не хочешь идти на танцы в сопровождении родного брата, то родной отец тогда готов составить для тебя компанию.

-Ну, это меня совсем не устраивает, тогда все-таки Мишка. Потому что это танцы не для тех, кому за тридцать.

-А, кто-то называл меня еще совсем недавно молодым и красивым отцом. Но видно он или она погорячились с этим определением.

-Ну, ты в это время, когда мы будем танцевать, тоже с пользой проведешь время – настаивала дочь. Правда, твои нотные тетради уже все исписаны. Но специально для тебя мы начертим новые линии, и ты сможешь спокойно творить в тишине.

-Вот за это большое вам спасибо. Я только решил отдохнуть, а вы нашли мне новую работу. Значит, вы будите танцевать, а я буду сочинять музыку.

-А, что это неплохое предложение – подхватил новую инициативу своей сестры родной брат и стал меня уговаривать, в этом, единственно правильном решении. Дядя Петя всегда говорит, что время надо использовать с максимальной пользой.

-Ну, если твой отчим, то, тогда я просто полежу на диване, и не засну, пока вы в полном составе не придете в номер. Время я вам даю ровно до двенадцати, и не дай вам бог перейти этот максимальный предел.

-А, что тогда с нами будет? – испытывала уже мои нервы Николь.

-С вами ничего, а я вот пойду и утоплюсь по настоящему. Так что не испытывайте мои нервы.

Этот довод сразил моих детей наповал, и они больше не пререкались со мной, когда в восемь часов покинули меня. Правда перед этим они сдержали свое слово, и пролинеяли всю писчую бумагу, которую только сумели найти. Этой музыкальная судьба должна была коснуться и паспортов, но я вовремя заметил это святотатство, и насильно отобрал документы, потому что не хотел видеть небо в большую, серую клетку. За написанием увертюры я честно провел два с половиной часа, но не в силах больше и минуты высидеть на стуле, отправился на поиски настоящего вдохновения.

Настоящая музыка манила меня к себе, завораживая своими современными ритмами. Весь, сгорая от своего композиторского любопытства, я стал внимательно слушать нехитрые мотивы, чтобы придать им новое звучание через свои еще ненаписанные произведения. Но чтобы, как обычно, меня никто не заподозрил в плагиате, я взирал на молодежную тусовку из кустов, которые окружали танцевальную площадку. Мне удалось найти мертвую точку, где мои дети были у меня как на ладони, а я для них незрим. Одно лишь огорчало меня, что кусты эти были настолько же дикими, и еще больше колючими. Каждое неосторожное движение приносило мне ни с чем не сравнимые мучения, и от боли я тихо стонал, потому что кричать можно было только под громкую музыку. Но сейчас поставили «медяк», и я терпел боль, представляя себя дикой степью, которую впервые коснулась первобытная борона.

Если эти прикосновения первые полчаса еще можно было рассматривать как лечебный массаж, то когда поднялся сильный ветер, это уже было распятие и расплата за мою отцовскую любовь. Николь все время танцевала то, с одним кавалером, то, с другим, и я понял, что она придет в гостиницу не с квартетом, а с целым классическим хором. Мишка же сложил руки за спиной, делал вид, что это все его не касается, пока белый танец не заставил его конечностям найти другое применение. Молодая девушка, наверное, приняла его за студента первого курса, потому что все навязывала ему свое представление о своих мироощущениях в эту звездную и ветреную ночь. Он как настоящий мужчина не мог ей ни в чем отказать, и уже шел под ручку с ней в неизвестном направлении. Я уже был готов его перехватить, но Николь тоже зря время не теряла. Она быстро отбила брата из рук этой русалки, да еще не лицепрятно высказалась о ее немой голове. На мой взгляд, этого говорить не следовало, но то, что она стояла за родного брата горой, мне понравилось.

К боли за полтора часа я почти привык, и уже шутя, вытаскивал из себя шипы, как медицинские уголки, которые были маленькими, но такими жгучими. Но этого же не доставало мне хлопот, когда молодые люди облюбовали мой снайперский уголок для других насущных мест. Мне пришлось, несколько потрудиться над своими возможностями говорить с людьми на языке зверей, но ни коты, ни собаки, не могли испугать этих вандалов. Но когда я зашипел как ядовитая змея, то струйное выпадение осадков в мою сторону прекратилось. К тому же время было комендантское, и я, как только увидел, что дети оставили танцевальную площадку, побежал в номер, и где и занял более удобный район за присмотром своих детей.

Николь и Мишка не хотели меня будить, поэтому и зажгли свет везде, где он только мог гореть. Даже мой искусственный храп не мог им помешать, так оживленно обсуждать все перипетии сегодняшнего вечера, который уже стал историей, еще пол часа назад. Только около двух, они пожелали друг другу спокойной ночи и легли, каждый в своей комнате, но двери свои не закрыли. Этот открытый жест мне был непонятен, и я ломал голову над его разгадкой - всю ночь.

Не иначе дети, что-то задумали!

Давно уже миновал экватор наших крымских приключений, и оставалось еще чуть-чуть и все закончится. Но в эту простую истину не хотелось верить, поэтому мы так ценили время, чтобы как можно чаще находиться вместе.

Следующий приз за лучший сон получила Николь, которая с такой непосредственностью, рассказала о стоимости наряда, который был на ней во время рядового сна, что мы ей безоговорочно поверили, потому что Золушкой из второй части сказки хочется стать любой девушке. Но дочь, просто огорошенная призом, который свалился с нее прямо с неба, попросила несколько часов на раздумье, чтобы окончательно решить, какое желание я должен исполнить. Я тут же сказал, что платье никак не может быть предметом рассмотрения, потому что вызывать зависть у отдыхающих девушек и женщин не намерен ни при каких обстоятельствах.

За завтраком мы еще сидели как музыкальное трио, а вот на пляже нас стало так много, что я своих детей практически не видел. Николь собрала целую бригаду из своих поклонников, которых доводила до бессознательно глупого состояния. Молодые люди сидели вокруг нее как аборигены, которые впервые видели белого и красивого человека, и слушали его сказки про другой, большой и загадочный мир. Для особенно пострадавших от этого женского миссионера, Мишка проводил математический релаксационный период, а именно что-то чертил, какие-то формулы и взгляд некоторых становился от этого ясным. Но мне уже надоело слушать и смотреть на это молодежное собрание, и я решил искупаться в одиночестве, чтобы хоть немного развеяться. Не успел я проплыть и двух кабельтовых, как меня уже на море стали преследовать голоса. Оказывается, все это время я плыл под неусыпным контролем лучших пловцов, которые и должны были меня спасти. Но эти телохранители настолько близко находились от меня, что я действительно мог пойти ко дну, потому что движения мои были ограничены их кучным расположением. Я попытался заверить своих спасателей, что не нуждаюсь в их услугах, но они были неумолимы, и такой же стройной стаей, мне пришлось вернуться на берег. Тут же мне попала Николь на глаза, и я решил ей устроить Варфоломеевскую ночь.

-Это что за группа спасателей сопровождает меня? – спросил я.

-Ну, ты же знаешь папа, что плавать всегда надо как минимум парой. Так можно вдвое снизить уровень несчастных случаев на воде.

-Или дважды увеличить количество ссор на суше – не унимался я. Так, чтобы я больше никого в радиусе 10 шагов от меня не видел.

-На суше твои претензии совершенно уместны, но в воду ты один не ступишь даже пальцем.

-Николь я не шучу, и твои шутки сейчас понимать не хочу. Но за свои права я буду сражаться, даже против этой оголтелой команды ватерполистов, для которых моя голова всего лишь кожаный мяч

-Когда папа ты будешь сражаться за свои права, то вспомни еще и о наших правах с Мишей.

-А, вы тут причем? – нервно сказал я, все еще оглядывая толпу своих телохранителей.

-Я и Миша хотим сохранить тебя не только для нас, но еще для наших детей, то есть для твоих внуков.

-Каких еще внуков? Вы сами еще дети. А, для своих потомков достаточно будет и фотографии. В случае чего и расскажете им, что у вас был отец, который не умел хорошо плавать.

-Вот с такими мыслями тебя не то, что в воду, тебя и на суше одного оставлять нельзя.

-Ах, вот почему вы вчера не закрыли свои двери в комнаты. Вы что устроили надо мной суточный патронаж? Так это еще рано, и я к тому же сильно возражаю.

-Да, мы решили с тобой не расставаться, и теперь ты находишься под нашим неусыпным наблюдением.

-Что-то как сразу все стало с ног на голову. Это вы у меня под наблюдением, а не я у вас. Прошу это тебе запомнить, и передать Мишке. Где он кстати?

-Он пошел в номер.

-Зачем?

-Он забыл свой мобильный телефон.

-Это точно? – с подозрением спросил я и в тот же миг увидел сына, который уже подходил к нам.

-За восемь дней, ты впервые берешь свой дорогой мобильный телефон на пляж. Это же подарок отчима.

-Я решил Наташе показать несколько фотографий – ответил он мне.

-А, кто такая - это Наташа? – задал я не самый умный вопрос, понимая, что речь идет о девушке, вот, сколько ей было лет, меня интересовало больше всего.

-Наташа – это я – сказала мне на ухо девушка, которая танцевала вчера с Мишкой.

На танцах издалека мне она показалась меньше и изящней, а сегодня просто огромной, потому что была чуть меньше меня по росту. Вот и до нас докатилась сексуальная революция – подумал я и понял, что просто этого не переживу. Поэтому я встал на защиту рубежей нашей целомудренной Родины, чтобы чего не вышло. Наташа смотрела на какие-то фотографии, и так оглушительно смеялась, что море выходило из своих берегов. Как только все пошли искупаться, то мы с Наташей решили поближе узнать друг друга. Это было совсем не сложно, потому что девушка трещала без умолку, превознося до небес математическую логику моего 17 летнего сына.

-Кому 17 лет? – переспросил я, все еще надеясь на слуховую галлюцинацию.

-Вашему Мише. Правда, мне уже 20 исполнилось, но это не такая большая разница.

-Мишке тринадцать, и через четыре месяца исполнится только 14 лет.

-Но он же сам назвал мне свой возраст - начала прозревать девушка, которая находилась в самом соку.

-В его возрасте это нормально немного преувеличить свой возраст.

-Но может, вы ошибаетесь. Вы ничего не перепутали?

-Ну, хочешь Наташа, как это делают японцы, к самому рождению прибавляют еще девять месяцев, когда плод находится в чреве матери. Но и этого ничего не изменит.

-А, вам, сколько лет? – перекинула свой взор девушка на меня обгоревшего.

-Мне тридцать восемь.

-Я никогда не встречала, чтобы у братьев была такая большая разница в годах.

От этих слов в глазах у меня полетели белые мухи, а я от неожиданности не успел их спросить: «Куда они летят, а главное зачем?»

-Да, четверть века между братьями – это не самая оптимальная разница, но что поделаешь, коль все так уже произошло – начал я жаловаться на свою судьбу, но решил второй секрет Михаила его девушке не рассказывать. Хватит с нее и того, что ему тринадцать, и то, что она говорит сейчас с его отцом, ей этого знать уже было необязательно. Я все еще надеялся, что Наташа обратит на меня свое женское внимание, но родной брат Миши, ее совсем не интересовал.

-Только давай Наташа все сохраним, как есть, чтобы мой брат ни о чем не догадался. Ему по-прежнему 17 лет, а я как брат навсегда сохраню наш разговор в тайне.

-Хорошо. Я согласна. А, когда вы уезжаете?

-Послезавтра.

-А, я только вчера приехала. Как обидно.

-Все что не делается, делается к лучшему. Ну, кто знал, что мой брат захочет стать старше, чтобы тебе понравиться.

Тут многочисленная группа отдыхающих вышла из воды, и я снова напомнил Наташе о нашем уговоре. Она махнула в знак одобрения мне головой, и я пошел поближе к морю, чтобы не мешать первому расставанию юношеской любви. Эта разлука была так же

неминуема, как шторм, который надвигался на побережье. В северной части дали, небо уже почернело, ветер усилился, вздымая волны все выше, и ревущий голос моря становился все тяжелей. Потянуло свежестью, воздух стал разреженным, готовый полыхнуть в любую минуту от огненной молнии, которая как росчерк пера, уже что-то писала своими светлыми чернилами на почерневшем от сырости, листе голубой некогда бумаги. Вот и дождь застучал по песку своими одинокими большими каплями, оставляя на нем многочисленные воронки, как после артиллерийского обстрела. Через минуту серая пелена дождя накрыла нас, на пол пути между пляжем и гостиницей. Но так как никаких средств к защите от стихии у нас не было, и место это было совершенно открытым, то мы бежали со всех ног в свой номер, который уже через день нам предстояло оставить. Как быстро человек привыкает к хорошему, и как долго живет воспоминаниями о прошлом. Я уже знал, что скоро мне предстоит скучать по этим стенам, которые стали действительно моим домом на эти десять счастливых дней. Но ни комфорт, ни сервис гостиницы, ни ежедневная уборка номера не печалили мое сердце, что придется расстаться со сферой услуг. Мне снова предстояла разлука с детьми. Теперь они будут просыпаться без меня, без друг друга, и это откровение ранило меня глубоко, так глубоко, что мне не хотелось жить.

Но чем печальнее становился я, тем дети становились ко мне внимательней, и всячески старались отвлечь меня от своих потаенных мыслей.

Дождь лил как из ведра, и ничего не было видно даже под моим носом, который я выставил на балкон, чтобы понять, надолго ли мы прикованы к гостинице. Но никакими природными навыками, которые определяют погоду, я не владел, а запах дождя не принес мне никаких обнадеживающих сведений.

После теплого душа, который мы приняли каждый друг за другом, и сладкой истомы, когда можно просто посидеть на стуле, выбросив ноги далеко вперед, созерцая себя и своих детей, которые смотрели какую-то мелодраму, я немного киморнул. Но как только громкость стала громче в телевизоре, я понял, что мой храп переходит всякие добропорядочные границы, мне удалось кое-как очнуться, чтобы досмотреть фильм в самом его конце. Я посмотрел на время, и понял, что было уже около девяти часов, а желание Николь еще не исполнено. Я напомнил ей об этом, и уже подумал, о невозможности исполнить его, но был удивлен ее словами.

-А, давайте сегодня вообще никуда не пойдем. Я хочу, чтобы мы побыли просто втроем. Вместе. Вот это и есть мое заветное желание.

-Ну, а как же твои поклонники переживут без тебя? – провоцировал я дочь.

-Ничего с ними не будет, а у нас осталось так мало времени.

-Время отпуска всегда ограничено – пытался я развеять грустные мысли молодой особы, которая после сказанных слов, отвернула свое лицо, чтобы никто не увидел, как судорога прошла по нему. – Но мы лишь сменим адреса нашего проживания, чтобы встретиться у меня, когда вы этого только захотите.

-Николь ты придешь ко мне в гости? – спросил Мишка.

-Ну, конечно приду, но сначала ты ко мне, идет.

-Как скажешь. Я могу установить у тебя камеру, и мы сможем видеться, хоть каждый день.

-По скайпу, или как он там еще называется, общаться я вам запрещаю – воспротивилось во мне все человеческое нутро. Такой вид услуг предназначен для людей, которые отделены друг от друга тысячами километрами. Вам же достаточно полчаса, чтобы встретиться и провести какое-то время вместе. Прогресс – это дело хорошее, но он никогда не заменит живого общения.

-Ну, тогда я еще что-то устанавливаю тебе – настаивал Мишка. Я скачаю любую программу для тебя из Интернета. Хочешь?

-Мне все равно братик, главное, чтобы ты пришел.

-Ну, если вы действительно решили провести этот вечер вместе, то я сейчас вернусь.

-Куда ты папа? – спросила Николь.

-Я сейчас вернусь. Только пойду и закажу нам, что-то вкусненькое. Принимаю заказы до одной тонны. Ну, кто чего изволит?

-Мне бы мороженое – тихо сказала дочь.

-А, я вообще ничего не хочу – ответил на мое предложение сын.

-Что это вы такие грустные, я не пойму. Так, минуточку терпения, и все будет в ажуре.

Я по лестнице спустился в бар, заказал рыбное ассорти из свежей рыбы и морепродуктов, купил безалкогольное шампанское, и мороженное. Мне сказали, что мой заказ принесут прямо в номер, но я не стал обременять официантов, а схватил поднос и по лестнице и уже отправился, отпраздновать желание Николь, которое было не только ее, но и моим, и Мишки.

Мое появление было встречено удивленным салютом слов, потому что никто не ожидал от своего предка, такого чуткого прочтения и понимания сегодняшнего момента. Все хотели надолго запомнить это вечер, поэтому медленно наслаждались его каждой секундой, как каждым пузырьком без алкогольного шампанского, который я приказывал тщательно закусывать, чтобы на утро не болела голова. Только в два часа ночи, оставив на столе, все как есть, мы уснули втроем на моей кровати, как гости, который так отметили торжество, что просто стали его составной, не преходящей частью.

Наш номер в этот утренний час, представлял собой полный разгром и мои шатания, которые были направлены только на одну цель, привести хоть какой-то пристойный вид вчерашнему застолью. Я собрал остатки рыбного ассорти и положил его в холодильник. Недоеденное мороженое растаяло и мне пришлось его вылить в умывальник. Я сполоснул три бокала, вытер стол, и уже смотрел на детей, которые так сладко спали.

Почему-то сейчас я мне захотелось позвонить Алле, и я даже набрал ее телефон, но на третьем гудке, прекратил вызов своего любимого абонента, и положил трубку далеко от себя. Я отложил наш с ней разговор еще на несколько дней, чтобы поговорить с ней лицом к лицу. Этот живой вариант общения, мне показался предпочтительней, а главное честный и действительно прямой. Я хотел еще раз вблизи посмотреть в ее глаза, чтобы все понять до конца самому.

Осторожный стук в дверь нарушил ход моих мыслей, и мне пришлось открыть дверь утреннему гостю. На пороге номера стоял фотограф, который застенчиво улыбался и сразу протянул мне бумажный конверт. Все та же обезьянка сидела у него на плече, и корчила свои незатейливые рожицы. Я уже хотел расплатиться с ним, но мартышка прыгнула на меня, затем спустилась по мне на пол и побежала в комнату. За несколько секунд ей удалось разбудить детей, которые никак не могли понять, как за одну ночь я мог превратиться в хвостатого примата. Но при моем появлении, они расслабились и начали играть с этим четвероногим другом фотографа. Средних лет мужчина извинялся за беспокойства, которые они причинили нам, но веселое настроение неожиданно нахлынуло на всех нас, когда вокруг все запрыгало, забегало, радостно пританцовывая, расшвыривая все по сторонам, норовя разбить хоть что-то на счастье. Пока дети кормили мартышку, всеми деликатесами, которые остались у нас после вчерашнего вечера, мы с фотографом сели за стол, и я стал рассматривать фотографии.

Все-таки неважно, какой предмет у тебя в руках, а главное, что эти руки могут сотворить с этим миром, когда они принадлежат творцу. Фотографии, которые я пересматривал, были как полотна старых мастеров, такими же необъятными, неоднозначными, и бессмертными. Небо и море словно слились в одно целое, но, не теряя своих природных границ, они дополняли друг друга, рассказывая больше не о себе, а о своем зеркальном отражении, которое боготворили. Но чем больше я смотрел на эти две стихии, тем отчетливее проявлялись лица людей, которые как будто парили на стыке этих элементов, становясь третьей, быть, может, самой главной его частью.

А, я же перебирал фотографии, все время, возвращаясь назад, не только, чтобы еще раз взглянуть в него, открывая сейчас для себя лишь малую часть скрытого смысла, который хотел передать настоящий художник через свое искусство мне. Но я медлил еще потому, чтобы побыть как можно дольше вблизи с таким человеком, который на фотографии запечатлел жизнь, какой она никогда не была, но когда-то обязательно станет.

Мне было стыдно за такие фотографии платить тот гонорар, который я раньше обговорил с мартышкой, жадно торгуясь с ней за каждую копейку. Я захотел вдруг отчетливо забыть, что уже передал аванс несколько дней назад, поэтому и заплатил всю сумму. Но мое поведение оскорбило фотографа, и он уже хотел встать, но я извинился, и предложил выпить вместе утренний чай. Вскоре электрический чайник закипел, я представил на выбор фотографа несколько сортов чая, но он выбрал почему-то фруктовый, и его предпочтение сказалось и на мне. Я пил чай не как всегда быстро, проглатывая кипяток, а, подражая своему утреннему гостю, который сначала дышал им, потом грелся, подолгу держа горячую чашку в руках, и лишь затем, впитав в себя все его запахи мелкими глотками начал отхлебывать раз за разом этот душистый настой. Мне так понравилась эта чайная процедура, что я налил еще нам чай, и фотограф одобрительно кивнув мне. Мы уже как-то по-другому стали смотреть друг на друга, не ощупывая глазами, слабые места своего собеседника, который в принципе не сказал еще ни слова,

кроме своих извинений, за потревоженное утро, а просто теплые глаза раскрывались навстречу широко и открыто. Мы смотрели на детей, которые подражали мартышке, а она им, и обезьянке это удавалось лучше, потому что она уже плела из волос Николь косу, и несколько раз проведя своими звериными ручками по волосам Мишки ото лба к затылку, как настоящий парикмахер набила ему высокий чуб. Это животное хотело еще, что сотворить и со мной, и она поначалу даже нежно разглаживала мои кудри, но затем стала выдирать мои жиденькие волосы. Какое-то время я стоически сносил эту без медикаментозную эпиляцию, пряча свои зубы за обворожительную улыбку, но потом нежно схватил мартышку и сдал выщипывать ее шерстяной покров, принимая ее крики, за восторженный голос довольного моими услугами клиента.

Как воспоминания об этой удивительной паре: фотографа и обезьянки на столе осталось более трех десятков снимков, на которых был я, дети, мартышка, и печальная тень фотографа.

Завтрак прошел как обычно, потому что через пол часа мы были уже на море, так ровно через день вместо прибоя нам предстояло услышать гул авиамоторов, а вместо морской качки, вибрацию воздушного судна. Неподалеку от нашего пляжа находился пирс, к которому впервые за весь отпуск причалила парусная лодка. На морском горизонте где-то всегда далеко я видел ее очертания, а теперь захотел подойти к ней вплотную, чтобы рассмотреть ее до мельчайших деталей. Неожиданно мне в голову пришла мысль, а не прокатиться ли нам на ней, поэтому я и решил переговорить с капитаном. В моем представлении все капитаны должны были быть с пышной бородой, невысокие, но широкие как спасательный круг мужчины, на которых всегда надета матроска, и обязательно фуражка с морским якорем. Но мои прошлые представления о людях такой профессии были посрамлены, потому что парень двадцати пяти лет, в белом костюме, и в жемчужной бейсболке управлял этим катамараном. Он был чисто выбрит, и золотая прядь волос выбивалась у него из головного убора. Я не знал, какая существует разница, между парусной лодкой и катамараном, но последний показался мне более безопасным и устойчивым, чем похожая на ореховую скорлупку посудина, которая могла легко зачерпнуть воду в свой трюм и уйти под воду. Я вежливо поздоровался с капитаном и пожелал ему семь футов под килем и, следовательно, ни одной подводной скалы, ни кораллового рифа. Молодой человек дружелюбно ответил на мое приветствие, и я слово за словом приступил нащупывать другие точки соприкосновения, чтобы попытаться убедить капитана взять на катамаран еще трех человек, которые еще никогда не плавали под белым парусом.

-Но я не экскурсионный кораблик, который катает туристов и отдыхающих – вежливо отклонил Константин мое предложение.

-Послушай, но ведь на борту, кроме нас двоих и моих детей больше никого не будет. Сегодня наш последний день и мне хотелось бы подарить им, что-то необычное. Помогите мне, потому что прошу тебя не как капитана, а как человека. Я заплачу, сколько скажешь, но не лишай моих детей удовольствия. Я их так редко вижу, а счастливыми и того меньше. Ну, хоть пятнадцать минут

Наверное, я был все-таки убедителен, потому что Константин сдался на все мои просьбы, и решил подарить нам всем морскую прогулку, но он от вознаграждения отказался, потому что эту лодку ему предоставил его друг, который тоже с него денег не взял.

-Подходите к пирсу к часам четырем – дал последние наставления капитан. Только не опаздывайте.

-Да, мы с трех часов будем уже дежурить на этом пирсе – заверил я Константина в своей решительности провести хоть несколько минут в открытом море.

-Это совершенно лишнее, потому что раньше мне не успеть.

Я не успел спросить, что ему не успеть, и уже пошел к нашему месту на пляже, которое снова было окружено толпой отдыхающих. Никак опять кого-то хоронили со всеми почестями, и этот церемониал звучал конкретно для меня.

-Что пять отца утопили? – спросил я своих детей, которым тоже было неудобно устраивать такие спектакли чуть ли не каждый день.

-Ты папа, где был? – накинута на меня Мишка.

-У семерых нянек дитя всегда без глаза. Вот как меня спасают твои ватерполисты, Николь!

-Ты какой-то непоседливый отец – заявила мне она. То, ты сидел тихо на песке, то, сразу тебя нет.

-Ну, слова богу, что я еще в песочке не игрался с твоими женихами.

-Нам что цепью приковать тебя к себе? – спросила меня дочь, которая уже отчаялась справиться с моим свободным характером.

-Цепью? Ни в коем случае. Тогда точно от нашей фамилии на земле одно воспоминание и останется. Я не желаю тащить за собой еще вас в морские глубины.

-Так что же делать с тобой?

-Все очень просто. Меня надо предоставить самому себе и тогда всем будет хорошо. Главное, чтобы вы были в безопасности, и эта мысль всегда удержит меня на воде.

-Ты обещаешь, что с тобой ничего не случится? – внес и свою лепту в дело спасения отцов на море и родной сын.

-Чтоб меня акула съела и подавилась – клятвенно заверил я всех присутствующих в своей непотопляемости.

Наконец-то мои слова дошли до всех плохо слышащих, и они оставили меня в покое, но я в свою очередь зорко следил за молодыми отдыхающими, которые разошлись на воде не на шутку. Поэтому я подплыл к ним, и стал поучать технике безопасности, пока своими наставлениями всем не надоел. Как только дети покинули воду, я как калан начал нырять глубоко в воду, пока мне не посчастливилось найти большую и спиралевидную раковину. Я еще долго потом погружался в воду, чтобы обнаружить еще и камчатского краба, но Черное море, это совсем не Тихий Океан. К сожалению!

Мое появление на берегу с морским трофеем принесло мне еще несколько пунктов в свободном передвижении по водной глади, и я вскоре был действительно предоставлен самому себе, лежа на воздушном матрасе, который был подарен нам Ириной. Мне удалось даже несколько часов вздремнуть, пока не ударил в свой гонг первобытный голод, который на море напоминал о себе, намного чаще, чем на материке. Медленной, ели передвигающей ноги процессией, отдыхающие потянулись в нашу столовую. Сгоревшие до мавританского цвета кожи люди, порой уже не узнавали друг друга, потому что окраска натуральных альбиносов выцвела в черную как вакса кожу, и полированную, лаком морской загар. Мы мало, чем отличались от общей массы отдыхающих, поэтому никаких больших изменений на своем лице просто не наблюдали. Обидно конечно, что мой нос дважды успел облезть, когда остальная часть тела, всего лишь единожды рассталась с белесой, как березовая кора в черные штрихи, - кожей.

Но под корпоративный стук тарелок и ложек, коллективное настроение возвращалось к каждому из нас, потому что зверский аппетит всегда вырастает из толпы хищных и голодных глаз, которые все время за тобой наблюдают и ждут лишь одного, чтобы ты ослабил свое внимание, и поплатился за это опустошенной тарелкой. Но я стоял на стражи своих и детских интересов, и даже сам стащил с соседнего стола солянку и горчицу. Мне хотелось захватить еще и перечницу, но кто-то огрел меня по рукам, потому что не представлял себе обеденный стол без этой раздражающей носовую слизь пряности. И тут мне подумалось, может, прав был заведующий столовой, что накормить отдыхающих дело практически бесперспективное, и только экономное расходование продуктов могло остановить хоть на время этот чавкающий аппетит.

Мы уже прошли фойе гостиницы, как старый знакомый – администратор, окликнул меня по имени и отчеству.

-Валерий Борисович к вам тут приехали – сказал он.

-Кто же? – переспросил его я. Вы ничего не путаете.

-Одна девушка, которая ждет вас уже больше часа.

Я взглянул в глубину темного зала, где в одном из кресел сидела девушка, которая спала. В первый момент мне показалось, что это было Алла, и я даже громко назвал ее по имени, но никто не отозвался на него, и мне стало грустно. Я подошел поближе к этому женскому изваянию, и с удивлением обнаружил летающего ангела, который и привез нас на своих крыльях в Крым. Рядом с ней стоял маленький чемоданчик на колесиках, с фирменным изображением авиакомпании.

-Добрый день Вероника – произнес я. Добро пожаловать.

Девушка тут же очнулась, улыбнулась мне навстречу своей удивительной улыбкой и поприветствовала меня.

-Какими судьбами ты заглянула к нам? – спросил я.

-Мы сегодня только прилетели, поэтому я и решила навестить вас и ваших детей.

-Как мило с твоей стороны, что ты нас не забыла. Молодец, что приехала.

-Только номеров свободных в гостинице нет, к сожалению.

-А, нам он и не нужен. Ты поселишься вместе с нами.

-Как с вами? Это неудобно.

-Ну, какой смысл платить за номер за целые сутки, когда проведешь в нем от силы всего лишь пару часов. Я поселю тебя в комнате сына, а мы с ним вдвоем поселимся на моем диване.

-Я столько неудобств вам причиняю. Извините.

-Никаких прощений я не принимаю, потому что ты еще не знаешь, какое романтическое путешествие тебя ожидает. И если все нормальные люди с корабля попадают на костюмированный бал, то, ты с бала сразу окажешься на катамаране.

-А, что это такое?

-Вообще-то - это парусник, но мои познания в мореходном искусстве столь ничтожны, что я могу и ошибаться. Ты когда-то плавала под парусом?

-Никогда.

-Вот сегодня тебе и предстоит узнать об обычном отдыхе миллионеров.

-А, вы что миллионер?

-Увы, не был, и никогда им не буду. Но капитан, и катамаран у меня есть, который будет в нашем распоряжении с четырех часов до шести.

Вероника так долго не могла решиться встать с кресла, что мне пришлось ей помочь это сделать. Затем я приложил немалые усилия, чтобы силком затащить девушку в лифт, а потом заставить войти в номер, в котором царил форменный бес предел.

Я представил Веронику, как своего старинного знакомого, с которым мы проведем наши общие часы в Крыму, чтобы затем улететь вместе домой. Новый человек оживил нашу атмосферу, как свежий бриз, приносит облегчение и какую-то новизну в суетное однообразие отдыхающих. Николь быстро подружилась с Вероникой, лишь Мишка наблюдал за девушкой, по-видимому, уже забыв навсегда о своей вчерашней привязанности. Я уже обо всем договорился с сыном, и он пошел показывать свою комнату для Вероники. Попутно я провел экскурсию по всем нашим апартаментам, и нашу гостью, кажется, все устраивало. Но время уже было половина четвертого, и мы оставили Веронику одну, чтобы она смогла с дороги переодеться в летнюю форму всех отдыхающих, а сами спустились в фойе, где и дождались ее через пятнадцать минут. Все это время администратор пытался объяснить мне, что мы имеем, право быть гостеприимными хозяевами только до 11 часов вечера, потому что с первой минутой двенадцатого, он обязан постучаться в нашу дверь и попросить оставить номер не

зарегистрированного жильца. На это высказывание мне пришлось применить контр довод, что не позднее чем в 11 часов с четвертью, мне придется провести полную инвентаризацию всех номеров гостиницы, и той огромной разницы, которая перепадает исключительно в руки администратора, минуя все другие административные единицы. Мои философские размышления так растревожили моего старого знакомого, что он решил нарушить должностную инструкцию, но лишь из уважения ко мне и к моим обаятельным детям.

Но вот, наконец, появилась и Вероника в белых бриджах, веселенькой маячке, и в пляжной обуви. В копне ее черных волос как вилы высоко стояли очки, которые уже сверкали на солнце, но не так ярко как их настоящая владелица. Некоторые мужчины от такого видения даже побросали своих спутниц, чтобы насладиться одним только видом женской красоты.

Мы шли уже к пирсу, хотя дети недоумевали, почему, чтобы попасть на море необходимо проделать такой окружной путь. Но я руководил этим направляющим движением, и просил не задавать лишних вопросов, а смотреть под ноги, чтобы не получить неожиданную травму в последний день нашего пребывания в Крыму.

В моих руках был маленький пакет, который звенел несколькими бутылками пива, вяленой рыбкой и еще много чем, что могло пригодиться нам, если наш катамаран будет долго по воле стихии болтаться в море. Я захватил еще пресные и сладкие напитки, чтобы не произошло быстрого обезвоживания организма. Я хотел запастись еще и суповыми черепашками, как живым мясом, которое брали моряки в долгие месяцы странствий, но не нашел по дороге ни одной. Но несколько плиток шоколада, должны были хоть на какое-то время утолить голод, да и мой кожаный ремень можно было несколько раз еще сварить. На пирсе нас уже ожидал Константин, который уже издалека нас стал пересчитывать и нервно ходить по этой твердой палубе, которая стояла на бетонных сваях.

-Вот капитан я и привел к вам свою команду, как и обещал – не теряя чувства юмора, мне так просто захотелось успокоить капитана, что там, где есть три пассажира, то четвертый поместится всегда. Тем более что он такой изящный и легкий, потому что летающий ангел. Но капитан не разделял моего радужного настроения, потому что спасательных жилетов на корабле было всего четыре.

-Мне все равно жилет не нужен – сказал я. Я плаваю, как рыба, которая по недоразумению была выброшена из материнских вод тридцать восемь лет. Просто когда отошли воды, я не успел с этим отливом покинуть сушу.

-Ваш веселый рассказ меня рассмешил до глубины души – с каменным лицом произнес Константин, - но я несу персональную ответственность за каждого, который вступает на мой корабль.

-Ну, хорошо – выговорил я. Тогда возьми к себе на борт детей и Веронику, а я просто пройду по пирсу и буду за вами наблюдать.

-Нет – услышал я женский голос. На берегу останусь я. Вы и так Валерий Борисович уже приютили меня на одну ночь.

-Что это за такие слова, как приютили. Ты, слава богу, не сирота, и мы не погорельцы, так что душераздирающие фразы требую прекратить. Тем более что я должен признать, что просто не переношу морскую качку. У меня от нее такая изжога, что хоть воду морскую пей. Так что решено, я остаюсь на берегу, как маяк, который вам укажет обратный путь домой.

-Нет, я – упрямо повторял летающий ангел, который не хотел меня добровольно освободить от такой муки, как попробовать на вкус жизнь миллионера на вкус.

У меня было такое опасение, что после такой прогулки, я больше никогда не отойду в свой мир, где мне приходилось выживать, но к которому я давно привык.

-Я старше, и поэтому со мной не спорь – вершил я свой суд над собой.

-А я тогда тоже останусь с вами.

-Ты, почему не слушаешь ясной команды, а ну, живо на борт корабля, не то капитан действительно отплывет без тебя.

-Ну, и пусть, но я не поеду.

-Садись уже все на катамаран – сказал Константин. Единственный человек, который будет без жилета – это я.

-Я не согласен – возразил я.

-Капитан на корабле всегда один, а это значит, что ему подчиняются все. Без жесткой дисциплины на море просто нельзя, поэтому мы не отплывем от берега, пока вы все не наденете спасательные жилеты и не застегнете их.

Голос капитана был таким громогласным, и бескомпромиссным, что нам пришлось подчиниться ему беспрекословно, и только после этого, катамаран медленно начал покидать нашу бухту, чтобы в лазоревой дали, быть подхваченным ветром, и нестись по его воле, не зная преград.

Парус - словно лоскутное сердце трепетал при яростных порывах, и катамаран кренился то в правую сторону, то в левую. Но уверенная рука капитана держала руль, и мы, меняя галс, уходили все дальше от берега. Но ветер вдруг, как будто понял, что не мы подвластны ему, а он нам. Мы начали медленно дрейфовать, а я стал зачерпывать своей правой рукой чистую воду, как волнорез, который оставляет за собой голубую взмыленную полосу. Такая красота открывалась перед нашими взорами, что я решил незамедлительно это отметить.

Для детей я открыл сладкую воду, а всем остальным передал по баночке пива.

Константин сначала посмотрел на меня, как на боцмана, который решил спить всю подчиненную капитану команду, чтобы устроить настоящий бунт на корабле.

Но в мои планы это совсем не входило, поэтому каждый и отхлебнул по маленькому глотку холодного пива. Мишка с таким восхищением смотрел на Константина, что тому ничего не оставалось, как допустить юнгу к исполнению капитанских обязанностей.

Поначалу катамаран почувствовал неуверенную руку наездника, и как свободолюбивое животное попыталось тут же сбросить его с себя, но я вовремя поддержал сына, и вскоре он самостоятельно стал управлять им. Мы скользили по водной глади как водомерка, на своих длинных ногах, перебегает по зеркальному отражению, не думая о том, что лишь немногим возможно повторить хоть на мгновение такое, что она с легкостью проделывает каждый божий день.

Я обнял Николь, которая смотрела на солнце на этом синем просторе, впервые так близко оказавшись с чистым дыханием природы. Она впитывала этот воздух и пьянела от свободы, которая подхватывала ее руки и звала за собой в бесконечный полет. Только солнце шаг за шагом, все дальше уходило на запад, чтобы найти на дне этого моря удобное место для своего ночлега.

Я смотрел на часы, потому что наша прогулка уже должна была давно закончиться, но капитан, забыв обо всем на свете, рассказывал своей пассажирке о ветрах, о ночных светилах, о якорях, о морских узлах, обо всей истории судоходства человечества по пресным и соленым водам. Мы слушали его увлекательные истории, о неунывающих морях, которые всегда с честью выходили из всех житейских передраг. Но когда звезды окрасили ночной небосвод, лишь тогда наш катамаран причалил к берегу. Ноги еще звенели от мелодии морских волн, словно не хотели прощаться с музыкой, которую слышали вот уже девять дней. Но этот заключительный концерт был так виртуозно сыгран, что мы стоя аплодировали морю, и его бессменному дирижеру, для которого наш катамаран был просто деревянной маленькой палочкой.

-Послушайте – сказал я больше Константину и Вероники, которые все никак не могли оторваться друг от друга. – Так как ужин мы уже пропустили, то предлагаю поехать где-то сообща, и обмыть наше счастливое возвращение на берег и конец нашим крымским каникулам.

Константин тут же ожил после моих слов, но попросил немного времени, чтобы отвезти катамаран друга к другому причалу. Я назвал ему наш номер в гостинице, если нас еще не будет в баре.

-Ну, как вам все понравилось? – спросил я больше для осознания своей значимости на этом празднике жизни.

-Это была просто сказка. Ни в одном своем сне, я еще не видела столько красоты – говорила Николь закрытым глазами, воскрешая из своей памяти исчезнувшие картины прошлого.

-Обидно только, что фотоаппарат, так никто и не додумался взять с собой – сокрушался Мишка.

-А, что толку Миша – произнесла Вероника. Вот у меня в сумочке и фотоаппарат, и телефон, но я про них словно забыла. Наверное, такой красоте, в какую мы попали, не нужны другие источники, как человеческая память. Потому что и я эту морскую прогулку никогда не забуду.

-Я тоже – сказала Николь, и обняла меня.

-И я – подхватил меня за другую руку Мишка.

-Все было просто замечательно Валерий Борисович – твердила Вероника, тоже, наверное, желая повиснуть на моих руках, которые были заняты. Она шла то впереди, то позади нашей семейной идиллии.

Уже перед самой гостиницы дети бросили меня, потому что на горизонте появились сверстники, которые относились ко всяким телячьим нежностям, очень прохладно. Я уже шел рядом с Вероникой, а ребятня следовала за нами, держа между нами значительную дистанцию.

-Да, я совсем забыла вам сказать Валерий Борисович, что когда я осталась одна в вашем номере, то прозвенел звонок на один из мобильных телефонов.

-Надеюсь, звонок не предназначался на старый телефон в прозрачном чехле?

-Как раз на него и звонила женщина!

-Откуда ты Вероника знаешь, что это была женщина? – с улыбкой спросил я, и мне показалось, что ее края дрогнули и надломилась.

-Просто звонок, был очень длинным, и мне пришлось его взять. Может, мне не надо было на него отвечать?

-От чего же. Когда кто-то звонит тебе, ему надо непременно ответить. А, как звали эту женщину, с которой ты говорила?

-Кажется Алла.

-Ну, и что же она хотела?

-Она хотела напомнить вам – тут Вероника замолчала, не зная, по-видимому, говорить ли дальше все сказанное женщиной мне, или интеллигентно промолчать.

-Ну, что же ты замолчала Вероника, продолжай – настоятельно попросил я слово в слово вспомнить дневной разговор.

-Она хотела напомнить вам о просьбе, чтобы вы забыли номер ее телефона.

-Это все о чем она просила тебе мне передать?

-Больше в нашем разговоре о вас не было сказано ни слова.

-Погоди тогда – начал приходить я в себя, - а о чем тогда вы говорили? Ведь вы, кажется, не знакомы?

-Уже знакомы. Алла так хотела узнать мое имя и причину того, почему я взяла трубку, что мне пришлось ей все рассказать.

-Что все? – переспросил я.

-Ну, все.

-Ты хоть понимаешь, что слово все означает.

- Я то понимаю, а вот Алла, кажется, не поняла. Я попыталась ей объяснить, сначала очень даже культурно, что приехала к вам на один день, чтобы провести его с вами на берегу моря.

-Ну, все правильно объяснила, молодец – похвалил я Веронику. Что это значит, что ты попыталась ей сначала культурно объяснить причину твоего появления на море?

-А, то, что ваша девушка устроила мне форменный допрос.

-Это совсем не похоже на нее – с удивлением произнес я эту фразу, а затем усталый на Веронику, чтобы она дальше, не откладывая ни одной секунды, продолжила свое красноречивое повествование.

-Она хотела знать в каких мы с вами отношениях? – скороговоркой произнес летающий ангел.

-В дружеских, каких же еще – так же быстро ответил я.

-Я ответила точно так же, но ваша Алла, этому совсем не поверила. Мне пришлось ей признаться...

-В чем признаться? – торопливо перебил я Веронику.

-В том, что мы уже дважды встречались, прежде чем я решила провести одну ночь с вами.

-Один день ты хотела сказать – вел я как диктор центрального телевидения урок начинающим телеведущим, исправляя на ходу их стилистические ошибки.

-Но, если я приехала на один день, то спать мне т же где-то надо – рассуждала совершенно здраво молодая девушка.

-Резонно – согласился я и вычеркнул стилистическую ошибку, потому что дня без ночи не бывает. Ведь если думать по-другому, то в гостинице я отдельно должен был бы, доплачивать еще за ночи в своем номере.

Конечно, один человек был совсем не против такого вольного обращения с сутками.

-А, что это за человек? – задала вопрос Вероника.

-Это администратор гостиницы – выдал я страшную тайну, о которой знал только я один.

-Он мне тоже не понравился, потому что как узнал, что я приехала к вам, так сразу почему-то солгал, что вы уже уехали.

-Я и не думал, что он меня так не любит, надо бы с ним поговорить на эту тему.

-Но я же отлично знала, что вы летите в воскресенье, поэтому и поменялась сменами, чтобы сегодня быть здесь.

-Я тронут твоим вниманием к нашей семье. Но вот на чем вы закончили разговор с Аллой, это пока для меня не известно.

-Она только спросила, какая погода в Крыму, и какая температура воды?

-А, ты что ей ответила? – с интересом спросил я.

-Я сказала, все как есть.

-Опять твое все – засмеялся я. Это слово поразит в твоём лексиконе. Тебе его надо срочно изгнать из себя, как злого и кровожадного духа.

-Может этот дух и злой бывает, но кровожадным никогда. Алле же я сказала, что в Крыму сейчас очень жарко, а температуру воды мне неизвестна, так как еще ни разу не в море не искупалась.

-Слушай, так ты действительно еще так и не искупалась – решил я перевести тему для разговора, потому что все для меня уже стало ясно.

-Море от меня никуда не убежит. Да, и Костя сказал, что вода теплая как никогда.

-Как тебе Константин, кстати? – начал я по отечески наставлять Веронику. Мне кажется, что ты ему понравилась.

-Я не думала еще об этом.

-С тебя парень просто глаз не сводит, а она не думала. Вот про все у тебя есть время рассуждать, а обратить внимание на живого человека - нет.

-Валерий Борисович...

-Погоди – сказал я белому ангелу, когда мы уже попали в фойе, где я увидел знакомое лицо администратора. Ты пока поднимайся в номер, я пока поговорю по-мужски, кое с кем.

Я медленно подошел к стойке, потому что мере приближения меня к ней, улыбка обслуживающего персонала начала сходить как первый загар на теле человека, который из вечной зимы попал в бесконечное лето.

-Что же это вы меня уже отправили домой, дорогой вы мой человек.

-Каждый день кто-то приезжает, кто-то уезжает, такая чехарда – краснея, отчитывался администратор, и мне стало его действительно жалко.

-А, может вам профессию сменить? Ведь трудно целый день на ногах просидеть, а в голове все считать и считать.

-Наверное, мне надо отпуск взять? - предложил он мне.

-Тоже неплохо. Пора вам взять отпуск и махнуть куда-то на дальний Север, где и гостиниц то, никаких нет. Отдохните и ни о чем не думайте, и сделайте это прямо сейчас.

-Я завтра же напишу заявление на предоставление внеочередного отпуска по состоянию здоровья – отпрапортовал лысый мужчина, которого совсем недавно я называл - мой счастливый шарик

-Я вот тоже отпуск взял, про все на свете забыл, оставил, перенес и ничего, даже поправился слегка на харчах заведующего столовой.

-Все решено, завтра я за горло возьму директора, и на покой.

-Я хоть завтра и улетаю, но сюда еще хоть раз, но вернусь, и мне хотелось бы, чтобы кто-то их, нас нарушил нашу дружескую договоренность. Ведь я один о вашем здоровье беспокоюсь, поверьте.

-Верю, поэтому не извольте беспокоиться. От отпуска теперь меня сам черт не отговорит. Решено и точка.

-Ну, и, слава богу, а пока не обижайте никого, и будет с вас.

Я поднялся в номер, в котором, кстати, уже сидел Константин. Вот когда он успел не только загнать свой катамаран на стоянку, переодеться в светлые джинсы и кофейную рубашку, мне было просто не понятно. Капитан же на берегу, оказался веселым и шумным малым, который все время шутил вокруг себя и подтрунивал исключительно над собой. Его манера общения на суше мне понравилась больше, потому что на катамаране я его несколько побаивался. Только когда мы остались в тесной мужской компании, потому что женщины разбрелись по своим комнатам, я решил спросить Костю, почему он передумал, и взял в море всех нас. Тут же его взгляд стал серьезным, а голос капитанским.

-Мне понравилось, что вы все время уступали друг другу место, а не выбрасывали человека за борт, как с тонущего корабля. Тут я сразу понял, что даже если что и случится, то паники не будет, а это самое страшное, что может случиться с людьми на воде.

-Так значит, наша команда произвела на капитана самое благоприятное впечатление? – спросил я.

-Да, особенно юнга, который встал на вахту и честно ее отстоял – обратился Константин уже в сторону Михаила, у которого блестели глаза, как на математической олимпиаде.

-А, хождение под парусом это твоё хобби Константин? – не унимался я, чтобы показать сыну, как богат мир на чудеса и открытия.

-Это больше чем хобби. Это призвание. Это...

Тут вышла Вероника в своем вечернем костюме нежно сиреневого цвета в длинную полоску, и Константин и Михаил пытались оба найти то слово, которое могло бы охарактеризовать любовь капитана к парусу, одновременно в один голос сказали: «Это страсть».

Ну, если от Константина и можно этого было ожидать, то Мишка меня просто потряс своим попаданием в самое яблочко мужского видения женщины.

-Ну, теперь мама не горюй, и отчим не дрыхни, потому что пришло осознание самого себя к моему сыну – подумал я.

Капитан и юнга так смотрели на Веронику, что она даже растерялась, и все время искала изъяны то в себе, то в своем вечернем наряде. Самой последней из своей комнаты явилась в свет моя дочь, и я понял, что никакой купальник девушку так не может украшать как легкое ситцевое платье, в котором она выглядела воздушной разноцветной бабочкой. Вот, теперь и мне пришлось подбивать баланс, и признаться уже себе, что дочь стала невестой. Только когда она успела вырасти, так и осталось тайной за семью печатями. Капитан как галантный кавалер предложил две руки для двух богинь, но пройти в проем двери им втроем уже не удалось. Тогда Вероника взяла под руку Мишку, и две пары уже ждали меня, пока я закрою эту чертову дверь. На лифте мы спустились в первый этаж, где находился бар, и сели за отдельный столик. Вскоре бумажное меню превратилось в кулинарные блюда и напитки, и с десертом, который должны были подать в самом конце. Тихая музыка раздавалась из динамиков, когда сын решил пригласить Веронику на танец.

-Если дело и дальше так пойдет – размышлял я про себя, - то быть тебе в скором времени дедушкой. А, что, если отцом ты был никудышным, то у тебя будет шанс стать неплохим дедом. Вот перед своими внуками я и должен полностью реабилитироваться, а там хоть в рай, хоть в ад.

За первой парой последовала вторая, которая начала кружиться у меня перед глазами, и я мысленно посчитал, что недельное недомогание кончилось, и все во мне напряглось.

Ох, уж эти мне критические дни, которые сделали из меня натурального кретина.

Ну, что не могут они продлиться хотя бы еще один день, и мне было бы спокойно и легко. Так нет, они начинаются, когда хотят, а останавливаются, когда не надо.

Да, с такими детьми просто не соскучишься. Но лучше их нет ничего. Был еще один человек, да видно...

Когда все пары вернулись на исходную позицию, чтобы унять свой голод и жажду, то мы больше не говорили друг с другом, а перешептывались, потому что атмосфера была такой ранимой, что даже одно громкое слово могло ее погубить. Как только я пригласил Николь на танец в бар пришли Саша и Сева, которые с печалью смотрели на мою дочь, вытирая слезу, друг у друга.

-Посмотри, твои женихи уже ждут тебя – с ухмылкой сказал я.

-Ух, как они мне надоели – послышалось мне какое-то резкое колебание от бабочки.

-Ты должна с ними попрощаться, только и всего. Всегда надо благодарить своих поклонников, потому что они долго и верно служили тебе. Надо уметь не только красиво знакомиться, но и так же прощаться.

Как только наш танец закончился, Николь подошла к этим двум несчастным, которым она разбила сердца и начала по-доброму расставаться с ними. Она даже села рядом и выпила по чашечке кофе со своим верными рыцарями, но ее хорошее настроение они недооценили, потому и покинули бар в скором времени.

Константин по-прежнему сидел рядом с Вероникой, а наблюдал за ними, напротив, и улыбался, потому что капитан мне больше нравился, чем ее бывший кавалер, который был так ревнив, как Мишка. Он исподлобья наблюдал за молодыми людьми, и становился мрачнее тучи. Я все никак не мог ничего придумать, пока на выручку к нам обоим не пришла Вероника.

-А, можно вас пригласить на танец Валерий Борисович? – спросила она, и Мишка сразу повеселел, потому что в битву титанов вступил человек, который играл в ней не главную роль, а скорее вспомогательную.

-Ну, что братан, даешь мне позволение потанцевать или нет. Я хоть и старший брат, но такие вопросы привык всегда решать в кругу семьи.

Тут сын понял, что я знаю его тайну о четырех годах, которые он накинуд себе, чтобы выглядеть посолоннее, и о том кровном родстве, которое нас связывает.

-Давай брат, иди, потанцуй и не позорь меня - услышал я не те слова, которые пристало слышать старшему уху, но держать в неведении Веронику я больше не стал, и протянул руку, как прелюдию, которая предшествует большой симфонии.

-Все-таки хорошо, что я набралась мужества и появилась в вашей гостинице.

-Это не хорошо, а просто отлично. Какой день мы провели вместе. Ты – умница Вероника.

-Вот если бы не звонок, на который я ответила, то вы не были бы таким расстроенным.

-Тебе показалось. Просто мой отпуск с детьми подошел к концу, а завтра их разберут по своим квартирам, и мне ничего не останется, кроме этих воспоминаний.

-Да, грустно – подбила итог молодая девушка. Но вы не отчаивайтесь. А, знаете, что родите себе еще одного ребенка.

После этих слов я даже остановился в танце, а потом долго не мог попасть в музыкальный такт, то и дело, наступая Вероники на ноги.

-Ну, вы же еще такой молодой. И думать тут нечего, вам надо родить еще одного ребенка.

-Я обещаю подумать над таким предложением. Но только не сейчас.

-Только думайте скорей, потому что летние ночи, очень короткие – заявила Вероника, с каким-то вызовом смотря прямо мне в глаза.

-Зато зимние ночи бесконечно долгие – ответил я тоже пронзительным взглядом в женскую тайну.

Мы еще танцевали, когда я попросил обратить внимание со стороны девушки на моего сына, который безмерно страдал, что его пока никто всерьез не воспринимал.

-Хорошо – с достоинством ответила Вероника. Я приглашу его на танец, тем более он так похож на вас.

-А, дочь, разве не похожа?

-Ну, почему же. Я просто хотела сказать, что он унаследовал от вас умение страдать с веселой улыбкой на устах. Эта настоящая мужская черта, которая угадывается в нем, даже в таком юном возрасте.

-Никогда за собой ничего такого не замечал. Тебе все это привиделось Вероника – рассмеялся я.

-Ну, не хотите со мной быть откровенным, и не надо.

Я не успел ничего не ответить, как музыка закончилась, и мы, как ни в чем не бывало, вернулись за наш столик. Давно уже была поздняя ночь, и бармен уже дважды грозил закрыть заведение, а мы все не расходились, впитывая аромат кофейных зерен, чтобы не спать до утра. Но даже самые стойкие уже сдались, и сонные дети в сопровождении Вероники ушли в наш номер. Только мысль, что нашей стюардессе надо хоть немного поспать, и решил исход битвы в половине третьего часа ночи. Но Константин все еще держался молодцом, и предложил напоследок выпить на брудершафт, чтобы еще хоть однажды встретиться. Капитан спрашивал меня о Веронике, но что я мог ему ответить, что мы знакомые, которые помогли друг другу, хотя и видимся всего третий раз в жизни.

-А, как мне ее найти? – спросил меня Константин.

-Неужели у тебя не было времени спросить ее об этом самому – возмутился я поначалу, но вскоре взял себя в руки. Но я действительно не знаю, ни ее адреса, ни телефона, ни фамилии. Она стюардесса

-А, можно спросить, как вы с ней встретились?

Этот бесцеремонный вопрос тоже мне настроения не прибавил, но я решил рассказать эту забавную историю.

-Я шел на свидание к одной женщине с цветами, но не нашел ее адреса, поэтому и подарил букет цветов первой попавшейся девушке. Этой девушкой и была Вероника. Все.

-Ну, а в чем вы ей помогли?

-Она сказала, что после этого она легко рассталась со своим парнем, который ее просто опротивел своей ревностью.

-А, как она поддержала вас в трудную минуту?

-Константин, я думаю, что ты меня об этом спрашиваешь не из чистого любопытства, потому и отвечаю и на этот вопрос. Когда мы летели в самолете, и мои дети хотели разнести его на мелкие кусочки, она уговорила не делать это. Правда, командир самолета тоже приложил к этому свою руку, но без нее ничего бы не было.

-Ах, какая жалость, что я не смогу вас проводить завтра утром – взявшись за голову, с тоской сказал Константин.

-Может, ты оставишь мне свой номер телефона, я тебе просто позвоню и скажу, где можно найти Веронику.

Мы в мгновение ока обменялись телефонами, и я понял, что капитан тоже родом из того города, куда мы завтра все вылетаем. Мужское прощание было недолгим, и уже через несколько минут я уже стучался тихо в дверь номера. Свой ключ я отдал Веронике, а попасть в свой номер, чтобы не разбудить своих соседей, у которых балкон имел общую стену с моим, мне не хотелось. Но кто-то услышал мои молитвы, потому что раздались легкие шаги возле двери и мне открыли.

-Вот хорошо – сказал я в темноту, не зная кого мне благодарить, что я не провел остаток ночи на лестнице.

-Тише детей разбудишь – услышал я в ответ.

Полумрак лежал в моей комнате, так что мне пришлось сначала прищурить свои глаза после яркого коридорного света. Но я еще ничего не видел, как снова услышал женский голос, который раздался совсем рядом.

-Почему ты не легла на место сына? – спросил я, голосом проповедника.

-Он так быстро уснул, что я просто не успела попросить его об этом.

-Ложись и не о чем не беспокойся. Я лягу с сыном в его комнате.

Я уже сделал несколько шагов в сторону комнаты, как почувствовал руки, которые пытаются меня удержать.

-Летние ночи так коротки – снова услышал я знакомую фразу, поэтому и ответил на нее дословно, именно то, что говорил в баре.

-Но ты же говорил, что видел меня во сне и всегда верил в нашу встречу – теперь мои слова из первой нашей встречи – процитировала Вероника.

-Это было все до Аллы.

-Когда я рассталась с Николаем.

-Наверное

-Но тебя тоже просили больше не звонить.

-Звонить я больше не буду.

-Вот и хорошо. Тогда нам нечего терять.

-Тебе как раз и есть, что потерять. Константин полчаса просил, чтобы я дал твои координаты ему, но я даже фамилии твоей не знаю.

-Я Журавлева Вероника Эдуардовна. 24 гола.

-Васильков Валерий Борисович 39 лет. Все я пошел спать.

-Я верю, что наша встреча не была напрасной.

-И я тебе об этом говорю, потому что Константин, и изменит твою жизнь.

-Может быть. Но я сейчас не хочу говорить о нем. Его время еще не настало.

-А мое время уже прошло.

-Еще не совсем. Ты преддверие моего счастья, это я понимаю, но еще не чувствую.

-Чего ты хочешь?

-Все и ничего. Я хочу тайны, которая свяжет нас навсегда. И не надо стесняться своих желаний, тем более что этого кто-то так ждет.

Бывают слова, которые не меняют ход истории, на протяжении несколько сотен лет, но иногда интонация, гортанный звук, ропот, и даже шепот этих букв спрессованных воедино, ломают все прежние устои.

Вот так в моей душе отозвались три слова – кто так ждет.

И если два из них мне были знакомы, то слово «так» одолело меня, потому что я захотел узнать всю его глубину без остатка.

Тайна связала нас, которую никому не удастся узнать.

Вот и наступил тот день, который нас преследовал так долго, неотвратимо, что, наконец, и настиг. Но он не ворвался шумно, с криком, с гомоном, как и полагается дню, который дождался обещанной награды. Нет, он тихо ждал нашей участи, как осознание того, что за все в этой жизни надо платить. За встречу расставанием, за любовь ненавистью, за страсть, равнодушием. Поэтому я сидел тихо на диване, низко склонив голову, а все остальные присели на свои чемоданы, чтобы по русскому обычаю посидеть на дорожку. Щемлящая минута воспоминаний начала свой отсчет, чтобы закончиться тихо закрытой дверью. В последний раз мы спустились на лифте на первый этаж, чтобы навсегда распрощаться с гостиницей, которая была нам родным домом целых десять счастливых дней. Но в фойе нас ожидала целая делегация: заведующий столовой, администратор, и Константин стояли в дверях, и не хотели нас выпускать без обещанных секретов.

-Валерий Борисович, ну, как там насчет рецепта тибетской медицины? - тихо спросил меня работник общественного питания, немного отведя в сторону.

-Этот рецепт прост и стар как все человечество. Чтобы быть сильным мужчиной, надо почаще потакать женским слабостям. Вот и все.

-А, как насчет мужской рецепта исключительно вашей мужской силы.

-Вот я и хотел бы его вам, и подарить – сказал я и начинал снимать с брелка довольно большую мягкую игрушку.

Только заведующий так ничего и не понял, потому что стал отнекиваться, не желая оставить меня немощным мужчиной.

-Нет, нет, а как же вы теперь.

-Со мной все будет хорошо. Просто когда мы выяснили с вами отношения раньше, эту игрушку вы и приняли за часть моего тела. Так что теперь она ваша.

-Неужели это правда – рассмеявшись, произнес сильный мужчина.

-Истинная, правда.

-Ну, и провели вы меня вокруг пальца. А, я ведь чувствовал, что здесь что-то не то, уж какими-то они были мягкими.

-Мягкой игрушкой и полагается быть мягкой, не так ли.

-Подождите меня одну минутку – все еще смеясь, просил о последней услуге заведующий столовой.

-Только недолго, а я пока ключи сдам администратору.

Я подошел к стойке, где сидел самый счастливый человек на свете, потому знал, что скоро меня не увидит, поэтому и не скрывал своего хорошего настроения.

-Неужели директор вам уже и заявление на отпуск подписал? – спросил я.

-Пока еще нет, но обещал, что как схлынет основной поток отдыхающих, то я буду первым стоять на очереди. А, пока меня ждет тяжелая работа, которая угрожает состоянию моего здоровья, но я готов ко всему, потому что готов служить обществу честно и бескорыстно.

-Похвально. Вот таких бы всех администраторов, то глядишь, и здоровье отдыхающих заметно улучшилось бы.

Я наконец-то отдал ключи, подписал какие-то бумаги, что с моей стороны никаких претензий к гостинице нет, и подошел к Константину, который разговаривал с Вероникой.

-Ты же сказал, что не успеешь нас проводить – обратился я к капитану.

-Да, я плюнул на все, чтобы попрощаться со всеми вами. Это для меня важнее.

-Спасибо тебе за все, Константин – пожал я руку молодому человеку, и отошел от молодой пары к своим детям. Они сидели на какой-то жердочке, как два не выспавшихся воробышка, которые грелись друг от друга, и понемногу вновь засыпали.

Вскоре на остановку подъехал рейсовый автобус, и мы начали грузиться. Водитель долго ждал Веронику, несколько раз громко сигнала, пока девушка не запрыгнула в пустой

салон. Водитель дал по газам и тут же затормозил, потому что кто-то перерезал ему путь, и он вынужден был остановиться. Но шофер, по-видимому, узнал человека, которого чуть не переехал, и даже заглушил двигатель. Он вежливо поздоровался с заведующим столовой, который внес в салон плетеную корзину всякой снеди. Тут же он открыл бутылку домашнего вина, и разлил его в бокалы. Через стекло автобуса я увидел Константина и позвал к нам, чтобы отметить наши крымские каникулы. Только через пятнадцать минут, мы действительно тронулись в путь, и с ветерком поехали в сторону аэропорта.

Дети смотрели по сторонам, прощаясь с красотами Крыма, а я допивал вино, зная, что жидкость в салон воздушного корабля запрещено брать с собой. Я порядочно наклюкался, пока Вероника не забрала у меня бутылку и не села рядом со мной.

-Пьяных людей запрещено брать на борт самолета – читал мне инструкцию летающий ангел. Валерий Борисович возьмите себя в руки.

-Я возьму себя в руки только дома. Но сейчас я не в воздухе, а на земле, где и прошло мое самое лучшее время. Так что дай я еще выпью.

-Не дам.

-Вероника верни мою бутылку, а то тебе хуже будет. Мне даже закуска не нужна.

-Ты о чем-то сожалеешь?

-Ну, конечно же, нет – сказал я. Хотя в принципе, да. Вот если ты отдашь мне бутылку обратно, то и сожалеть мне будет не о чем.

-Но ты же, лыка не вяжешь – попыталась Вероника привить мне навыки присущие всем девицам, которые посещали кружок кройки и шитья.

-Вязать я никогда не умел, да и в моем возрасте уже и поздно. Но вот пойти в винные дегустаторы я бы не отказался.

-У тебя ничего не выйдет.

-Ну, ты такая же жадная на алкоголь, как и Алла.

-Она что тоже любит вино? – спросила Вероника.

-Нет. Алла предпочитает пиво и к тому же абсолютно не умеет его пить, как впрочем, и ты.

-Я вчера выпила всего два бокала сухого вина за весь вечер.

-Разве считается, сколько бокалов выпил человек!

-Ну, а что же тогда считается.

-Что он сделал потом, когда отложил бокал в сторону. Как ты будешь смотреть после нашей тайны в глаза Константина?

-Да, хоть как сегодня – фыркнула женщина. И почему я должна отчитываться перед ним, а не он передо мной. Ведь это же не я просила у него телефон, а он у меня.

-Ты оставила ему свои координаты?

-Да.

-Молодец. Но мне кажется, что он и без них тебя нашел бы.

-Вот и посмотрим, как Константин найдет меня по несуществующему адресу. Фамилию я тоже назвала вымышленную, и телефон

-Так что ты его выходит, обманула – недовольно сказал я.

-Нет. Я просто поставила перед ним задачу, которую он должен решить, чтобы найти меня. Ведь он же моя пара, как ты говоришь.

-Ну, зачем создать себе искусственные преграды. Ведь в жизни их столько уже существует, что ты потеряешь им число.

-Ничего пусть поищет меня, а я пока подожду.

-Это что такая женская месть.

-Нет. Это испытание, которое Константину придется пройти.

-Да, ты знаешь после твоих слов, у меня прошла охота больше пить, потому что это совсем не безопасно. Ведь ты не только красивая девушка, но и коварная женщина.

-Такой комплимент мне еще никто не говорил. Ты первый.

Наконец-то мы приехали в аэропорт, и мы с головой погрузились в вечную чехарду сдачи багажа, прохождения пограничного и таможенного оформления, сверки билетов, и личного досмотра. Эта процедура как всегда изматывала психику человека, чтобы обезопасить его смертное тело от всяких неприятностей на борту воздушного лайнера. Красивой и холодной улыбкой Вероника встречала всех пассажиров сошедших с трапа в самолет, и даже на нас смотрела теперь с непроницаемой усмешкой. Мы заняли свои места, согласно купленным билетам, пристегнулись, и через несколько минут легко взмыли в небо. Первые восторженные впечатления оттого, что летишь на такой умопомрачительной высоте со скоростью восемьсот километров час прошли, и под гул реактивного двигателя, человеческий сон окутал пассажирский салон.

Мне тоже хотелось вздремнуть после бессонной ночи, но вино и солнце, смешались в моей голове, как в бокале коктейля, и давили своими алкогольными парами на тот участок человеческого мозга, который отвечал за давление. Вероника несколько раз прошла по салону, не замечая меня, а затем неожиданно принесла бокал минеральной воды, как будто сумела прочесть мои тайные мысли. Я несколькими глотками осушил его и закрыл глаза, чтобы никто не видел в них обычных для моего возраста страданий.

Как только мы сели в родном аэропорту капитан поблагодарил всех пассажиров, от себя лично и всего экипажа, что хоть на этот раз никто не захватывал самолет, с настоятельной просьбой вернуть его именно на тот на пляж, где он так чудесно отдыхал. Но наш рейс не молил никого на коленях возратить его в прошлое, потому что это было бесполезно.

Перед самым выходом из самолета я задержался, чтобы услышать от Вероники несколько слов: «До свидания, Васильков Валерий Борисович».

-И тебе всего хорошего Журавлева Вероника Эдуардовна. Лети журавлик высоко над землей, но не забывай о своем капитане.

-Вы лучше Валерий Борисович подумайте о себе, а я с Константином сама разберусь.

-Прощай – не оборачиваясь, произнес я последнее слово, и смело шагнул в сторону ожидающих моей головы, родителей. Дети тут же разбежались к своим папам и мамам, а я, оставив их чемоданы, быстро не оглядываясь, ушел. Я не хотел мешать этому чувству, которое рождалось на моих глазах, и поспешил оставить счастливое большинство, без моего угрюмого меньшинства. Я вскочил в первый же попавшийся мне автобус, и поехал домой самой дальней дорогой, какой даже самый гостеприимный таксист, не мог придумать для отдыхающих.

Уже под вечер я зашел в свою квартиру, но, обнаружив в ней идеальный порядок, который никак не соответствовал моей жилой площади. Да, я когда-то брал пылесос и тряпку в руки, но не скоблил стены до такого зеркального блеска. Я бросил чемодан в прихожей, и, не раздеваясь, лег на диван, откуда мне было удобнее всего наблюдать за человеческими страстями, который выплескивались на меня из голубого экрана.

Какое-то время звонил телефон, и мне пришлось отключить его, потому что выходные я привык проводить один, и не нуждался ни в каком сочувствии, чтобы меня отвезли на дачу и сытно накормили.

Целую оставшуюся неделю своего отпуска я провел в горизонтальном положении, не выходя в мир своими позывными, лишь изредка ночью делал набег на магазины, чтобы купить продукты, которые и бросал в пасть своего холодильника.

Но отпуск кончился, и завтра мне предстояло снова приступить к репетициям.

Со дня своего приезда мой саквояж так и простоял в коридоре, и он бы так и отстоял в карауле до своего следующего развода, то есть до нового отпуска. Но пора было срочно привести себя в порядок, потому что недельная щетина царапала не только мою шею, но и горло. Я начал раскладывать содержимое чемодана, пока не обнаружил новый бритвенный прибор. Я долго ломал себе голову, как он мог попасть ко мне, но понял это только тогда, когда увидел ценник, с названием торгового центра, откуда я вышел на своих ногах, чтобы лечь на первую же попавшуюся мне скамейку.

Это сын и дочь сделали мне такой подарок, и этот станок не поранил меня, хотя руки и тряслись, как никогда раньше. Загар с меня уже почти весь слез, оставляя на теле то темные, то светлые острова, и я больше всего сейчас напоминал зебру, после отдыха на морском побережье.

Но, смирившись с неизбежным, что вещи могут пострадать все время, находясь в замкнутом помещении чемодана, я затолкал их все в пакет, который и подлежал скорой стирке. Нотные тетради я положи к себе на стол, а чемодан бросил на антресоль.

Довольно быстро я доехал до филармонии, и было еще время до начала репетиции, я не спеша прошелся по ее залам, кабинетам, вновь вспоминая запах ее деревянных подлокотников и мягких кресел. Я хотел даже заказать чашечку кофе в буфете, но решил перенести свое желание на более поздний срок.

К моему удивлению, когда на часах было еще целых десять минут до взмаха дирижерской палочки, а весь состав нашего коллектива уже сидел на своих местах, и довольно прохладно отнесся к моему появлению. Но я был готов ко всему, потому что натянул на себя великосветскую улыбку, как щит, который отразит любой колющий выпад. Я мельком взглянул в сторону первой скрипки, которая посмотрела сквозь меня, как на еще один бесплотный дух. Мне удалось довольно уверенно пройти к своим медным тарелкам, и их тяжесть в руках, как давно заброшенные и найденные гантели вывели окончательно мое тело из состояния отпуска. До обеда я несколько раз ударил в свои медные ладоши, и дирижер остался доволен моей игрой. Но я не любил, когда меня хвалят, потому что сразу расслабляюсь до уровня дисгармонии всего музыкального коллектива. Но мы уже разошлись, чтобы перехватить каждый, что послал ему бог, но большинство обедали в нашем буфете, который с 10 до трех часов дня именовался кафе. Только здесь мои коллеги могли выразить мне свои скучающие чувства, поэтому кто-то трепал меня за ухом, кто-то ставил свою худосочную руку на мое плечо, но все удивлялись шоколадному загару, который так подходил, оказывается к моим зеленым глазам. Мы с Пашкой сидели вместе за одним столом, и он пытался вкратце рассказать мне, что произошло за последний месяц. Никаких больших изменений я не обнаружил, пока мой старинный друг не сказал: «А, ты знаешь, кажется, Алла выходит замуж».

От этой фразы я опустил свой щит, и тут же напоролся на острое лезвие, которое вошло в меня так свободно, что сердце ничего не почувствовало. Оно билось как прежде, еще не понимая, что уже истекает кровью, и сейчас просто захлебнется в ней.

-Да, ты что – снова поднял я свой щит, который снова стал моей улыбкой. И кто жених?

-Игорь. Какой-то бизнесмен. Да, ты, наверное, и видел его. Он часто за ней заезжает и отвозит всегда в неизвестном направлении.

-Паша тебе роль старого сплетника совсем не к лицу – пожурил я своего друга. Ну, ты что флейта, которая разносит гадости как сорока в нашем музыкальном мире.

-Ну, если я на роль старого сплетника не подхожу, то может, быть на молодого еще потяну – обидевшись, возразил барабан, который отстукивал лишь тот мотив, который хорошо знал.

-Ну, что ж Аллу можно только поздравить с таким прекрасным выбором. Ведь настоящее искусство без щедрой меценатской руки, это как музыкант без инструмента.

-Неужели ты думаешь, что я ничего не вижу – пытался вызвать меня на откровенный разговор Павел.

-Настоящая музыка всегда требует жертв. Даже, если хочешь и отречения от самого себя.

-Скажи еще, что это новость порадовала тебя.

-Все что не делается, всегда делается к лучшему, а тут свадьба. Это надо понимать и только радоваться за молодоженов.

-Вот я и вижу, как ты радуешься. Ты же весь белый.

-Не правда. Только что все говорили, что я ужасно черный, а ты белый.

Но обеденное время кончилось и все потянулись на репетицию. В моих руках всегда не так как надо звучали мои литавры, и хорошее настроение дирижера прошло еще быстрее, чем я думал. К четырем часам он совсем измаялся со мной и сделал технический перерыв. Все снова разошлись кто куда, а я с дирижером решил поговорить по душам.

-Слушай Саша, после премьеры я навсегда завяжу с музыкой, так что потерпи мои выкрутасы, или сделай вид, что их не замечаешь.

-Почему? – так меня спросил дирижер как будто не я, а он срывает репетиции.

-Хочу уйти красиво. Так что помоги мне, если сможешь.

Только сейчас я заметил, что он смотрит не прямо в мои глаза, а куда-то в сторону. Ему было, по-видимому, неудобно, что наш разговор слышит посторонний. Я резко обернулся в направлении этого стыдливого взгляда, и увидел Аллу. Но застигнутая врасплох за не очень красивым занятием, как подслушивать чужие разговоры, она гордо смирившая меня своим янтарным взором, и ни одна клеточка не дрогнула на ее лице.

-Как не хорошо все получилось – каялся Александр. Ну, если ты хочешь закончить свою карьеру как музыкант, то начни ее как композитор.

-Какой еще композитор?! – чуть не отчитывал я дирижера. Что это взбрело тебе в голову. Мне никогда не написать настоящей музыки.

-Но ты ее уже написал – возразил носитель деревянной палочки, и я вне себя от ярости чуть не растерзал его.

-Кто написал? Когда? Вы что тут от жары тронулись. Так могу дать бесплатный совет, куда надо отправиться, и привести свои мысли в порядок.

-Алла приносила твою сонату мне и мы ее...

-...А вы ее разнесли в пыль и прах. Зачем она это сделала? – словно от сильной зубной боли скрючилось все мое тело. Ведь я об этом никого не просил. По какому праву меня выставили на всеобщее посмешище.

-Но Валера, ты не прав. Мне кажется, что у тебя есть талант к творчеству.

-А, я говорю, что его у меня никогда не было, и не будет. Все кончено.

Дирижер хотел мне возразить, но вернулись музыканты, и на нервной почве мне не удалось еще ни разу испортить репетицию. Вот это и приводило меня в ярость, особенно, когда вступала первая скрипка, которая играла действительно лучше.

Ее виртуозное владение инструментом, доводило меня до состояния истерии, и особенно когда мой взгляд видел ее спину. – Интересно кто сейчас ее одевает? – думал я, и бил в медь так, что она становилась в моих руках сначала серебром, а затем и золотом.

-Так репетиция на сегодня окончена – сказал дирижер. Сегодня все прошло просто прекрасно. Через неделю у нас премьера, так что все будет хорошо.

-Или очень плохо – громко дополнил я Александра, и тем самым сорвал смех и улыбки своих коллег, как первые признаки нашего провала.

-Я бы не стал столь категоричен, как вы Валерий Борисович, потому что нас ждет успех.

Как стая птиц, которая встала на крыло, все музыканты так быстро исчезли с репетиции, что я даже не успел опомниться. Некоторые даже оставили не зачехленными свои инструменты, как будто их кто-то гнал, не оставив ни минуты на размышление. Я остался один в этом музыкальном саркофаге и пытался навести хоть какую-то видимость порядка.

Я медленно прошелся между стульев, немного остановившись, у одного из них, за которым сидела первая скрипка. Я сделал перед ним низкий поклон, как перед живым человеком, которому хотел выразить свое восхищение. Но чтобы управлять этим талантом был нужен человек несгибаемой воли и железным характером. Я знал, как Алла благоговееет перед дирижером, поэтому и встал за его пульт. Я нашел даже его палочку, которую он как всегда забыл, и начал руководить оркестром. Я поднял свои руки до уровня грудной клетки, замер, а затем отпустил их в полет как птиц, который не знали ни компаса, ни нот, ничего, но неизменно возвращались на место своего гнездования. Так и я указывал своей палочкой туда, где сидела первая скрипка.

-Валерий Борисович – услышал я из зала. Мне кажется, что в своем музыкальном произведении вы очень часто остаетесь, недовольны мной.

От слов живого голоса я окаменел, а когда понял, кому он принадлежит, даже выронил свой дирижерский инструмент. Это было для меня таким потрясением, что мое тело просто не могло повернуться в сторону единственного музыкального слушателя. Но со скрипом, делая над собой невероятные усилия, мне все-таки удалось увидеть первую скрипку.

-Что вы это делаете за дирижерским пультом? – спросила она.

-Я решил... Я занимаюсь физическими упражнениями. Что-то вроде йоги. Это помогает снимать стресс.

-А, я думала, что вы готовы уже стать дирижером.

-Вот об этом я никогда не мечтал. Я же ясно сказал, что я йог, и других мыслей как получить физическую разрядку не имел.

-Как прошел отпуск в кругу детей и не только? – загадочно спросила меня Алла.

-Превосходно. До сих пор отойти не могу. Ах, да я же забыл тебя поздравить со свадьбой. Прими мои самые искренние поздравления.

-Спасибо. Я вас обязательно приглашу на наше торжество.

-Вот это лишнее. Ведь Игорь знает кто я, и отрицательные эмоции ему ни к чему.

-А, кто вы собственно такой, чтобы мой жених чувствовал себя неуютно на своей свадьбе.

-Я тот...ну, который тебе когда-то нравился. Но быстро к счастью разонравился.

-Ах, тот, про которого я забыла уже и думать.

-Вот-вот, как раз это я и есть. А, почему ты сейчас не в объятиях жениха? Он делает, большую ошибку, оставляя невесту в такой ответственный момент одну. Ты дай ему мой совет.

-Игорь на совещании, и подъедет с минуты на минуту. Но твой совет я ему передай.

-Ну, и хорошо. Но так как на свадьбу я прийти не смогу, то хочу сделать заранее тебе подарок.

-Как интересно - услышал я знакомую фразу, и таким холодом повеяло в моей груди, что было трудно осознать, что еще десять дней назад она приводила меня в восторг, а теперь выжигала все мое нутро. – И что за подарок вы приготовили нам?

-Такой подарок вряд ли придется по вкусу твоему мужу, но тебе он определенно понравится.

-Откуда такая самоуверенность. Я знаю, что это качество часто подводит стареющих мужчин. Они бывают, такими самовлюбленными и самонадеянными, что разочаровывать их мне сам бог велел.

-Твои познания в области слабости пожилых мужчин мне не интересны, поэтому давай сосредоточимся на подарке.

-Ах, да, подарок. Как я могла забыть о нем. Ну?

-Я хочу отдать в твое вечное владение свою скрипку. Даже две. Так как передача подарка уже состоялась, то, мне осталось получить от тебя, только открытку с благодарностью.

-Спасибо, конечно, за такой щедрый презент, но я его не возьму.

-Ты его уже давно взяла, так что свадебное торжество – это лишь мой удобный повод отблагодарить тебя за все.

-Я верну тебе все твои скрипки – холодно сказала Алла.

-Это у тебя никак не получится. Потому что скрипка всегда должна играть, вот как сегодня. Ты стала настоящим виртуозом. Поздравляю.

-Так я стала лучшей?! – вдруг по-детски преобразилась первая скрипка, и на этот жест я не мог не ответить, открыто и правдиво.

-Стала – даже в знак почтения кивнул я ей своей головой.

-И лучше?

-Ты станешь лучше, когда вернешь мне мою сонату. Это и есть та благодарственная открытка, которую я просил от тебя.

-Мне не нужны твои подарки – снова холодная маска появилась на лице Аллы.

-Алла верни мои ноты – твердо сказал я.

-Слушай, а сделай мне другой подарок. Пусть вместо марша Мендельсона при моем бракосочетании будет звучать твоя соната. Ну, как хорошо я придумала! Может маэстро сам ее нам и исполнит. Я поговорю с Игорем, и он заплатит за твое выступление любые деньги.

После этих слов я сразу ушел, не прощаясь, потому что не хотел видеть унижение человека, который сам себя и унижал.

Домой я попал около семи часов вечера, а уже через десять минут пришли первые радостные вести от моих детей. Первой позвонила дочь и сильно возмущалась, что я целую неделю ни разу, не взял трубку. Но так как провести 10 дней с двумя такими непослушными детьми, по ее словам, одновременно это не легкий хлеб, то она вскоре меня и простила за мое скрытое молчание. Но Николь отчиталась, что за прошедшие дни ей удалось лишь дважды встретиться с Мишкой, и пять раз поболтать не меньше часа с ним по телефону. У меня мелькнуло маленькое сомнение по такому невообразимому количеству, но сын все в точности подтвердил, и заявил, что вскоре они даже заявятся ко мне в гости.

- Так что братан, жди – услышал я напоследок в трубку, и понял, что в жизни все еще можно успеть, сделать, и если не самому, то надо надеяться, что твои дети исполнят все твои неосуществленные мечты. Поэтому поводу я организовал у себя на квартире праздник, когда пригласил к себе всех мужиков нашего дома, но с единственным условием, чтобы они пришли со своими любимыми. Через час мою квартиру было не узнать, да, и моих собутыльников тоже. Многие пришли в отглаженных, костюмах, держа под рукой свою благоверную, которая так давно мечтала попасть ко мне в квартиру. Но самое удивительное никто не напился, никто ничего не разбил, и не начистил своему соседу лицо, а мило разговаривал, и улыбался своей новой жизни, которая будет проходить только в кругу родных и близких.

В последующие дни вплоть до пятницы ничего на репетициях, слава богу, экстраординарного не происходило. Я по-прежнему здоровался со всеми, кто хотел услышать от меня что-то вроде: «Доброе утро» и вежливо получал в ответ: «Привет старина».

Мне так же удавалось, и прощаться почти со всем музыкальным коллективом, который не причислял себя к кругу избранных, хотя и имел к этому все основания. Одного только я никак не мог понять, почему не опаздывая на репетицию, я в тоже время приходил на нее последним. Даже вид у музыкантов с утра был всегда какой-то взмыленный, словно они уже что-то отыграли. Я приставал с вопросами к Паше, чтобы он мне разъяснил эту особенность, но верный друг лишь отмахивался от меня, говоря, что все это мне все лишь показалось. Может, мне действительно померещилось – рассудил я, и решил снова поговорить с нашим дирижером.

-Саша ты не сможешь мне достать два билета на нашу премьеру? А, то я сунулся в кассу, но все билеты уже проданы.

-А, сколько тебе нужно билетов? – спросил он.

-Всего два. Я хотел, чтобы дети увидели мой последний концерт.

-Ты все-таки решил уйти?

-Да.

-Я думаю, что смогу тебе помочь.

-Вот и славно. Значит с меня банкет.

-А, вот о банкете поговорим попозже.

-Да, хоть сегодня. Я как раз получил отпускные, так что не откладывая все в дальний ящик, потому что деньги имеют такую скверную особенность, как кончаться в самый неожиданный момент. Кстати, мне и должок надо отдать.

-Смотри все деньги не рас транжирь до понедельника – напутствовал меня дирижер и пошел узнавать на счет билетов.

Тут как раз появилась Алла с вереницей своих подруг, и это было как раз мне, кстати. Я подошел к первой скрипке, и протянул деньги, которые брал у нее взаймы, чтобы оплатить услуги нотариуса, и легкое празднование начало отпуска в туристической компании.

-Что это за деньги вы мне предлагаете, Валерий Борисович и за что? – гордо спросила меня Алла.

-Ты меня как-то выручила с деньгами до отпуска, а я вспомнил об этом только сейчас. Так что прошу извинения, за десятидневную отсрочку в оплате.

-Я не помню, чтобы вы мне были что-то должны.

-Зато я отлично все помню и настаиваю, чтобы ты взяла свои деньги

-Я еще раз повторяю, что вы мне ничего не должны, как впрочем, и я вам.

-Так, наверное, бывает у невест, что они от счастья многое забывают перед свадьбой, поэтому поверь мне на слово, что это так.

-Я уже раз поверила одному человеку на слово и ошиблась в нем. Так вот, чтобы этого со мной снова не произошло, может, вы мне хоть намекнете, при каких обстоятельствах произошла передача денег и за что?

Мне не хотелось, посвящать всех присутствующих в наши взаимоотношения, поэтому я решил их несколько исказить:

-Ты, Алла одолжила мне часть недостающей суммы для поездки на море вместе с детьми. За что я тебе очень благодарен.

-Вот только теперь я стала, что-то такое вспоминать - для пущей наглядности она даже сморщила свой красивый лоб.

-Ну, и хорошо – протянул я деньги, но Алла снова отстранила от себя мою руку.

-Но я ведь кажется, вам этот долг простила.

-То есть как. Долг всегда платежом красен.

-Ну, почему только платежом. Вы оказали мне услугу, и я вам этот долг простила.

-Какую еще услугу? – удивленно спросила я.

-А, вы разве не знаете, какую услугу оказывают мужчины женщинам за деньги.

-Я могу только предполагать, но не уверен в правильности моей догадки. Но одно могу твердо заявить, что такой услуги не было.

-Но если такой услуги как вы говорите, не было, то и долга значит, тоже нет.

Весь музыкальный коллектив внимательно следил за нашим разговором, а дирижер так тот вообще открыл рот, не понимая, как музыкант может оказывать другие услуги, кроме как не по профессии, которая, увы, не стала твоим призванием.

Я так и остался стоять с деньгами в руке, пока не спрятал их в карман брюк, не в силах застегнуть свой портмоне.

Но снова вечность зазвучала под сводами филармонического купола, и все забыли о нашем разговоре, как о преходящей силе денег в мире бесценного искусства.

После репетиции ко мне подошел дирижер и вытащил передо мной два билета, которые я тут же схватил, даже не смотря на место и ряд, так как это роли для меня не совсем играло. Я оплатил два билета, и умчался навсегда прочь от репетиций, чтобы сыграть свой последний концерт в понедельник.

К вечеру, как меня раньше и известили, но не указали ни число, ни время своего прихода, а значит неожиданно, нагрянули долгожданные гости. Правда, я их давно ждал, но они пришли, потому что в их появлении в своей квартире я верил, и представлял себе много раз.

Поначалу я все никак не мог найти для них самое удобное, и царственное место. Но, слава богу, они сами быстро освоились, и все время пытались усадить меня, а я суетился, крутился у них под ногами, пока не вытащил на стол все, что у меня было.

Лишь когда я развез их по домам, и каждому отдал по билету на нашу премьеру, только тогда уже сидя дома осознал, как был все время без них одинок.

Только в субботу в моей квартире поздно ночью раздался звонок, который и разбудил меня. Это звонил Константин, который был в некоторой растерянности, потому что не мог ничего узнать о Веронике. Я же еще помнил, как нелегко найти женщину в большом городе, когда ошибся всего лишь с четными и нечетными номерами домов, а тут прямо закодированное послание потомкам. Я назвал лишь исходные данные предмета поиска: а именно пол, фамилию, имя, отчество и возраст. Но уже в конце нашего телефонного диалога, просил Вероники не рассказывать, что эти данные Константин получил от меня. Когда же меня спросили, почему этого не делать, то я очень расстроился юношеской недогадливости.

-Мне кажется, что Вероника хочет, чтобы вы приложили собственные усилия в ее розыске, а не получили платную информацию в любой справочной службе. Мои объяснения показались капитану катамарана, по крайней мере, романтическими, и он еще долго благодарил меня.

Вот и пришел долгожданный день премьеры. На сегодня общий сбор нашего филармонического оркестра был назначен на середину дня, чтобы перед премьерой все могли хорошо отдохнуть и не бежать в час пик сломя голову через весь город. Я же проснулся как обычно рано, но радостное чувство, как всегда перед концертом, перехлестывало через край. Что-то в груди моей волновалось и торопило стрелку часов вперед, но я как мог, сдерживал этот музыкальный ритм, чтобы не перегореть до концерта. Но с каждой минутой давление во мне все росло, и я выпускал из себя голубой пар, затянувшись ментоловой сигаретой. Это как будто принесло минутное ослабление и внутреннее напряжение, как будто стихло, но снова я начал содрогаться от прессинга своих мыслей, которые сводились к одному вопросу: » Как жить дальше после сегодняшней премьеры?«.

В три часа я вошел в филармонию и сразу же оглох, потому что мне показалось, что я попал в музыкальное училище, где в кабинетах одновременно преподают искусство владения таких разных инструментов как баян и флейта, как барабан и пианино, как скрипка и цимбалы. В мужской крошечной гримерке, которую мы делили с Пашей и еще с тремя музыкантами, я переоделся во фрак и через пять минут вступил на сцену. Опять все уже сидели на своих местах, и я просто побежал к своим тарелкам, потому что дирижер уже взмахнул своей палочкой, и до моего вступления оставалось всего пару секунд. Я все-таки успел жахнуть в свои медные щиты, и напряжение во мне рассыпалось на атомы, потому что музыкальные волны сломали этой человеческой натуре железный хребет.

Мы несколько часов не репетировали, а так повторяли некоторые сложные части концерта, которые к всеобщему удивлению теперь играли легко, не понимая, почему раньше, нам этого не удавалось. Но мы почти два месяца разучивали концерт, чтобы сегодня сыграть его без ошибок, слаженно и гармонично. За полтора часа до начала концерта дирижер нас отпустил, чтобы в непринужденной обстановке, за шуткой, за чашкой кофе, за еще не съеденным бутербродом, незаметно прошло для нас время, которое тикало в каждом сердце, как взведенный до взрыва часовой механизм.

Когда ко мне подошел дирижер и попросил уделить ему всего одну минуту внимания, я почему-то сразу все понял, но решил дослушать вежливую речь Саши до конца.

-Валерий Борисович у меня есть к вам большая просьба

-Ну, как говорится, вчера ты помог мне, то сегодня я просто обязан, протянуть тебе руку помощи. Говори!

Дирижер долго мялся, подыскивая нужные слова, которые в силу своей безвредности, просто не могли причинить зло человеку

-Вы знаете, для вас я достал и третий билет, так что концерт вы сможете смотреть вместе с детьми.

-На таких условиях я бы охотнее пошел с ними в кино, чем в филармонию.

-Вы зря так расстроились – видя мою реакцию, произнес дирижер.

-Но я же просил тебя Саша, дать мне всего один день. Если бы я все знал заранее, то и билеты на сегодняшний концерт мне тоже были бы не нужны.

-Но разве не приятно провести время рядом с детьми в зале, чем на сцене.

-Не поймешь ты этого дирижер никогда, потому что детям я сказал, что буду играть сегодня. Да, и со сценой я не простился. Не нужен мне третий билет. Подари его кому-нибудь другому.

-Я настаиваю, чтобы вы провели время вместе с детьми, потому что это нужно не только мне.

-А, кому еще? – спросил я.

-Ваши коллеги просили вас не уходить, а послушать, как они играют.

-Так у вас действительно было все заранее обговорено. Тогда почему мне никто не сказал, что я приходил на репетиции - как дань уважения к моему славному прошлому. Хорошо, давай твой билет и не огорчайся. У тебя впереди концерт. Удачи.

-Спасибо – поблагодарил меня дирижер.

В последний раз вступил я на сцену, высоко поднимая ноги, потому что шаркать по ней, был уже не вправе. Я прошел по ее прямоугольному периметру шаг за шагом, словно считал их, а сам чуть слышно говорил: «Спасибо. Спасибо».

Я дышал этой закулисной пылью. Я купался в жарком солнце осветительных приборов и люстр. Я смотрел в черную бездну зала, который когда-то рукоплескал мне. Я уже был готов покинуть эту сцену навсегда, но мне не хватило нескольких секунд, чтобы почувствовать то, облегчение, которое наступает после причащения.

Музыканты начали наполнять сцену, а я сошел с нее навсегда.

Возле входной двери филармонии я дождался прихода своих детей, которые впервые увидели меня во фраке, который я не мог переодеть, потому что ключ от гримерки был у Паши, а с ним мне встречаться не хотелось. Наверное, это была обида не только на него, на дирижера, на весь наш оркестр, но и на весь мир, которая должна была во мне пройти завтра, но не сегодня. Я попытался сразу же накормить детей, но они наотрез отказались, и мне пришлось до самого открытия провести экскурсию по уже чужой мне филармонии. После первого звонка, сын и дочь, хотели уже проститься со мной до окончания концерта, и пожелали даже –« ни пуха, ни пера », поэтому мне пришлось соврать им, что-то такое правдоподобное, что они в него ни сколько не поверили.

Но они лучше, чем я держали удар судьбы, и даже обрадовались, что два часа мы можем провести вместе, как раньше. Мы сели в пятом ряду, почти в самом центре, и ждали когда откроется занавес. Хорошо было слышно, как звучали музыкальные инструменты за этой большей и непроницаемой вуалью, но через мгновение все звуки смолкли, свет в зале стал тускнеть, и завеса таинственности стала понемногу открываться.

В первый миг я даже никого не узнал из бывших своих коллег, которые чинно сидели на своих местах, как всегда. Просто их лица, хоть и улыбались в зрительский зал, но не были похожи на прежние, потому что суровая отчужденность слепила из этих глаз, сосредоточенная на поклонении одному богу – музыке. Тут на сцене появился дирижер, который, не говоря ни слова, поприветствовал вместе с оркестром зрителей, и, не желая нарушать тишину зрительскими аплодисментами, показал спину незаслуженной славе, в которой совсем не нуждался. Он пристально осмотрел музыкантов, как это делает врач, и, найдя всех своих подопечных в добром здравии, и в нужном количестве, поднял руки, и, мотнув головой, придал первое музыкальное колебание, которое было дружно подхвачено всеми. Два часа зал не шелохнувшись, слушал музыку, а я неотрывно смотрел на первую скрипку, которая находилась от меня вроде так близко, и так далеко. Сегодня ее игра превзошла мою, и я радовался этому, как учитель, который ничего не утаил от своего ученика. Мне ничего не надо было от Аллы, только бы смотреть в ее глаза, и писать музыку. Но музыка в зале стихла, чтобы зал, в конце концов, встал, и на эту вакханалию восторженных чувств обратил внимание не только дирижер, но и композитор. Это чествование продолжалось довольно долго, пока композитор не сошел со сцены, а из-за кулис не появился конферансье, чтобы сказать: « Спасибо за внимание. Концерт окончен».

Но в этот день он или не с той ноги встал, или излишне переволновался от сегодняшней премьеры, но все пошло не так, как думал я, потому что мне снова пришлось сесть в свое кресло.

– Что это еще за причуды – подумал я. Может, дирижер решил еще на несколько минут удержать публику в своем подчинении, пока конферансье все-таки найдет слова и просто поблагодарит публику за внимание.

-Уважаемые дамы и господа – поставленным голосом заговорил конферансье.

На сегодняшних афишах вы не увидите того, что мы хотели бы предложить вам прямо сейчас. Это был сюрприз для нас и станет настоящим откровением, надеюсь и для вас, потому что гений скрипичного искусства стал маэстро. Лауреат и победитель многих музыкальных конкурсов Васильков Валерий Борисович представляет вам свою сонату – «Любовь».

Вот только сейчас, когда первая скрипка посмотрела в мои побежденные глаза, я понял, о ком все время говорил конференсье. Но слова для музыканта это лишь жизненная необходимость избранного меньшинства, чтобы общаться с большинством, которое просто не знает нот, но готовое слушать музыку, не зная ее внутренней кухни.

Мне показалось, что все что-то с вниманием слушали, только я был глух, поэтому все время озирался по сторонам, чтобы нарушить, то мертвое оцепенение, в котором находился зал. Я даже заглядывал в глаза рядом сидящих зрителей, но их кристаллические зрачки не реагировали на мои жесты и это меня пугало, потому что находиться в море человеческих фигур, которые сидели без движения, вызывало во мне такой необъятный страх, что я тоже затих, и смирился со своим глухим недугом.

Но тут я услышал какой-то громкий раскат, который на секунду вернул мне утраченное чувство, но тут же отнял его, и я как после тяжелой контузии, метался, исполняя чьи-то слова, не понимая их смысла.

Но когда дети насильно подняли меня из кресла, потому что давно уже стояли, и принимали мои почести, как должное, я наконец-то очнулся.

Вместе с первыми рядами ценителей искусства я вышел с детьми на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха, а главное отвязаться от назойливого внимания к моей скромной персоне. Я так быстро уводил детей подальше от филармонии, как будто она горела и вот-вот обрушится.

Мы зашли в первое же попавшее кафе, но выскочили и оттуда, потому что я первым заметил за столиком Константина и Веронику. Мои бесцеремонные действия надо было как-то объяснить, и я что-то снова придумал, что кухня в этом заведении просто опасна для детского здоровья.

Но упавшее с неба торжество, требовало кулинарной жертвы, и мы принесли ее на этот алтарь троекратно. Буквально за какой-то час мы сытно поели, и даже выпили по молочному коктейлю, который я в последний момент подменил минеральной водой.

Я даже развез детей по домам, потому что уже далеко было за десять часов, и завтра предстояла школа. Как всегда первой оказалась дома Николь, как и положено девушке, которую проводили два самых культурных джентльмена.

Затем я простился с Мишкой, который утверждал, что наша фамилия звучит не то чтобы сносно, но очень даже неплохо.

-Может ты и прав, но давай отложим этот разговор на несколько лет - предложил я, стоя уже перед лифтом.

-И думать нечего. Я остаюсь на своей фамилии – твердо сказал Мишка.

-Ой, не знаю – сомневался я. На твоём месте я хорошенько подумал бы. Ну, все пока.

-Ты когда зайдешь ко мне? – спросил сын.

-Вот как разберусь с делами – попытался пошутить я, и увидел его расстроенное лицо. Я приду к тебе, когда ты меня позовешь, а мой дом для тебя всегда открыт. Главное, чтобы ты не забывал о сестре.

-Теперь мы с ней не потеряемся.

-Вот это тот ответ, который я и хотел услышать от тебя.

-Да свидания, капитан, он же папа.

-До встречи, юнга, он же сын.

Я спустился на улицу и тут же поймал такси, чтобы поблагодарить первую скрипку за сегодняшний день. Через четверть часа я подъехал к ее дому, и долго звонил в дверь, но мне никто не открыл. Постояв еще немного возле закрытых врат, и не услышав живых

шагов за ними, мне пришлось поневоле отправиться домой, и я был уже на полпути к нему, как снова изменил свое решение.

Наверное, все уже разошлись в филармонии, и можно вернуться туда, где я хотел побывать еще раз, в полном одиночестве. Я не хотел, чтобы кто-то в этот миг наблюдал за мной со стороны. Мне необходимо было уединение, чтобы проститься с прошлым миром, с которым я решил расстаться навсегда.

Без четверти двенадцать я зашел в филармонию, и как вор, который хочет остаться не узнанным, пробрался сначала в наш репетиционный зал, а затем прошел на главную сцену. В мерцающем свете я вступил на музыкальные подмостки, и моя тень заскользила по давно разошедшемуся и неровному паркету, как фигурист на шероховатом льду, который может упасть в любой момент и разбиться.

Сколько прекрасных лет прошло в этих стенах, но всему приходит конец, потому что так устроена жизнь, чтобы, когда ты уйдешь, на твое место заступил другой, который будет играть музыку, и которая никогда не прервется. Я уже так привык к этой тишине, которая окутывала меня, что снова вздрогнул от человеческого голоса.

-Что прощаетесь со сценой, Валерий Борисович? – снова я услышал голос первой скрипки, а может только эхо, которое вернулось ко мне издалека.

-Ну, ты опять меня напугала – честно признался я. Что это у тебя за манера приводить меня в ужас. Все-таки с пожилыми людьми надо обходиться с тактом, оглядкой на их возраст

-Я и не знала, что ты боишься даже собственной тени.

-К своей тени я как раз давно привык, а вот к приятным неожиданностям все ни как не пообвыкну. Что ты делаешь здесь в такой поздний час? – спросил я Аллу.

-Я кстати, уже хотела уходить, но напоследок решила взглянуть на сцену, потому что была просто уверена, что ты вернешься.

-А, зачем ты хотела увидеть меня?

-Ну, кто-то же должен тебе дать носовой платок, чтобы ты смог вытереть слезы.

-Ну, это вряд ли их кто-то увидит, потому что я никогда не плачу.

-Значит, ты решил умереть на этой сцене, не так ли? Какой темный угол и эффектную позу ты уже выбрал?

-Я никогда не путаю смерть артиста на сцене и в жизни. Такое случается только с настоящими лицедеями.

Алла находилась с правой стороны сцены, а я стоял с левой, и мы медленно приближались друг другу, как рапиристы, которые в азарте схватки сняли с себя все доспехи и отбросили защитные маски.

-Почему ты так внезапно ушел? Все хотели тебя видеть, даже расстроились. Ведь мы так старались. Почти две недели разучивали твою сонату.

-Я просто был не готов к такому повороту событий. Ты передай им мое восхищение, и огромное спасибо. Но особая благодарность тебе. Это был для меня настоящий сюрприз. Еще раз спасибо. Но главное за твою прекрасную игру на скрипке. Ты лучшая, и лучше всех.

-Маэстро сегодня так добр со мной. Что случилось с тобой?

-Ничего. А, где твой Игорь?

-Там же, наверное, где и твои дети.

-Не понял. Как это возможно?

-Ну, твои дети уже, легли, вот и мой жених тоже.

-Что все втроем. Это просто ужасно.

-Нет. Они спят раздельно.

-Слава богу, а то, мне как отцу это бы очень не понравилось. Но как Игорь мог лечь в постель один без своей невесты, просто не пойму. Ему же, наверное, страшно спать одному в темной комнате.

Нас уже разделяло всего несколько шагов.

-Игорь настоящий мужчина, который не вздрагивает от женского голоса.

-Его просто так не пугали как меня, поэтому он выглядит таким смелым. Одна твоя фраза, как «забудь мой номер телефона», повергла бы его на колени. Но, а я...

-Что ты? – черные тонкие женские брови взметнулись вверх.

-А, я все стаю, и переживаю свой страх на ногах.

-С кем? – улыбаясь, спрашивала меня Алла.

-Как с кем, сам с собой.

-А, я думала с Вероникой!?

-А, это та милая девушка, в которую влюбился капитана катамарана. Она очень красива и умна.

-Ты старый дурак, потому что влюбился в нее по уши.

-Если, для женщин я как мужчина и выгляжу старым, то, для композитора я еще в самом расцвете сил. Так что прошу не оскорблять меня на сцене, потому что она, когда-то слышала минуту моего триумфа.

-Так почему ты мне позвонил, как прилетел?

-Ну, ты же запретила мне это делать, поэтому я и не стал искушать судьбу, и решил не мешать твоему счастью.

-Какой великодушный и благородный жест.

Два рапириста подошли друг к другу вплотную, но никто не нанес еще удара, и мой соперник уже покидал от меня, проходя рядом по жизни, пока я не нанес ему предательский укол шпагой в спину. Тут же моя рука схватила его холодную руку, чтобы поддержать ненавидимое и обожаемое тело.

-Алла – сказал я так громко, что голуби на крыше купола филармонии вспорхнули со своего ночного насеста, а сторож, забежал в зал.

-Не мешайте репетировать – крикнул я ночному дежурному, что он тут же закрыл за собой дверь. Алла потрудились мне объяснить, что с тобой произошло за эти дни? Я просто устал искать причину нашего расставания. Ну, хоть сейчас назови ее!

-Я просто тебя забыла.

-Это не ответ – поднял я голос до самой высокой октавы.

-Не кричи – спокойно и рассудительно сказала усталая женщина, которой я уже причинил столько страданий.

-Я хочу знать, ты любишь Игоря или нет.

-Да, люблю – услышал я именно ответ, который звучал во мне уже тысячу раз.

Я разжал мертвую хватку и понял, что проиграл.

-Ну, хоть теперь мне все понятно – попытался я гордо уйти, но уже рука Аллы держала меня, так что я корчился от боли.

-Что тебе понятно? Что ты вообще можешь понимать?

-Отпусти меня. И не стоит мне выламывать пальцы, и рука здесь совсем не причем.

-Я бы не только тебе руку сломала, но...

-Со своим женихом, ты можешь делать все, что захочешь, а меня оставь в покое.

-Я люблю Игоря, потому что он мой...

-А ты его. Я все понял и не надо мне все в подробностях объяснять. Он твой, а ты его. Ты его он твой. Ты его невеста, а он твой жених — твердил я как заводной.

-Игорь мой... брат, родной, поэтому я и люблю его

-Что? – удивленно переспросил я. Чей брат?

-Мой! – серьезно ответила мне Алла.

-О чем ты сейчас говоришь? – все задавал я, бесконечное число вопросов, не понимая, откуда мог так скоропостижно появиться у Аллы брат.

-Да, брат.

-Откуда он взялся? – все еще находясь, в слуховой галлюцинации от слова брат, я разговаривал сам с собой. Брат? Брат! Брат!!! Нет, он, что точно брат. Это что такая шутка?

-Мы разнотрубные дети. У нас общий отец.

-Не может быть. А, кто же пустил такую байку, что ты выходишь за него замуж? – выдохнули мои легкие.

-Я – тихо призналась мне Алла, как маленькая девочка.

-Что сама себя назначила невестой и шагом марш под венец?

-Да.

-Подожди – сказал я и левой рукой потрогал свой лоб, потому что правая рука была занята. Алла все также стояла за моей спиной, и мы не видели друг друга, и казалось, что каждый из нас сейчас говорит с пустотой. Мне надо успокоиться, потому что моя голова сейчас просто не выдержит такого напряжения. Так ты меня все время ждала, когда я приду к тебе, а я старый болван ждал тебя.

-Ты басовый дурак. Твой голос слышно за три квартала.

-Я вообще-то думал, что я скрипичный дурак.

-Нет. Ты самый настоящий - басовый.

-Ну, ты первая скрипка, и тебе лучше знать – согласился я. Но я же старый и совершенно не понравлюсь твоим родителям и брату.

-Они тебя уже все видели, и ты им понравился.

-Когда могли видеть меня твои родители? – удивился я.

-Они видели сегодня тебя на концерте, потому что сидели, как раз впереди вас.

-Так это та милая пожилая пара, которая все время оборачивалась в нашу сторону и таинственно улыбалась.

-Да. Ну, должны же они были тебя вблизи увидеть.

-А я то думал, что у меня с фраком что-то не в порядке или с прической. Ты могла бы мне хоть намекнуть!

-Когда? – с обидой воскликнула Алла. Ты же все время в плену своих детей и ничего кроме них не замечаешь.

-Ты что ревнуешь меня к детям? – неожиданно спросил я Аллу.

-Неужели ты этого до сих пор не понял.

-Если честно, то, нет. Но я не думаю, чтобы они были против нашего брака.

Тут снова в зал вошел охранник и сказал: « Что он вынужден закрыть двери, потому что больше не может ждать, когда кончится наша репетиция.

-Ну, и закрывайте – крикнул ему я. Мы будем репетировать до утра.

Охранник взмахнул плечами и начал уже закрывать двери с внешней стороны.

-Ты что всю ночь решил тут провести? – испугалась первая скрипка.

-Ну, могу я побыть со своей невестой наедине или нет - возмутился я. Я не видел ее целую вечность.

-Не знаю. Это тебе решать.

-Я уже давно все решил – говорило мое сердце, я и впервые посмотрел прямо в глаза Алле. Подумать только что я чуть не умер от горя, когда находился всего на волосок от своего счастья.

-Может, пойдем все-таки ко мне? – предложила невеста.

-Нет – твердо ответил я за жениха. Мы останемся здесь. Решено!

-Но где мы будем спать? - трезво рассуждая, пыталась образумить меня Алла от такого скоропалительного и неудобного шага.

-Как говорил мой лучший друг Веня, который ценил каждый час как никто другой на этой планете, и я с ним сейчас на сто процентов согласен, потому что в эту ночь спать нам с тобой не придется.

-Как интересно – произнесло первая скрипка, и я понял, что мне все-таки придется ей рассказать до конца мой рассказ о грабителе, который встретил совершенно случайно в темном переулке одну дамочку, чтобы ее непременно ограбить. Но он не позарился ни на ее украшения, ни на кошелек, ни даже пуговицу с ее платья. Потому что этому мужскому растлителю была нужна лишь одна женская честь и ничего больше.

Такую нехитрую науку, другой на моем месте, раскусил бы в один миг, но не я скрипичный, и басовый дурак в одном лице.

Но все это, уже моя музыка, которую я написал и еще обязательно напишу для вас, потому что уже не могу, не представляю своей жизни без служения этому лучшему в мире из искусств.

Ваш нетленный, музыкальный автор. Начинаящий композитор.